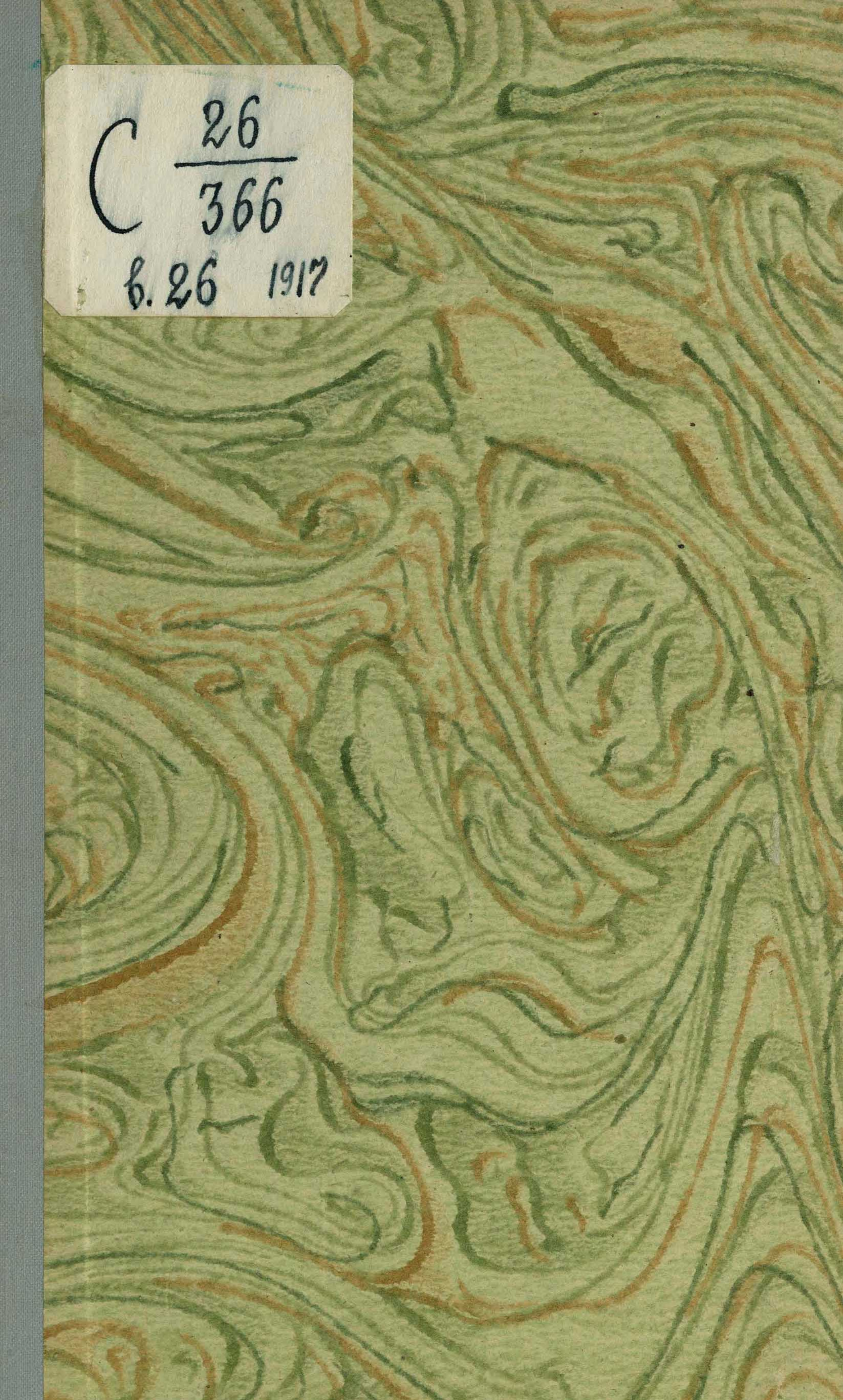
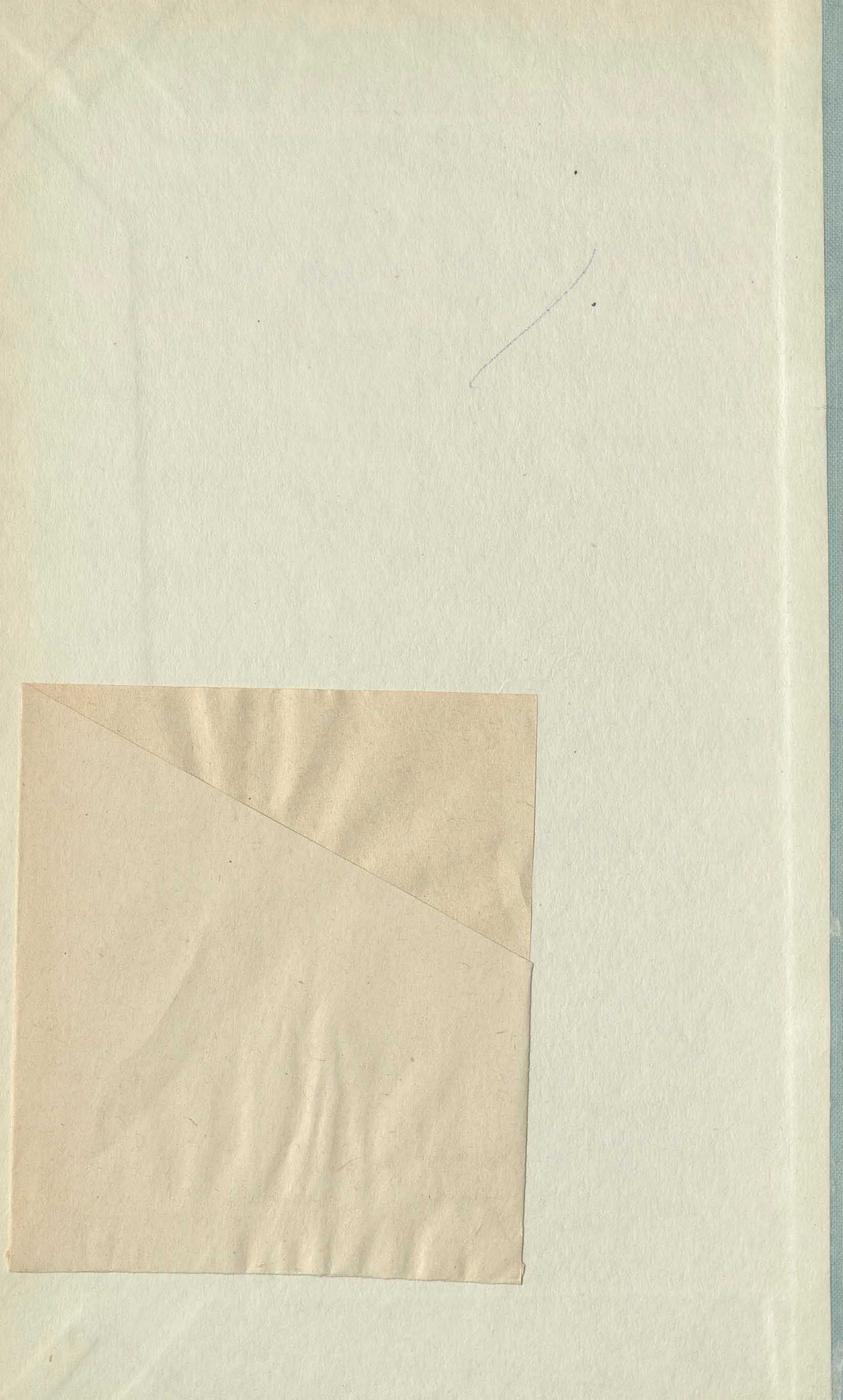

C 26/366
б. 26 1917

Гимназія на дому

СРЕДНЕ-УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ЗАОЧНО

Выпускъ 26-й

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „БЛАГО"
ПЕТРОГРАДЪ

[1917]

Гимназія на дому

СРЕДНЕ-УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ЗАОЧНО

Выпускъ 26-й

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „БЛАГО"
ПЕТРОГРАДЪ

СОДЕРЖАНІЕ XXVI-го ВЫПУСКА.

Типографія „БЛАГО", Сайкинъ, 13.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1970 г.
17		в.26				Л	1062	

115/1-20000

145

Психологія.

Вниманіе. Виды вниманія. Вниманіе, интересъ и разсѣянность. Воображеніе и его виды.

24. Вниманіе. *Виды вниманія.* На наше сознаніе дѣйствуетъ рядъ впечатлѣній, но изъ нихъ одни сильнѣе выступаютъ въ нашемъ сознаніи, а другія—слабѣе. Чѣмъ же объяснить, что наше вниманіе направляется на то или другое впечатлѣніе, т. е., проще говоря, каковы причины вниманія? Причины имѣются разныя. И вотъ въ зависимости отъ причинъ, обусловливающихъ сосредоточеніе вниманія на тѣ или иныя психологическія явленія, различаютъ слѣдующіе виды вниманія.

1. *Вниманіе непосредственное.* Подъ нимъ разумѣется такое вниманіе, которое возбуждается свойствами самого предмета вниманія, а не чѣмъ-либо постороннимъ. Такъ, мы идемъ по улицѣ, и наше вниманіе привлекаетъ огромная афиша, отпечатанная яркими красками. Мы приближаемся къ кругу знакомыхъ, и наше вниманіе привлекаетъ новое лицо, неожиданно появившееся. Намъ подарена красивая картина, и вниманіе наше направлено на нее.

Здѣсь вниманіе наше возбуждается непосредственно свойствами самого предмета. Въ этихъ примѣрахъ на лицо—внѣшнія причины вниманія.

2. *Вниманіе посредственное* (или апперцептивное). Подъ нимъ разумѣется такое вниманіе, которое возбуждается не свойствами самого по себѣ предмета, а ради чего-либо другого, съ чѣмъ этотъ предметъ стоитъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи.

Возьмемъ примѣръ и пояснимъ вышесказанное. Въ витринѣ музея выставлена старинная золотая корона. Къ ней подошли археологъ, художникъ, ювелиръ и обыкновенный человѣкъ.

Эта корона вызоветъ различныя представленія у нихъ. Каждаго изъ нихъ заинтересовала корона, не сама по себѣ, а ради другого, съ чѣмъ эта корона находится въ связи. Такъ, археолога заинтересуютъ признаки, при помощи которыхъ можно опредѣлить, къ какому вѣку относится корона; художника заинтересуютъ орнаменты короны, ювелира—признаки, при помощи которыхъ можно опредѣлить, изъ чистаго ли золота сдѣлана корона; простого же человѣка—какую стоимость имѣетъ эта корона.

Итакъ, мы обращаемъ вниманіе на то въ предметѣ, что на

ходится въ тѣсной связи съ представленіями, имѣющимися уже въ нашемъ сознаніи.

3. *Вниманіе непроизвольное* (или пассивное). Подъ нимъ разумѣется такое вниманіе, которое возникаетъ у насъ безъ намѣреннаго усилія съ нашей стороны.

Во время бесѣды моей съ кѣмъ либо грянулъ выстрѣлъ; бесѣда прекратилась, и наше вниманіе направилось на этотъ звукъ.

Если музыка хороша, книга интересна, то мы безъ труда слушаемъ музыку, читаемъ книгу; съ нашей стороны нѣтъ намѣреннаго усилія. При непроизвольномъ вниманіи, слѣдовательно, извѣстныя явленія человѣка пріобрѣтаютъ особенную ясность, независимо отъ его желанія.

4. *Вниманіе произвольное*. Подъ нимъ разумѣется такое вниманіе, которое возникаетъ у насъ благодаря сознательному, намѣренному усилію нашей воли.

Такъ, готовясь къ экзаменамъ, мы напрягаемъ свои усилія, чтобы перечитать еще разъ учебникъ. При рѣшеніи, напр., серьезнаго вопроса, мы все свое вниманіе сосредоточиваемъ на немъ, отгоняя отъ себя прочь другія впечатлѣнія, представленія. При произвольномъ вниманіи человѣкъ дѣлаетъ извѣстное усиліе, чтобы удержать наибольшую ясность за тѣмъ или другимъ представленіемъ.

Этотъ видъ вниманія присущъ, по преимуществу, взрослымъ, которые могутъ по собственному желанію удерживать свое вниманіе на тѣхъ или другихъ впечатлѣніяхъ.

Непроизвольный же видъ вниманія болѣе присущъ дѣтямъ, школьникамъ и вообще юношеству.

Вниманіе. Интересъ. Разсѣянность. Какая связь существуетъ между вниманіемъ и интересомъ—съ одной стороны, и вниманіемъ и разсѣянностью—съ другой стороны? Остановимся прежде всего на связи между вниманіемъ и интересомъ. Рядомъ опытовъ и наблюденій установлена самая тѣсная связь между процессомъ вниманія и интересомъ, т. е. что *вниманіе и интересъ*, по существу говоря, *двѣ стороны одного и того же процесса*. Пояснимъ это положеніе.

Что такое интересъ? Подъ интересомъ мы разумѣемъ чувство удовольствія, связанное съ совершеніемъ чего-либо. Такъ, если ребенокъ съ интересомъ раскладываетъ кубики, то, значитъ, этотъ процессъ раскладыванія доставляетъ ему удовольствіе; такъ, если кто-либо съ интересомъ слушаетъ лекцію профессора, то, значитъ, эта лекція доставляетъ ему удовольствіе. А если это такъ, то мы можемъ сказать: „этотъ ребенокъ со вниманіемъ раскладываетъ кубики“ и „нѣкто со вниманіемъ слушаетъ лекцію“. Слѣдовательно, воспринимать что-либо со вниманіемъ все равно, что воспринимать что-либо съ интересомъ. Таково взаимоотношеніе между вниманіемъ и интересомъ.

Теперь мы перейдемъ къ разсѣянности.

Выше мы сказали, что въ каждый данный моментъ мы получаемъ извнѣ рядъ впечатлѣній, но не всѣ они оказываются одинаково ясными. Мы не одинаково отчетливо видимъ все, что насъ окру-

жаетъ, не одинаково хорошо слышимъ все, что вокругъ насъ звучитъ и т. д. Итакъ, изъ ряда впечатлѣній мы внимательно воспринимаемъ одно, къ другимъ же мы относимся, очевидно, невнимательно. Слѣдовательно, вниманіе всегда предполагаетъ и невнимательность т. е., другими словами, разсѣянность (наличность разсѣянія).

Итакъ, разсѣянностью называется состояніе, противоположное вниманію. Разсѣянность можетъ быть у людей двоякаго рода: 1) разсѣянность дѣйствительная и 2) разсѣянность относительная (мнимая).

Разсѣянность дѣйствительная возникаетъ тогда, когда вниманіе человѣка не можетъ сосредоточиться на одномъ предметѣ, т. е. вѣрнѣе, когда оно переходитъ отъ одного предмета къ другому. Такую разсѣянность мы замѣчаемъ у дѣтей, наконецъ, временно у взрослыхъ людей, физически и умственно усталыхъ.

Если же разсѣянность овладѣваетъ человѣкомъ надолго, то она служитъ признакомъ тяжкаго пораженія головного мозга или душевной болѣзни.

Разсѣянность относительная, или мнимая—особый видъ разсѣянности, когда кто-нибудь, погрузившись въ свои мысли, не замѣчаетъ ничего, происходящаго вокругъ него. Этимъ отличаются ученые, чаще всего математики; они, погружаясь всецѣло въ свои соображенія и вычисленія, часто не замѣчаютъ того, что дѣлается вокругъ нихъ и что даже сами дѣлаютъ.

Условія вниманія. Мы знаемъ изъ предыдущаго, что психическіе процессы сопровождаются физіологическими процессами, разрушающими при этомъ часть тканей человѣческаго организма. При вниманіи мозгъ затрачиваетъ, въ зависимости отъ его силы и продолжительности, опредѣленное количество тканей. Эти разрушенныя ткани должны быть возстановлены,—иначе душевная дѣятельность человѣка постепенно пріостановится. Въ силу этого человѣку необходимо имѣть всегда хорошее питаніе, нормальный отдыхъ, чтобы этимъ возстановить потери своего организма.

Итакъ, здоровая кровь, хорошее питаніе, нормальный отдыхъ являются необходимыми *матеріальными условіями* для сохраненія способности у человѣка къ продолжительному вниманію.

Другимъ условіемъ вниманія, но уже не матеріальнымъ, а внутреннимъ, ***психологическимъ*** служитъ широкое образованіе человѣка. Чѣмъ человѣкъ образованнѣе, тѣмъ онъ скорѣе заинтересуется каждымъ предметомъ, тѣмъ онъ съ бо́льшимъ вниманіемъ отнесется къ каждому новому предмету, стараясь установить связь его съ другими ему знакомыми.

Таковы передъ нами условія вниманія.

Значеніе вниманія. Вниманіе имѣетъ очень большое значеніе въ нашей умственной дѣятельности. Благодаря вниманію возможно: 1) ***выдѣленіе одного впечатлѣнія*** изъ ряда многихъ впечатлѣній, 2) ***сосредоточеніе***, или концентрація на чемъ либо нашего сознанія, 3) ***разложеніе сложныхъ представленій*** и 4) ***абстракція, или отвлеченіе.***

Пояснимъ примѣрами всѣ указанные выше процессы, возможные благодаря вниманію.

1. *Выдѣленіе впечатлѣнія.* Въ театрѣ на сценѣ поетъ хоръ; благодаря вниманію я могу выдѣлить пѣніе тенора отъ пѣнія другихъ артистовъ. Итакъ, благодаря вниманію, изъ ряда впечатлѣній отъ хора мы выдѣляемъ только одно.

2. *Сосредоточеніе, или концентрація сознанія.* Передъ нами находится карта Балканскаго полуострова съ изображеніемъ на ней государствъ: Турціи, Сербіи, Греціи, Болгаріи и др. Когда мы смотримъ на эту карту, то намъ все кажется на ней неяснымъ и неотчетливымъ, и мы съ трудомъ отыскиваемъ на ней то, что намъ нужно. Но стоитъ намъ только на часть карты (напр., на территорію Сербіи) направить свое вниманіе, какъ эта часть станетъ для насъ ясной и отчетливой. Итакъ, благодаря вниманію, мы можемъ сосредоточить наше сознаніе на одномъ чемъ-либо (въ данномъ случаѣ, на территоріи Сербіи).

3. *Разложеніе сложныхъ представленій.* Положимъ, что въ музеѣ мы видимъ передъ собой какой нибудь сложный минералъ, составленный изъ нѣсколькихъ частей. Воспринять сразу цѣликомъ этотъ минералъ мы не можемъ, тогда мы начинаемъ разсматривать каждую отдѣльную часть камня.

Наше вниманіе переходитъ послѣдовательно отъ одной части камня къ другой. Здѣсь мы видимъ примѣръ анализа, или разложенія сложнаго на части.

4. *Абстракція, или отвлеченіе.* Положимъ, что намъ нужно узнать ширину Невскаго проспекта; измѣряя ширину Невскаго, мы можемъ и не обращать никакого вниманія на то, изъ чего мостовая сдѣлана (торцовая или каменная). Мы обращаемъ наше вниманіе только на ширину улицы и отвлекаемся отъ устройства улицы. Такимъ путемъ происходитъ абстракція, или отвлеченіе.

Таковы передъ нами измѣненія, какія вноситъ вниманіе въ нашей умственной дѣятельности.

25. Воображеніе. *Опредѣленіе воображенія. Виды воображенія.* Что мы разумѣемъ подъ воображеніемъ? *Подъ воображеніемъ,* въ широкомъ смыслѣ этого слова, *разумѣется способность воспроизведенія или образованія вторичныхъ душевныхъ состояній.*

Поясним и разберемъ это опредѣленіе на слѣдующихъ примѣрахъ: 1) Во время своей заграничной поѣздки я видѣлъ Рейнскій водопадъ; теперь, спустя немного времени, я воспроизвожу испытанное мной тогда ощущеніе, но при этомъ въ такомъ видѣ, въ какомъ я его пережилъ и 2) Мы часто слышимъ фразу: „онъ обѣщаетъ золотыя горы“. Представленіе „золотой горы“ есть, безусловно, дѣло воображенія; мы всѣ видѣли отдѣльно гору и золото, но золотой горы мы не видѣли.

Эти два примѣра воображенія различны между собой. Въ первомъ примѣрѣ воспроизводится ощущеніе въ томъ видѣ, въ какомъ мы его раньше переживали; во второмъ же — мы имѣемъ новый образъ (золотая гора), созданный благодаря комбинаціи восприня-

тыхъ раньше въ дѣйствительности ощущеній (гора и золото). Изъ этихъ двухъ примѣровъ мы видимъ, что воображеніе проявляетсяъ въ нашемъ сознаніи въ двухъ отличныхъ другъ отъ друга формахъ. Благодаря этому различаютъ два вида воображенія:

1. *Воображеніе воспроизводящее* и 2) *Воображеніе творческое.*

Въ то время какъ при воспроизводящемъ воображеніи мы всегда имѣемъ дѣло со старыми ощущеніями, въ это время при творческомъ воображеніи мы всегда имѣемъ нѣчто, чего мы раньше не испытали и не переживали.

Воображеніе еще иначе называется фантазіей.

Указавъ на такое различіе между воспроизводящимъ воображеніемъ и творческимъ, мы должны себѣ замѣтить, что основой для творческаго воображенія, т. е. матеріаломъ, изъ котораго творческое воображеніе создаетъ новые образы, служатъ представленія дѣйствительно воспринятыхъ ощущеній. Въ создаваемыхъ творческимъ воображеніемъ образахъ мы ничего новаго, кромѣ новыхъ комбинацій, не встрѣтимъ. И вотъ, намѣренная комбинація полученныхъ прежде впечатлѣній въ новый образъ извѣстна подъ именемъ творческаго воображенія. Такъ, напр., представленіе кентавра есть комбинація представленій человѣка и лошади; такъ, чудовищный образъ химеры на Соборѣ Парижской Богоматери сложился изъ представленій о львѣ, китѣ, змѣѣ.

Итакъ, мы имѣемъ два вида воображенія: воспроизводящее и творческое.

Ниже мы остановимся на второмъ видѣ воображенія, такъ какъ продукты воспроизводящаго воображенія извѣстны намъ, какъ представленія.

Творческое воображеніе. Выше мы сказали, что воображеніе создаетъ только новыя комбинаціи, новую форму; что же касается матеріала, то онъ доставляется дѣйствительностью. Дѣйствительность доставляетъ разныя ощущенія и впечатлѣнія, воображеніе же ихъ комбинируетъ и создаетъ новыя формы, образы. Теперь же мы разсмотримъ видоизмѣненіе ощущеній въ процессѣ построенія воображеніемъ новыхъ образовъ; разсматривая видоизмѣненія ощущеній, мы тѣмъ самымъ укажемъ пріемы, какіе при этомъ примѣняетъ воображеніе.

1. Мы можемъ представить себѣ предметы внѣ ихъ обычной обстановки, мы можемъ представить себѣ предметы то увеличенными, то уменьшенными; наконецъ, мы можемъ отвлечься отъ тяжести тѣлъ, представивъ ихъ невѣсомыми.

Такъ, человѣкъ можетъ мыслиться нами летающимъ въ воздухѣ, невѣсомымъ; наше воображеніе можетъ изъ обыкновеннаго человѣка создать великана или пигмея; такъ, въ литературѣ, благодаря этому пріему, создавались типы героевъ, злодѣевъ, ангеловъ, злыхъ духовъ.

2. Мы можемъ къ даннымъ представленіямъ присоединить новыя представленія. Такъ, мы представляемъ себѣ человѣка съ крыльями, женщину—съ рыбьимъ хвостомъ.

3. Мы можемъ комбинировать уже существующіе у насъ образы.

Чаще всего это встрѣчается въ сказкахъ, гдѣ говорится о русалкахъ, о золотыхъ яблокахъ, о говорящихъ животныхъ. Въ сказкахъ неодушевленные предметы и животныя надѣляются душевными качествами людей.

Такими пріемами мы перерабатываемъ наши ощущенія.

Эта способность творческаго воображенія присуща не только художникамъ, поэтамъ, ученымъ, но и обыкновеннымъ людямъ, но объ этомъ мы поговоримъ при разсмотрѣніи видовъ творческаго воображенія.

Виды творческаго воображенія. Итакъ, мы опредѣлили выше, въ чемъ состоитъ творческое воображеніе, въ отличіе отъ воспроизводящаго воображенія. Теперь мы остановимся на тѣхъ областяхъ, въ которыхъ примѣняется творческое воображеніе. Творческое воображеніе проявляется и въ *искусствѣ*, и въ *области научныхъ открытій*, *въ области практической жизни* и при разнаго рода *изобрѣтеніяхъ*, въ силу этого и образуются *три вида* творческаго воображенія. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности будетъ нами разсмотрѣнъ ниже.

Творческое воображеніе въ познаніи. Въ этой области знаній воображеніе заполняетъ всѣ пробѣлы. И въ самомъ дѣлѣ, только путемъ воображенія ученикъ представляетъ себѣ, напр., что такое пустыня, сраженіе, политическія событія и т. д.

Дремучіе лѣса, моря населены, по воображенію народа, какими-то сказочными существами. Люди только воображеніемъ рисуютъ себѣ прошлое человѣчества, говоря о миѳологическихъ подвигахъ героевъ и дѣяніяхъ боговъ. Далѣе, воображеніе людей приписываетъ разныя явленія природы (громъ, вулканы, движеніе солнца и т. д.) какимъ-то миѳологическимъ существамъ. Словомъ, тамъ, гдѣ нѣтъ знаній, дѣйствуетъ воображеніе.

Далѣе, въ научной области творческое воображеніе играетъ большую роль. Гипотезы, значеніе которыхъ для науки велико, являются вѣдь результатомъ дѣятельности воображенія. Только благодаря научному воображенію и возможно было открыть рядъ законовъ причины и слѣдствія многихъ явленій.

Итакъ, въ области усвоенія знаній (примѣръ съ ученикомъ) и въ области научной дѣятельности воображеніе играетъ великую роль.

Творческое воображеніе въ области изобрѣтеній и практической жизни. Въ этихъ областяхъ творческое воображеніе играетъ не меньшую роль, чѣмъ въ области познанія и науки. Въ этомъ мы могли бы убѣдиться, если мы обратились бы къ исторіи всѣхъ важнѣйшихъ изобрѣтеній (изобрѣтеніе пневматической машины по аналогіи съ насосомъ, постройка паровой машины Уаттомъ и т. п.), но это мы считаемъ лишнимъ. Ясно для всѣхъ, что безъ творческаго воображенія немыслимо было бы изобрѣтеніе полезныхъ машинъ, орудій, разныхъ системъ управленій, торговыхъ операцій, устройства разныхъ обществъ и т. п. Все это улучшаетъ личную и общественную жизнь людей.

Во всѣхъ областяхъ практической жизни мы замѣчаемъ проявленіе творческаго воображенія.

Такъ, инженеръ воображеніемъ представляетъ себѣ заранѣе результаты дѣйствія разныхъ частей машины; полководецъ воображеніемъ представляетъ себѣ заранѣе отдѣльныя сцены сраженій; учитель воображеніемъ заранѣе представляетъ себѣ дѣйствіе на своихъ учениковъ сказанныхъ имъ словъ поощренія или порицанія и т. д.

Творческое воображеніе въ области искусства. Искусство—та область, гдѣ творческое воображеніе совершенно свободно, его творенія не зависятъ отъ того, приносятъ ли они пользу и соотвѣтствуютъ ли они дѣйствительности.

Здѣсь мы видимъ нѣчто противоположное областямъ науки и изобрѣтеній, гдѣ гипотезы, признанныя ошибочными, и изобрѣтенія, оказавшіяся негодными, немедленно выходятъ изъ употребленія.

Люди искусства воспроизводятъ, конечно, тоже дѣйствительность, но такъ, что созданные ими образы вызываютъ у людей опредѣленныя чувства. У нихъ должно быть сильно развито творческое воображеніе.

Итакъ мы разсмотрѣли постепенно всѣ три области проявленія творческаго воображенія.

Условія творческаго воображенія. На творческое воображеніе у людей (или вѣрнѣе на степень творческаго воображенія) вліяетъ рядъ опредѣленныхъ условій.

Изъ этихъ условій главныя слѣдующія:

1) *особенно ти памяти* у даннаго человѣка (будетъ ли у него зрительная память, слуховая и т. д.);

2) *чувства*—отъ чувствъ, волнующихъ человѣка, зависитъ тотъ или иной характеръ творчества и

3) *устойчивость вниманія*, что предполагается при творческомъ воображеніи.

Исходя изъ этого, мы можемъ сказать, что самое сильное творческое воображеніе присуще не дѣтямъ и дикарямъ,—какъ многіе думаютъ, а юношескому и зрѣлому возрасту, такъ какъ творческое воображеніе, на основаніи вышесказаннаго, требуетъ развитія устойчиваго вниманія и развитой памяти, отсутствующихъ у дѣтей и дикарей.

Общія представленія и понятія. Разница между ними. Понятіе и рѣчь. Сужденія, умозаключенія и высшія понятія.

26. Общія представленія и понятія. Что представляютъ собой общія представленія и понятія? Какъ образуются общія представленія и понятія? Каково взаимоотношеніе между общими представленіями и понятіями? На всѣ эти вопросы, которые невольно зарождаются въ головѣ у каждаго учащагося, мы ниже постепенно отвѣтимъ.

Общ я представленія. Когда мы говоримъ объ общихъ представле-

ніяхъ, то мы тѣмъ самымъ какъ бы противополагаемъ ихъ единичнымъ представленіямъ.

Положимъ, что мы имѣемъ передъ собой *домъ*, въ которомъ живемъ, *столъ*, за которымъ мы сидимъ, *рѣку*, протекающую въ нашемъ городѣ, *дерево*, которое растетъ передъ нашимъ домомъ;—мы воспринимаемъ отдѣльно домъ, столъ, рѣку дерево, и въ нашемъ сознаніи образуется рядъ *единичныхъ представленій*.

Идя дальше по улицѣ, мы воспринимаемъ рядъ домовъ по обѣимъ сторонамъ улицы; заходя къ знакомымъ, мы видимъ разнообразные столы; переѣзжая изъ города въ городъ, мы узнаемъ и другія рѣки; наконецъ, гуляя по городу, мы видимъ деревья то въ саду, то на бульварѣ, то на улицѣ. Словомъ, передъ нами на лицо будетъ рядъ сходныхъ предметовъ, — то дома, то столы, то рѣки, то деревья. Прійдя домой, мы можемъ мыслить не о томъ или иномъ конкретномъ предметѣ, напр., о столѣ въ нашей столовой, о домѣ, въ которомъ мы живемъ, но о столѣ вообще, о домѣ вообще, т. е. мы мыслимъ о группѣ сходныхъ между собой предметовъ. Въ нашемъ сознаніи образуются уже *общія представленія* о домѣ, столѣ, рѣкѣ, деревѣ. Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что общія представленія возникли изъ представленій единичныхъ сходныхъ предметовъ.

Итакъ, въ то время, какъ единичное представленіе относится къ единому предмету, общее представленіе относится къ классу или группѣ сходныхъ между собой предметовъ.

Каковъ же процессъ возникновенія общихъ представленій? Возьмемъ какой-нибудь примѣръ и на немъ прослѣдимъ происхожденіе общаго представленія. Возьмемъ, напр., общее представленіе дома. Какъ оно у насъ получилось? Изъ ряда сходныхъ представленій дома. Такъ, мы воспринимали домъ, въ которомъ живемъ, домъ, находящійся на углу улицы, домъ, въ которомъ жили знакомые, и рядъ другихъ домовъ. Эти дома между собой сходны, но, конечно, между ними имѣются и различія.

Переработка единичныхъ представленій въ общія производится посредствомъ нѣкоторыхъ умственныхъ операцій, какъ *анализъ, абстракція, ассимиляція, синтезъ*.

Обозначимъ черезъ A, A_1, A_2 представленія трехъ выше указанныхъ домовъ. Каждое изъ этихъ представленій, будучи сложнымъ, разлагается, естественно, на свои составныя части: a, b, c, d, $e \ldots m$, гдѣ, положимъ, a обозначаетъ величину, b — форму, c — цвѣтъ и т. д. Слѣдовательно, благодаря такому разложенію сложнаго представленія на составныя части, что называется *анализомъ*, мы получимъ:

$$A = a + b + c + d + e \ldots m \ldots k$$
$$A_1 = a_1 + b_1 + c_1 + d_1 + e_1 \ldots m_1 \ldots l.$$
$$A_2 = a_2 + b_2 + c_2 + d_2 + e_2 + \ldots m_2 \ldots n.$$

Здѣсь A, A_1 и A_2 — сложныя представленія домовъ, a, a_1, a_2, b, b_1, b_2 и т. д.—составныя части представленія домовъ.

Итакъ, въ нашемъ сознаніи имѣется три сложныхъ представленія, которыя сходны между собой въ цѣломъ и имѣютъ сходныя составныя части. Имѣя передъ собой составныя части представленія, мы можемъ мысленно выдѣлить и представить въ отдѣльности какую-нибудь часть сложнаго представленія.

Такъ, мы можемъ мыслить величину дома, независимо отъ цвѣта, формы дома, т. е. отъ другихъ частей представленія дома. И вотъ такое выдѣленіе изъ сложнаго представленія какой-либо составной его части называется *абстракціей*. Благодаря абстракціи мы можемъ мыслить отдѣльно a, a_1 и a_2, b, b_1 и b_2 и др. составныя части представленія дома.

Выше мы сказали, что части представленій A, A_1 и A_2 — a, a_1 и a_2; b, b_1 и b_2 и др. сходны между собой; благодаря этому сходству эти составныя части сливаются между собой, т. е., происходитъ *ассимиляція*.

Тогда изъ a, a_1 и a_2 получается одно общее представленіе α, а изъ b, b_1 и b_2 — одно общее представленіе β и т. д. Благодаря ассимиляціи мы вмѣсто двухъ или нѣсколькихъ частью отличныхъ другъ отъ друга представленій получаемъ одно представленіе. Слѣдовательно, благодаря ассимиляціи мы получимъ рядъ представленій: α, β и т. д.

Соединивъ эти представленія, мы получимъ одно общее представленіе дома. Такое соединеніе представленій называется *синтезомъ*.

Таковъ передъ нами процессъ возникновенія общихъ представленій. Что мы замѣчаемъ въ этомъ процессѣ? Въ этомъ процессѣ происходитъ соединеніе сходныхъ частей представленія (a, a_1 и a_2; b, b_1 и b_2 и т. д.) и отбрасываніе несходныхъ частей представленія (k, l, n и т. д.). И вотъ въ результатѣ такого процесса и получается общее представленіе.

Свойства общихъ представленій. Всякое общее представленіе имѣетъ извѣстный *объемъ* и извѣстное *содержаніе*.

Что разумѣется подъ объемомъ представленія [1]) и содержаніемъ его?

Подъ содержаніемъ общаго представленія разумѣются всѣ признаки, которые мыслятся въ данномъ общемъ представленіи. Такъ, въ содержаніи общаго представленія — домъ—мыслятся стѣны, окна, потолокъ, полъ и т. д.; въ содержаніи общаго представленія — человѣкъ мыслятся всѣ человѣческіе индивидуумы.

Подъ объемомъ же общаго представленія мыслятся всѣ единичныя представленія, которыя обладаютъ признаками, образующими содержаніе даннаго общаго представленія.

Такъ, въ объемъ общаго представленія — домъ — входятъ представленія всѣхъ отдѣльныхъ домовъ.

Содержаніе представленія находится въ обратномъ отношеніи къ его объему: т.-е. съ уменьшеніемъ объема представленія увели-

[1]) Объ этомъ будетъ подробная рѣчь въ курсѣ логики.

чивается его содержаніе. Возьмемъ, напр., представленія: „человѣкъ“ и „русскій“. Первое представленіе — человѣкъ богаче — по содержанію, но бѣднѣе по объему, чѣмъ второе представленіе — русскій.

Отъ насъ зависитъ увеличить или уменьшить какъ содержаніе, такъ и объемъ даннаго представленія. Процессъ образованія изъ даннаго представленія другого, бóльшаго по объему и меньшаго по содержанію, называется *обобщеніемъ*, а процессъ образованія изъ даннаго представленія другого, меньшаго по объему и бóльшаго по содержанію, называется *ограниченіемъ*.

Благодаря обобщенію и ограниченію мы можемъ образовать рядъ (или цѣпь) такихъ представленій, изъ которыхъ каждое будетъ то болѣе общимъ, то менѣе общимъ; въ такомъ случаѣ болѣе общее понятіе по отношенію къ менѣе общему называется *родомъ*, а менѣе общее по отношенію къ болѣе общему называется *видомъ*. Возьмемъ три представленія:—„существо“, „русскій“ и „человѣкъ“.

Представленіе „человѣкъ“ будетъ родомъ по отношенію къ представленію „русскій“ и видомъ по отношенію къ представленію „существо“. И мы такъ расположимъ эти представленія: 1) „существо“ (болѣе общее понятіе), 2) „человѣкъ“ и 3) „русскій“.

Итакъ, теперь мы знаемъ, какъ изъ единичныхъ представленій въ нашемъ сознаніи образуются общія представленія.

Теперь же намъ важно установить, имѣются ли въ окружающемъ насъ мірѣ такіе предметы, которые соотвѣтствовали бы нашимъ общимъ представленіямъ? Можемъ ли мы представить себѣ человѣка вообще, домъ вообще, дерево вообще и т. д.? Иначе, имѣются ли въ дѣйствительности человѣкъ, домъ, дерево и т. д., которые соотвѣтствовали бы нашимъ общимъ представленіямъ о человѣкѣ, домѣ, деревѣ и т. д. На это мы отвѣтимъ отрицательно.

Когда мы мыслимъ о предметѣ вообще, мы пользуемся тѣмъ или другимъ единичнымъ образомъ. Такъ, если мы думаемъ о собакѣ вообще, то у насъ въ сознаніи имѣется единичный образъ той собаки, которая намъ болѣе всего знакома. Когда мы думаемъ о домѣ вообще, то въ нашемъ сознаніи имѣется единичный образъ дома, намъ болѣе всего извѣстнаго.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ нашемъ сознаніи не возникаетъ никакого родового образа, какъ результатъ слiянія единичныхъ представленій, а имѣется образъ единичнаго предмета, отъ котораго отвлекаются общіе признаки, присущіе данному классу однородныхъ предметовъ. Иначе говоря, когда мы сознаемъ общее представленіе, то мы воспроизводимъ какія-нибудь единичныя представленія, но при этомъ, конечно, обращаемъ вниманіе на общіе признаки. Слѣдовательно, такой единичный образъ является какъ бы замѣстителемъ того или другого родового образа. Впослѣдствіи мы увидимъ, что замѣстителями такихъ родовыхъ образовъ, какъ и общихъ представленій, являются слова, а пока же мы перейдемъ къ опредѣленію понятій.

Понятія. До сихъ поръ мы говорили объ общихъ представле-

ніяхъ, теперь же намъ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о понятіяхъ. Среди психологовъ существуетъ два воззрѣнія на природу „понятій": одни говорятъ, что между „общими представленіями" и „понятіями" имѣются существенныя различія; другіе же утверждаютъ, что „понятіе" и „общее представленіе" употребляются въ психологіи въ одномъ и томъ же смыслѣ и что вмѣсто „общее представленіе" можно говорить „понятіе" (другое дѣло—въ логикѣ, гдѣ различіе между „понятіемъ" и „общимъ представленіемъ" имѣетъ значеніе).

Мы придерживаемся второго воззрѣнія, отожествляя понятія съ разобранными нами выше общими представленіями, въ курсѣ же логики мы останавливаемся подробно на различіи понятій отъ общихъ представленій.

Ниже мы приводимъ мнѣніе [1]) профессора Фонсегрива о четырехъ различіяхъ между понятіями и общими представленіями.

1) Понятія и общія представленія различаются по своей *природѣ*. Въ самомъ дѣлѣ, представленіе, какъ бы оно ни было обще, всегда имѣетъ *конкретную чувственную форму*; оно есть только упрощенный образъ предмета, слагающійся изъ обрывковъ нашихъ прежнихъ воспріятій и сознаваемый нами *безъ словъ*, наприм., общее представленіе птицы всегда имѣетъ извѣстные контуры, извѣстную пространственную форму, извѣстный цвѣтъ, которые всегда безъ словъ свойственны нашему воображенію, какъ бы они ни были смутны и неопредѣленны. Напротивъ, понятіе *само по себѣ непредставимо въ чувственной формѣ*: оно есть только мыслимый синтезъ общихъ свойствъ, признаковъ и отношеній вещей, раскрываемый въ опредѣленіи и всегда прикрѣпленный къ *слову*. Такъ, понятіе *птицы* есть синтезъ признаковъ: животное, позвоночное, кладущее яйца, двуногое, надѣленное болѣе или менѣе развитымъ летательнымъ аппаратомъ. Большинство этихъ признаковъ не содержатся въ нашемъ обычномъ представленіи птицы, и тѣмъ болѣе не содержатся въ немъ всѣ они вмѣстѣ; но всѣ они содержатся въ понятіи птицы и непосредственно мыслятся въ немъ въ связи съ этимъ словомъ.

2) Понятіе и общее представленіе различаются по ихъ *происхожденію*. Общее представленіе образуется пассивно, путемъ *механической ассоціаціи*, путемъ постепенныхъ наслоеній отдѣльныхъ воспріятій и представленій другъ на друга. Оно есть результатъ привычки и случая и зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей памяти, которая можетъ сохранить въ немъ не только существенныя подробности воспріятій, но и несущественныя. Такъ, общее предствленіе птицы есть только слѣдъ, оставшійся въ нашей памяти послѣ нѣсколькихъ механически ассоціировавшихся и постепенно наслоявшихся другъ на друга представленій объ отдѣльныхъ птицахъ. Совершенно иначе образуется понятіе. Оно есть результатъ *абстракціи, сравненія и обобщенія*, т. е. активной дѣятельности ума, который сравниваетъ представленія, отдѣляетъ ихъ существенные и общіе элементы отъ случайныхъ и соединяетъ ихъ въ одно мыслимое цѣлое. Чтобы образовать, наприм., понятіе «птицы», умъ долженъ сравнить нѣсколько различныхъ птицъ, устранить всѣ ихъ индивидуальныя особенности, выдѣлить ихъ общіе признаки и соединить эти признаки вмѣстѣ.

3) Понятіе и общее представленіе различаются по своему *объему и содержанію*. Объемъ общаго представленія *ограниченъ*. Чѣмъ больше различныхъ явленій оно обнимаетъ, тѣмъ *сложнѣе* оно становится, и если оно переходитъ извѣстную границу, то оно исчезаетъ, потому что представлять одновременно слишкомъ большую совокупность разнородныхъ элементовъ невозможно. Представленіе цвѣта, какъ бы оно ни было обще, не можетъ обнимать всѣхъ цвѣтовъ, и если-

[1]) Оно не обязательно для запоминанія, но интересно для лучшаго усвоенія перваго воззрѣнія.

бы въ немъ соединились всѣ цвѣта, то оно сдѣлалось бы безцвѣтнымъ, т. е. перестало бы быть представленіемъ. Напротивъ, понятіе *неограниченно по своему объему*. Понятіе цвѣта обнимаетъ собой всѣ цвѣта. По мѣрѣ увеличенія своего объема, оно становится все болѣе и болѣе *простымъ*. Понятіе «человѣка» проще понятія «европейца», понятіе «млекопитающаго», въ свою очередь, проще понятія «человѣка». Понятіе не имѣетъ другихъ предѣловъ, кромѣ общей категоріи «бытія»: т. е. мы можемъ обобщать все, что угодно, и обязаны остановиться лишь тогда, когда достигнемъ этой общей идеи. «Бытіе» есть самое общее понятіе, какое возможно.

Подобное же нужно сказать и о содержаніи общихъ представленій и понятій. По мѣрѣ того, какъ увеличивается содержаніе представленія, послѣднее становится все болѣе и болѣе *смутнымъ и темнымъ*. Зрительное представленіе тысячеугольника не отличается отъ представленія стоугольника. Напротивъ, каково бы ни было содержаніе понятія, послѣднее всегда остается *опредѣленнымъ и яснымъ*. Понятіе «тысячеугольника» не менѣе ясно, чѣмъ понятіе «треугольника».

4) Наконецъ, понятіе и общее представленіе различаются по ихъ *примѣненію*. Будучи исключительнымъ продуктомъ наличныхъ ассоціацій, общее представленіе *распространяется лишь на тѣ явленія, которыя имѣютъ сходство съ знакомыми намъ вещами*, хотя бы это сходство было чисто внѣшнимъ. Какъ мы сказали, оно основывается не на природѣ вещей, а на случайныхъ наблюденіяхъ, и, подобно этимъ наблюденіямъ, имѣетъ такой же условный и субъективный характеръ. Для того, кто видѣлъ лишь маленькихъ птицъ нашихъ климатовъ, общее представленіе птицы было бы непримѣнимо, наприм., къ страусу, и могло бы вполнѣ подходить къ летучей мыши. Съ точки зрѣнія такого представленія страусъ былъ бы менѣе птицей, чѣмъ зябликъ, а китъ менѣе млекопитающимъ, чѣмъ корова или овца. Недаромъ когда-то считали летучую мышь птицей, а кита—рыбой.

Напротивъ, понятіе, основанное не на случайномъ сходствѣ отдѣльныхъ вещей, на существенныхъ признакахъ класса, *примѣнимо ко всѣмъ явленіямъ этого класса*,—все равно, входили они въ сферу нашего личнаго наблюденія, или нѣтъ. Оно объединяетъ однородныя явленія даже въ томъ случаѣ, если они по своему внѣшнему виду совершенно уклоняются другъ отъ друга и отъ нашихъ обычныхъ представленій; и, наоборотъ, отдѣляетъ разнородныя вещи даже тогда, когда по внѣшности онѣ сходны другъ съ другомъ и соотвѣтствуютъ тому, какъ мы привыкли ихъ представлять. Съ точки зрѣнія понятія, китъ не менѣе млекопитающее, чѣмъ быкъ, а летучая мышь не болѣе птица, чѣмъ крыса.

27. Общія представленія, или понятія и рѣчь. Выше мы указали вскользъ, что слова являются замѣстителями родовыхъ образовъ и общихъ представленій. Дѣйствительно, мы вмѣсто того, чтобы оперировать съ общими представленіями, имѣемъ дѣло со словами, ихъ замѣщающими. Изъ этого видно, что звуки, слова и рѣчь имѣютъ огромное значеніе для умственной дѣятельности людей. Въ связи съ этимъ мы ниже остановимся на выясненіи слѣдующихъ двухъ вопросовъ: 1) каково происхожденіе языка и 2) въ какомъ отношеніи находятся слово и общія представленія, или понятія другъ къ другу, т.-е. какова связь между мышленіемъ и языкомъ.

Происхожденіе языка. Что мы разумѣемъ подъ языкомъ? *Подъ языкомъ разумѣется способность людей выражать въ звукахъ, состоящихъ изъ опредѣленнаго числа элементовъ, свои воспріятія, представленія, понятія такъ, что они становятся понятными другимъ людямъ.* Языкъ людей отличается отъ звуковъ, производимыхъ животными, которые не разложимы на элементы, т.-е. не членораздѣльны.

Желая передать наши мысли кому - либо, мы совер-

шаемъ рядъ движеній и дѣйствій, которыя черезъ посредство внѣшнихъ чувствъ возбуждаютъ въ сознаніи другихъ людей состоянія, аналогичныя нашимъ.

Вотъ эти-то движенія и дѣйствія называются *знаками*. Такіе знаки бываютъ *естественные* и *искусственные*

Такъ, выраженія лица, интонаціи голоса, жесты—естественные знаки различныхъ душевныхъ состояній. Эти знаки возникаютъ непроизвольно и истолковываются безъ всякаго предварительнаго уговора.

Эполеты офицера — искусственный условный знакъ его чина. Этотъ знакъ создается намѣренно и истолковывается по условному соглашенію. Различаютъ два вида условныхъ знаковъ: зрительные—жесты, ноты, письмо и т. д. и звуковые—звонки, крики, слова и проч.

Но изъ всѣхъ системъ знаковъ самой важной является языкъ.

Языкъ представляетъ собой систему членораздѣльныхъ знаковъ, звуковыхъ и зрительныхъ, назначенную для выраженія человѣческой мысли.

По вопросу о происхожденіи языка существуетъ много теорій.

Однѣ изъ нихъ говорятъ, что языкъ—произвольное изобрѣтеніе людей, но здѣсь является непонятнымъ, какъ могло произойти между людьми такое соглашеніе, если у нихъ не было рѣчи; вѣдь соглашеніе можетъ слѣдовать за возникновеніемъ языка, а не предшествовать ему. Итакъ, эти теоріи несостоятельны.

Другія теоріи утверждаютъ, что происхожденіе языка можно объяснить сверхъестественнымъ откровеніемъ; но здѣсь, очевидно, недоразумѣніе, т. к. объяснять тѣ или иныя явленія сверхъестественными моментами слишкомъ не научно.

Третьи же въ своихъ объясненіяхъ стоятъ на правильной точкѣ зрѣнія, заявляя, что происхожденіе языка можно объяснить естественнымъ путемъ. И у отдѣльнаго человѣка и въ цѣломъ человѣчествѣ языкъ возникаетъ не сразу: онъ возникаетъ постепенно вмѣстѣ съ образованіемъ представленій и развитіемъ человѣческой мысли.

Языкъ нашъ, служащій для выраженія душевныхъ состояній, возникъ не сразу, а постепенно; дѣйствительно, это можно прослѣдить у дѣтей и въ человѣчествѣ.

Надъ дѣтьми было сдѣлано очень много наблюденій, и всѣ они привели къ одному: ребенокъ въ своемъ развитіи проходитъ тотъ путь развитія рѣчи, который проходитъ и все человѣчество.

Ребенокъ съ первыхъ моментовъ своей жизни кричитъ и совершаетъ тѣлодвиженія въ силу простого рефлекса. Онъ кричитъ и тогда, когда испытываетъ страданіе, и тогда, когда онъ выражаетъ свое удовольствіе. Между этими криками, страданіемъ и удовольствіемъ образуется у ребенка ассоціація. На крики ребенка подходитъ мать или кормилица, которая облегчаетъ страданіе ребенка,—тогда у ребенка возникаетъ ассоціація между крикомъ, зрительнымъ образомъ матери и прекращеніемъ страданія. Впослѣдствіи

въ силу уже психологической ассоціаціи ребенокъ при видѣ матери издаетъ крикъ или, испытывая страданіе, онъ пользуется крикомъ, который тогда уже становится зовомъ. Здѣсь мы видимъ, какъ крикъ является знакомъ для выраженія внутренняго состоянія ребенка.

Постепенно у ребенка образуются многочисленныя ассоціаціи между тѣми зрительными и слуховыми представленіями, связь которыхъ онъ наблюдаетъ въ окружающемъ его мірѣ. Благодаря этимъ ассоціаціямъ ребенокъ звуками обозначаетъ окружающіе его предметы. Такъ звукомъ „мяу"—обозначаетъ кошку, звукомъ „гав"—собаку и т. п.

Мы видимъ, какъ звуки становятся замѣстителями самыхъ вещей.

Итакъ, языкъ у дѣтей слагается, съ одной стороны, изъ эмоціональныхъ криковъ, а съ другой стороны, изъ звукоподражаній, замѣщающихъ самые предметы.

Человѣчество пріобрѣтало языкъ тѣмъ же путемъ, какъ и дѣти. Поэтому возможно установить важнѣйшія стадіи развитія языка.

На первой стадіи развитія рѣчи человѣкъ выражаетъ тѣ или другія душевныя состоянія при помощи движеній, имѣющихъ рефлективный характеръ.

На второй стадіи развитія рѣчи человѣкъ подражаетъ звукамъ, которые связаны съ тѣми или другими зрительными представленіями; благодаря этому подражанію звукамъ вызываются зрительныя представленія о разныхъ предметахъ.

На третьей стадіи развитія рѣчи человѣкъ избираетъ для обозначенія предметовъ звуки, которые не находятся ни въ какой внутренней связи съ предметами, но между которыми существуетъ какая-либо другая ассоціативная связь.

Итакъ, мы видимъ, языкъ развивается постепенно; у различныхъ народовъ онъ находится на разной стадіи развитія.

Теперь мы перейдемъ къ выясненію второго вопроса, связаннаго съ языкомъ, а именно—въ какомъ отношеніи между собой находятся слова (рѣчь) и общія представленія, или понятія.

Слово и понятіе. Выше мы установили, что люди, для выраженія своихъ внутреннихъ состояній, прибѣгаютъ къ разнымъ движеніямъ, дѣйствіямъ, получившимъ особое названіе — знаковъ. Къ такимъ знакамъ мы относимъ слова, которыми обозначаются разныя представленія, понятія. *Слова являются,* такимъ образомъ, *знаками тѣхъ или другихъ общихъ представленій.*

Вмѣсто нихъ мы оперируемъ со словами, вслѣдствіе чего получается экономія мысли. Теперь спрашивается, могутъ ли существовать слова безъ понятій и понятія безъ словъ.

По этому вопросу среди ученыхъ существуетъ рядъ теченій.

Одни говорятъ, что *понятія возникаютъ послѣ слова*; этимъ они хотятъ сказать, что первоначально существуютъ слова, а они, въ свою очередь, способствуютъ возникновенію тѣхъ или другихъ понятій.

Другіе говорятъ, что *понятія существуютъ раньше, чѣмъ слова*; этимъ они хотятъ сказать, что нужно, чтобы раньше существовали сами понятія для того, чтобы можно было придать имъ тѣ или другія названія.

Мнѣнія тѣхъ и другихъ недостаточно правильно обоснованы,

Третьи же говорятъ, что *слова и понятія возникаютъ и развиваются параллельно другъ съ другомъ*; этимъ они хотятъ сказать, что понятія такъ же не могутъ существовать безъ словъ, какъ и слова не могутъ существовать безъ понятій.

И дѣйствительно, для какой цѣли служитъ языкъ нашей мысли? Онъ служитъ для двоякой цѣли: онъ позволяетъ ей, во-первыхъ, овладѣть ея собственнымъ содержаніемъ, во-вторыхъ, выразить это содержаніе другимъ. Для образованія понятій, или общихъ представленій слово въ той или другой формѣ является необходимымъ условіемъ. Слово есть своего рода схема мысли.

Итакъ, безъ мысли нѣтъ слова, но въ извѣстномъ смыслѣ и безъ слова нѣтъ мысли. Языкъ служитъ орудіемъ и формой мысли. Онъ способствуетъ ея передачѣ, обусловливаетъ ея сохраненіе и дѣлаетъ ее доступной всѣмъ временамъ и народамъ. Итакъ, языкъ [1]) необходимое условіе цивилизаціи и могущественное средство умственнаго прогресса.

Итакъ, вопросы о происхожденіи языка и о взаимоотношеніи между языкомъ и понятіями нами разсмотрѣны, теперь же мы перейдемъ къ сужденіямъ и умозаключеніямъ.

28. Сужденія и умозаключенія [2]). Сужденія и умозаключенія— особаго рода познавательные процессы; сначала мы остановимся на сужденіяхъ, а потомъ перейдемъ къ умозаключеніямъ.

Сужденія. Сужденіе есть основной актъ мышленія. Что мы разумѣемъ подъ сужденіемъ? Возьмемъ мы рядъ сужденій, разсмотримъ ихъ и опредѣлимъ, что такое сужденіе.

О человѣкѣ мы можемъ сказать, что онъ честенъ,—тогда у насъ образуется такое сужденіе: „этотъ человѣкъ честенъ“; о желѣзѣ мы говоримъ, что оно является проводникомъ тепла, — тогда у насъ образуется такое сужденіе: „желѣзо—проводникъ тепла“; о растеніи говорятъ, что оно есть организмъ,—тогда у насъ образуется такое сужденіе: „растеніе есть организмъ“. Вотъ передъ нами рядъ сужденій. Что мы въ нихъ замѣчаемъ? Въ нихъ устанавливается связь между двумя представленіями, которыя выступаютъ въ нашемъ сознаніи совмѣстно, въ соединеніи другъ съ другомъ.

Слѣдовательно, *сужденіе представляетъ собой* не что иное, какъ *соединеніе представленій.* Обычной формой словеснаго выраженія сужденія служитъ *предложеніе.*

Представленія, входящія въ составъ сужденія, имѣютъ свое особое названіе. Такъ, то представленіе, о которомъ что-либо

[1]) Знакомъ тѣхъ словъ, въ которыхъ выражается мысль, служитъ письмо.
[2]) Подробно о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ говорится въ курсѣ логики.

высказывается, называется *субъектомъ, подлежащимъ*; то же представленіе, которое показываетъ, что именно высказывается, называется *предикатомъ, сказуемымъ*.

Здѣсь надо замѣтить, что логическое подлежащее и логическое сказуемое не всегда совпадаютъ съ грамматическимъ подлежащимъ и сказуемымъ.

Въ сужденіи: „этотъ человѣкъ честенъ" этотъ человѣкъ—подлежащее, честенъ—сказуемое.

Сужденія дѣлятся на нѣсколько видовъ. Различаютъ сужденія: 1) по качеству (утвердительныя и отрицательныя), 2) по количеству (единичныя, частныя и общія), 3) по способу соединенія субъекта съ предикатомъ (случайныя и необходимыя), 4) по отношенію субъекта и предиката сужденія (аналитическія и синтетическія), 5) по ихъ происхожденію (апріорныя и апостеріорныя)

Приведемъ примѣры на всѣ эти виды сужденій и нѣсколько пояснимъ ихъ.

1. *Утвердительное сужденіе.* Въ немъ мы утверждаемъ что-либо относительно чего-либо, напр., человѣкъ честенъ, роза—красна.

Отрицательное сужденіе. Въ немъ мы тоже утверждаемъ что-либо относительно чего-либо, напр., человѣкъ не честенъ, роза не красна.

2. *Единичное сужденіе.* Въ немъ субъектъ представляетъ только одинъ предметъ извѣстнаго вида, напр., *эта* женщина красива.

Частное сужденіе. Въ немъ субъектъ представляетъ нѣсколько предметовъ одного и того же вида, напр., *нѣкоторыя* женщины красивы.

Общее сужденіе. Въ немъ субъектъ выражаетъ всѣ предметы вида, напр., *всѣ* люди смертны.

3. *Случайное сужденіе.* Въ немъ предикатъ прилагается къ субъекту лишь по ассоціаціи и могъ быть при извѣстныхъ условіяхъ отдѣленъ отъ него, напр. Александръ I умеръ въ Таганрогѣ.

Необходимое сужденіе. Въ немъ предикатъ соединяется съ субъектомъ по существу и не можетъ быть отдѣленъ отъ него, напр., два прямыхъ угла составляютъ 180 градусовъ.

4. *Аналитическое сужденіе.* Въ немъ предикатъ заранѣе содержится въ субъектѣ и выражаетъ вполнѣ или отчасти его содержаніе, напр., шестью пять составляютъ тридцать, треугольникъ имѣетъ три стороны.

Синтетическое сужденіе. Въ немъ предикатъ не содержится въ субъектѣ и присоединяетъ къ его содержанію нѣчто такое, что въ немъ непосредственно не мыслится, напр., тѣла имѣютъ различный вѣсъ.

5. *Апріорное сужденіе.* Оно образуется независимо отъ опыта или ранѣе его, т.-е. a priori, напр., цѣлое больше каждой изъ своихъ частей.

Апостеріорное сужденіе. Оно образуется на основаніи опыта или послѣ него т.-е. a posteriori, напр., китъ есть млекопитающее.

Таковы разнообразные виды сужденій.

Здѣсь мы должны замѣтить, что въ сужденіи очень существеннымъ элементомъ является утвержденіе; конечно, для утвержденія чего-либо надо имѣть увѣренность въ томъ, что утверждаешь. Эта увѣренность можетъ имѣть различную степень. Если увѣренность достигаетъ наивысшей степени, то наше сужденіе будетъ болѣе достовѣрнымъ.

Теперь мы знаемъ, что такое сужденіе и какіе имѣются его виды. Перейдемъ къ болѣе сложному познавательному процессу, а именно къ умозаключеніямъ.

Умозаключеніе. Что мы разумѣемъ подъ умозаключеніемъ? *Подъ умозаключеніемъ разумѣется такой процессъ, при которомъ изъ двухъ или нѣсколькихъ сужденій вытекаетъ новое сужденіе.*

Поясним это опредѣленіе на примѣрѣ. Положимъ, мы имѣемъ два сужденія: „Людямъ свойственно ошибаться“ и „святые—люди“. Какой выводъ, какое новое сужденіе мы имѣемъ на основаніи двухъ выше данныхъ сужденій? Новое сужденіе: „святымъ тоже свойственно ошибаться“. Здѣсь передъ нами примѣръ умозаключенія.

Слѣдовательно, *умозаключеніе есть образованіе новаго сужденія на основаніи одного или нѣсколькихъ старыхъ.*

Умозаключенія бываютъ троякаго рода; ихъ мы ниже въ отдѣльности разсмотримъ.

1. *Дедуктивное умозаключеніе.* Подъ нимъ мы разумѣемъ умозаключеніе *отъ общаго къ частному.* Такъ напр.: „всякое млекопитающее имѣетъ легкія“, „китъ есть млекопитающее“, слѣдовательно, „китъ имѣетъ легкія“. Мы изъ общаго сужденія (всякое млекопитающее имѣетъ легкія) вывели частное сужденіе (китъ есть млекопитающее). Этотъ выводъ называется *дедукціей.*

Полная форма дедуктивнаго умозаключенія, состоящая изъ трехъ сужденій (смотр. выше приведенный примѣръ), называется *силлогизмомъ.*

2. *Индуктивное умозаключеніе.* Подъ нимъ мы разумѣемъ умозаключеніе отъ *частнаго къ общему*, т. е. обратное дедуктивному умозаключенію. Такъ, напр. „дерево расширяется отъ теплоты“, „желѣзо расширяется отъ теплоты“, слѣдовательно, всѣ тѣла расширяются отъ теплоты. Мы изъ частныхъ сужденій пришли къ общему сужденію (всѣ тѣла расширяются отъ теплоты). Это наведеніе называется *индукціей.*

3. *Аналогичное умозаключеніе.* Подъ нимъ мы разумѣемъ умозаключеніе *отъ частнаго къ частному.* Такъ напр., ребенокъ, обжегшій палецъ разъ, два на свѣчкѣ, не дотрагивается уже болѣе до огня. Здѣсь нѣтъ дедукціи, а умозаключеніе отъ частнаго къ частному.

Таковы передъ нами три вида умозаключеній.

Мы разсмотрѣли сужденія и умозаключенія, теперь перейдемъ къ бѣглому обзору природы высшихъ понятій.

29. Высшія понятія [1] (или основныя понятія разсудка).

Всякій разъ, когда умъ мыслитъ, онъ встрѣчается съ нѣкоторыми понятіями или идеями, которыя неизбѣжно вплетаются въ сложную цѣпь его мышленія, иногда всѣ вмѣстѣ, иногда же въ отдѣльности. Эти идеи, примѣшиваясь ко всѣмъ прочимъ представленіямъ, бываютъ до того тѣсно связаны съ ними, что послѣднія, повидимому, не могутъ безъ нихъ существовать. Онѣ составляютъ какъ-бы сущность или основу этихъ представленій, а самыя представленія, съ ихъ сложными подробностями, кажутся въ сравненіи съ ними случайными явленіями. Какія—же это идеи?

Когда мы имѣемъ какое-нибудь зрительное представленіе, то съ нимъ всегда соединяется идея *пространства*. Я вижу свою чернильницу, свой столъ, свою руку; и моя чернильница, и мой столъ, и моя рука находятся въ пространствѣ. Мы можемъ представить или мыслить пространство безъ цвѣта, но мы не можемъ представить цвѣта безъ пространства. Такимъ образомъ, пространство есть основной или существенный элементъ нашего зрительнаго представленія, а цвѣтъ—до нѣкоторой степени, случайное явленіе. То же самое нужно сказать и объ осязательныхъ представленіяхъ: пространство составляетъ ихъ существенный элементъ, а осязательное качество—какъ-бы случайную подробность.

Всѣ состоянія нашего сознанія кажутся намъ продолжающимися и слѣдующими одно за другимъ; иными словами, каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ идею *времени*. Теперь я пишу, сейчасъ я читалъ, вчера я ходилъ на охоту; всѣ эти явленія имѣютъ положеніе во времени. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ время есть основной или существенный элементъ, а отдѣльныя состоянія сознанія, въ которыхъ они выражаются, представляются случайными.

Различные предметы нашихъ представленій, да и самыя представленія всегда являются намъ съ признакомъ множественности, которая въ разныхъ случаяхъ бываетъ неодинакова. У меня на столѣ лежитъ нѣсколько предметовъ: одна чернильница, три карандаша, четыре ручки, пять пресс-папье; этихъ предметовъ много, и множественность карандашей не одинакова съ множественностью ручекъ или прессъ-папье. Ихъ различная множественность выражается различными числами, а различныя числа являются выраженіями общей идеи *числа*. Такимъ образомъ, число есть основной или существенный элементъ множественности, а самая множественность кажется случайнымъ явленіемъ.

Какъ скоро мы соединяемъ наши представленія другъ съ другомъ съ статической точки зрѣнія, т. е., разсматриваемъ ихъ, какъ нѣчто постоянное и неподвижное, по крайней мѣрѣ, въ теченіе того времени, пока мы на нихъ останавливаемся, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ всегда и вездѣ предполагаются нами, какъ основа или *субстанція* остальныхъ. Напримѣръ, когда я разсматриваю эту бумагу и ея цвѣтъ, то на цвѣтъ я смотрю, какъ на принадлежность бумаги, а бумагу считаю носителемъ или субстанціей этого цвѣта. Такимъобразомъ, идея субстанціи есть основной или существенный элементъ нашихъ представленій, а тѣ качества, которыя мы въ связи съ нею представляемъ, суть случайныя явленія.

Когда мы соединяемъ наши представленія съ динамической точки зрѣнія, т. е., когда мы разсматриваемъ ихъ, какъ послѣдовательныя явленія, вытекающія другъ изъ друга, мы всегда признаемъ одни изъ нихъ производителями или *причинами* другихъ. Напримѣръ, когда я связываю уличный шумъ съ представленіемъ экипажа, то я разсматриваю экипажъ, какъ причину шума. Идея причины въ такихъ явленіяхъ есть основной или существенный элементъ а самыя эти явленія по отношенію къ ней—случайны.

Итакъ, мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, пять основныхъ понятій, или идей, заключающихся въ другихъ представленіяхъ: идею *пространства*, идею *времени*, идею *числа*, идею *субстанціи* и идею *причины*.

Ниже мы нѣсколько остановимся на природѣ этихъ высшихъ понятій въ отдѣльности.

---

[1] Взято изъ Фонсегрива „Элементы психологіи“.

Понятіе пространства. Что мы мыслимъ, когда употребляемъ слово „пространство“? Подъ нимъ мы мыслимъ то, въ чемъ содержатся всѣ вещи воспринимаемаго нами міра; всѣ вещи, вся вселенная заключаются въ пространствѣ, какъ въ сосудѣ. Понятіе пространства мы не получаемъ изъ нашего опыта, какъ, напр., понятіе дерева, стола, дома и т. п.

Такое понятіе, которое составляется нами не на основаніи опыта, называется понятіемъ *апріорнымъ*, въ отличіе отъ понятія *эмпирическаго*, составленнаго изъ элементовъ опыта.

Какимъ же представляется намъ пространство? Оно представляется намъ единымъ, безконечнымъ, абсолютно однороднымъ и абсолютно непрерывнымъ. Конечно, эти элементы понятія пространства мы не можемъ получить изъ чувственнаго опыта.

Понятіе времени. О понятіи времени мы можемъ сказать то же, что и о понятіи пространства. Понятіе времени имѣетъ апріорный характеръ.

Подобно пространству, время мыслится нами единымъ, безконечнымъ, абсолютно однороднымъ и абсолютно непрерывнымъ.

Можемъ ли мы мыслить какія-либо вещи безъ пространства? Можемъ ли мы себѣ представить какой-нибудь процессъ, событіе совершающимися не во времени? Нѣтъ, не можемъ.

Въ силу этого понятія пространства и времени являются необходимыми условіями мышленія; эти понятія называются апріорными условіями познанія.

Понятіе числа. Понятіе числа не содержитъ въ себѣ элементовъ, получаемыхъ изъ чувственнаго опыта,—поэтому оно является понятіемъ апріорнымъ.

Понятіе причинности. Въ мірѣ существуютъ постоянные законы, т. е. въ настоящій вѣкъ міръ управляется тѣми законами, какіе были много вѣковъ тому назадъ.

Таково наше убѣжденіе, которое не можетъ быть доказано.

И вотъ подъ понятіемъ причинности и разумѣется такое убѣжденіе. Этотъ законъ причинности лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ научныхъ построеній.

Понятіе субстанціи. Въ мірѣ все измѣняется; одни явленія смѣняются другими. Наряду съ такими измѣненіями нашъ умъ считаетъ, что существуетъ нѣчто, что не измѣняется, что постоянно пребываетъ. Вотъ это-то въ предметахъ, явленіяхъ постоянное, неизмѣняемое и называется субстанціей. Понятіе причинности и субстанціи являются необходимыми предпосылками нашего познанія.

Если мы проанализируемъ наши представленія, то мы можемъ убѣдиться въ томъ, что они постоянно заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя основныя идеи, безъ которыхъ они немыслимы; такія разсмотрѣнныя нами идеи слѣдующія: пространство, время, число, субстанція и причина (о нихъ подробно говорится въ курсѣ по философіи)

Повторительные вопросы и отвѣты.

1) Что такое интересъ? Чувство удовольствія, связанное съ совершеніемъ чего-либо. 2) Что такое разсѣянность? Состояніе, противоположное вниманію. 3) Что мы разумѣемъ подъ дѣйствительной разсѣянностью? Разсѣянность, возникающую тогда, когда вниманіе человѣка не можетъ сосредоточиться на одномъ предметѣ. 4) Разсѣянность относительная? Особая разсѣянность, когда кто-нибудь, погрузившись въ свои мысли, не замѣчаетъ ничего, происходящаго вокругъ него. 5) Каковы условія вниманія? Матеріальныя: здоровая кровь, хорошее питаніе, нормальный отдыхъ, психологическое широкое образованіе человѣка. 6) Что возможно благодаря вниманію? a) Выдѣленіе одного впечатлѣнія изъ ряда многихъ впечатлѣній, b) сосредоточеніе, или концентрація на чемъ-либо нашего сознанія, c) разложеніе сложныхъ представленій и d) абстракція, или отвлеченіе. 7) Воображеніе? Способность воспроизведенія или образованія вторичныхъ душевныхъ состояній. 8) Какіе виды воображенія намъ извѣстны? Воображеніе воспроизводящее и воображеніе творческое. 9) Что такое творческое воображеніе? Намѣренная комбинація полученныхъ прежде впечатлѣній въ новый образъ. 10) Гдѣ можетъ проявляться творческое воображеніе? Въ искусствѣ, въ области научныхъ открытій, въ области практической жизни и при разнаго рода изобрѣтеніяхъ. 11) Условія творческаго воображенія? Особенности памяти у даннаго человѣка чувства и устойчивость вниманія. 12) Какая разница между единичнымъ представленіемъ и общимъ? Единичное относится къ единому предмету, а общее—къ группѣ сходныхъ между собой предметовъ. 13) Какъ производится переработка единичныхъ представленій въ общія? Посредствомъ нѣкоторыхъ умственныхъ операцій, какъ анализъ, абстракція, ассимиляція, синтезъ. 14) Что разумѣется подъ содержаніемъ общаго представленія? Всѣ признаки, которые мыслятся въ данномъ общемъ представленіи. 15) Что разумѣется подъ объемомъ общаго представленія? Всѣ единичныя представленія, которыя обладаютъ признаками, образующими содержаніе даннаго общаго представленія. 16) Обобщеніе? Процессъ образованія изъ даннаго представленія другого, большаго по объему и меньшаго по содержанію. 17) Ограниченіе? Процессъ образованія изъ даннаго представленія другого, меньшаго по объему и большаго по содержанію. 18) Родовое понятіе? Болѣе общее понятіе по отношенію къ менѣе общему. 19) Видовое понятіе? Менѣе общее понятіе по отношенію къ болѣе общему. 20) Что мы разумѣемъ подъ языкомъ? Способность людей выражать въ звукахъ, состоящихъ изъ опредѣленнаго числа элементовъ, свои воспріятія, представленія, понятія такъ, что они становятся понятными другимъ людямъ. 21) Что говорятъ о происхожденіи языка? Одни, что языкъ—произвольное изобрѣтеніе людей, другіе, что языкъ—сверхъестественное откровеніе, третьи, что языкъ возникаетъ естественнымъ путемъ не сразу, а постепенно вмѣстѣ съ образованіемъ представленій и развитіемъ человѣческой мысли. 22) Что такое слова? Знаки тѣхъ или другихъ общихъ представленій. 23) Каково взаимоотношеніе между словомъ и понятіемъ? Одни говорятъ, что понятія возникаютъ послѣ слова, другіе, что понятія существуютъ раньше, чѣмъ слова, третьи же,—что слова и понятія возникаютъ и развиваются параллельно другъ съ другомъ. 24) Что такое сужденіе? Соединеніе представленій, имѣющихъ свое особое названіе (субъектъ и предикатъ). 25) Какія сужденія мы знаемъ? Утвердительныя и отрицательныя, единичныя, частныя и общія, случайныя и необходимыя, аналитическія и синтетическія, апріорныя и апостеріорныя. 26) Что такое умозаключеніе? Такой процессъ, при которомъ изъ двухъ или нѣсколькихъ сужденій вытекаетъ новое сужденіе. 27) Виды умозаключенія? Дедуктивное, индуктивное и аналогичное. 28) Дедуктивное умозаключеніе? Умозаключеніе отъ общаго къ частному. 29) Индуктивное умозаключеніе? Умозаключеніе отъ частнаго къ общему. 30) Аналогичное умозаключеніе? Умозаключеніе отъ частнаго къ частному. 31) Высшія понятія? Понятіе пространства, понятіе времени, понятіе числа, понятіе причинности и понятіе субстанціи.

Новый періодъ исторіи русской литературы.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Литературная дѣятельность.

Лермонтовъ умеръ рано, поэтому онъ не успѣлъ проявить всю силу своего могучаго таланта. Но и потому, что онъ написалъ, можно судить о силѣ его творчества. Вотъ какъ отзывается о Лермонтовѣ его современникъ Бѣлинскій: „свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубина и разнообразіе идей, необъятность содержанія — суть родовыя и характеристическія примѣты Лермонтова и его будущаго великаго развитія"—къ сожалѣнію, это развитіе было прервано преждевременной смертью поэта.

Большая часть литературной дѣятельности Лермонтова протекала подъ чужимъ вліяніемъ. Но это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что въ творчествѣ поэта мало проявлялась его личность, наоборотъ, оно было въ высокой мѣрѣ субъективнымъ, чужія вліянія такъ перерабатывались Лермонтовымъ, что всѣ его произведенія, даже первой половины его дѣятельности, носятъ яркій отпечатокъ индувидуальности поэта.

Самыя первыя произведенія Лермонтова, а онъ началъ писать очень рано, въ 14 лѣтъ, свидѣтельствуютъ объ его увлеченіи байроническими твореньями Пушкина. Такъ, онъ передѣлалъ его „Кавказскаго плѣнника" и „Братьевъ-разбойниковъ", придавъ этимъ поэмамъ болѣе мрачный, трагическій характеръ. Это больше соотвѣтствовало настроенію юнаго поэта, съ малыхъ лѣтъ лишеннаго жизнерадостности. Кромѣ Пушкина, вліялъ на Лермонтова романтическій Шиллеръ. Но наибольшую роль въ творчествѣ Лермонтова сыгралъ Байронъ. Его вліяніе на Лермонтова было гораздо сильнѣе и глубже, чѣмъ на Пушкина. Причина та, что англійскій поэтъ со своимъ протестующимъ, негодующимъ и не способнымъ къ примиренію духомъ былъ гораздо ближе мрачной душѣ Лермонтова, чѣмъ мирному, жизнерадостному Пушкину. Образы Байроновскаго творчества, могучіе, неукротимые, презирающіе толпу и глубоко страдающіе отъ одиночества вставали и передъ духовными очами

Лермонтова и переработанные самостоятельно сдѣлались постоянными героями его наиболѣе характерныхъ произведенiй.

Повторяемъ, влiянiе Байрона на Лермонтова объяснялось не поверхностнымъ поклоненiемъ чужому генiю, а глубокимъ родствомъ ихъ душъ, *природной склонностью* русскаго поэта къ романтизму, и именно къ *бурному романтизму* съ его недовольствомъ и протестомъ. Лермонтовъ изъ всѣхъ русскихъ писателей, увлекавшихся романтизмомъ, съ наибольшимъ правомъ можетъ быть названъ истиннымъ русскимъ романтикомъ. Его произведенiя, отражая на себѣ влiянiе Байрона, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о своеобразномъ самостоятельномъ отношенiи къ романтизму. Поиски романтическихъ сюжетовъ въ родной исторiи („Бояринъ Орша") указываютъ на правоту Лермонтова, утверждавшаго относительно самого себя: „Нѣтъ, я не *Байронъ*, я другой... какъ онъ гонимый мiромъ странникъ, но только съ *русскою душою*".

Въ концѣ своей дѣятельности Лермонтовъ освобождается и отъ этого влiянiя, творчество его становится болѣе самобытнымъ, взоры его отъ титановъ, могучихъ личностей, необыкновенныхъ событiй обращаются къ русской дѣйствительности, къ живымъ людямъ.

Если бы преждевременная смерть не прервала творческаго развитiя поэта, то по тому, „какъ глубоко онъ зналъ сердце человѣка, какъ вѣрно постигалъ свое время и какъ нераздѣльно слиты были въ немъ поэзiя и жизнь", видно, что Лермонтовъ достигъ бы полной самобытности и всесторонности творчества. За это порукой былъ его могучiй талантъ.

Въ первый перiодъ дѣятельности Лермонтова, когда поэтъ находился подъ воздѣйствiемъ байронизма, онъ былъ занятъ почти исключительно своей личностью, самовоспитанiемъ, выработкой взглядовъ, своими чувствами, переживанiями. Поэтому, произведенiя этого перiода, преимущественно лирическiя, являются глубоко субъективными и вмѣстѣ съ тѣмъ они носятъ отпечатокъ нѣкоторой неуравновѣшенности, тревожности, поэтъ еще не выработалъ опредѣленнаго твердаго мiровоззрѣнiя. Вдохновенiе приходитъ вмѣстѣ съ какими-либо душевными волненiями, творчество отличается, поэтому, порывистостью. Даже эпическiя произведенiя этого перiода „не иное что, какъ мелкiя лирическiя стихотворенiя, вставленныя въ болѣе широкую рамку".

Разсмотримъ подробнѣе лирическiя и эпическiя произведенiя перваго перiода.

Лирическiя произведенiя. Въ нихъ отразилась вся душевная жизнь поэта съ ея двойственностью, разочарованiемъ, презрѣнiемъ и ненавистью къ людямъ, страстной любовью къ природѣ. Замкнутый и скрытный съ людьми Лермонтовъ въ своей лирикѣ откровененъ, говоритъ о себѣ, о своемъ отношенiи къ мiру, къ Богу, къ любви. Въ такихъ раннихъ стихотворенiяхъ, какъ: „Мой демонъ", „Элегiя", „Я видѣлъ тѣнь блаженства", „Не рѣдко люди и бранили", „Ужасная судьба отца и сына" и др., относящихся къ 1829—1830 годамъ, говорится о разладѣ съ самимъ собой, съ людьми, о непониманiи

людей, объ одиночествѣ, о глубокомъ разочарованіи. Замѣчательно художественно выразилось такое настроеніе безнадежности, тоски въ стихотвореніи „И скучно, и грустно“:

„И скучно, и грустно и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы, напрасно и вѣчно желать?
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!
Любить.., но кого же? На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь,—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все такъ ничтожно...
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка,
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманіемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!“

Много Лермонтовъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ говорить о томъ, что люди виноваты въ его злыхъ чувствахъ, и о томъ, что они заставили его казаться злымъ, такъ какъ, не понимая его, приписали ему дурное: „лучше я, чѣмъ для людей кажусь. Они въ лицѣ не могутъ чувствъ прочесть“. Но у поэта есть надежда, что когда-нибудь послѣ его смерти люди проникнутъ въ глубину его души, „къ погибшимъ люди справедливы“... Хоть онъ и лучше, чѣмъ кажется людямъ, но и въ дѣйствительности, въ его душѣ чувствуется что-то „демоническое“, поэтому юный поэтъ самъ себя долго не можетъ понять. Наконецъ, онъ приходитъ къ слѣдующему:

„Источникъ страсти есть во мнѣ,
Великій и чудесный.
Песокъ серебряный на днѣ,
Поверхность—ликъ небесный.
Но безпрестанно быстрый токъ
Воротитъ и крутитъ песокъ.
И небо надъ водами
Одѣто облаками“.

Такъ аллегорически изображаетъ Лермонтовъ *двойственность* своей души, въ которой одновременно добро и зло, „адъ и небо“. Людямъ поэтъ не показываетъ „неба“ своей души. Отсюда и неудовлетворенность, и тревога, желанье уйти отъ жизни „къ звѣздамъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе къ „обольщеніямъ свѣта“, который онъ же глубоко презираетъ. Съ той же двойственностью, разладомъ души связаны противорѣчивыя ощущенія, вызываемыя жизнью и мыслью о смерти: „жизнь ненавистна, смерть страшна“.

Поэтъ, порываясь къ высокимъ идеаламъ, былъ требователенъ къ людямъ. Видя, что въ „жалкомъ мірѣ каждый средь толпы забытъ и сиръ“, что онъ „куча каменныхъ сердецъ“, онъ отворачивается отъ нихъ съ презрѣніемъ: „не для людей я жилъ на свѣтѣ“. Въ дѣйствительности, онъ болѣлъ душой за этотъ „проклятый міръ, презрѣнный міръ“, но только не замѣчалъ этого и думалъ, что равнодушенъ къ „страданіямъ чужимъ“. Все въ жизни было для него вопросомъ, онъ страстно желалъ получить отвѣтъ, но не видѣлъ его, чувствовалъ ложь и зло кругомъ и вступалъ во вражду съ жизнью, боролся съ нею „демоническимъ“ презрѣніемъ и ненавистью.

На отношеніи Лермонтова къ любви, къ женщинамъ отразилось общее мрачное, тяжелое настроеніе его. Онъ готовъ былъ всю душу отдать любви, но увидѣлъ въ женскомъ сердцѣ лишь тщеславіе, властолюбіе, неспособность понять глубокое, истинное чувство, а иногда и коварство, вѣроломство. Поэтъ обращается къ женщинѣ, которую любилъ: „Такъ чувства лучшія мои навѣкъ обмануты тобой?“ Онъ перестаъ вѣрить женщинамъ, уважать ихъ, постарался вырвать изъ своего сердца любовь, остался у него „пустой храмъ безъ божества“.

Всѣ эти жалобы на вѣроломство женщинъ, выразившіяся въ ранней лирикѣ Лермонтова, объясняются событіями его личной жизни. Онъ любилъ В. Лопухину, которая ему отвѣчала тѣмъ же; но во время разлуки она вышла замужъ за другого по настоянію родителей; это ранило сильно и глубоко сердце любившаго поэта, онъ воспламенился ненавистью. Но впослѣдствіи Лермонтовъ успокоился, простилъ и понялъ, что продолжаетъ любить.

Такимъ образомъ, ни въ своей душѣ, ни въ отношеніяхъ съ людьми, ни въ любви къ женщинѣ не находилъ Лермонтовъ успокоенія, счастья.

Только одно давало ему утѣшеніе, забвеніе и порою примиряло съ жизнью. Онъ говорилъ:

„Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ,
Гдѣ только слышны звуки пѣсенъ!
Все, въ чемъ есть искра жизни, въ немъ живетъ
И для поэта онъ не тѣсенъ“

и въ другомъ мѣстѣ:

„...Моя мать—степь широкая,
...Мой отецъ—небо далекое,
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали.
Мои братья въ лѣсахъ—
Березы да сосны...
Несусь-ли я на конѣ—
Степь отвѣчаетъ мнѣ.
Брожу-ли поздней порою,
Небо свѣтитъ мнѣ луной!“

Поэтъ чувствуетъ, что у него одна душа съ природой, поэтому въ ея изображеніи онъ доходитъ до виртуозности (великаго мастерства). Его описанія природы въ высокой степени „удовлетворяютъ въ одно и то же время и естествоиспытателя и эстетика. Рисуетъ-ли онъ передъ нами исполинскія горы многовершиннаго Кавказа, или горный потокъ..., описываетъ-ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана или испещренныя цвѣтами долины Грузіи... указываетъ-ли намъ на облака, бѣгущія „степью лазурною, цѣпью жемчужною“, или на коня, несущагося по синей безконечной степи; воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ или буйный громъ битвы—онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до малѣйшихъ подробностей“.

Мы познакомились съ лирикой Лермонтова, которую мы можемъ назвать лирикой души Лермонтова. Въ этотъ же первый періодъ дѣятельности, когда поэтъ находился подъ литературнымъ воздѣйствіемъ байронизма и былъ занятъ почти исключительно

своей внутренней жизнью, имъ было написано нѣсколько эпическихъ и драматическихъ произведенiи. Къ этимъ произведенiямъ можетъ быть примѣнено то, что мы сказали относительно лирическихъ: и въ нихъ говорится о личныхъ чувствахъ поэта, только эти чувства облечены въ реальные образы.

Эпическiя произведенiя. Къ нимъ относятся: „Кавказскiй плѣнникъ", „Черкесы", поэма, которая является первымъ очеркомъ „Кавказскаго плѣнника", „Корсаръ" и двѣ редакцiи поэмы „Демонъ". Какъ мы уже выше указали „Кавказскiй плѣнникъ"—передѣлка Пушкинскаго. Въ немъ даны совершенно самостоятельныя картины природы и другая развязка: отецъ черкешенки убиваетъ спасающагося бѣгствомъ русскаго; черкешенка, видя смерть любимаго человѣка, бросается въ рѣку.

„Корсаръ" также передѣлка Пушкинской поэмы „Братьевъ-разбойниковъ". Кромѣ того, въ ней видно влiянiе „Корсара" Байрона, „Шильонскаго узника" Жуковскаго, „Донъ-Карлоса" Шиллера. Въ этой поэмѣ говорится о враждѣ между отцомъ и сыномъ изъ-за мачехи, полюбившей своего пасынка.

Къ эпическимъ произведенiямъ перваго перiода относятся и два первоначальныхъ наброска „Демона". Эта поэма занимала Лермонтова въ продолженiе всей его жизни, начиная съ 14—15-ти лѣтняго возраста. Съ каждымъ новымъ очеркомъ образъ демона становился все глубже и сюжетъ самостоятельнѣе. „Демонизмъ" былъ близокъ душѣ поэта, пессимиста, неудовлетвореннаго жизнью, боящагося смерти, не находящаго отвѣта на мучительные вопросы и сомнѣнiя. Ему знакомы были Каинъ и Люциферъ Байроновской поэмы „Каинъ", его же поэма „Небо и земля", поэмы Альфреда-де Виньи и Томаса Мура. Въ нихъ выступалъ демонъ (у Байрона), какъ духъ „протеста и отрицанья во имя глубокой мысли", въ нихъ же нашелъ Лермонтовъ (особенно у Мура) различныя повѣствованiя о любви падшаго ангела къ земной женщинѣ. Послѣдняя тема была особенно понятна его „демонической" душѣ, охваченной съ отроческихъ лѣтъ до могилы мучительной и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенной любовью къ одной женщинѣ. Этой темѣ собственно и посвящены всѣ очерки „Демона". Въ послѣднихъ редакцiяхъ Лермонтовской поэмы всѣ толкованiя ея переработаны русскимъ поэтомъ самостоятельно.

Въ первомъ наброскѣ „Демона", наименѣе разработанномъ, наименѣе зрѣломъ и носящемъ на себѣ слѣды чужихъ влiянiй, демонъ изображенъ тоскующимъ падшимъ ангеломъ, который съ сожалѣнiемъ вспоминаетъ прежнiе дни пребыванiя въ раю. Дѣйствiе не прiурочено къ какому-либо опредѣленному мѣсту. Съ земной дѣвой, монахиней, онъ встрѣчается послѣ того, какъ узнаетъ о любви къ ней ангела. Въ душѣ его зарождается злое желанiе обольстить эту монахиню, заставить ее отвернуться отъ ангела и даже Бога. Это ему удается. Дѣва скоро умираетъ. Побѣжденный ангелъ рыдаетъ.

Уже во второй редакцiи появляется новая мысль, которая въ

послѣдней получаетъ наибольшее развитіе: демонъ надѣется черезъ посредство чистой любви земной дѣвушки возродиться, воскреснуть для добра. Въ образѣ демона видно сходство съ поэтомъ, въ образѣ монахини—сходство съ любимой поэтомъ дѣвушкой. Здѣсь демонъ надѣленъ болѣе мягкими чертами. Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи. Послѣдующія редакціи этой поэмы относятся ко второму періоду дѣятельности Лермонтова.

Драмы. Къ раннимъ произведеніямъ Лермонтовскаго творчества принадлежатъ и драмы: «Испанцы», «Люди и страсти» (Menschen und Leidenschaften) и «Странный человѣкъ».

Содержаніе „Испанцевъ" таково. Благородный Фернандо любитъ знатную испанку Эмилію. Ея мачеха изъ мести хочетъ отдать падчерицу одному іезуиту, члену инквизиціи, также влюбленному въ Эмилію. Фернандо, желая спасти любимую дѣвушку отъ позора, убиваетъ ее, пытается убить и іезуита, но неудачно. Фернандо приговариваютъ къ сожженію на кострѣ, онъ умираетъ. Его смерть влечетъ за собой сумасшествіе и смерть дочери спасеннаго имъ еврея, сыномъ котораго онъ оказался. Эта драма написана подъ вліяніемъ Шиллера.

„Люди и страсти" въ художественномъ отношеніи также стоятъ невысоко, но интересны въ томъ отношеніи, что отражаютъ страданія Лермонтова на почвѣ непріятностей въ его семьѣ. Герой Юрій Волинъ любимъ бабушкой и отцомъ, которые между собою жестоко ссорятся изъ-за обладанія мальчикомъ. Бабушка изображена злой деспотичной старухой, отецъ симпатичнымъ человѣкомъ. Но, несмотря на это, въ результатѣ долгихъ колебаній и мученій. Юрій рѣшаетъ остаться съ бабушкой. Отецъ проклинаетъ сына; послѣдній кончаетъ самоубійствомъ.

Съ автобіографической стороны интересна также драма „Странный человѣкъ". Въ ней отецъ автора изображенъ менѣе симпатично въ связи съ дурнымъ отношеніемъ къ любящей, забитой женѣ его, матери поэта. Герой драмы Арбенинъ, подъ которымъ скрываетъ себя авторъ, выступаетъ въ позднѣйшихъ драмахъ и имѣетъ уже въ зачаткѣ черты, сближающія его съ героями главныхъ произведеній Лермонтова („Демонъ" и „Герой нашего времени").

Во **второй періодъ дѣятельности** Лермонтова въ лирикѣ его начинаютъ звучать новые мотивы, старые же углубляются. Эпическія произведенія этого періода свидѣтельствуютъ о томъ, что Лермонтовъ вполнѣ былъ способенъ къ объективному творчеству и что субъективность его являлась лишь результатомъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ протекло его дѣтство, результатомъ литературныхъ вліяній и жизненной обстановки, заставлявшей поэта углубляться въ себя.

Лирическія произведенія. Поэтъ попрежнему далекъ отъ примиренія съ жизнью, попрежнему въ его душѣ протестъ, чувство одиночества, стремленіе къ покою и забвенію отъ тревогъ. Но теперь лирика его дѣлается разнообразнѣе, богаче по содержанію, а, главное,

во многихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ слышна ужъ не жгучая тоска, не рѣзкій протестъ и возмущеніе, а *тихая грусть*. Таковы: „Памяти А. И. Одоевскаго“, „Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой“ (Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный...), „Воздушный корабль“, „Какъ небеса твой взоръ“, „Сонъ“, „Они любили другъ друга“, „Ребенокъ“, „Казачья колыбельная пѣснь“, „Дубовый листокъ“, и др. Не со страстнымъ негодованіемъ, а съ тихою грустью говоритъ онъ въ нихъ о людяхъ, о женщинахъ, грусть на него навѣваетъ и природа. Его привлекаютъ простыя сердца, какъ въ „казачьей колыбельной пѣснѣ“. Въ стих. „Ребенокъ“ замѣчательно нѣжно, тонко, трогательно выражено чувство несчастной любви. Поэтъ обращается къ ребенку любимой женщины:

„...А ты любишь-ли меня!
Не скучны-ли тебѣ непрошенныя ласки;
Не слишкомъ часто-ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла-ль?
Смотри-жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ! Къ чему? *Ее, быть можетъ,*
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Передъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней—*скажи, тебя она*
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произнесла
Названіе, теперь забытое тобой...“

Теперь приходятъ къ Лермонтову иногда и религіозныя настроенія.—„Когда волнуется желтѣющая нива“..., когда отъ всей природы вѣетъ миромъ и покоемъ, тогда поэтъ можетъ „счастье постигнуть на землѣ и въ небесахъ онъ видитъ Бога“. Онъ понимаетъ, какъ отъ молитвы, обращенной къ Богу, уходитъ сомнѣніе, скатывается бремя съ души „и вѣрится и плачется и такъ легко, легко“... Религіознымъ чувствомъ проникнуто также стихотвореніе „Вѣтка Палестины“. Но особенной задушевностью, умиленіемъ, даже какой-то смиренной кротостью вѣетъ отъ „Молитвы“, тутъ и религіозная вѣра и любовь къ женщинѣ, но просвѣтленная, лишенная даже и тѣни эгоизма:

«Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ».

Дальше онъ проситъ „не за свою душу пустынную, за душу странника въ свѣтѣ безроднаго“, а за „дѣву невинную“, которую хочетъ вручить Теплой заступницѣ міра холоднаго:

«Окружи счастьемъ душу достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую. старость спокойную
Сердцу незлобному миръ упованія и т. д.»

Вотъ какое впечатлѣніе произвело это стихотвореніе на Бѣлинскаго: „сколько кроткой задушевности въ тонѣ этого стихотворенія, сколько нѣжности безъ всякой приторности; какое благоуханное, теплое, женственное чувство! Все это трогаетъ въ голубиной натурѣ человѣка; но *въ духѣ мощномъ и гордомъ, въ натурѣ львиной—все это больше, чѣмъ умилительно*".

Попрежнему и даже съ большей силой и глубиной выражаетъ Лермонтовъ свой восторгъ передъ могучей красивой природой. Особенно хороши картины природы Кавказа съ его величественной, мрачной красотой, близкой душѣ поэта. Обращаютъ на себя вниманіе стихотворенія „Три пальмы", въ которыхъ звучатъ жалобы на неблагодарность и безсердечіе людей, и „Дары Терека", гдѣ поэтъ восхищается тѣмъ, что Терекъ „съ чуждой властью человѣка вѣчно спорить былъ готовъ". Въ стихотвореніи „Валерикъ" изображена битва, въ которой участвовалъ самъ поэтъ. Онъ задаетъ вопросъ: „жалкій человѣкъ! Чего онъ хочетъ? Небо ясно; подъ небомъ мѣста много всѣмъ..." Сливаясь душой съ природой, презирая людскую суету, поэтъ не можетъ мириться съ жестокостями войны. Природа возбуждаетъ у поэта желанье „забыться и заснуть" такимъ же сномъ, какимъ спитъ она, т. е. „не холоднымъ сномъ забвенья", „чтобъ въ груди дремали жизни силы, чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь"...

Совсѣмъ другія чувства возбуждало у Лермонтова современное общество, именно тотъ свѣтскій кругъ, въ которомъ онъ вращался. Въ стихотвореніи „Дума", написаннымъ „желѣзнымъ стихомъ, облитымъ горечью и злостью", Лермонтовъ характеризуетъ свое „поколѣніе", онъ „печально глядитъ" на него:

„Къ добру и злу постыдно равнодушны
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы".

Это поколѣніе, безполезно, безцвѣтно влачившее свое существованіе, „пройдетъ надъ міромъ толпой угрюмой и скоро позабытой безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда". Поэтъ заканчиваетъ свое бичующее стихотвореніе такимъ суровымъ предсказаніемъ:

„И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ"

„Эти стихи написаны кровью", говоритъ Бѣлинскій, они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа. Это—вопль, это—стонъ человѣка. И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты вѣтренной, и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ?.. Если подъ „сатирою" должно разумѣть... громы негодованія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ общества,—то „Дума" Лермонтова есть сатира"...

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лермонтовъ любитъ хоть и „странною любовью“, но горячо свою „родину“. Ему поэтому особенно тяжела пустота, безплодность общества (слѣдуетъ помнить, что не все общество было таково, современниками Лермонтова были Герценъ, Станкевичъ, Бѣлинскій и пр., тогда же выдвигались Гоголь, Тургеневъ, но Лермонтовъ видѣлъ передъ собою лишь его дурную часть и ее-то и обличалъ). Поэту знакомы были патріотическія чувства, онъ не разъ ихъ выражалъ въ прекрасныхъ стихотвореніяхъ. Таковы: „Отчизна“, „Бородино“, „Два великана“, „Споръ“, „Опять народныя витіи“... Особенно теплымъ чувствомъ любви къ отчизнѣ проникнуты слова стараго солдата въ „Бородинѣ“; вмѣстѣ съ тѣмъ они полны горечи по поводу того, что настоящее поколѣніе не способно къ славнымъ подвигамъ и великимъ дѣламъ. По формѣ это стихотвореніе „отличается простотою, безыскусственностью: въ каждомъ словѣ слышите солдата, языкъ котораго, не переставая быть грубо-простодушнымъ, въ то же время благороденъ, силенъ и полонъ поэзіи“. Въ нѣкоторыхъ патріотическихъ стихотвореніяхъ видно увлеченіе Лермонтова „оффиціальной народностью“, которая въ царствованіе Николая I имѣла поклонникомъ Пушкина и многихъ другихъ. Но это лишь минутное увлеченіе, въ дѣйствительности же поэтъ противъ „славы, купленной кровью“.

Подобно Пушкину Лермонтовъ высказалъ свой взглядъ на призваніе поэта. Онъ выразился, какъ въ стихотвореніяхъ, непосредственно посвященныхъ этой темѣ, такъ и въ другихъ, говорящихъ объ его отношеніи къ обществу, къ „толпѣ“. Его взглядъ на поэта находится въ тѣсной связи съ его отношеніемъ къ обществу. Въ стихотвореніяхъ: „Поэтъ“, „Пророкъ“, „Не вѣрь себѣ“, „Журналистъ, читатель и писатель“, выясняется положеніе поэта въ обществѣ. Въ первомъ Лермонтовъ говоритъ:

„Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы.
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, *какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой*
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ“.

Такимъ образомъ, Лермонтовъ считалъ, что поэтъ рожденъ не „для звуковъ сладкихъ и молитвъ“, чуждыхъ жизни людской, а для того, чтобы его могучія слова звучали для народа, „какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой“. Та же мысль въ „Пророкѣ“. Пророкъ приходитъ къ людямъ съ чистыми ученьями любви и правды. Дальше, въ стихотвореніи „Журналистъ, читатель и писатель“ писатель говоритъ, что въ минуты вдохновенья „міръ мечтою благородной предъ нимъ очищенъ и обмытъ“, порою же онъ готовъ смѣло предавать позору „приличьемъ скрашенный порокъ“.

Но самъ же Лермонтовъ и возражаетъ себѣ, сдерживаетъ свои порывы творить для людей, для ихъ совершенствованія. Онъ гово-

ритъ, что прошли тѣ времена, когда въ толпѣ народной звучалъ благородный отзывъ на могучія слова пѣвца. Теперь толпу тѣшатъ лишь блески и обманы, „ветхій міръ привыкъ морщины прятать подъ румяны", теперь „пророкъ осмѣянъ" —(„поэтъ"). Провозглашенье чистыхъ ученій любви и правды встрѣчаетъ у людей или вражду („въ меня всѣ ближніе мои бросали бѣшенно каменья"), презрѣніе и насмѣшки, или, что еще хуже, холодное, тупое равнодушіе („Пророкъ"). Обличеніе пороковъ толпа принимаетъ не за „пророческую рѣчь", а какъ „брань коварную" („Журналистъ, читатель, писатель"). „Толпа" не понимаетъ „поэта", его высокихъ стремленій, и Лермонтовъ обращается къ нему въ стихахъ „не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой": „не унижай себя. Стыдися торговать то смѣхомъ, то тоской послушной, и гной душевныхъ ранъ надменно выставлять на диво черни простодушной"... Если поэтъ „унизится", не скроетъ отъ людей свои „странныя творенья", ихъ „осмѣетъ, забудетъ свѣтъ" и посмотритъ на пѣвца, какъ на „разрумяненнаго трагическаго актера", размахивающаго мечомъ картоннымъ.

Еще болѣе ѣдко и зло обличаетъ Лермонтовъ эту толпу, „надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ" въ стихотвореніи „На смерть Пушкина", его великаго предшественника, также непонятаго и неоцѣненнаго „черныо".

При воспоминаніи о враждебной или равнодушной толпѣ поэтъ теряетъ душевный покой, улетаетъ его мечта, которая боится шума толпы людской, и тогда:

„О какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью".

в осклицаетъ поэтъ.

Эпическія произведенія. Къ эпическимъ произведеніямъ этого періода относятся поэмы: „Измаилъ-Бей", „Хаджи-Абрекъ", „Бояринъ Орша", „Мцыри" и „Демонъ" въ послѣдней его редакціи, „Пѣсня про купца Калашникова" и романъ „Герой нашего времени".

Герой первой поэмы—*Измаилъ-Бей* по происхожденію горецъ, но воспитывавшійся въ Россіи. Онъ возвращается на родину, чтобы бороться съ русскими, покорителями Кавказа. Душа его, несмотря на принятое христіанство, дика и необузданна, но, подъ вліяніемъ культуры, въ нее закралось сомнѣніе, разочарованіе. Онъ отвергаетъ любовь прекрасной Зары, не находитъ себѣ мѣста, только страстная любовь къ природѣ и жаркія битвы съ врагами (Измаилъ чрезвычайно храбръ) даютъ ему утѣшеніе въ жизни. Измаилъ одинокъ, такъ какъ къ культурной жизни вполнѣ пріобщиться не могъ, а отъ своихъ соплеменниковъ ушелъ впередъ, они его не понимаютъ и съ презрѣніемъ отворачиваются отъ него, узнавъ, что онъ христіанинъ. Измаилъ—байроническій герой.

Въ этой поэмѣ встрѣчаются замѣчательно красочныя описанія природы Кавказа.

Хаджи-Абрекъ, герой поэмы того-же имени, представленъ мрачнымъ, разочарованнымъ, мстительнымъ, однимъ словомъ, съ „демонической“ душой. Дѣйствіе этой поэмы также происходитъ на Кавказѣ.

Бояринъ Орша, какъ и оба первые—чисто байроническій типъ. Угрюмый, жестокій старикъ, сподвижникъ Іоанна Грознаго, не „удивлявшійся злу“, „не вѣрившій добру“, не вѣрившій даже въ Бога, любитъ только одно существо въ мірѣ—свою дочь. Но оказывается, что и ей онъ напрасно вѣрилъ, она любитъ монастырскаго воспитанника Арсенія. Это тоже байроническая личность, „онъ больше страдалъ, чѣмъ жилъ“, онъ стремится къ свободѣ и независимости, ненавидитъ людей. Бояринъ Орша жестоко отомстилъ дочери и Арсенію. Дочь онъ уморилъ голодомъ, Арсенію же передъ смертью (они встрѣтились на полѣ битвы) сказалъ, чтобы онъ поскорѣй отправлялся къ возлюбленной, которая его ждетъ. Арсеній поспѣшилъ и... нашелъ скелетъ.

Несмотря на свое названіе и на русскія имена, поэма совершенно лишена народнаго духа, и байронизмъ героевъ ея не соотвѣтствуетъ эпохѣ.

Указанныя поэмы наименѣе удачныя, незрѣлыя произведенія Лермонтова. Гораздо выше стоятъ позднѣйшія поэмы.

Мцыри (послушникъ по грузински) имѣетъ общее съ поэмой „Бояринъ Орша“ въ томъ отношеніи, что герой ея Мцыри нѣкоторыми чертами сходенъ съ Арсеніемъ. Дѣйствіе снова происходитъ на любимомъ Лермонтовымъ Кавказѣ. Мцыри, по происхожденію черкесъ, ребенкомъ былъ взятъ на воспитаніе въ грузинскій монастырь. Предполагалось подготовить изъ него монаха. Онъ росъ мальчикомъ „угрюмымъ, одинокимъ“, его страстный, сильный характеръ мѣшалъ ему привыкнуть къ тихой однообразной монастырской жизни. Онъ рвался на просторъ, къ природѣ, къ вольнымъ людямъ „и отъ келій душныхъ и молитвъ въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ, гдѣ въ тучахъ прячутся скалы, гдѣ люди вольны, какъ орлы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ его грызетъ тоска по „отчизнѣ, дому, друзьямъ, роднымъ“, которыхъ онъ лишенъ. Передъ смертью онъ съ глубокой грустью говоритъ о томъ, что „никому не могъ сказать священныхъ словъ *отецъ и мать*!“

Мцыри не вынесъ пребыванія „въ келіяхъ душныхъ“ и передъ постриженіемъ въ монахи бѣжалъ изъ монастыря на волю, на лоно природы, чтобы слиться съ небомъ, землей, горами, звѣздами... Онъ пробылъ наединѣ съ природой всего лишь нѣсколько дней, но многое узналъ, онъ *жилъ*. Монахи нашли Мцыри умирающимъ отъ голода и усталости. Передъ смертью онъ исповѣдуется: „Ты хочешь знать, что дѣлалъ я на волѣ?“ спрашиваетъ Мцыри стараго монаха и отвѣчаетъ: „*Жилъ*,—и жизнь моя безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней была-бъ печальнѣй и мрачнѣй безсильной старости твоей...“ Онъ „обнимался съ бурей“, боролся съ звѣремъ, какъ звѣрь, и слушалъ, припавъ къ землѣ, какъ „кругомъ него цвѣлъ Божій садъ“, и „всѣ природы голоса сливались въ торже-

ственный хваленья гласъ". Измученный и умирающій, но гордый и не сломленный, не раскаивающійся онъ проситъ, чтобы ему дали умереть не въ кельѣ, куда его перенесли, а въ саду, подъ цвѣтущими деревьями...

Въ этой поэмѣ замѣчательно художественно, ярко изображена дикая природа Кавказа.

Во второй періодъ была написана послѣдняя редакція *«Демона»*. Тутъ наиболѣе ярко выступили всѣ положительныя черты поэмы. Это произведеніе было особенно дорого Лермонтову, подобно тому, какъ „Евгеній Онѣгинъ"—Пушкину. Возможно, что, если-бы не смерть, онъ продолжалъ бы передѣлывать его. Лермонтовъ писалъ „Демона" для себя, поэтому напечатанъ онъ былъ только послѣ смерти поэта. Какъ мы уже знаемъ, первый очеркъ былъ наименѣе удаченъ, второй стоялъ въ тѣсной связи съ романомъ самого Лермонтова.

Послѣдующія редакціи также имѣютъ автобіографическое значеніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ образъ Демона дѣлается все мягче. Въ послѣдней редакціи особенно чувствуется элегическое настроеніе самого поэта.

Лермонтовъ въ первыхъ же строфахъ своей поэмы называетъ демона „печальнымъ". Онъ зналъ когда-то „лучшіе дни", тогда онъ „вѣрилъ и любилъ", но лишился всего этого, отвернувшись отъ Бога во имя полной безграничной свободы. Съ тѣхъ поръ онъ блуждаетъ „въ пространствѣ міра, безъ цѣли и пріюта" духомъ зла, но „сѣетъ зло безъ наслажденья", „зло наскучило ему"! Чтобы заглушить печаль, онъ старается забыться въ борьбѣ съ разбушевавшимися стихіями. Но снова чувство одиночества и тоски охватываетъ духа зла, отказавшагося отъ любви и свѣта. Ничто, даже природа, его не утѣшаетъ, онъ ее презираетъ такъ же, какъ и людей, потому что то и другое—„созданіе Бога своего". Ко всему этому онъ не можетъ забыть блаженства, какое онъ испытывалъ, будучи въ свитѣ Творца.

Но вотъ ему чудится спасенье. Онъ увидѣлъ Тамару: „Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишенъ былъ рая,... красавица такая подъ солнцемъ юга не цвѣла". Кромѣ того, и внутренне она не похожа на другихъ смертныхъ дѣвушекъ: „Творецъ изъ лучшаго эфира соткалъ живыя души ихъ, онѣ не созданы для міра, и міръ былъ созданъ не для нихъ". Въ ея глазахъ былъ „рай и адъ", она обладала душой мятежной и пытливой. Увидѣвъ Тамару, демонъ „опять постигъ святыню и міръ добра и красоты". У него зародилась надежда черезъ посредство любви этой дѣвушки и своей любви къ ней вернуться къ прежнему райскому блаженству, къ началамъ свѣта и добра. Онъ сталъ посѣщать Тамару въ сновидѣньяхъ, внушать ей къ себѣ любовь. Тамара, видя въ этомъ грѣхъ, уходитъ въ монастырь. Но и тамъ онъ не перестаетъ смущать ея покой. Она пытается молитвами заглушить голосъ „коварнаго соблазнителя", но напрасно. „Ея тревожныя мечтанья опять къ нему обращены".

Наконецъ, въ душу Тамары закралась жалость — „онъ такъ

смотрѣлъ, онъ такъ молилъ, *онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ*". Она не могла устоять противъ жалости и состраданья, которыя возбуждалъ въ ней тотъ, кто *„отъ нея спасенья ждалъ*". Она оправдываетъ себя тѣмъ, что ея любовь можетъ возродить демона къ добру. Онъ является къ ней на яву, въ ея кельѣ, отстранивъ ангела-хранителя. Онъ снова говоритъ ей о своихъ нечеловѣческихъ страданіяхъ, со страхомъ ждетъ приговора Тамары, онъ надѣется впервые узнать любовь и слезы. Растроганная Тамара согласна отдать ему свое сердце, только требуетъ отъ него раньше клятвы вернуться къ добру. Демонъ явился къ Тамарѣ „любить готовый, съ душой, открытой для добра", поэтому онъ вполнѣ искренне даетъ ей клятву:

«Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ,
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ничей ужъ не встревожитъ умъ,
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться
Хочу я вѣровать добру...»

Но демонъ заблуждается, онъ не способенъ освободиться отъ эгоизма, которымъ проникнута и любовь его къ Тамарѣ. Онъ не способенъ совершенно переродиться, какъ бы ни было велико его чувство къ чистой, прекрасной дѣвушкѣ. Ему нѣтъ дѣла до міра и до людей, самое большее, чего онъ можетъ достигнуть—это удержаться отъ зла. Но для перерожденія нужно полюбить весь міръ, начать творить добро, демонъ для этого слишкомъ эгоистиченъ Увлекая Тамару за собой, онъ обѣщаетъ ей:

«*Безъ сожалѣнья, безъ участья*
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты.
Гдѣ преступленья лишь да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить...»

Когда появляется „посланникъ небесъ", демонъ забываетъ свои клятвы, сказывается не только его черствость и надменность, какъ въ выше приведенныхъ словахъ, но и прежняя ненависть къ Богу. „Вѣка вражды, вѣка страданій" берутъ верхъ надъ роемъ свѣтлымъ мечтаній, надъ сладкими надеждами. Тамара умираетъ, ея душа уносится ангеломъ въ небо, несмотря на притязанія демона. Хоть при жизни она согрѣшила, полюбивши духа зла, но искупила вину своими страданіями и стремленіемъ вернуть демона къ добру:

«Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои;
Она страдала и любила
И рай открылся для любви».

Демонъ снова остается одинъ, со своей тоской:

«И проклялъ демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ, надменный,
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!»

Въ поэмѣ „Демонъ" стихъ Лермонтова отличается силой, пластичностью, музыкальностью. Отдѣльныя сцены полны драматизма, описанія природы Кавказа и быта горцевъ замѣчательно художественны. Образъ демона, несмотря на первоначальное заимствованіе у разныхъ европейскихъ писателей (Байронъ, Виньи, Муръ), имѣетъ и своеобразныя черты. Главная—очеловѣченіе страданій, тоски демона, связанной съ сожалѣніемъ объ утерянномъ блаженствѣ и съ надеждой возродиться посредствомъ любви. Но въ образѣ демона есть неясности. Онъ говоритъ о себѣ: „я, царь познанья и свободы", „богъ рабовъ своихъ земныхъ"; эта мысль совершенно не развита въ поэмѣ, какъ и не объяснены въ ней причины паденія демона. Образъ Тамары также не вполнѣ ясенъ; замѣчаются противорѣчія въ ея характеристикѣ въ 1-й и 2-й части. Это единственные недостатки прекраснаго, поэтическаго произведенія Лермонтова, вложившаго въ него свою „тоску" столькихъ лѣтъ.

Къ числу эпическихъ произведеній относится: *„Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова"*, хоть она и стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ всего творчества Лермонтова. Она не имѣетъ ничего общаго съ байронизмомъ, который господствовалъ почти надъ всей творческой дѣятельностью Лермонтова. Въ немъ сказывается способность его къ объективному творчеству, глубокое пониманіе и любовь къ народной поэзіи и способность проникаться въ своемъ творчествѣ ея духомъ.

Это произведеніе Лермонтова совершенно и закончено какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Сюжетъ полонъ трагизма, впечатлѣніе отъ котораго усиливается благодаря быстротѣ дѣйствія и сжатости разсказа, образы обрисованы настолько ярко и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько объективно, что они стоятъ передъ глазами, какъ живые. Тонъ всего повѣствованія эпически—безстрастный, спокойствіе его усиливается благодаря старинному припѣву. „Ай, ребята, пойте—только гусли стройте" и т. д. Не вѣрится, что это повѣствованіе принадлежитъ перу писателя XIX вѣка, кажется, что она сложилась въ народѣ въ эпоху Іоанна Грознаго.

Эта пѣсня „какъ маніемъ волшебнаго скипетра воскрешаетъ прошедшее". Вотъ образъ купца Калашникова, патріархальнаго отца семейства, идеальнаго съ точки зрѣнія „Домостроя". Въ домѣ „благочиніе", все покоряется волѣ домовладыки: и жена, и братья, и чада, и домочадцы. Ласковый и спокойный, но съ твердой волей купецъ Калашниковъ жизнь готовъ отдать за честь свою, которая „публично" была попрана опричникомъ. Безъ страха онъ выступаетъ противъ любимца царя, безъ страха признается царю въ томъ, что по волѣ своей убилъ Кирибѣевича; онъ не хочетъ спастись ложью, идетъ на казнь и проситъ только царя „не оставить своей милостью малыхъ дѣтушекъ, молодой жены, да двухъ братьевъ".

Замѣчательно жизненно обрисованъ молодой опричникъ Кирибѣевичъ; какъ и Калашниковъ, это чисто русскій типъ. Сильная, могучая натура, съ широкими размахами, Кирибѣевичъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишенъ всякихъ нравственныхъ устоевъ, „ему все можно",

общественныя требованія его лишь стѣсняютъ, онъ съ ними не считается, такъ какъ ни передъ кѣмъ не преклоняется, ни во что не вѣритъ. Поэтому и его „страсть-лава, горесть—тяжела и трудна; это удалое, разгульное отчаяніе, которое въ молодечествѣ, въ подвигѣ крови и смерти ищетъ своего утоленія“! Рѣчь Кирибѣевича за царскимъ столомъ во время пира (отвѣтъ царю) полна мрачной поэзіи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ.

Образъ Іоанна, дѣйствительно, „грозный“, какимъ онъ былъ въ представленіи народа; нѣсколькими штрихами Лермонтовъ придалъ этому образу замѣчательную жизненность. Такъ, посылая Калашникова на казнь и выполняя этимъ какъ бы предначертанія судьбы, а не собственную злую волю, царь обѣщаетъ позаботиться о семьѣ приговореннаго и „самого не оставить милостью“:

„Палача велю одѣть—нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью“...

„Какая жестокая иронія“!, говоритъ Бѣлинскій, „какой ужасный сарказмъ! и мертвый содрогнулся бы отъ него въ гробѣ! А между тѣмъ, въ согласіи на милость женѣ, покровительствѣ дѣтямъ и братьямъ осужденнаго, проблескиваетъ лучъ благородства и величія царственной натуры, и какъ бы невольное признаніе достоинства человѣка, который обреченъ судьбой на безвременную и насильственную смерть!.. Какая страшная трагедія! сама судьба, въ лицѣ Грознаго, присутствуетъ передъ нимъ и управляетъ „ходомъ“!..

„Пѣсня“, ее можно назвать народной „балладой“, написана народнымъ языкомъ, нѣкоторые постоянные эпитеты, описанія цѣликомъ взяты изъ народной поэзіи. Пріемы повторенія отдѣльныхъ выраженій, иногда цѣлыхъ строфъ и „единоначатій“ („Повалился онъ на холодный снѣгъ, на холодный снѣгъ, будто сосенка, будто сосенка, во сыромъ бору“...) также заимствованы изъ народной поэзіи. Прекрасно описано морозное утро надъ Москвой, также въ народныхъ краскахъ. Заканчивается эта „Пѣсня“ стихами, которые ослабляютъ грустное чувство, остающееся отъ тяжелой развязки описанной драмы Калашникова:

„Схоронили за Москвой—рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ
Промежъ Тульской, Рязанской, Владимірской
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили,
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ, перекрестится,
Пройдетъ молодецъ, пріосанится,
Пройдетъ дѣвица, пригорюнится,
А пройдутъ гусляры, споютъ пѣсенку“

„*Герой нашего времени*“. Наиболѣе зрѣлымъ и самымъ крупнымъ произведеніемъ Лермонтова является „Герой нашего времени“, вы-

шедшій въ свѣтъ въ 1840 году. Герой его—Печоринъ. Произведеніе посвящено выясненію личности его, этого *типичнаго* представителя того самого поколѣнія, которое было осуждено Лермонтовымъ въ стихотвореніи „Дума". Такимъ образомъ, „Герой нашего времени" является преимущественно психологическимъ романомъ, что было ново для литературы того времени. Въ предисловіи къ роману авторъ говоритъ о своемъ героѣ, что онъ „портретъ, составленный изъ пороковъ" людей того времени. Но онъ даетъ только „исторію души" „современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ".

О Печоринѣ мы узнаемъ изъ разсказовъ другихъ о немъ („Бэла", „Максимъ Максимычъ"), изъ его дневника („Княжна Мэри"), изъ разсказовъ, записанныхъ самимъ Печоринымъ („Тамань", „Фаталистъ").

Наиболѣе интересенъ въ психологическомъ отношеніи дневникъ Печорина, дающій богатый матерьялъ для сужденія о его личности. Относительно того, какъ сложился характеръ Печорина, въ романѣ почти нѣтъ указаній (въ этомъ отношеніи онъ невыгодно отличается отъ „Евгенія Онѣгина", гдѣ для читателя становится совершенно яснымъ, почему Онѣгинъ сдѣлался „лишнимъ" человѣкомъ). Только въ одномъ мѣстѣ самъ Печоринъ говоритъ о своемъ прошломъ, но очень обще и, такъ какъ онъ посвящаетъ въ него дѣвушку, которую хочетъ увлечь собою, то въ этихъ признаніяхъ есть рисовка:

«Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали, они родились. Я былъ скроменъ, меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло—никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ—меня ставили ниже; я сдѣлался завистливъ... Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не понялъ—и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду—мнѣ не вѣрили, я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе—не то отчаяніе, которое лечатъ дуломъ пистолета, но холодное безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушною улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой».

Изъ этой исповѣди подтверждается въ дальнѣйшемъ то, что люди не понимали Печорина и что онъ былъ *«нравственнымъ калѣкою»*. *Чувства* въ немъ умерли. Имъ руководили лишь *умъ и воля*. Онъ лишился съ ранняго дѣтства непосредственности, цѣльности натуры—душа его раздвоилась, въ ней поселился разладъ; одинъ Печоринъ дѣйствовалъ, другой наблюдалъ за самимъ собой. Эта двойственность сдѣлалась отличительной чертой его. Возможно, что въ этомъ было виновато воспитаніе, но безусловно и отъ природы онъ былъ надѣленъ „несчастнымъ характеромъ".

Печоринъ, обладая большимъ скептическимъ (т. е. недовѣр-

чивымъ, видящимъ только дурное) умомъ, наблюдалъ не только за собою, но анализировалъ всю жизнь людскую и пришелъ къ печальному выводу, что жизнь пошла, а люди достойны презрѣнія. Тогда, глубоко неудовлетворенный, онъ спряталъ свою внутреннюю жизнь отъ постороннихъ взоровъ, замкнулся. Эта замкнутость, копанье въ самомъ себѣ доставили Печорину много страданій, онъ сталъ презирать самого себя, хоть и чувствовалъ свое превосходство надъ другими. Печоринъ искалъ забвенья отъ самого себя тамъ, гдѣ можно было получить сильныя впечатлѣнія, но напрасно и „подъ чеченскими пулями“ его не оставляла тоска. Онъ думалъ успокоиться, перестать возиться съ собой, полюбивъ Бэлу, простую, непосредственную натуру, „дитя природы“. Но и эта надежда обманула его. Бэла, съ которой онъ не могъ жить одной жизнью, скоро ему надоѣла. Не находя себѣ мѣста въ жизни, онъ говоритъ: „глупецъ я, или злодѣй, не знаю, но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія“...

Неудовлетворенность Печорина усиливается еще тѣмъ, что въ немъ есть „силы необъятныя“, энергія и твердая воля. Онъ чувствуетъ, что на многое способенъ, но не находитъ примѣненія, своимъ силамъ. Жизнь, которой кругомъ живутъ, пошла, мелка, ничтожна,—во всякомъ случаѣ другой жизни Печоринъ не видѣлъ, потому-ли, что онъ зналъ только „свѣтъ“, или вслѣдствіе того, что во всемъ замѣчалъ только дурную сторону. Участвовать въ такой жизни, какъ всѣ, онъ не можетъ и не хочетъ, считаетъ себя выше этого. Но силы требуютъ дѣйствія, движенія; Печоринъ говоритъ, что онъ любитъ враговъ, „они волнуютъ ему кровь“.—И вотъ онъ растрачиваетъ себя по пустякамъ, которые другимъ людямъ обходятся очень дорого, а его не спасаютъ отъ тоски и неудовлетворенности. Онъ ухаживаетъ за дѣвушкой, которую не любитъ, но которую хочетъ увлечь изъ тщеславія и эгоизма, борется съ такими людьми, какъ Грушницкій, которыхъ самъ же глубоко презираетъ.

Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ просвѣчиваетъ холодный эгоизмъ Печорина, видно, что одна „половина души“ его, чувства, умерла. Онъ не обращаетъ вниманія на страданія Бэлы, мало горюетъ послѣ ея смерти, не задумываясь, разбиваетъ сердце княжны Мэри и портитъ жизнь Вѣрѣ. Всѣмъ своимъ поведеніемъ онъ какъ бы мститъ людямъ и жизни за то, что онъ не можетъ быть счастливъ.

Въ особенности эгоизмъ Печорина проявляется въ отношеніи къ женщинамъ. Онъ ждетъ отъ нихъ поклоненія, считаетъ, что онѣ сами любятъ покоряться болѣе сильной волѣ. Онъ говоритъ: „Есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся душой! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами; но оно проявилось въ другомъ видѣ:

ибо честолюбіе не что иное, какъ *жажда власти*, а первое мое удовольствіе—подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права, не есть ли это сладкая пища гордости?"

Мы видимъ, куда заводитъ Печорина его холодный, сознательный эгоимъ, его неспособная къ глубокой любви, къ теплой привязанности натура. Любовь для него — лишь подчиненіе другого своей воли. Любовь къ нему губитъ женщинъ—Бэлу, Вѣру, княжну Мэри.

Одна изъ нихъ, Вѣра, знавшая Печорина лучше другихъ, пытается объяснить его власть надъ женщиной.

Она пишетъ ему въ послѣднемъ письмѣ: „...въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, чтобы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая, *никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ*; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно"...

Итакъ, къ любви Печоринъ былъ неспособенъ, ни въ какіе идеалы онъ не вѣритъ, въ жизни ничего хорошаго не видитъ, живетъ изъ „любопытства", все окружающее надменно презираетъ. Но онъ несчастный человѣкъ, такъ какъ знаетъ свои „дурныя страсти" и самого себя (не только окружающихъ), такъ какъ видитъ безцѣльность, безплодность своего существованія. Во всемъ этомъ онъ отдаетъ себѣ отчетъ передъ дуэлью. На этотъ разъ онъ вполнѣ искрененъ.

«Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? Для какой цѣли я родился?.. А, вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ: изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ на вѣки пылъ благородныхъ сомнѣній—лучшій цвѣтъ жизни... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ страшную потребность сердца, съ жадностью поглощалъ ихъ чувства, ихъ радости и страданія,—и никогда не могъ насладиться... И, можетъ быть, завтра я умру!.. и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно...»

Таковъ „герой" времени Лермонтова; этотъ романъ—развитіе тѣхъ же мыслей въ современномъ поэту поколѣніи что были высказаны въ „Думѣ", да и въ цѣломъ рядѣ другихъ пессимистическихъ стихотвореній („И скучно и грустно", „Не вѣрь себѣ" и др.) Бѣлинскій говоритъ: „Герой нашего времени"—это грустная дума о нашемъ времени". Тѣсная связь между этимъ романомъ и лирикой Лермонтова, отражавшей всю его внутреннюю жизнь, указываетъ на близость къ автору, на сходство съ нимъ Печорина. Лермонтовъ въ предисловіи старается заранѣе опровергнуть это предположеніе. Но нѣкоторыя рѣчи Печорина, его настроенія, нѣкоторыя черты его порою совершенно совпадаютъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о Лермонтовѣ изъ его лирики — „*Лермонтовъ объектировалъ себя въ Пе-*

чоринъ". Однако въ этомъ романѣ выведено одно лицо, къ которому выражено явное сочувствіе автора, и которое является прямой противоположностью Печорину. Это Максимъ Максимычъ—чисто-русскій типъ, простой, порой до наивности, добрый, мягкій и честный человѣкъ, способный къ самой нѣжной привязанности. Эти качества кажутся особенно цѣнными въ человѣкѣ, который провелъ однообразную и вмѣстѣ съ тѣмъ трудную боевую жизнь, не имѣя близкихъ людей. Лермонтовъ явно предпочитаетъ этого несложнаго человѣка умному и сложному Печорину. Въ этомъ отношеніи правъ былъ Лермонтовъ, открещивавшійся отъ тожества, съ Печоринымъ: онъ уже началъ „желать то, чему поклонялся". Передъ нимъ, для его творчества открывался новый путь, къ русской жизни, къ простымъ русскимъ людямъ.

Лермонтовъ въ лицѣ Печорина изобразилъ *типичнаго представителя русскаго байронизма*. Въ этомъ отношеніи Печоринъ даетъ намъ гораздо больше, чѣмъ Онѣгинъ, „москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ", такъ какъ душа Печорина подвергнута тонкому и глубокому психологическому анализу. Да и байронизмъ Печорина—неудовлетворенность всѣмъ, презрѣніе къ людямъ съ сознаніемъ собственнаго превосходства надъ ними гораздо глубже, серьезнѣе, сознательнѣе.

Но въ романѣ есть и каррикатура на байрониста: Грушницкій. Глупый, пустой, болѣзненно самолюбивый, воображающій себя „загадочной" натурой, говорящій вычитанныя у Марлинскаго фразы и думающій, что разочарованному герою къ лицу солдатская шинель, Грушницкій былъ особенно ненавистенъ Печорину. Насколько послѣдній проигрываетъ въ сравненіи съ безхитростнымъ Максимъ Максимычемъ, настолько выигрываетъ рядомъ съ Грушницкимъ.

Печоринъ, дѣйствительно, глубоко страдалъ, и поэтому Лермонтовъ не отнесся къ нему съ рѣзкимъ осужденіемъ. Онъ только спокойно, реалистически изобразилъ портретъ современнаго поколѣнія.

„Герой нашего времени" большой шагъ впередъ въ творчествѣ Лермонтова, въ немъ ясно виденъ переходъ Лермонтова отъ романтическаго творчества, когда онъ идеализировалъ байроническихъ героевъ (Измаилъ-Бей, Хаджи-Абрекъ, Мцыри), къ реалистическому, къ правдивому изображенію ихъ хорошихъ и дурныхъ сторонъ.

Теперь намъ осталось познакомиться еще съ однимъ произведеніемъ Лермонтова, которое было написано до „Героя нашего времени". Мы говоримъ объ его *драмѣ* „Маскарадъ". Въ ней видно вліяніе „Горя отъ ума" Грибоѣдова. Общество пошло, ничтожно и мелко (карты и женщины—вотъ единственные интересы); герой, Арбенинъ, чувствуя свое превосходство, томится въ немъ. Онъ „рожденъ съ душею кипучею, какъ лава" и вмѣстѣ съ тѣмъ съ холоднымъ скептическимъ умомъ, изъ-за этого противорѣчія онъ глубоко страдалъ. Онъ говоритъ:

Я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ:
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я:
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...

Привязываетъ Арбенина къ жизни и даетъ свѣтъ мрачному существованію только одно: любовь къ женѣ. Но и этого свѣта Арбенинъ лишается: онъ узнаетъ объ измѣнѣ жены; натура мстительная, онъ отравляетъ Нину. Но оказывается, что врагъ обманулъ Арбенина, жена его была невинна. Съ отчаянія онъ сходитъ съ ума.

Въ драмѣ „Маскарадъ" слишкомъ сгущены краски и въ характеристикѣ общества и изображеніи страстей героя.

Мы закончили обзоръ литературной дѣятельности Лермонтова. Остается сказать нѣсколько словъ о ея значеніи въ дополненіе къ тому, что было говорено о творчествѣ этого писателя въ началѣ обзора.

Творчество Лермонтова преимущественно *субъективное*, но „въ крупномъ писателѣ субъективность, даже въ узкомъ смыслѣ, не менѣе цѣнна, чѣмъ способность объективнаго воспроизведенія дѣйствительности. Крупный человѣкъ, а тѣмъ болѣе писатель, вполнѣ можетъ быть названъ фокусомъ, въ которомъ собраны лучи разрозненныхъ чувствъ и понятій, какими живетъ его эпоха. Присмотрѣться къ этому фокусу и изслѣдовать его подробно такъ же интересно, какъ разсмотрѣть порознь каждый изъ лучей, въ немъ собранныхъ. Лермонтовъ облегчилъ намъ эту работу..." (Котляревскій).

Изъ субъективности творчества Лермонтова вытекаетъ то, что оно было преимущественно *лирическимъ*.

Все его творчество, за исключеніемъ нѣкоторыхъ произведеній, проникнуто однимъ *настроеніемъ* тоски и неудовлетворенности. Мы говоримъ настроеніемъ, а не міровоззрѣніемъ, такъ какъ опредѣленнаго, твердаго міровоззрѣнія онъ не выработалъ. Къ концу жизни это настроеніе смягчается, и творчество Лермонтова, которое было до того довольно однообразнымъ, дѣлается богаче.

Лермонтовъ, далѣе, является самымъ *послѣдовательнымъ и глубокимъ романтикомъ* изъ всѣхъ писателей этого направленія. Его романтизмъ—не внѣшнее подражаніе, а результатъ условій его личной жизни, историческихъ условій той эпохи и глубокихъ литературныхъ вліяній

Въ поэзіи Лермонтова былъ „юношескій" пылъ, живая, впередъ стремящаяся сила. Романтическое недовольство современностью, поиски идеаловъ, увѣренность въ высокомъ призваніи, жажда великаго дѣла, тяжелая внутренняя борьба въ виду массы вновь

возникающихъ вопросовъ, нравственныхъ, религіозныхъ, политическихъ, всѣ эти тревоги и надежды молодого сердца были въ поэзіи Лермонтова живой дѣйствительностью. Такимъ образомъ, помимо своей умственной цѣнности, была для молодежи прежде всего „живой силой" (пр. Котляревскій), выраженіемъ протеста. И въ этомъ огромное общественное значеніе творчества Лермонтова.

Повторительные вопросы и отвѣты.

1) Чѣмъ увлекался Лермонтовъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ? Байроническими произведеніями. 2) Въ какихъ произведеніяхъ Лермонтова видно непосредственное вліяніе Пушкина? Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», «Братьяхъ разбойникахъ». 3) Чѣмъ объяснялось такое глубокое вліяніе Байрона на Лермонтова? Родствомъ душъ, природною склонностью Лермонтова къ бурному романтизму. 4) Какіе мотивы звучатъ въ лирикѣ Лермонтова въ первую половину его литературной дѣятельности? Разочарованіе, разладъ, презрѣніе и ненависть къ людямъ, страстная любовь къ природѣ 5) Наиболѣе характерное въ этомъ отношеніи стихотвореніе? «И скучно и грустно»... 6) Каково его отношеніе къ женщинѣ и чѣмъ оно объясняется? Въ этотъ періодъ въ его лирикѣ слышно возмущеніе легкомысліемъ и коварствомъ женщинъ, которыхъ онъ не уважаетъ и которымъ не вѣритъ, объясняется такое отношеніе неудачей въ личной жизни поэта. 7) Какъ Лермонтовъ относится къ природѣ? Его душа сливается съ природой, поэтому онъ съ великимъ мастерствомъ изображаетъ ее. 8) Перечислите эпическія произведенія перваго періода? «Кавказскій плѣнникъ», «Корсаръ» двѣ первыхъ редакціи «Демона». 9) Какія драмы были написаны Лермонтовымъ въ этотъ періодъ? «Испанцы», «Люди и страсти», «Странный человѣкъ». 10) Въ какомъ отношеніи интересны эти драмы? Нѣкоторыя изъ нихъ («Люди и страсти», «Странный человѣкъ») имѣютъ автобіографическое значеніе; какъ художественныя произведенія, онѣ стоятъ невысоко. 11) Какія измѣненія произошли въ лирикѣ Лермонтова въ послѣдніе годы его дѣятельности? Она дѣлается богаче, разнообразнѣе по содержанію, старыя настроенія углубляются, появляются новыя—тихая грусть, религіозные порывы, жалость. 12) Укажите стихотворенія съ такимъ настроеніемъ? «Памяти А. И. Одоевскаго», «Воздушный корабль», «Ребенокъ», «Когда волнуется желтѣющая нива», «Вѣтка Палестины», Молитва». 13) Въ какомъ стихотвореніи выражалось отношеніе поэта къ современному свѣтскому обществу? Въ сатирѣ «Дума». 14) Въ какихъ стихотвореніяхъ выразился патріотизмъ Лермонтова? Въ «Отчизнѣ», «Бородино», «Двухъ великановъ», «Спорѣ», «Опять народныя витіи». 15) Каковъ былъ взглядъ Лермонтова на призваніе поэта? Лермонтовъ считалъ, что поэтъ долженъ быть пророкомъ, что онъ призванъ исправлять людей, но думалъ, что люди не понимаютъ назначенія поэзіи и потому не стоитъ къ нимъ обращаться съ «любви и правды чистыми ученіями». 16) Поэмы послѣдняго періода? «Измаилъ - бей», «Хаджи-Абрекъ», «Бояринъ Орша», «Мцыри» и послѣдняя редакція «Демона». 17). Какія поэмы наиболѣе удачны? «Мцыри» и «Демонъ». 18) Охарактеризуйте Мцыри? Страстность, сила характера, стремленіе къ свободѣ, къ единенію съ природой, тоска по отчизнѣ и ближнимъ. 19) Образъ Демона? «Печальный», отвернувшійся отъ Бога, любви, свѣта и добра, но неудовлетворяющійся и зломъ, презирающій и людей и природу. 20) Почему образъ Тамары вызываетъ въ душѣ демона чувство такой сильной, глубокой любви? Потому что Тамара мятежная, пытливая, вмѣстѣ съ тѣмъ чистая и прекрасная не похожа на другихъ людей, демону кажется, что онъ возродится, полюбивъ такое существо. 21) Полюбила-ли Тамара демона? Послѣ долгой, мучительной борьбы съ собой она поддалась его чарамъ, но оправдывала себя тѣмъ, что взяла съ демона клятву вернуться къ добру. 22) Могъ-ли демонъ дѣйствительно возродиться? Нѣтъ, онъ слишкомъ глубоко презиралъ всѣхъ и все и былъ эгоистиченъ. 23) Почему душа Тамары была взята ангеломъ въ рай? Тамара искупила свой грѣхъ страданіемъ и стремленіемъ возродить демона. 24) Достоинства и недостатки поэмы? Оригинальная

обрисовка демона—очеловѣченіе его, — потрясающій драматизмъ нѣкоторыхъ сценъ, высокохудожественное описаніе природы Кавказа, прекрасный стихъ; недостатки—нѣкоторыя неясности въ образѣ Демона и Тамары. 25) О какой сторонѣ творчества Лермонтова свидѣтельствуетъ народная «баллада» его «Пѣсня про купца Калашникова»? О глубокомъ пониманіи и любви къ народной поэзіи и способности проникнуться ея духомъ. 26) Что изъ себя представляетъ «Герой нашего времени»? Психологическій романъ, въ которомъ выведенъ типичный представитель русскаго байронизма въ его наиболѣе глубокомъ и зрѣломъ состояніи. 27) Характеристика Печорина? Преобладаніе воли и ума надъ чувствомъ, скептицизмъ, самоанализъ, сила воли, неудовлетворенность, эгоизмъ, властолюбіе, страданья изъ-за пустоты жизни и одиночества. 28) Кто въ этомъ романѣ противопоставляется Печорину? Простой добрый, наивный и мягкій Максимъ Максимычъ, чисто русскій типъ. 29) Какъ отнесся Лермонтовъ къ своему герою? Безъ рѣзкаго осужденія, спокойно, реалитически обрисовалъ его образъ. 30) Каррикатура на Печорина? Грушницкій. 31) Какая драма относится къ послѣднимъ годамъ дѣятельности Лермонтова? «Маскарадъ». 32) Ея недостатки? Въ ней слишкомъ сгущены краски въ характеристикѣ общества и въ изображеніи страстей героя. 33) Главныя черты творчества Лермонтова? Субъективность, преобладаніе лирики, настроеніе тоски и неудовлетворенности, глубокая близость романтизму. 34) Общественное значеніе поэзіи Лермонтова? Она была «живой силой», выраженіемъ протеста.

Николай Васильевичъ Гоголь.

Введеніе.

Если мы станемъ разсматривать исторію русской литературы отъ Пушкина до Гоголя, мы легко замѣтимъ, что преобладающей формой сочиненій въ то время была лирика, въ которой поэты выражали тѣ чувства, которыя вызывались въ нихъ наблюденіемъ различныхъ явленій жизни. Пушкинская эпоха литературы была, можно сказать, эпохой чистаго творчества, когда поэты, вращаясь въ области своего поэтическаго вдохновенія, слишкомъ мало касались окружающей ихъ дѣйствительности. Въ ихъ сочиненіяхъ мы не видимъ еще стремленія изображать тѣ отрицательныя стороны русской общественности, которыя накопились въ русской жизни со времени реформы Петра Великаго. Правда, Пушкинъ уже сблизилъ поэзію съ дѣйствительностью; отъ него ведетъ свое начало реалистическое направленіе русской литературы.

Но его произведенія, за исключеніемъ Евгенія Онѣгина, отличаются общимъ характеромъ: онъ рисуетъ въ нихъ цѣлый рядъ картинъ жизни, изображаетъ проявленіе различныхъ человѣческихъ чувствъ, но эти картины и эти чувства мало связаны съ русской дѣйствительностью, слишкомъ мало знакомятъ насъ съ различными сторонами жизни русскаго общества въ его разнообразныхъ слояхъ. Какъ въ произведеніяхъ самого Пушкина, такъ и многочисленныхъ его послѣдователей выраженіе субъективныхъ ощущеній поэта по поводу тѣхъ или другихъ явленій замѣняетъ собой объективное изображеніе русской жизни. Лермонтовъ, правда, въ своихъ произведеніяхъ касается вопросовъ русской жизни, но, благодаря вліянію Байрона, въ нихъ довольно трудно наблюдать развитіе русскаго общества, тѣмъ болѣе, что поэтъ ограничивался изображеніемъ только высшихъ аристократическихъ слоевъ русскаго общества. Въ ряду поэтовъ Пушкинскаго періода мы не можемъ указать ни одного писателя, который бы всецѣло предался изученію русской жизни, всѣхъ ея отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ, который бы своей художествевственной кистью изобразилъ бы намъ русскаго человѣка со всѣми его достоинствами и недостатками. И вотъ является Гоголь съ совершенно новымъ направленіемъ, измѣняющимъ и содержаніе литературы и воззрѣнія критики; послѣдняя впервые въ это время заговорила о поэзіи, какъ о воспроизведеніи общественныхъ явленій русской жизни.

Въ противоположность Пушкину и его послѣдователямъ, поэтамъ, *чистымъ художникамъ*, для которыхъ искусство служило цѣлью само-по-себѣ, появляется Гоголь, по направленію своего творчества *художникъ—моралистъ:* онъ не только художникъ, но и проповѣдникъ нравственныхъ идеаловъ. Не отдаляясь отъ чисто художественной стороны поэзіи, которая проводилась писателями предшествовавшаго періода, Гоголь въ то же время придаетъ ей характеръ жизненной правды и въ своихъ произведеніяхъ является *юмористомъ-сатирикомъ*: въ качествѣ послѣдняго онъ подмѣчаетъ въ жизни преимущественно ея *темныя отрицательныя стороны*; онъ осмѣиваетъ печальныя язвы русской дѣйствительности, но этотъ смѣхъ—скорбный, грустный смѣхъ, „смѣхъ сквозь слезы“—и только такимъ

путемъ, своего рода доказательствомъ отъ противнаго, онъ призываетъ людей къ нравственному исправленію и совершенствованію.

Дѣятельность Гоголя имѣла громадное вліяніе на все дальнѣйшее развитіе русской литературы, которая теперь получаетъ *строго реалистическій* характеръ. Воспроизводя окружающую дѣйствительность во всей ея будничной обстановкѣ, не пропуская ни одной черты русской жизни, рисуя по преимуществу фигуры обыденныя, типическія, Гоголь далъ прекрасные образцы высоко-художественнаго и въ то же время глубоко-правдиваго изображенія жизни. Правда, еще задолго до Гоголя, въ русской литературѣ обнаружилось тяготѣніе въ сторону реализма: стремленіе къ простому и трезвому воспроизведенію дѣйствительности встрѣчается уже у Фонвизина и Новикова, затѣмъ въ произведеніяхъ Крылова, Грибоѣдова и Пушкина; это стоитъ, очевидно, въ ближайшей связи съ особенностями національнаго душевнаго склада, съ присущимъ ему стремленіемъ къ правдѣ и простотѣ. Такимъ образомъ, заслуга Гоголя заключается не въ томъ, что онъ впервые внесъ *реализмъ* въ русскую литературу—реализмъ уже существовалъ до него, —а въ томъ, что утвердилъ его господство въ ней и, такимъ образомъ способствовалъ тѣснѣйшему сближенію литературы съ жизнью.

Біографія Гоголя.

Николай Васильевичъ Гоголь родился 20 марта 1809 года, въ селѣ Сорочинцахъ Полтавской губерніи. Раннее дѣтство онъ провелъ въ имѣніи своихъ родителей, Васильевкѣ. Отецъ будущаго писателя происходилъ изъ стараго казацкаго рода; это былъ человѣкъ добрый и сердечный, надѣленный живымъ умомъ, одаренный юмористической жилкой и даже не лишенный литературнаго дарованія; прекрасный знатокъ малороссійской народной жизни, онъ написалъ для домашняго театра нѣсколько бытовыхъ комедій, отличавшихся наблюдательностью и тонкимъ остроуміемъ; впрочемъ, особеннаго вліянія на сына онъ оказать не могъ, такъ какъ умеръ рано. Мать Н. В. Гоголя была женщина очень добрая, до болѣзненности впечатлительная и очень религіозная; эту черту своей души она съумѣла рано привить и своему сыну. Такимъ образомъ, отъ отца онъ унаслѣдовалъ склонность къ „сочинительству“, отъ матери—тонкую и сложную душевную организацію и глубокую религіозность.

Первоначальное свое образованіе Гоголь получилъ дома, подъ руководствомъ наемнаго семинариста; десяти лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ Полтавскую гимназію, но черезъ два года перешелъ въ гимназію высшихъ наукъ, учрежденную кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Первое время онъ очень тосковалъ по родномъ домѣ и по горячо любимой матери. Держалъ себя онъ очень уединенно; съ товарищами онъ сближался мало, за исключеніемъ нѣсколькихъ друзей, знакомыхъ ему еще до поступленія въ гимназію. Въ наукахъ будущій поэтъ особенныхъ успѣховъ не дѣлалъ, прилежаніемъ онъ

также не отличался, такъ что преподаватели считали его мальчикомъ заурязнымъ и мало способнымъ. Такимъ образомъ, изъ гимназическаго курса онъ вынесъ очень мало знаній; нѣкоторую склонность онъ проявилъ только къ занятіямъ историческими науками. Зато юноша очень рано начинаетъ увлекаться искусствомъ: онъ охотно занимается рисованіемъ; онъ принимаетъ участіе въ театральныхъ представленіяхъ, которыя съ разрѣшенія начальства устраивались учениками гимназіи. Гоголь, по преданію, особенно отличался въ комическихъ роляхъ, даже женскихъ: такъ, напр., ему очень удавалась роль г-жи Простаковой въ „Недорослѣ" Фонвизина. Еще на школьной скамьѣ начинаются первые литературные опыты Гоголя: вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами онъ задумалъ издавать журналъ „Звѣзда", въ которомъ онъ помѣщалъ различные разсказы, статьи и даже стихотворенія. Въ своихъ разсказахъ Гоголь стремился подражать господствовавшему въ современной ему литературѣ романтизму, преимущественно повѣстямъ Марлинскаго, и писалъ въ повышенномъ искусственномъ тонѣ; такова, напр., его историческая повѣсть „Братья Твердиславичи". Но уже въ этихъ первыхъ опытахъ порой прорывается талантъ юмориста-сатирика. Но всѣ эти школьные литературные опыты Гоголя до насъ не дошли.

Но, несмотря на эти занятія литературой, Гоголь въ эту эпоху еще вовсе не думалъ о томъ, чтобы стать писателемъ. Хотя онъ, по собственному признанію, рано началъ мечтать о томъ, что его ожидаетъ обширный кругъ дѣйствій, что онъ станетъ выдающимся человѣкомъ, однако, онъ ожидалъ, что все это ему дастъ государственная служба. Правда, на службу онъ смотрѣлъ не своекорыстно, а идеалистически: онъ мечталъ приносить людямъ пользу, служить общественному благу. Смутно чувствуя въ душѣ своей богатый запасъ духовныхъ силъ, но не найдя еще своего истиннаго призванія, Гоголь очень рано сталъ нѣсколько свысока смотрѣть на всѣхъ его окружающихъ. Уже на школьной скамьѣ Гоголь развилъ въ себѣ чувство честолюбія. Онъ очень скоро понялъ, что цѣлой головой стоитъ выше своихъ товарищей; привычка высмѣивать въ литературныхъ произведеніяхъ чужія слабости могла только содѣйствовать развитію въ немъ подобнаго самомнѣнія. Такъ, въ письмѣ къ одному пріятелю онъ называетъ жителей Нѣжина жалкими „существователями", забывшими о высокомъ назначеніи человѣка, и приходитъ въ ужасъ при мысли, что „судьба зашвырнетъ его вмѣстѣ съ самодовольной чернью въ самую глубь ничтожности". Такимъ образомъ, высокое мнѣніе о самомъ себѣ и о своемъ призваніи зарождается у Гоголя еще во время пребыванія его въ школѣ.

Передъ выпускными экзаменами Гоголь усиленно занимался, желая хотя отчасти заполнить свои пробѣлы въ научныхъ знаніяхъ.

Въ іюнѣ 1828 года онъ окончилъ курсъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ, а въ концѣ того же года поѣхалъ въ Петербургъ для того, чтобы устроиться на службѣ. Радужныя надежды окрыляли молодого писателя: онъ думалъ, что передъ нимъ откроется возмож-

ность широкой и плодотворной общественной дѣятельности, что ему удастся легко и быстро устроить свою личную судьбу. Но столица встрѣтила Гоголя далеко не съ распростертыми объятіями: дѣйствительность готовила ему цѣлый рядъ тяжелыхъ разочарованій. Несмотря на всѣ его хлопоты, ему долгое время не удавалось опредѣлиться на службу и потому приходилось жить въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ. Также неудачной было и начало его литературной дѣятельности: рѣшивъ испробовать свое счастье на писательскомъ поприщѣ, онъ выпустилъ на свой счетъ въ свѣтъ свою идиллію въ стихахъ „Ганцъ Кюхельгартенъ", скрывъ свою фамилію подъ псевдонимомъ „В. Алова". Произведеніе было встрѣчено критикой очень враждебно, и молодой авторъ уничтожилъ свое первое „дѣтище": онъ собралъ всѣ экземпляры своей книги и предалъ ихъ сожженію. И напечатаніе этого слабаго литературнаго произведенія и сожженіе ея—все это очень характерно для пониманія Гоголя: тутъ и болѣзненное самолюбіе, не терпящее осужденія, тутъ и самомнѣніе, выразившееся въ переоцѣнкѣ своего таланта. Онъ надѣялся, что „Ганцъ Кюхельгартенъ" сразу выдвинетъ его въ ряды извѣстныхъ писателей—онъ, очевидно, придавалъ этому произведенію очень большое значеніе. Понятно поэтому, что неудача сильно потрясла его.

Всѣ неудачи и разочарованія такъ подѣйствовали на впечатлительнаго Гоголя, что онъ рѣшился покинуть Петербургъ и уѣхать за-границу. Онъ ѣхалъ безъ всякаго опредѣленнаго плана, съ небольшой только суммой денегъ; ко всему этому онъ почти не зналъ иностранныхъ языковъ. Поэтому, какъ только пароходъ вышелъ въ открытое море, Гоголь началъ раскаиваться въ своемъ намѣреніи; проживъ за-границей одинъ только мѣсяцъ, онъ вернулся на родину; онъ соскучился по ней, да и тоска попрежнему мучила его здѣсь—та тоска, которая являлась неотъемлемой чертой душевной организаціи Гоголя; душевный разладъ мучилъ юную душу еще съ ранняго дѣтства. Вернувшись въ Петербургъ, Гоголь поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ. Эта казенная служба многимъ отличалась отъ того „служенія" родинѣ, о которомъ Гоголь мечталъ—естественно, что онъ не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Даже чиновничьяго жалованья ему не хватало на существованіе. Приходилось заниматься гувернерствомъ, давать частные уроки и исполнять на заказъ разныя литературныя работы. Служба оказала на Гоголя только то благотворное вліяніе, что познакомила его съ жизнью и бытомъ мелкихъ петербургскихъ чиновниковъ, а наблюденія надъ этимъ міромъ дали ему богатый матеріалъ для разсказовъ, которые впослѣдствіи составили перлы художественнаго творчества поэта. Въ это время Гоголь сдѣлалъ попытку поступить на сцену, но это ему не удалось.

Понятно, что при всѣхъ этихъ неудачахъ душевное настроеніе Гоголя должно было быть очень тяжелымъ. Однако, онъ не падалъ духомъ; его поддерживала вѣра въ свое высокое призваніе, въ неисчерпаемый источникъ глубоко коренящихся въ немъ духов-

ныхъ силъ; его душевное равновѣсіе въ значительной степени поддерживалось глубокимъ религіознымъ чувствомъ, благодаря которому онъ въ своихъ жизненныхъ неудачахъ видѣлъ лишь испытанія, ниспосланныя ему Провидѣніемъ, своего рода жизненную школу. Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни Гоголь переживалъ отрадныя минуты только тогда, когда мечталъ о покинутой родинѣ, о Малороссіи; воспоминанія о прекрасной украинской природѣ особенно настраивали его душу на мирный ладъ. Мечты эти остались не только мечтами; литературный талантъ далъ ему возможность претворить ихъ въ художественное слово: появилось нѣсколько разсказовъ изъ малороссійской жизни, изъ которыхъ и составилась впослѣдствіи его книга: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки".

Высокую художественность гоголевскихъ разсказовъ оцѣнили выдающіеся русскіе писатели того времени: Дельвигъ, Жуковскій, Плетневъ, Пушкинъ. Сближеніе съ Пушкинымъ имѣло для Гоголя особенно громадное значеніе. Въ 1832 году Гоголь ѣздилъ на родину и по дорогѣ остановился въ Москвѣ; здѣсь онъ сошелся съ Погодинымъ, Шевыревымъ, семьей Аксаковыхъ. До сихъ поръ Гоголь вращался въ тѣсной сферѣ своихъ школьныхъ товарищей и мелкихъ петербургскихъ чиновниковъ; теперь онъ вступилъ въ кружокъ высоко-образованныхъ и развитыхъ людей, стоявшихъ во главѣ современной литературы. Общеніе съ этими людьми оказало громадное вліяніе на духовное развитіе Гоголя: его умственный кругозоръ расширился, литературные взгляды и вкусы опредѣлились, онъ началъ сознательнѣе относиться къ литературнымъ явленіямъ и къ собственному призванію. Пушкинъ съ любовью занялся литературнымъ и умственнымъ развитіемъ писателя. Онъ указывалъ Гоголю, что надо прочесть; своими замѣчаніями и совѣтами онъ уяснялъ ему характерныя черты его таланта, который заключался въ способности вѣрно наблюдать и мѣтко изображать обычную, будничную дѣйствительность. „Изображеніе отрицательныхъ сторонъ русской жизни"—вотъ дорога, которую указалъ Гоголю Пушкинъ.

Самъ Пушкинъ къ этому времени окончательно освободился отъ разныхъ постороннихъ вліяній и рѣшительно вступилъ на путь художественнаго реализма; собственнымъ примѣромъ онъ еще болѣе, чѣмъ теоретическими совѣтами, дѣйствовалъ на Гоголя. Гоголь уже издавна благоговѣлъ передъ Пушкинымъ и восторгался его поэтическими произведеніями. Отношенія между двумя писателями были самыя тѣсныя. Гоголь сообщалъ Пушкину о всѣхъ своихъ литературныхъ планахъ и, какъ онъ самъ говорилъ, ничего не предпринималъ безъ его вѣдома и одобренія. Пушкинъ впослѣдствіи далъ Гоголю сюжеты для его лучшихъ произведеній: «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ». До конца своей жизни Гоголь сохранилъ благоговѣйное воспоминаніе о Пушкинѣ; страшно поразила его трагическая смерть поэта: «моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ» писалъ онъ по этому поводу одному изъ друзей. Но Гоголь благоговѣлъ предъ Пушкинымъ не только, какъ предъ человѣкомъ и

поэтомъ; онъ также глубоко понималъ его историческое и національное значеніе, что видно изъ его отзывовъ о Пушкинѣ, котораго онъ справедливо оцѣнилъ еще въ то время, когда публика и критика увлекались романтическими произведеніями Кукольника и Марлинскаго и въ нихъ видѣли высшее проявленіе искусства.

Вскорѣ, послѣ знакомства съ Пушкинымъ, Гоголь выпустилъ въ свѣтъ 1-й томъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Чтобы предохранить себя отъ нападковъ критики, Гоголь, слѣдуя совѣтамъ Плетнева, издалъ книгу подъ псевдонимомъ «пасичника Рудаго Панька». Оказалось, что критика очень сочувственно отнеслась къ новому произведенію. Пушкинъ далъ восторженный отзывъ объ этой книгѣ: «вотъ истинная веселость, искренняя, непринужденная безъ жеманства и чопорности! и мѣстами какая поэзія, какая чувствительность!» писалъ онъ. Среди публики «Вечера» также имѣли большой успѣхъ. Это подняло настроеніе духа Гоголя, и онъ рѣшилъ писать въ томъ же духѣ: въ слѣдующемъ же го1у онъ выпустилъ 2-й томъ разсказовъ.

Теперь наступаютъ самые лучшіе и наиболѣе свѣт--- годы жизни Гоголя. Онъ былъ физически здоровъ и душевно уравновѣшенъ, въ матеріальномъ отношеніи—сравнительно обезпеченъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вращался въ кругу выдающихся людей и пользовался извѣстностью и почетомъ. Теперь карьера Гоголя была опредѣлена: ему суждено было стать писателемъ. На всѣхъ другихъ путяхъ онъ терпѣлъ неудачи: такъ, неудачна была и его послѣдняя попытка сдѣлаться профессоромъ. Еще на гимназической скамьѣ Гоголь любилъ заниматься исторіей. Теперь, призванный быть преподавателемъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ, онъ особенно заинтересовался этой наукой; главнымъ образомъ, его привлекала къ себѣ исторія Малороссіи и эпоха среднихъ вѣковъ: онъ задумалъ создать въ этой области обширный научный трудъ. Скоро при помощи вліятельныхъ друзей, Гоголю удалось занять каѳедру исторіи въ университетѣ. Но этотъ выборъ карьеры оказался очень неудачнымъ; къ отвѣтственнымъ обязанностямъ профессора Гоголь былъ мало подготовленъ; одного таланта и блестящаго воображенія былъ мало тамъ, гдѣ не было знанія. А общее образованіе его было слишкомъ незначительно; кромѣ того, поэтъ по характеру своему не былъ способенъ къ правильнымъ методическимъ занятіямъ, и эти занятія могли только мѣшать его художественному творчеству; Гоголь былъ также мало знакомъ съ иностранными языками, такъ что не могъ знакомиться съ богатой исторической литературой Западной Европы. Первая вступительная лекція Гоголя объ общемъ характерѣ среднихъ вѣковъ была блестящей, но слѣдующія лекціи уже сильно разочаровали его слушателей: онъ читалъ вяло и неинтересно; Гоголь скоро самъ убѣдился въ томъ, что къ занятой имъ службѣ онъ вовсе не подходилъ, и черезъ годъ вынужденъ былъ ее оставить. Съ этого времени онъ уже болѣе не вступалъ на государственную службу и всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности. Гоголя до сихъ поръ не покидали его юныя

мечты о какомъ-то «большомъ дѣлѣ». Пушкинъ указывалъ ему, что этимъ «большимъ дѣломъ» можетъ быть литература, что обличенiе недостатковъ родной русской жизни тоже дѣло немаловажное. Дѣйствительно, на свою литературную дѣятельность Гоголь продолжалъ смотрѣть, какъ на особую «форму» служенiя государству и обществу.

Во время своей педагогической и профессорской дѣятельности Гоголь, однако, продолжалъ заниматься литературой: въ душѣ его билъ ключъ художественнаго творчества, и онъ не могъ противостоять этой внутренней потребности. Написанныя въ это время произведенiя онъ издалъ (въ началѣ 1835 г.) въ видѣ двухъ сборниковъ подъ названiемъ «Арабески» и «Миргородъ». Между прочимъ, въ «Миргородѣ» было помѣщено и первое крупное художественное произведенiе Гоголя, повѣсть «Тарасъ Бульба», явившееся плодомъ изученiя исторiи родной Украйны. Въ «Арабескахъ», кромѣ нѣсколькихъ разсказовъ, были напечатаны и научныя статьи Гоголя разнообразнаго содержанiя (о малороссiйскихъ пѣсняхъ, объ архитектурѣ, о среднихъ вѣкахъ, о поэзiи и др.).

Въ 1835 году Гоголь написалъ свою знаменитую комедiю: «Ревизоръ».

Такъ какъ въ ней въ отрицательныхъ краскахъ было изображено провинцiальное чиновничество, то многiя влiятельныя лица, узнавшiя самихъ себя въ изображенныхъ комедiей типахъ, почувствовали себя задѣтыми сатирой Гоголя и стали хлопотать, чтобы постановка ея на сценѣ была запрещена, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ, что изображенiе недостойныхъ и порочныхъ чиновниковъ роняетъ уваженiе къ власти вообще. Только благодаря содѣйствiю императора Николая Павловича комедiя была разрѣшена къ постановкѣ.

Театръ неистовствовалъ, когда давали „Ревизора", но многiе осуждали пьесу за дерзкую критику русской жизни. Гоголь былъ пораженъ тѣмъ, какое впечатлѣнiе произвела на русское общество его пьеса: «Господи Боже!» жаловался онъ.—Ну еслибъ одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ!» Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, публика не привыкла еще видѣть на сценѣ реальное воспроизведенiе дѣйствительной жизни и смотрѣла на комедiю лишь какъ на веселый фарсъ, кромѣ того, она чувствовала себя лично задѣтой обличенiемъ пороковъ и недостатковъ изображаемой среды; съ другой стороны, противъ Гоголя ополчились его литературные враги: они громко негодовали на комедiю и ея автора, выставляя противъ послѣдняго даже обвиненiе въ томъ, будто онъ своей комедiей хотѣлъ подорвать уваженiе къ власти, поколебать ея авторитетъ. Все это самымъ угнетающимъ образомъ подѣйствовало на Гоголя: имъ овладѣло чувство глубокаго разочарованiя; сочувственные отзывы друзей и отдѣльныхъ лицъ, сразу понявшихъ дѣйствительное значенiе комедiи, не могли разсѣять этого тяжелаго чувства.

Подъ влiянiемъ этихъ тяжелыхъ впечатлѣнiй Гоголь рѣшилъ

покинуть родину: онъ думалъ вдали успокоиться и отдохнуть отъ пережитыхъ волненій, а на свободѣ обдумать свои новые труды. Въ іюнѣ 1836 года Гоголь, измученный и потрясенный, выѣхалъ за-границу. Съ этого времени начинается эпоха его заграничной жизни, которая съ нѣкоторыми перерывами продолжается двѣнадцать лѣтъ (до 1848 года).

За-границей Гоголь искалъ только впечатлѣній эстетическихъ, онъ холодно относился къ западно-европейской культурѣ, къ современной политической жизни Европы, даже къ исторической старинѣ—чаще всего онъ оставался одинъ со своей душой, жаждущей и мятежной. Къ Германіи, Парижу и Швейцаріи онъ относился равнодушно. Швейцарская природа не произвела на него особенно сильнаго впечатлѣнія. „Все виды, да виды—писалъ онъ одному пріятелю,—такіе, что мнѣ уже отъ нихъ становится тошно и если бы мнѣ попалось теперь наше плоское русское мѣстоположеніе, съ бревенчатой избой и сѣренькимъ небомъ, то я бы въ состояніи имъ восхищаться, какъ новымъ». Вскорѣ послѣ прибытія въ Швейцарію, Гоголь принялся за свое самое крупное произведеніе «Мертвыя души», сюжетъ которыхъ, какъ и сюжетъ «Ревизора», данъ былъ ему Пушкинымъ, и которыя начаты были имъ еще въ Россіи. Здѣсь поэтъ отдыхалъ душой отъ пережитыхъ волненій, а душевное спокойствіе располагало его къ творческой работѣ. Эту же работу Гоголь продолжалъ и въ Парижѣ, гдѣ онъ провелъ цѣлую зиму. Здѣсь, вдали отъ родины, ему яснѣе представлялась картина родной дѣйствительности въ ея типичныхъ проявленіяхъ; пестрая суета повседневной жизни тутъ не заслоняла передъ нимъ самаго важнаго и существеннаго; въ перспективѣ поэту легче было все подмѣтить, во всемъ разобраться. «Мнѣ кажется», писалъ онъ въ одномъ письмѣ, «какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы,—словомъ, вся православная Русь». Въ «Мертвыхъ душахъ» Гоголь задумалъ создать великое произведеніе; планъ этого труда постепенно разрастался настолько, что, по словамъ самого автора, вся Русь должна была явиться въ немъ. Шумная парижская жизнь не отвлекала его отъ работы: общественными и политическими вопросами онъ мало интересовался, знакомства съ современными французскими политическими и литературными дѣятелями онъ не искалъ; единственно, что привлекало его вниманіе—это французскій театръ. онъ съ похвалой отзывался объ игрѣ артистовъ.—Въ концѣ своего пребыванія въ Парижѣ Гоголь получилъ извѣстіе о смерти Пушкина; извѣстіе это произвело на него сильное впечатлѣніе.

«Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ—писалъ онъ по этому поводу. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собой только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки—мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. И теперешній трудъ мой (т. е. «Мертвыя души») есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву,

чтобы я писалъ». «О, Пушкинъ, Пушкинъ! Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе!», восклицалъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

Горечь понесенной Гоголемъ тяжелый утраты смягчилась только въ Италіи, куда поэтъ переселился съ весны 1837 года. Въ Италіи все производило на него сильное впечатлѣніе: и роскошная южная природа, и славныя историческія воспоминанія, и величественные памятники искусства. Италія успокаивала больные нервы поэта; свѣтомъ, тепломъ и красотой она ласкала его больное сердце. Нигдѣ Гоголь не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ подъ небомъ Италіи; всѣ отзывы его объ этой прекрасной южной странѣ проникнуты неподдѣльнымъ восторгомъ; онъ даже называлъ эту страну своей „второй родиной" и находилъ въ итальянской жизни сходство съ роднымъ малороссійскимъ бытомъ. „Кто былъ въ Италіи, тотъ скажи „прощай" другимъ землямъ" писалъ Гоголь друзьямъ: «кто былъ на небѣ, тотъ не захочетъ на землю. Европа, въ сравненіи съ Италіей, все равно, что день пасмурный въ сравненіи съ днемъ солнечнымъ». «Душенька моя! моя красавица Италія!—восклицалъ онъ,—никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня! Я родился здѣсь... Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ,—все это мнѣ *снилось*. О, если бы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ"... Особенно увлекался Гоголь Римомъ. Какъ художникъ, онъ наслаждался красотою „вѣчнаго города" и собранными въ немъ памятниками искусства, изучалъ его достопримѣчательности и нигдѣ не жилъ такой интересной жизнью, какъ именно въ Римѣ. Къ этой порѣ пребыванія Гоголя въ Италіи относится увлеченіе Гоголя католицизмомъ. Гоголь не уклонился отъ православія до конца своей жизни, но какъ художникъ онъ былъ побѣжденъ красотой католической службы, великолѣпіемъ храмовъ, набожностью вѣрующихъ.

„Только въ одномъ Римѣ молятся" говорилъ онъ: „а въ другихъ мѣстахъ показываютъ только видъ, что молятся".

Характерно, что въ эту эпоху полной эстетической и религіозной жизни, когда писателю родина казалась далекимъ „сномъ", творчество поэта достигло высшей точки своего развитія. Гоголь находился здѣсь въ расцвѣтѣ силъ и таланта; въ Римѣ онъ окончилъ свое главное произведеніе „Мертвыя души". Вообще этотъ періодъ первыхъ трехъ лѣтъ пребыванія за границей является однимъ изъ наиболѣе свѣтлыхъ въ жизни Гоголя: объ этомъ свидѣтельствуетъ его переписка того времени, проникнутая жизнерадостнымъ настроеніемъ, веселостью и остроуміемъ. Дѣло въ томъ, что любовь къ Италіи и къ Риму нисколько не ослабляла въ Гоголѣ глубокаго чувства любви къ родной землѣ. Въ отвѣтъ на упреки въ забвеніи родины онъ писалъ одному изъ друзей: „Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и человѣкомъ, но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить каждаго? Ни одной строки

не могъ я посвятить чужому. Непреодолимой цѣпью прикованъ я къ своему; и нашъ бѣдный, не яркій міръ нашъ, наши куриныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливо глядѣвшимъ на меня! И я могу ли послѣ этого не любить своей отчизны?“ Дѣйствительно, всѣ чувства и мысли Гоголя были направлены по адресу къ родинѣ, и эта именно любовь къ родинѣ и питала ключъ его творчества.

Слѣдуя завѣтамъ Пушкина, Гоголь рисовалъ мрачную и темную Россію; изъ подъ его пера выливались одинъ русскій типъ за другимъ: Чичиковъ, Маниловъ, Собакевичъ, Ноздревъ—все это издалека росло предъ поэтомъ, окрашивалось болѣе ярко и жизненно. О любви поэта къ родинѣ свидѣтельствуетъ также и то обстоятельство, что и въ Римѣ Гоголь большею частью вращался въ кругу русскихъ; особенно сблизился онъ съ художникомъ Ивановымъ, который въ это время работалъ надъ своей знаменитой картиной «Явленіе Христа Народу».

Кромѣ „Мертвыхъ душъ“, Гоголь въ этотъ періодъ времени написалъ свою повѣсть „Шинель“ и занимался переработкой прежнихъ повѣстей: „Портретъ“, „Тарасъ Бульба“ и толкованіемъ непонятаго обществомъ „Ревизора“ («Театральный разъѣздъ»). Въ теченіе своего двѣнадцатилѣтняго пребыванія за границей Гоголь только дважды, на короткое время, пріѣзжалъ въ Россію: одинъ разъ (въ 1839—40 г.г.) по семейнымъ дѣламъ, другой (въ 1841—42 г.г.) для печатанія 1-го тома «Мертвыхъ душъ». Послѣ своего перваго путешествія въ Россію Гоголь на возвратномъ пути заболѣлъ настолько серьезно, что ожидалъ смерти и даже составилъ духовное завѣщаніе. Эта болѣзнь оказала сильное вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь Гоголя: организмъ его, и раньше не отличавшійся особенной крѣпостью, теперь особенно пошатнулся; поэтъ сталъ чувствовать упадокъ физическихъ силъ, часто болѣлъ и принужденъ былъ постоянно лѣчиться, переѣзжая изъ одного курорта въ другой. При этомъ Гоголю приходилось жить въ очень тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, такъ какъ у него не было никакихъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію и ему приходилось лишь разсчитывать на помощь Государя, нѣсколько разъ назначавшаго ему денежное пособіе, а также на своихъ литературныхъ друзей, какъ Аксаковы, Жуковскій и др.

Разстройство физическаго здоровья также отразилось на характерѣ Гоголя и на всемъ его духовномъ существѣ. Исчезла его прежняя жизнерадостность, и поэтомъ все чаще овладѣвали тоска и меланхолія.

Гоголь переживалъ теперь полный трагизма идейный и моральный кризисъ. Онъ начинаетъ сомнѣваться въ пользѣ и цѣлесообразности своей прежней литературной дѣятельности и осуждаетъ свои лучшія произведенія, какъ несовершенныя и грѣховныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Гоголѣ усиливается склонность къ сверхъестественному, религіозному; подъ вліяніемъ болѣзни онъ становится мистикомъ и фанатикомъ; его не перестаютъ преслѣдовать

мысли о смерти и загробномъ существованіи — чувствуется, что этотъ человѣкъ съ каждымъ днемъ уходитъ отъ земли въ таинственный міръ своихъ смутныхъ и неясныхъ идей. Поэтъ начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на избранника Божьяго, долженствующаго повѣдать людямъ великія истины, сравниваетъ себя со „старой полуразбитой вазой, наполненной драгоцѣннымъ содержаніемъ".

Моралистъ-проповѣдникъ побѣждаетъ художника, это особенно замѣтно въ его письмахъ къ друзьямъ, которыя все болѣе принимаютъ тонъ поученій на моральныя темы. Стремленіе проповѣдывать и поучать замѣчалось въ Гоголѣ и раньше, но теперь эта черта становится въ немъ преобладающей.

Въ томъ же духѣ измѣняется и направленіе его художественнаго творчества. Тяжелые приступы болѣзни не даютъ ему возможности предаваться литературному труду, но въ свѣтлые промежутки онъ усердно работаетъ надъ продолженіемъ «Мертвыхъ душъ». Теперь поэтъ ставитъ уже своей задачей изображеніе характеровъ положительныхъ и идеальныхъ, чтобы показать русскому обществу рядъ воспитательныхъ примѣровъ. Но Гоголь не въ состояніи былъ справиться со своей задачей. Это объясняется тѣмъ, что Гоголь былъ по преимуществу писателемъ сатирикомъ, и потому ему лучше всего удавалось изображеніе мрачной дѣйствительности и отрицательныхъ типовъ, создаваемыхъ той же дѣйствительностью; кромѣ того, болѣзнь подтачивала тѣлесное и душевное здоровье Гоголя, и творческія способности поэта мало-по-малу ослабѣвали: въ письмахъ своихъ онъ часто жалуется на неспособность къ работѣ, на отсутствіе мыслей; наконецъ, долголѣтнее отсутствіе изъ Россіи, отреченная отъ всего земного жизнь и углубленіе въ свой внутренній міръ разобщили его съ русской дѣйствительностью, а Гоголь, по собственному признанію, могъ своимъ художественнымъ перомъ изображать лишь то, что ему было извѣстно по собственнымъ, непосредственнымъ наблюденіямъ. Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, работа подвигалась съ большимъ трудомъ, и, какъ серьезный, взыскательный художникъ, Гоголь былъ недоволенъ ея результатами.

Такимъ образомъ, во время болѣзни, въ душѣ Гоголя происходилъ глубокій процессъ; благодаря уединенному размышленію поэта, въ ней накопился цѣлый рядъ затаенныхъ мыслей и взглядовъ, а это томило и мучило Гоголя; желаніе высказаться предъ русскимъ обществомъ не давало покоя его мятущейся душѣ. Человѣкъ глубоко религіозный, проникнутый стремленіемъ къ нравственному совершенствованію, Гоголь хотѣлъ подѣйствовать на своихъ соотечественниковъ и потому рѣшился выступить въ новой роли учителя-моралиста. Уже издавна была въ немъ склонность къ проповѣдничанію и учительству; теперь склонность эта увеличилась, и его письма къ друзьямъ получаютъ форму настоящихъ душевныхъ терзаній. Теперь, недовольный медленной работой надъ «Мертвыми душами», Гоголь рѣшился выступить предъ русскимъ обществомъ уже въ иной формѣ, подѣйствовать на него уже не

путемъ художественнаго слова, а путемъ непосредственныхъ поученій. Съ этой цѣлью онъ въ 1847 году рѣшилъ обратиться ко всей русской публикѣ съ исповѣдью-проповѣдью путемъ опубликованія собранія статей разнообразнаго содержанія, касавшихся вопросовъ религіозныхъ, нравственныхъ, общественныхъ и литературныхъ, подъ заглавіемъ: «*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*». Боязнь смерти, казавшейся ужъ очень близкой, страхъ унести съ собой въ могилу никому не высказанныя мысли и чувства, сознаніе того, что не хватаетъ творческихъ силъ воплотить эти мысли въ томъ «великомъ произведеніи», которое онъ хотѣлъ сдѣлать изъ «Мертвыхъ душъ» — вотъ причины появленія этихъ писемъ въ печати. Издавая эти письма, Гоголь руководился искреннимъ желаніемъ принести пользу обществу, послужить общему благу. Онъ возлагалъ на эту книгу большія надежды; ему казалось, что она, произведетъ переворотъ въ убѣжденіяхъ общества, откроетъ всѣмъ глаза на долгъ и истину, примиритъ враждующія партіи. Но Гоголь горько обманулся въ своихъ надеждахъ; книга его не только не вимѣла положительныхъ результатовъ, но даже вызвала нареканія и нападки на автора,—мало того противъ Гоголя поднялась цѣлая буря со стороны передового русскаго общества.

Дѣло въ томъ, что взгляды, которые высказывалъ въ своихъ письмахъ Гоголь, совершенно расходились со взглядами прогрессивной русской интеллигенціи того времени; Гоголь въ своей книгѣ выступилъ рѣшительнымъ защитникомъ консервативныхъ идей, оправдывая многія явленія тогдашней русской дѣйствительности, составлявшія настоящую язву общественной жизни, каково, напр., крѣпостное право; считая необходимымъ сохраненіе власти и опеки помѣщиковъ надъ крестьянами, Гоголь считалъ не только безполезнымъ, но и вреднымъ для народа образованіе и даже простую грамотность. Вообще вся книга Гоголя проникнута крайнимъ недовѣріемъ ко всякимъ новымъ вѣяніямъ въ области мысли, ко всякому прогрессу въ области общественныхъ и политическихъ отношеній. Выступленіе Гоголя было совершенно неожиданно для русскаго общества: его художественныя произведенія учили смотрѣть на него, какъ на врага отрицательныхъ сторонъ русской жизни, а онъ вдругъ выступилъ ихъ рѣзкимъ фанатическимъ защитникомъ. Для противниковъ Гоголя эти взгляды его казались чуть не отступничествомъ отъ прежнихъ либеральныхъ убѣжденій потому что въ немъ они привыкли видѣть смѣлаго и безпощаднаго разоблачителя старыхъ крѣпостническихъ порядковъ на Руси. Находились даже отдѣльные голоса, которые прямо обвиняли Гоголя въ искательствѣ и въ неискренности.

Однако, такія обвиненія совершенно несправедливы: Гоголь несомнѣнно думалъ сослужить своей книгой великую службу родинѣ, принести русскому обществу большую *нравственную* услугу.

Для правильнаго пониманія и вѣрной оцѣнки этой столь загадочной книги, необходимо уловить то основное настроеніе, которымъ она проникнута и изъ котораго вытекаютъ всѣ ея основныя идеи.

Характеръ этого настроенія чисто *религіозный*, а главная идея, проходящая красной нитью черезъ всю книгу, заключается въ той точкѣ зрѣнія автора, что самое важное въ жизни человѣка есть „*душа и дѣло душевное*". Это дѣло душевное состоитъ въ постоянномъ приготовленіи человѣка къ загробному существованію; земная жизнь есть только школа, въ которой человѣкъ воспитывается для жизни вѣчной.

«Человѣкъ не отъ міра сего», для котораго родина была «сномъ», Гоголь не считался ни съ условіями тогдашней русской дѣйствительности, ни съ интересами современной жизни. Какъ честный сынъ древней Руси, «онъ заботился только о душевномъ дѣлѣ», о спасеніи души, проповѣдывалъ отреченіе отъ земли и аскетизмъ; нравственное совершенствованіе—вотъ основнаая цѣль и задача всего человѣческаго существованія—и этой цѣли должны быть подчинены всѣ остальныя; просвѣщеніе, вообще прогрессъ политической и общественной жизни стояли внѣ поля зрѣнія Гоголя: все въ жизни, кромѣ морально-религіозной задачи, несущественно или излишне, потому что нужно заботиться лишь о «единомъ на потребу», т. е. о нравственномъ воспитаніи души, безъ котораго немыслимо душевное спасеніе.

Такимъ образомъ, стоя на этой точкѣ зрѣнія, Гоголь всѣ общественныя проблемы сводилъ къ одной *моральной* и притомъ *личной* задачѣ. Болѣе того, борьба за улучше ніе своего существованія на землѣ казалась Гоголю даже вреднымъ и опаснымъ дѣломъ, такъ какъ это отвлекало человѣка отъ той задачи, на которую должно быть обращено все его вниманіе, задачи *вѣчнаго* спасенія, а съ точки зрѣнія вѣчности всѣ вопросы временнаго земного существованія должны казаться совершенно ничтожными и безразличными. Таковы главныя идеи, проникающія всю книгу Гоголя.

И то, что у Гоголя было внутренней «правдой», съ дѣтство выроставшей въ его сердцѣ, то людямъ, не знавшимъ его, какъ человѣка, казалось ложью, «измѣной прежнимъ либеральнымъ убѣжденіямъ». Никто изъ современниковъ не могъ примирить противорѣчія между мыслями автора писемъ и тѣмъ смысломъ его художественныхъ произведеній, который обыкновенно съ нимъ связывался. Его книгу безпощадно урѣзала цензура, такъ какъ онъ поднялъ въ ней такіе вопросы, о которыхъ говорить вообще было тогда у насъ не принято; ее высмѣяла публика, жестоко обругала критика горячій поклонникъ Гоголя, какъ художника, Бѣлинскій назвалъ его защитникомъ мракобѣсія, кнута и нагайки. Гоголь, какъ и много разъ случалось съ нимъ въ жизни, остался одинъ съ непонятой истерзанной душой,...

Неудача, постигшая „Переписку съ друзьями", была новымъ тяжкимъ ударомъ для Гоголя, особенно послѣ тѣхъ переувеличенныхъ надеждъ, которыя онъ возлагалъ на свою книгу. Прежняя самоувѣренность смѣнилась для поэта сомнѣнімъ въ своихъ силахъ; въ письмахъ онъ не перестаетъ жаловаться на тѣлесныя и душев-

ныя страданія; его угнетаетъ сознаніе своей грѣховности и мысль, что онъ не сумѣлъ выполнить своего долга въ жизни. Въ такомъ мрачномъ настроеніи Гоголь пишетъ свою „Авторскую исповѣдь“, а въ 1848 году ѣдетъ на поклоненіе въ Св. Землю. Послѣдніе годы своей жизни онъ проводитъ на родинѣ, постепенно угасая тѣлесно и духовно. Единственнымъ утѣшеніемъ для поэта были молитва и посты; онъ сдѣлался теперь совершеннымъ аскетомъ. Онъ еще работалъ надъ продолженіемъ «Мертвыхъ душъ», но силы его падали съ каждымъ годомъ. Мрачное настроеніе все болѣе овладѣвало душою Гоголя. Передъ смертью онъ совершенно ушелъ отъ міра и его интересовъ, сжегъ свои рукописи и между ними вторую часть своихъ „Мертвыхъ душъ“. Нѣсколько дней спустя онъ скончался, 21 февраля 1852 года, въ Москвѣ. Похороненъ онъ былъ на Даниловскомъ кладбищѣ; на простомъ его памятникѣ вырѣзаны были слова пророка Іереміи: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“.

Литературная дѣятельность Гоголя.

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.

Литературная дѣятельность Гоголя началась еще на школьной скамьѣ. Сюжеты для своихъ юношескихъ опытовъ онъ черпалъ, главнымъ образомъ, изъ украинской жизни и старины. Отъ всѣхъ этихъ попытокъ ничего существеннаго не сохранилось, кромѣ идилліи въ картинкахъ „*Ганцъ Кюхельгартенъ*“, которую онъ издалъ вскорѣ послѣ своего переселенія въ Петербургъ. Идиллія эта была произведеніемъ еще очень незрѣлымъ по содержанію и формѣ, и потому критика отнеслась къ ней очень несочувственно, даже сурово. Основная ошибка Гоголя заключалась въ томъ, что онъ взялся за слишкомъ сложный въ психологическомъ отношеніи сюжетъ (онъ изображалъ столкновеніе между юношескими мечтами и дѣйствительностью и перенесъ мѣсто дѣйствія въ чужую, незнакомую ему среду—въ Германію). Въ результатѣ писателю, не знающему ничего, кромѣ Малороссіи, пришлось изображать нерусскую жизнь, нерусскую природу—а по книгамъ только нельзя настолько знать жизнь, чтобы можно было изображать ее вѣрно, съ истинно художественной правдой. Наученный этимъ опытомъ, Гоголь затѣмъ сталъ брать сюжеты только изъ знакомой ему жизни родной Малороссіи. Такимъ образомъ, возникъ рядъ разсказовъ, изданныхъ имъ въ 1831 году подъ названіемъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“.

Повѣсти, изданныя Гоголемъ подъ общимъ названіемъ „*Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*“, представляютъ собой сборникъ, составленный изъ двухъ частей. Въ первую часть вошли повѣсти: „Сорочинская ярмарка“, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, „Майская ночь или утопленница“; во вторую часть вошли: „Ночь передъ Рождествомъ“, „Страшная месть“, „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“, „Заколдованное мѣсто“.

Во всѣхъ этихъ повѣстяхъ изображена малороссійская народная жизнь, выведены малороссійскіе народные типы.

Содержаніе этихъ разсказовъ преимущественно фантастическое и основано на украинскихъ сказаніяхъ и повѣріяхъ. Гоголь въ значительной мѣрѣ подчинился общему теченію эпохи, когда, обращаясь къ изображенію народнаго быта малороссовъ, заимствовалъ сюжеты для своихъ разсказовъ изъ ихъ повѣрій и сказаній. Дѣло въ томъ, что въ то время, въ которое Гоголь писалъ свои разсказы, въ русской литературѣ господствовало романтическое направленіе. А характерныя черты эпохи *романтизма вообще*—это интересъ къ народной жизни и старинѣ, къ изученію народной миѳологіи и поэзіи, стремленіе воспользоваться сюжетами и образами, выработанными народной фантазіей, для литературнаго творчества, *стремленіе къ народности въ творчествѣ.* Но, кромѣ этой общей причины, оказавшей вліяніе на Гоголя при выборѣ предмета, обращеніе молодого писателя къ малороссійскимъ сюжетамъ объясняется еще психологическими переживаніями поэта: изображая въ свѣтлыхъ краскахъ оставленную родину, Гоголь тѣмъ самымъ хотѣлъ какъ бы забыться, развлечься среди лишеній и разочарованій, которыя ему пришлось испытать въ Петербургѣ; въ тяжелыхъ условіяхъ столичнаго существованія Гоголю было пріятно вспоминать объ Украйнѣ, и жизнь дорогой, милой его сердцу родины рисовалась въ его воображеніи самыми радужными красками.

Откуда же Гоголь черпалъ матеріалъ для своей творческой работы? Прежде всего тутъ сослужили службу поэту его собственныя наблюденія и воспоминанія, вынесенныя имъ изъ Украйны. Но Гоголь не ограничился этимъ личнымъ запасомъ свѣдѣній; въ письмахъ къ матери онъ неоднократно обращался къ ней съ просьбой присылать ему подробныя описанія малороссійскихъ обычаевъ, преданій, суевѣрій, увеселеній, игръ, танцевъ, старинныхъ костюмовъ и т. д. Всѣ эти матеріалы присылались ему, и онъ тщательно изучалъ, а затѣмъ пользовался ими съ большимъ искусствомъ, вставляя въ свое повѣствованіе отдѣльныя черты или цѣлыя описанія: напр., описаніе старинной свадьбы въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала". Гоголю присылались также записи пѣсенъ, и онъ пользовался ими для того, чтобы придать своему разсказу отпечатокъ народности; такъ, напримѣръ, въ жалобахъ Пидорки и Петра, разлученныхъ волею отца (изъ разсказа „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала") слышится ясный отголосокъ народныхъ мотивовъ. Особенно много заимствованій пѣсенныхъ образовъ въ разсказѣ „Страшная месть", самый языкъ котораго отличается пѣсеннымъ складомъ.

Въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки" романтическій элементъ является преобладающимъ: на фонѣ этихъ повѣстей развертываются событія самого *фантастическаго* свойства. Воображеніе поэта не знаетъ предѣловъ—оно уноситъ его и читателя въ своеобразный міръ народной мечты—темный міръ преданій, суевѣрій, примѣтъ, легендъ, міръ сказки и миѳа. Авторъ взялъ этотъ фантастическій

міръ у малороссійскаго народа и силою своего поэтическаго духа расширилъ его и углубилъ: чудесное и невозможное онъ силой своей художественной кисти представилъ реальнымъ и дѣйствительнымъ.

Фантастическій элементъ въ этихъ повѣстяхъ отличается большимъ разнообразіемъ. Одни изъ разсказовъ основаны на вѣрѣ въ сношеніе съ нечистой силой. Такъ, въ повѣсти *„Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“* живо передано народное повѣрье о томъ, что папоротникъ, расцвѣтающій въ эту ночь, можетъ помочь человѣку отыскивать клады. При помощи этого цвѣтка колдунъ Басаврюкъ и вѣдьма завладѣваютъ душой бѣдняка Петра; продавъ свою душу дьяволу, Петръ убиваетъ ребенка, маленькаго брата своей невѣсты, а послѣ этого овладѣваетъ кладомъ и, становясь богачемъ, женится на любимой дѣвушкѣ Пидоркѣ. Но отъ мученій совѣсти онъ сходитъ съ ума и погибаетъ страшной смертью. Жена его идетъ въ монастырь замаливать великій грѣхъ мужа. Въ *„Сорочинской ярмаркѣ“* такимъ чудеснымъ происшествіемъ представлено появленіе чорта на ярмаркѣ, разыскивающаго свою „красную свитку“; эта свитка приноситъ людямъ одно только горе; ея исторія и составляетъ ту основу разсказа, вокругъ которой группируются всѣ вызывающіе смѣхъ эпизоды этой повѣсти. Въ другихъ разсказахъ выведены разныя фантастическія существа, созданныя народнымъ суевѣріемъ, напр., русалки, оборотни, вѣдьмы. Въ повѣсти *„Майская ночь или утопленница“* развито поэтическое повѣрье о русалкахъ, ихъ ночныхъ играхъ при лунѣ; въ этой же повѣсти мы встрѣчаемся опять съ вѣрой въ существованіе вѣдьмъ. Въ повѣсти *„Пропавшая грамота“* опять изображена фантастическая народная вѣра въ существованіе колдуновъ, вѣдьмъ; здѣсь опять предъ нами вырисовывается герой, душа котораго принадлежитъ дьяволу. Нечистая сила въ этой повѣсти нарисована съ такимъ размахомъ необузданной поэтической фантазіи, что читатель остается въ недоумѣніи; и самъ авторъ не вѣритъ своимъ разсказамъ.

Къ этому міру чертей и вѣдьмъ Гоголь относится то съ радостнымъ. веселымъ юморомъ, то съ ужасомъ человѣка, который падаетъ въ безсиліи передъ сплошнымъ мракомъ, властвующимъ надъ людьми, надъ ихъ радостями и печалями.

Такъ, фантастика нѣкоторыхъ повѣстей нарисована въ свѣтлыхъ тонахъ, въ радостномъ освѣщеніи; фантастика же другихъ повѣстей—въ мрачныхъ, вызывающихъ ужасъ краскахъ. Въ повѣсти *„Ночь предъ Рождествомъ“*, какъ и въ „Сорочинской ярмаркѣ“ все фантастическое представлено съ самой мирной, смѣшной стороны—оттого и вѣдьма-Солоха, и чортъ, ея возлюбленный, и колдунъ Пацюкъ не вызываютъ ни страха, ни ужаса, ни отвращенія, а вызываютъ одинъ только смѣхъ; ихъ вмѣшательство въ людскія дѣла никому не причиняетъ горя и страданья. Зато въ повѣстяхъ *„Заколдованное мѣсто“* и особенно въ *„Страшной мести“* чудесное, сверхъестественное нарисовано въ такихъ мрачныхъ краскахъ, что чтеніе этихъ разсказовъ оставляетъ отпечатокъ какого-то безумнаго ужас-

наго бреда. Въ повѣсти „Заколдованное мѣсто“ выражена народная вѣра въ то, что „нечистая сила“ оберегаетъ клады отъ человѣка, напуская на него разные страхи. Въ повѣсти „Страшная месть“ художественно разсказана исторія одного колдуна, который полюбилъ свою собственную дочь и захотѣлъ ею обладать. Это ему не удалось; въ бѣшенствѣ онъ убилъ зятя, убилъ дочь, но самъ былъ наказанъ страшной казнью. Въ этой повѣсти—одинъ безпрерывный ужасъ; безобразные, отвратительные образы смѣняются другими еще болѣе мрачными, болѣе отталкивающими.

Въ числѣ разныхъ фантастическихъ созданій особенно часто встрѣчаются въ повѣстяхъ Гоголя вѣдьмы. Это объясняется тѣмъ, что вѣдьмы играютъ большую роль въ народныхъ малороссійскихъ суевѣріяхъ: „кіевскія вѣдьмы“ славятся по всей Россіи; подъ Кіевомъ же—такъ воображаетъ суевѣрный народъ—находится и знаменитая Лысая гора, на которую онѣ собираются для ночныхъ празднествъ, отправляясь туда черезъ трубу верхомъ на помелѣ, какъ Солоха въ „Ночи предъ Рождествомъ“. Традиціонный образъ этихъ созданій народной фантазіи не позволялъ Гоголю прибѣгать къ поэтическимъ вольностямъ и вводить въ нихъ какія-либо произвольныя измѣненія; наоборотъ, поэтъ ни на іоту не отступилъ отъ обычныхъ народныхъ представленій. Такъ, вѣдьмы изображены имъ завистливыми, злыми, кровожадными, какъ жена сотника въ повѣсти „Майская ночь или утопленница“; онѣ обладаютъ способностью „оборачиваться“, превращаться въ разныхъ животныхъ.

Чортъ у Гоголя такъ же, какъ и въ народныхъ сказкахъ, обыкновенно играетъ смѣшную, комическую роль: онъ, хотя золъ и хитеръ, но глупость его обнаруживается всюду, и онъ всегда остается въ дуракахъ; человѣкъ заставляетъ его служить себѣ, какъ кузнецъ Вакула, а въ награду его бьютъ и прогоняютъ съ позоромъ.

Въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ разсѣяно также и много отдѣльныхъ чертъ, характеризующихъ преданія и суевѣрія украинскаго простонародья: здѣсь то и дѣло встрѣчаются всякаго рода повѣрья, примѣты, суевѣрные обряды (напр., выливаніе „переполоха“). Всѣ эти черты придаютъ его изображенію отпечатокъ народности.

Итакъ, *романтическій* элементъ въ этихъ повѣстяхъ выразился, прежде всего, въ выборѣ фантастическихъ сюжетовъ. Гоголь съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на различныхъ разсказахъ о событіяхъ, о происшествіяхъ чудеснаго характера.

Но романтизмъ проявился не только въ изображеніи мрачнаго, но и веселаго царства фантастики; вѣдь, Гоголь, когда писалъ свои повѣсти, находился подъ вліяніемъ романтическаго міросозерцанія, а потому элементы романтизма сказываются и въ изображеніи поэтомъ внѣшней природы, и въ изображеніи чувства любви, и въ изображеніи дѣйствительной, реальной жизни малороссійскихъ крестьянъ.

Природа въ «Вечерахъ на хуторѣ» изображается, въ зависи-

мести отъ настроенія разсказа, въ самыхъ различныхъ освѣщеніяхъ.

Если въ повѣсти изображается событіе веселое, радостное, природа подъ тонъ рисуется свѣтлой, ликующей,—если же разсказъ мрачный, сгущаются краски въ тѣхъ картинахъ природы, которыя служатъ фономъ для развертывающихся событій.

Вотъ веселая, свѣтлая повѣсть—„Сорочинская ярмарка"; и подъ тонъ этой повѣсти рисуется залитый солнцемъ пейзажъ, дышащій лѣтнимъ жаромъ, истомой и лѣнью.

«Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи. Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшись надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ! На немъ ни облака; въ полѣ ни тѣни...».

Вотъ мрачная наводящая страхъ и ужасъ повѣсть—„Страшная месть"—здѣсь подъ тонъ рисуется мрачный пейзажъ—тутъ ужъ не ласкающее солнце, а суровая, со всѣми враждующая буря.

«Глухо шумитъ внизу Днѣпръ, и съ трехъ сторонъ, одинъ за другимъ, отдаются удары мгновенно пробудившихся волнъ. Онъ не бунтуетъ,—онъ, какъ старикъ, ворчитъ и ропщетъ; ему все немило; все перемѣнилось около него; тихо враждуетъ онъ съ прибрежными горами, лѣсами, лугами, и несетъ на нихъ жалобу въ Черное море...»

Природа Малороссіи нарисована въ повѣстяхъ Гоголя во всевозможныхъ видахъ. Здѣсь изображенъ и лѣтній день („Сорочинская ярмарка"), и вечеръ, и лѣтняя ночь („Майская ночь или утопленница", „Ночь предъ Рождествомъ"); описалъ онъ Днѣпръ и берега, его окаймляющіе, горы, волшебный замокъ („Страшная месть"), лѣсъ ночью („Пропавшая грамота"), видъ земли сверху („Ночь предъ Рождествомъ").

Всѣ эти картины природы, нарисованныя съ мастерствомъ геніальнѣйшаго художника слова, передаютъ не столько самую картину. сколько настроенія, получаемыя поэтомъ отъ ея созерцанія. Для усиленія художественнаго впечатлѣнія авторъ щедро разсыпаетъ украшающія рѣчь поэтическія красоты: олицетворенія, гиперболы, самыя смѣлыя и вольныя метафоры громоздятся одна на другую. А подъ вліяніемъ этихъ перловъ художественнаго творчества подымается настроеніе читателя; онъ настраивается на тотъ тонъ, въ которомъ ведется разсказъ.

Къ элементамъ романтизма въ повѣсти Гоголя принято относить также изображеніе имъ чувствъ любви. Гоголь охотно берется за изображеніе чувства и наполняетъ имъ сердца идеальныхъ героевъ своихъ повѣстей. Но слѣдуя завѣтамъ не только романтической школы, но и сентиментальной, поэтъ рисуетъ это чувство отвлеченно, независимо отъ того, какъ оно преломляется въ психологіи того или другого класса, того или другого сословія. Вѣдь, каждый классъ любитъ по своему: аристократія любитъ не такъ, какъ любитъ простонародье. А въ изображеніи Гоголя чувство любви, присущее простонародью, представляется не живымъ настоящимъ чувствомъ, которое доступно героямъ даннаго сословія —это

чувство представляется ему приподнятымъ, идеализированнымъ Его герои, особенно героини, представляются ему какими-то не земными небесными созданіями: всѣ онѣ похожи другъ на друга и не отличаются ни національными, ни индивидуальными чертами. Въ любовныхъ рѣчахъ, которыми они обмѣниваются, чувствуется какая-то неестественная приподнятость тона, какой-то риторизмъ— такой лирическій паѳосъ Гоголь позаимствовалъ не изъ жизни, а изъ народной малороссійской пѣсни.

Вліяніе литературныхъ пріемовъ романтической школы сказалось и въ изображеніи самой жизни малороссійскихъ крестьянъ: эта жизнь нарисована въ повѣстяхъ исключительно съ поэтической, идеальной стороны. Крестьяне Гоголя только веселятся, пляшутъ, влюбляются, потѣшаются, поютъ пѣсни. Жизнь ихъ представлена вѣчнымъ праздникомъ; трудовая сторона ихъ жизни не нашла себѣ отраженія въ повѣстяхъ Гоголя; такъ, въ произведеніяхъ, посвященныхъ описанію жизни крестьянъ, нѣтъ ни одного намека на крѣпостное право. Такое одностороннее изображеніе однихъ только идеальныхъ сторонъ жизни, одной только прекрасной дѣйствительности было результатомъ литературныхъ пріемовъ романтиковъ, искавшихъ и въ природѣ, и въ исторіи однихъ только, интересныхъ картинъ, событій и героевъ.

Но въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки", кромѣ романтическаго элемента, есть еще значительная доза элемента *реалистическаго*. Реалистическій элементъ въ этихъ повѣстяхъ выразился въ обрисовкѣ *бытовыхъ* сценъ малороссійской жизни. Гоголь выводитъ здѣсь цѣлый рядъ малороссійскихъ народныхъ типовъ, описываетъ народные обычаи и развлеченія, напр., колядованіе, шумныя потѣхи деревенскихъ молодцовъ и дѣвушекъ, рисуетъ цѣлыя картины народной жизни, сельскую ярмарку, со всей ея пестротой и движеніемъ. Всѣ эти бытовыя черты основаны отчасти на собственныхъ наблюденіяхъ и воспоминаніяхъ автора, отчасти на матеріалахъ о жизни и обычаяхъ малороссовъ, присланныхъ ему матерью (напр, описаніе старинной малороссійской свадьбы). Передавая въ повѣстяхъ всю эту будничную жизнь съ ея положительными и отрицательными сторонами, съ ея радостью и горемъ Гоголь не прикрашивалъ этой дѣйствительности романтизмомъ, не идеализировалъ ее, а рисовалъ такой, какой она есть—оттого малороссійская жизнь оказалась представленной у него живо и правдиво. Въ Гоголѣ уже рано началъ сказываться инстинктъ изобразителя дѣйствительной неприкрашенной жизни, инстинктъ художника-реалиста, и этотъ инстинктъ побуждалъ его заботиться о точности своихъ описаній, о вѣрности ихъ дѣйствительности.

Выведенные Гоголемъ типы довольно разнообразны. Съ особенной любовью и симпатіей онъ рисуетъ молодежь: парубковъ и дѣвушекъ. Въ характерѣ первыхъ онъ отмѣчаетъ громадную силу чувства, безпечность, удальство и смѣлость; дѣвушки по характеру принадлежатъ къ двумъ типамъ: однѣ изъ нихъ отличаются мягкой женственностью, поэтической нѣжностью, какъ Ганна изъ

„Майской ночи“ и Пидарка (въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“), другія—кокетливостью и самолюбіемъ—такова задорная Оксана—избалованная, капризная деревенская красавица—предметъ любви кузнеца Вакулы.

Простонародные типы, нарисованные Гоголемъ въ его повѣстяхъ, не отличаются особенной сложностью. Онъ выводилъ лѣнивыхъ, флегматичныхъ, ко всему равнодушныхъ хохловъ въ родѣ Солопія Черевика («Сорочинская ярмарка»). Хохлацкую лѣность и неподвижность онъ воплотилъ въ образѣ колдуна Пацюка, который настолько облѣнился, что даже для ѣды не хочетъ пошевельнуть рукой. Правда, въ нужныя минуты они обнаруживаютъ находчивость и присутствіе духа, какъ старый дѣдъ въ «Заколдованномъ мѣстѣ». Въ изображеніи пожилыхъ казаковъ главная черта у Гоголя это упрямство—черта, очень часто встрѣчающаяся у малороссовъ вообще. Эта черта особенно рѣзко бросается въ глаза въ характерѣ Чуба (изъ «Ночи предъ Рождествомъ»), дѣда (въ «Заколдованномъ мѣстѣ»), «головы» (въ «Майской ночи»).

Въ лицѣ «головы» Гоголь изобразилъ типичное деревенское начальство; «голова» полонъ гордости и самомнѣнія — это тоже обычныя черты характера пожилыхъ малороссійскихъ казаковъ;—въ деревнѣ, вдали отъ комиссара, онъ пользуется безконтрольной властью: онъ самовластно накладываетъ подати на односельчанъ, вообще умѣетъ властвовать надъ своими подчиненными; объ его отношеніи къ подвластнымъ можно судить, напр., по его распоряженію доставить ему на домъ, по случаю пріѣзда комиссара, съ каждой хаты по цыпленку и по штукѣ полотна; только съ деревенской молодежью да со своей свояченицей «голова» не можетъ справиться. Рядомъ съ «головой» выведенъ живой образъ винокура. Это хитрый и ловкій деревенскій торгашъ, умѣющій всякаго провести, но въ то же время человѣкъ суевѣрный: онъ вѣритъ всякаго рода примѣтамъ, боится «нечистой силы» и во всемъ видитъ ея присутствіе.

Типы «пожилыхъ женщинъ» и «старухъ» въ повѣстяхъ Гоголя всѣ довольно однообразны.—Поэтъ изображалъ ихъ всегда придирчивыми, сварливыми, любительницами сплетенъ и ссоръ.

Изъ всѣхъ этихъ шаблонныхъ, другъ на друга похожихъ образовъ, исключеніемъ является Солоха—типъ разбитной деревенской бабы, ловкой и хитрой, умѣющей всѣхъ провести. Одной изъ наиболѣе удачныхъ характеристикъ пожилыхъ женщинъ является въ повѣстяхъ прекрасно нарисованный портретъ жены «кума» изъ «Ночи предъ Рождествомъ».

Итакъ, кромѣ преобладающаго романтическаго элемента, въ повѣстяхъ Гоголя значительное мѣсто удѣлено реалистическому изображенію дѣйствительной жизни. Главный недостатокъ въ изображеніи большинства выведенныхъ поэтомъ лицъ заключается въ отсутствіи рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ въ ихъ характерахъ: они слишкомъ похожи другъ на друга, слишкомъ типичны. Другой недостатокъ заключается въ нѣкоторомъ прикрашиваніи, въ иде-

ализаціи типовъ; здѣсь сказалась свойственная Гоголю романтическая манера изображенія: его красавицы слишкомъ ужъ нѣжны и сентиментальны; его парни и дѣвушки говорятъ у него слишкомъ искусственнымъ, книжнымъ языкомъ, несвойственнымъ простому народу.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и въ языкѣ самого Гоголя въ этихъ повѣстяхъ встрѣчаются нѣкоторыя неправильности: такъ замѣчается склонность поэта къ искусственнымъ, вычурнымъ оборотамъ. Но это объясняется молодостью и неопытностью автора: всѣ эти недостатки искупаются тонкимъ юморомъ, проникающимъ бо́льшую часть повѣстей, мѣткостью наблюденій и яркостью поэтическихъ картинъ, напр., въ описаніяхъ природы.

Среди разсказовъ «Вечеровъ на хуторѣ» выдѣляются двѣ повѣсти: «*Страшная месть*» и «*Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка*». Первая выдѣляется изъ всѣхъ повѣстей, какъ по тону, такъ и по содержанію. Въ то время, какъ содержаніе большинства другихъ повѣстей отличается комизмомъ, проникнуто радостнымъ, свѣтлымъ настроеніемъ и тонкимъ юморомъ (исключеніе составляетъ повѣсть «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала», сюжетъ которой трагическій; трагизмъ, правда, тамъ подчасъ смягчается шутливыми выходками разсказчика, дьячка Ѳомы Григорьевича), содержаніе «Страшной мести» отличается серьезнымъ, трагическимъ характеромъ; комическій элементъ здѣсь совершенно отсутствуетъ.

Впечатлѣніе истинно мистическаго ужаса производитъ образъ стараго колдуна, убившаго своего брата и жену, старавшагося обольстить собственную дочь, образъ великаго грѣшника, осужденнаго на вѣчныя мученія. Полной серьезностью отличается самый тонъ повѣствованія. Во многихъ мѣстахъ разсказъ написанъ размѣренной прозой (напр., знаменитое описаніе Днѣпра). Многіе образы, черты и отдѣльныя сравненія заимствованы прямо изъ народныхъ пѣсенъ и думъ: напр., образъ старой казачки, съ рыданіями провожающей своего сына на войну, причитанія Катерины надъ тѣломъ мужа, сравненіе битвы съ кровавымъ пиромъ.

Въ уста Катерины Гоголь влагаетъ цѣлую народную пѣсню: «Бижытъ возокъ кривавенькій»; наконецъ, въ концѣ повѣсти рисуется слѣпецъ-бандуристъ, поющій предъ народомъ пѣсню — сказаніе о братоубійствѣ и его послѣдствіяхъ. Къ особенностямъ «Страшной мести» слѣдуетъ отнести черты историческія (борьба казаковъ съ поляками и крымцами), упоминаніе опредѣленныхъ историческихъ мѣстностей и лицъ (Конотопъ, Глуховъ, Стефанъ Баторій). Всѣ эти особенности выдѣляютъ «Страшную месть» изъ числа остальныхъ повѣстей сборника и сближаютъ ее съ «Тарасомъ Бульбой», къ которому она служитъ какъ бы естественнымъ переходомъ.

Совершенно въ сторонѣ отъ разобранныхъ повѣстей Гоголя стоитъ его интересный разсказъ: «*Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка*». Прежде всего это единственный разсказъ изъ «Вечеровъ на хуторѣ», въ которомъ совершенно отсутствуетъ фантастика романтизма: эта повѣсть является реалистической отъ начала

до конца. Затѣмъ это единственный разсказъ изъ жизни мелкопомѣстныхъ дворянъ, тѣхъ «существователей», о которыхъ Гоголь съ значительной долей презрѣнія отзывался еще въ юности. Затѣмъ этотъ разсказъ имѣетъ еще ту особенную цѣнность, что онъ является словно переходнымъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ повѣстямъ Гоголя, въ которыхъ великій художникъ, за рѣдкими исключеніями (повѣсть «Вій»), не касается болѣе народныхъ суевѣрій и фантастическаго быта, а всѣ творческія силы онъ отдаетъ изображенію такихъ провинціальныхъ «существователей». какимъ былъ Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька.

Все это мелкіе люди съ мелкими интересами; никакихъ высшихъ духовныхъ запросовъ у нихъ нѣтъ; они собственно не живутъ, а только существуютъ: поэтому Гоголь и прозвалъ ихъ «существователями». Правда, они тоже волнуются, страдаютъ, но всѣ ихъ душевныя переживанія мелки и ничтожны. Но у Гоголя, какъ художника, было сильно развито симпатическое чувство; онъ любилъ своихъ героевъ и даже этихъ мелкихъ людей онъ рисовалъ съ юморомъ, безъ всякой злобы, даже съ чувствомъ симпатіи.

Мы уже выше говорили о тѣхъ источникахъ, откуда Гоголь черпалъ матеріалъ для своихъ повѣстей: это были воспоминанія дѣтства, тѣ разсказы и преданія, которые онъ, живя въ Петербургѣ, собиралъ на родинѣ при помощи матери и знакомыхъ. Въ результатѣ источники его творчества оказались очень разнообразными — народная малороссійская фантазія въ суевѣрныхъ представленіяхъ жизни, въ сказкахъ и преданіяхъ дала ему громадный матеріалъ для созданія фантастическаго міра чертей, колдуновъ, вѣдьмъ, оборотней. Но у народа къ этому фантастическому міру замѣчается двоякое отношеніе: съ одной стороны, въ многихъ народныхъ преданіяхъ и суевѣрныхъ представленіяхъ чувствуется какой-то ужасъ мрачной вѣры,—съ другой стороны, народъ часто относится съ юморомъ къ этимъ созданіямъ своей фонтазіи. Оттого народныя произведенія фантастическаго содержанія распадаются на двѣ группы: въ одной этотъ міръ народныхъ представленій рисуется съ трагической стороны, въ другой—съ комической. Такой же характеръ носитъ и фантастическое творчество Гоголя: его колдуны, черти, вѣдьмы являются то мрачными, то глуповатыми и смѣшными.

Сильное вліяніе на эти повѣсти оказала также малороссійская пѣсня: ея духъ сказывается въ лирическихъ мѣстахъ, въ описаніи красавицъ и красавцевъ, въ монологахъ любящихъ или тоскующихъ героевъ.

Кромѣ сказокъ и пѣсенъ, Гоголь широко пользовался и полуцерковными легендами, которыя явились результатомъ соединенія церковнаго и народнаго творчествъ.

Наконецъ, въ повѣстяхъ Гоголя замѣтны и литературныя вліянія. Такъ, Гоголь находился въ то время подъ вліяніемъ нѣмецкихъ романтиковъ, которые особенно охотно разрабатывали фантастику народнаго творчества. Изъ русскихъ писателей оказалъ

несомнѣнное вліяніе на творчество Гоголя Жуковскій съ его фантастическимъ міромъ колдуновъ, вѣдьмъ и дьяволовъ, Марлинскій, Пушкинъ съ своими фантастическими балладами, наконецъ, польскій поэтъ Мицкевичъ.

Что же касается реалистическаго элемента въ первыхъ гоголевскихъ повѣстяхъ, то онъ тоже имѣетъ за собой богато-разработанную почву. Въ малороссійской народной сказкѣ Гоголь нашелъ ярко нарисованные типы лѣниваго, упрямаго хохла, богато надѣленнаго и хитростью и юморомъ; эта же сказка дала ему живой образъ сварливой бабы-сплетницы. Эти характерные типы еще въ XVII вѣкѣ изъ сказки попали въ народную комедію («интермедіи», «вертепъ») [1]), а затѣмъ и въ ту комедію, которую усердно разрабатывалъ цѣлый рядъ малороссійскихъ писателей, предшественниковъ Гоголя. Кромѣ того, большое значеніе для повѣстей Гоголя имѣли такіе талантливые бытописатели, какъ Нарѣжный, прекрасный знатокъ Украйны. Въ русской литературѣ, конечно, ближайшимъ предшественникомъ и учителемъ Гоголя былъ Пушкинъ, который изобразилъ въ своихъ произведеніяхъ жизнь разныхъ слоевъ русскаго общества, въ томъ числѣ и провинціальнаго Въ своей поэмѣ «Полтава» онъ набросалъ яркую картину малороссійской жизни и природы.

Въ исторіи русской литературы произведеніе Гоголя «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» занимаетъ почетное мѣсто. Въ этихъ повѣстяхъ мы цѣнимъ не только яркость изображенія малороссійской жизни и природы, но и тотъ живой и искренній юморъ, которымъ вообще не отличалась современная русская литература. Чѣмъ-то молодымъ, свѣжимъ, жизнерадостнымъ повѣяло въ русской литературѣ съ появленіемъ этой книги. Несмотря на всѣ недостатки этихъ повѣстей, онѣ были первымъ полнымъ художественнымъ опытомъ нарисовать жизнь простонародья, заглянуть въ душу простого человѣка, въ міръ мрачнаго, темнаго и въ то же время не лишеннаго красоты мистицизма.

Миргородъ.

Второй сборникъ разсказовъ Гоголя «*Миргородъ*» вышелъ въ свѣтъ въ 1835 году. По характеру своему и содержанію эти разсказы близко подходятъ къ тѣмъ повѣстямъ, которыя вошли въ его первый сборникъ «Вечера на хуторѣ». Мы видимъ здѣсь то же смѣшеніе *романтизма* и *реализма*; сюжеты, разрабатываемые Гоголемъ въ этомъ сборникѣ, черпаются изъ тѣхъ же областей малороссійской жизни, которыя уже раньше давали богатый матеріалъ для его повѣстей: здѣсь опять изображаются и народныя суевѣрныя сказанія, и мелкая жизнь провинціальныхъ «существователей», и героическое прошлое родной страны. Правда, сравнительно съ «Вечерами на хуторѣ», содержаніе «Миргорода» характеризуется преобладаніемъ *бытового* элемента; отличительной чертой второго

[1]) См. курсъ исторіи древней литературы.

сборника является также *грустное настроеніе* автора, лежащее въ основѣ разсказовъ. Въ «Миргородѣ» впервые ярко выступаетъ наиболѣе характерная черта Гоголевскаго юмора: *смѣхъ сквозь слезы*; прежній юношескій беззаботно-радостный смѣхъ смѣняется грустнымъ смѣхомъ художника-юмориста, видящаго всю мелочность, грязь и пошлость жизни и скорбящаго о нравственномъ паденіи человѣка, о его духовномъ убожествѣ.

Дѣло въ томъ, что за эти годы личная жизнь поэта складывалась очень неудачно: Гоголь много испыталъ тяжелаго и неріятнаго; а сталкиваясь съ жизнью, онъ ближе познакомился съ ней и началъ серьезнѣе и вдумчивѣе къ ней относиться. Лѣтомъ 1832 года онъ съѣздилъ къ себѣ на родину, въ Украйну, которая издалека и по воспоминаніямъ рисовалась ему въ свѣтлыхъ, радужныхъ краскахъ. Но теперь, умудренный опытомъ и жизнью, онъ подошелъ къ ней поближе—и увидѣлъ здѣсь то, чего раньше не замѣчалъ: много темныхъ, отрицательныхъ чертъ и явленій. Теперь впервые въ Гоголѣ проявилась та характерная способность, которая наложила отпечатокъ на все дальнѣйшее его творчество, способность «вызывать наружу все, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, окутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ». («Мертвыя души», начало 7-ой гл.).

Въ своей повѣсти „*Старосвѣтскіе помѣщики*“ Гоголь рисуетъ намъ идиллическую картину жизни добродушныхъ старичковъ-супруговъ. Съ любовью и добродушнымъ юморомъ поэтъ рисуетъ намъ патріархальную жизнь этихъ двухъ нѣжныхъ, другъ друга любящихъ стариковъ, которые ведутъ безвредное, безобидное, но также безполезное для родины и человѣчества существованіе. Онъ подробно останавливается на мелочахъ ихъ домашняго обихода, начиная съ описанія ихъ жилища и хозяйства и кончая ихъ времяпровожденіемъ. Но всѣ эти мелочи подобраны имъ такъ искусно, что наглядно характеризуютъ изображенныхъ имъ лицъ: уже по одному описанію усадьбы съ низенькимъ домикомъ, съ протоптанной дорожкой отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ съ частоколомъ, обвѣшаннымъ связками сушеныхъ грушъ и яблонь съ жарко натопленными комнатами и поющими дверьми—мы можемъ уже составить себѣ ясное представленіе о характерѣ ея владѣльцевъ. Жизнь Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны—такъ звали старосвѣтскихъ помѣщиковъ—чрезвычайно пуста и однообразна и проходитъ въ ѣдѣ и питьѣ. Хозяйство ихъ сводилось къ заботамъ о кухнѣ и кладовыхъ, къ соленью, сушенью, варенью всевозможныхъ припасовъ, такъ что домъ осенью обращался какъ бы въ „химическую лабораторію“. Огородъ, садъ и птичій дворъ—все это было близко имъ, людямъ съ маленькими потребностями и къ тому же чуждымъ корыстолюбія. Что же касается земледѣлія и лѣсоводства, тѣхъ отраслей хозяйства, которыя ребуютъ извѣстной ширины экономическаго пониманія то тутъ

господствовалъ полный безпорядокъ; въ результатѣ староста и приказчикъ и прочіе слуги, пользуясь добродушіемъ и житейскою неопытностью старичковъ, ихъ безбожно обкрадывали. Наши старички жили исключительно растительною жизнью; никакихъ умственныхъ запросовъ, никакихъ высшихъ духовныхъ интересовъ у нихъ не было. Низкій уровень ихъ умственнаго развитія сказывается, напр., въ склонности къ суевѣрію. Люди непросвѣщенные и не желающіе себя просвѣщать, старички были окружены мракомъ невѣжества—они стояли на той же ступени развитія, на которой стояли ихъ крѣпостные. Темный міръ примѣтъ и суевѣрій окружалъ со всѣхъ сторонъ обоихъ старичковъ, — онъ владѣлъ ихъ жизнью и смертью, и бороться съ нимъ они не могли. Стоило Пульхеріи Ивановнѣ убѣдиться, что ея кошечка къ ней не вернется, какъ она пришла къ нелѣпой мысли, что въ видѣ кошки приходила за ней смерть, и что она умретъ. Аѳанасій Ивановичъ, услышавъ зовущій голосъ, рѣшилъ, что это его зоветъ Пульхерія Ивановна, и что ему, безъ сомнѣнія, суждено умереть. И оба они умерли: они умерли отъ самовнушенія, отъ непоколебимой вѣры въ то, что какія-то темныя силы властвуютъ надъ безсильнымъ, слабымъ человѣкомъ. Они не хотѣли, да и не могли бороться: и, дѣйствительно, во имя чего было бороться имъ, людямъ, не имѣвшимъ никакихъ сильныхъ интересовъ въ жизни, не знавшимъ ея смысла; вѣдь они жили, какъ растѣнія, какъ деревья; желанія ихъ были столь ограничены, что по выраженію Гоголя, они „не перелетали за частоколъ, окружавшій ихъ дворикъ". Этотъ частоколъ отдѣлялъ старичковъ отъ всего остального міра; они не знали, что за ихъ спиной существуетъ міръ борьбы и страданій, что гдѣ-то льются человѣческія слезы; они не знали высокихъ чувствъ общественности и патріотизма; такъ они жили безъ душевныхъ потрясеній и такъ умерли: спокойно, безболѣзненно, ничего собой въ жизнь не внося, ничего не унеся въ могилу.

Возникаетъ вопросъ, являются ли старосвѣтскіе помѣщики исключительно отрицательными типами? Ничуть не бывало: патріархальная, сытая и безоблачная жизнь способствовала образованію извѣстныхъ положительныхъ чертъ ихъ характера. Наши герои жили жизнью, изолированной отъ всего остального міра, и у нихъ, вполнѣ естественно, не могло явиться тѣхъ дурныхъ чувствъ, которыя рождаются отъ столкновенія человѣка съ человѣкомъ – зависти, честолюбія, ненависти . . .; старички были очень просты, просты „до святости", нетребовательны, добродушны, гостепріимны. Сердцемъ они были чисты, какъ дѣти, довѣрчивы и наивны. Особенно трогательное впечатлѣніе производитъ ихъ глубокая взаимная любовь; старички живутъ только мыслью другъ о другѣ; умирая, Пульхерія Ивановна думаетъ только о своемъ супругѣ, ее тревожитъ мысль, что некому будетъ присмотрѣть за нимъ, позаботиться о немъ; она безпокоится, что Аѳанасій Ивановичъ можетъ безъ нея выйти къ гостямъ въ старомъ халатѣ она распоряжается, чтобы ему готовилось то, что онъ любитъ, чтобъ бѣлье, ему подаваемое, всегда

было чисто и пр. Въ свою очередь, Аѳанасій Ивановитъ не можетъ забыть своей потери, и даже черезъ пять лѣтъ одно воспоминаніе о женѣ вызываетъ въ немъ горькія слезы.

Всѣ эти свѣтлыя, высокочеловѣчныя черты примиряютъ насъ со „старосвѣтскими помѣщиками", и мы невольно любуемся ими, хотя въ то же время вмѣстѣ съ авторомъ часто смѣемся надъ ними, смѣемся и скорбимъ о пошлости и мелочности ихъ жизни, о ничтожности ихъ интересовъ, объ ихъ непроглядномъ невѣжествѣ и душевной скудости, объ отсутствіи у нихъ всякихъ высшихъ общественныхъ и духовныхъ стремленій.

Своихъ безобидныхъ героевъ — старичковъ Гоголь сумѣлъ обрисовать всесторонне; ни одна характерная деталь ихъ быта не ускользнула отъ внимательнаго глаза поэта-художника. Онъ далъ намъ ясное представленіе о томъ, какой видъ извнѣ имѣлъ ихъ домикъ, каковы были комнаты этого домика. Онъ обрисовалъ намъ „старосвѣтскихъ помѣщиковъ" въ обществѣ ихъ самихъ, въ обществѣ знакомыхъ, въ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ и приказчику. Онъ далъ намъ понятіе о томъ, какъ безпорядочно вели они свое хозяйство, какъ ихъ обкрадывали и обманывали. Изображая патріархальную помѣщичью жизнью, Гоголь отмѣтилъ положительныя и отрицательныя черты своихъ героевъ. И вся совокупность этой пестрой кучи разныхъ смѣшныхъ, печальныхъ и трогательныхъ подробностей даетъ намъ два ясныхъ старческихъ облика-олицетворенія безмятежной старины, добраго стараго времени.

Повѣсть Гоголя „Старосвѣтскіе помѣщики" имѣетъ тѣсную связь съ литературой XVIII вѣка; среди произведеній этой поры была очень распространена „идиллія"—тотъ видъ литературнаго творчества, въ которомъ всегда изображались идеальные герои, связанные чувствами идеальной любви или дружбы. Но подобные сюжеты разрабатывались обыкновенно въ стилѣ сентиментальномъ и романтическомъ. „Старосвѣтскіе помѣщики" были удачной попыткой замѣнить въ этой темѣ романтическіе элементы—бытовыми и реальными. Вмѣсто прежнихъ пустынныхъ мѣстъ Гоголь избралъ мѣстомъ дѣйствія малороссійскую деревню, вмѣсто разочарованныхъ героевъ и томныхъ или страстныхъ героинь—старика и старуху. На возможность такого сближенія своей повѣсти съ старыми „идилліями" намекаетъ самъ Гоголь: въ одномъ мѣстѣ своего произведенія онъ называетъ своихъ старичковъ именами двухъ идеальныхъ героевъ старой патріархальной идилліи Овидія—„Филемономъ и Бавкидой".

Что побудило Гоголя написать эту повѣсть На это самъ авторъ даетъ отвѣтъ: она основана на воспоминаніяхъ его дѣтства. Когда въ столичной сутолокѣ Гоголь вспоминалъ эти два образа, ему „мерещилось былое"; когда онъ вспоминалъ „поющія двери" ихъ деревенскаго домика, въ его душѣ возникала цѣлая „вереница воспоминаній". Мы знаемъ, что Гоголь, съ его вѣчной душевной тревогой, часто утомлялся и разочаровывался, а въ такія минуты разочарованія его тянуло на родину, въ милую Украйну „отдох-

нуть", „сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни"—такъ говоритъ самъ Гоголь въ началѣ своей повѣсти. И вотъ, съ точки зрѣнія такого уставшаго страдальца, одна минута отдохновенія въ обществѣ такихъ патріархальныхъ старичковъ помѣщиковъ могла показаться ему блаженствомъ, которое полно неизъяснимой прелести. И онъ представилъ намъ эту жизнь райской, блаженной, безмятежной, хотя добросовѣстность поэта-художника не позволила ему закрыть глаза на крупные недостатки этоі жизни.

Замѣтнѣе, категоричнѣе осужденіе этой глухой провинціальной жизни сказалось въ другой повѣсти этого сборника—„*Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*". Въ этомъ произведеніи жизнь захолустной провинціи совершенно лишена тѣхъ смягчающихъ, примиряющихъ нотъ, которыя въ повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики" явились результатомъ личныхъ симпатій и воспоминаній Гоголя.

Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ—помѣщики уѣзднаго провинціальнаго города временъ Гоголя. Жизнь, которую ведутъ въ этомъ уѣздномъ городѣ, по существу, мало чѣмъ отличается отъ жизни Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны: это жизнь такая же мелочная, ничтожная и праздная. Всѣ интересы ея обывателей сводятся къ ѣдѣ, спанью; никакихъ высшихъ интересовъ у нихъ нѣтъ; здѣсь люди собственно не живутъ, а пресмыкаются—пресмыкаются въ предѣлахъ „частокола", ограничивающаго ихъ отъ жизни болѣе осмысленной, болѣе содержательной, болѣе идейной. Но здѣсь нѣтъ и слѣда той подкупающей простоты и сердечности, которой одарена жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ: у послѣднихъ одна душа, одно сердце, однѣ привычки; въ уѣздномъ городѣ передъ нами толпа существователей съ самыми различными сердцами и привычками; имъ нужно обезопасить себя другъ отъ друга, и потому здѣсь развиты какія-то своеобразныя понятія о чести и достоинствѣ человѣка. Въ этой пустой безсодержательной жизни всякая мелочь представляетъ огромное значеніе—отсюда любовь къ праздной болтовнѣ, къ сплетнямъ, мелкимъ кляузамъ, отсюда развитіе у обывателей этого города такихъ мелкихъ чувствъ, какъ обидчивость, подозрительность, зависть. Въ такой сферѣ нѣтъ мѣста глубокимъ и прочнымъ чувствамъ—малѣйшаго пустяка бываетъ достаточно для того, чтобы дружба обратилась во вражду и взаимную ненависть.

Такъ и случилось съ героями повѣсти Гоголя о ссорѣ двухъ друзей: оказалось достаточнымъ одного слова „гусакъ", чтобы два друга, „честь и украшеніе Миргорода", поссорились на всю жизнь и обрѣли каждый цѣль и смыслъ жизни—въ судебной тяжбѣ, разорительной, упорной и непримиримой.

Въ изображеніи своихъ героевъ Гоголь особеннымъ искусствомъ проявилъ свое умѣнье живо и ярко представить всю „пошлость пошлаго человѣка", по его собственному выраженію Мелочность, пустота и ничтожность ихъ жизни, грубость и пош-

лость ихъ привычекъ не искупается никакими положительными качествами; въ нихъ, напр., вовсе нѣтъ добродушія и сердечности, которыми такъ богаты старосвѣтскіе помѣщики: достаточно вспомнить, напр., разговоры Ивана Ивановича съ нищими, которыхъ онъ любилъ останавливать на паперти и разспрашивать объ ихъ несчастіяхъ, но никогда не давалъ никому ни гроша. Рисуя общія черты миргородскихъ друзей: ихъ упрямство, пошлость, мелочное самолюбіе, страсть къ сутяжничеству, Гоголь въ то же время отмѣчаетъ и индивидуальныя различія, такъ что, несмотря на все сходство въ ихъ образѣ жизни, интересахъ, привычкахъ, мы сможемъ отличить ихъ другъ отъ друга. Иванъ Ивановичъ былъ „душой“ мѣстнаго общества: онъ любилъ щегольнуть (у него была удивительная бекеша), онъ зналъ, какъ держать себя, умѣлъ витіевато говорить; въ его характерѣ отмѣчены такія черты, какъ любопытство, лицемѣріе и ханжество; напротивъ того, Иванъ Никифоровичъ—грубъ, лѣнивъ, неподвиженъ, нескладенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, это существо почти полу-животное. Ни одной отрадной черты нѣтъ въ характерахъ этихъ двухъ курьезныхъ сутяжниковъ, — одна только мелочность и пошлость, ложь и клевета. Какъ смѣшны и каррикатурны они въ различные моменты ихъ тяжбы, въ тѣ минуты, когда мѣстное общество пытается примирить ихъ, и во всякихъ другихъ положеніяхъ. Но они не только смѣшны, но и безобразны, отвратительны; они производятъ самое удручающее впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго у автора вырывается тоскливый заключительный возгласъ: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“

Кромѣ этихъ двухъ друзей, Гоголь вывелъ въ повѣсти еще нѣсколько типичныхъ образовъ. Судья во время судебнаго разбирательства мирно бесѣдуетъ о дроздахъ и, не слушая дѣла, подписываетъ его и беретъ взятки обѣими руками; городничій, бывшій солдатъ, рисуется, какъ добродушный грабитель—каждый день онъ спрашиваетъ квартальныхъ, не нашлась ли пуговица отъ его мундира, потерянная имъ уже два года тому назадъ; чиновники и обыватели города, отъ самыхъ сановитыхъ до мелкихъ, мастерски обрисованы кистью художника. Кромѣ образовъ, здѣсь еще бѣглыми штрихами нарисованы сцены изъ жизни города: повѣтовый судъ, ассамблея въ домѣ городничаго и т. п. И на фонѣ этой безотрадной пошлости и мелочности ярко выдѣляются два друга— „честь и украшеніе Миргорода“. Если въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ читателя подкупала святая чистота героевъ, отсутствіе у нихъ жизненныхъ претензій, то въ этой повѣсти пошлость жизни ничѣмъ не прикрывается. Невѣжественная, нетребовательная простота смѣнилась здѣсь смѣшнымъ искаженіемъ прежней патріархальной жизни новыми понятіями о чести, о достоинствѣ дворянина и чиновника—и эти понятія своей уродливостью и безобразіемъ еще очевиднѣе и безотраднѣе представляютъ ту бездну пошлости, которая скрывается за этими претензіями.

И эта повѣсть имѣетъ свою литературную исторію. Гоголь воспользовался впечатлѣніями захолустной малороссійской жизни,

собранными имъ въ 1832 году во время пребыванія на родинѣ,— и это дало ему матеріалъ для художественной обрисовки тѣхъ образовъ, ничтожность которыхъ онъ чувствовалъ еще юношей. Матеріаломъ для Гоголя послужила также повѣсть Нарѣжнаго „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“, гдѣ изображена страсть къ сутяжничеству, явленіе вообще свойственное человѣку, живущему мелочными интересами, и особенно характерное въ малороссійскомъ захолустьѣ. Но на все это онъ наложилъ печать своего собственнаго творческаго генія, и сырой матеріалъ обратился въ художественное произведеніе.

Въ разсказѣ „*Вій*“ мы видимъ соединеніе романтизма съ реализмомъ, фантастическаго элемента съ бытовымъ.

Въ подстрочномъ примѣчаніи къ повѣсти Гоголь говоритъ слѣдующее: „Вій — есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссовъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и разсказываю почти въ той же простотѣ, какъ слышалъ“. Такимъ образомъ, фантастическая фабула разсказа основана на народныхъ сказкахъ и суевѣрныхъ представленіяхъ: народъ вѣритъ въ существованіе какого-то таинственнаго Вія, въ существованіе вѣдьмъ и въ возможность ихъ общенія съ обыкновенными людьми. При этомъ по мѣрѣ развитія разсказа изображеніе фантастическаго значительно измѣняетъ свой характеръ. Сначала онъ носитъ нѣсколько комическій характеръ (какъ обыкновенно „Въ вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“): такова, напр., сцена ночной скачки вѣдьмы-оборотня верхомъ на философѣ Хомѣ Брутѣ; но затѣмъ этотъ комическій характеръ постепенно исчезаетъ и фантастическій элементъ выступаетъ съ его ужасной трагической стороны.

Красавица-панночка, дочь сотника, обладаетъ способностью оборачиваться въ собаку и въ старуху; она пьетъ кровь у людей, особенно у дѣтей; она носится на плечахъ у тѣхъ парней, которые ей нравятся, и замучиваетъ ихъ. Много страшныхъ исторій знаютъ о ней дворовые ея отца. Она находится въ общеніи и съ представителями „нечистой силы“—съ тѣми темными силами земли, которыя олицетворены въ видѣ чертей-демоновъ и „Вія“, котораго самъ Гоголь называетъ „начальникомъ гномовъ“. Съ мастерскимъ искусствомъ Гоголь изобразилъ постепенное наростаніе страха въ душѣ Хомы, все болѣе сгущая краски въ разсказѣ объ ужасахъ волшебной ночи, пока, наконецъ, дѣло доходитъ до трагической развязки, съ появленіемъ Вія.

Реалистическій интересъ разсказа заключается въ описаніи быта старинной бурсы, съ ея своеобразнымъ устройствомъ, заимствованнымъ отъ польскихъ іезуитскихъ школъ, съ ея нравами и обычаями, съ ея сенаторами и авдиторами, философами и богословами, съ огородными нашествіями бурсаковъ, ихъ святочнымъ колядованіемъ и вакаціонными путешествіями.—Бурса представляла

собой своеобразную школу, въ которой только люди съ выдающимися способностями и научными интересами пріобрѣтали образованіе,—большинство же ничему не научалось, но зато выносило оттуда характеры, вполнѣ подходящіе къ потребностямъ того жестокаго, суроваго времени. Учениковъ тамъ безпощадно били и истязали, держали впроголодъ, а воспитанники, въ свою очередь, занимались больше всего избіеніемъ другъ друга, да заботой о собственномъ пропитаніи. Развлеченія тамъ были грубы и суровы. Подъ вліяніемъ такого воспитанія создавался типъ спокойнаго, безстрашнаго бурсака-богатыря.—На эти бытовыя черты повѣсти Гоголя оказалъ замѣтное вліяніе Нарѣжный, который въ романѣ „Бурсакъ" довольно подробно нарисовалъ намъ картину жизни бурсы въ старинные годы. Однако, и здѣсь въ характеристикѣ отдѣльныхъ типовъ Гоголь проявилъ полную самостоятельность и большое мастерство геніальнаго художника: мрачный богословъ Халява, юный риторъ Тибарій Горобецъ, лѣнивый, невозмутимый, душевно-равнодушный, но вмѣстѣ съ тѣмъ веселый философъ Хома Брутъ—все это живыя, яркія, прекрасно очерченныя фигуры. Кромѣ изображенія бурсы и бурсаковъ, въ повѣсти „Вій" встрѣчаются также и другія бытовыя черты: напр., жизнь и бытъ панской дворни, отдѣльные типы дворовыхъ сотника и ихъ вечернія бесѣды на кухнѣ.

Особенно удалось Гоголю изображеніе пьяной бесѣды подгулявшихъ сторожей Хомы—изъ отдѣльныхъ отрывистыхъ фразъ, которыми они обмѣниваются, опредѣленно и ясно обрисовывается физіономія каждаго.

Въ составъ „Миргорода" вошла также большая историческая повѣсть „*Тарасъ Бульба*". Гоголь живо интересовался прошлымъ своей родины, тѣмъ временемъ, когда Малороссія жила бурной исторической жизнью, когда полна героизма и поэзіи была жизнь казачества, когда не было ненавистныхъ ему существователей, а были „борцы" за родину, за вѣру. Съ этой цѣлью онъ изучалъ историческія сочиненія и записки современниковъ, собиралъ народныя пѣсни и „думы", въ которыхъ отразилось историческое прошлое Украйны. Онъ собирался даже написать подробную исторію Малороссіи и даже сдѣлалъ въ газетахъ объявленіе, въ которомъ просилъ присылать ему необходимые для работы матеріалы, документы, записки и т. д. Но результатомъ его историческихъ изслѣдованій явился не научный трактатъ, а поэтическое произведеніе, одно изъ лучшихъ художественныхъ произведеній Гоголя: историческій матеріалъ, добытый имъ, принялъ форму живыхъ поэтическихъ образовъ и мастерски нарисованныхъ картинъ, подобно тому, какъ занятія Пушкина Екатерининской эпохой привели къ созданію „Капитанской дочки". Сравненіе этой повѣсти Пушкина съ „Тарасомъ Бульбой" нагляднѣе всего показываетъ намъ разницу въ характерѣ и пріемахъ творчества обоихъ писателей. „Капитанская дочка" отличается полной объективностью; выведенныя въ ней лица изображены безъ всякой идеализаціи, безъ всякихъ прикрасъ—

это со стороны содержанія, а со стороны формы замѣчательно спокойствіе тона и вообще безыскусственная простота изложенія. Напротивъ того, повѣсть Гоголя отличается значительной приподнятостью тона; своихъ героевъ поэтъ идеализируетъ, и все произведеніе проникнуто лирическимъ энтузіазмомъ. Въ этомъ отношеніи на повѣсти Гоголя лежитъ отпечатокъ эпохи романтизма, между тѣмъ какъ произведеніе Пушкина проникнуто духомъ строгаго реализма.

Среди другихъ произведеній, вошедшихъ въ составъ „Миргорода", повѣсть „Тарасъ Бульба" отличается серьезностью содержанія и тона; въ противоположность другимъ повѣстямъ, здѣсь совершенно отсутствуетъ комическій элементъ, за исключеніемъ немногихъ сценъ, гдѣ является Янкель и изображенъ еврейскій кварталъ Варшавы. Эта разница въ тонѣ объясняется тѣмъ, что въ своей повѣсти Гоголь относился къ изображаемой имъ жизни не такъ, какъ прежде: въ другихъ повѣстяхъ онъ останавливался на отрицательныхъ явленіяхъ жизни, на изображеніи духовнаго убожества и житейской пошлости („Старосвѣтскіе помѣщики" и „Повѣсть о томъ..."); здѣсь же въ „Тарасѣ Бульбѣ" сѣрая дѣйствительность не тормозила воображенія поэта, и онъ съ любовью и сочувствіемъ рисовалъ героическіе образы, взятые изъ украинской старины, и картины, возвышающія душу. Хотя Гоголь не пріурочиваетъ дѣйствія своей повѣсти къ опредѣленному историческому моменту и не выводитъ дѣйствительно историческихъ личностей, тѣмъ не менѣе повѣсть „Тарасъ Бульба" съ полнымъ правомъ можетъ быть названа повѣстью *исторической*, такъ какъ въ ней Гоголю удалось нарисовать *общую картину родной малороссійской старины*, въ ея наиболѣе яркихъ и типичныхъ проявленіяхъ, а въ лицѣ своихъ героевъ ему удалось уловить яркія національныя черты своего народа.

При созданіи своей повѣсти Гоголь руководствовался разнообразнымъ матеріаломъ: какъ историкъ, онъ добросовѣстно изучалъ прошлое Украйны и по ученымъ историческимъ трудамъ, и по народнымъ произведеніямъ, и по лѣтописямъ, и по запискамъ современниковъ. Но главнымъ источникомъ его были малороссійскія народныя пѣсни и «думы». Будучи поэтомъ-художникомъ, Гоголь былъ воодушевленъ народными преданіями и пѣснями и оттуда вынесъ свое проникновеніе въ духъ націи, въ ея силы и героевъ; въ этихъ пѣсняхъ и думахъ онъ видѣлъ живое отраженіе прошлой жизни родного народа, его взглядовъ, симпатій, стремленій и идеаловъ; черезъ нихъ онъ думалъ постигнуть самый духъ той далекой эпохи.

Въ своей статьѣ «О малороссійскихъ пѣсняхъ» Гоголь писалъ о нихъ: «Пѣсни — это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь народа. Въ отношеніи пѣсни для Малороссіи—все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила». Правда, изъ пѣсенъ историкъ не можетъ почерпнуть много точныхъ фактическихъ данныхъ, но зато онъ мо-

жетъ узнать въ нихъ «бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселія народа, духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго, такъ что исторія народа разоблачится передъ нимъ въ ясномъ величіи». Сознавая эту важность и громадное значеніе народной поэзіи, Гоголь съ особымъ усердіемъ собиралъ малороссійскія пѣсни. Въ своихъ письмахъ онъ неоднократно отзывался о нихъ съ большей восторженностью. «Что всѣ черствыя лѣтописи предъ этими звонкими живыми лѣтописями!» восклицаетъ онъ въ письмѣ къ одному другу; объ историческихъ думахъ онъ отзывался, что онѣ «ослѣпительно хороши».

Понятно, что, при подобномъ увлеченіи народной поэзіей, она должна была оказать извѣстное вліяніе и на его собственное поэтическое творчество. Это вліяніе чувствуется уже въ «Страшной мести», а въ «Тарасѣ Бульбѣ» оно становится еще замѣтнѣе. Оно отразилось, какъ на *формѣ* произведенія, такъ и на его *содержаніи*. Съ точки зрѣнія формы вліяніе народной поэзіи сказывается въ повышенномъ тонѣ повѣствованія, въ тѣхъ частяхъ, которыя посвящены изображенію казаковъ и казачества, въ общемъ лиризмѣ его теченія, въ употребленіи соотвѣтствующихъ пріемовъ и оборотовъ, въ яркой образности языка и художественности изложенія. Такъ, напр., Гоголь часто прибѣгаетъ къ картиннымъ сравненіямъ, изъ которыхъ многія прямо заимствованы изъ народныхъ мотивовъ: напр., казаковъ онъ сравниваетъ съ орлами, битву съ пиромъ; у Гоголя встрѣчаются и повторенія однихъ и тѣхъ же выраженій— такія повторенія вообще составляютъ одну изъ формальныхъ особенностей народной поэзіи и встрѣчаются не только у малороссовъ, но также въ народномъ эпосѣ другихъ народовъ; въ строго эпическомъ стилѣ выдержано описаніе единоборства отдѣльныхъ казаковъ; наконецъ, мѣстами самый языкъ повѣсти принимаетъ складъ пѣсни, проза получаетъ видъ размѣренной рѣчи. Со стороны содержанія вліяніе народной поэзіи сказалось въ пониманіи самаго духа изображаемой эпохи, ея идеаловъ, чаяній и стремленій, въ общей характеристикѣ малороссійскаго казачества, въ сочувственномъ воспроизведеніи поэзіи битвъ и широкаго разгула молодецкихъ силъ.

Историческій смыслъ малороссійскаго казачества заключался въ борьбѣ за вѣру и народность. Эта борьба съ турками, татарами и поляками длилась вѣка и была то оборонительной, то наступательной; особенно острой она стала въ XVI вѣкѣ. Эта длительная война въ результатѣ закалила народный характеръ, придала людямъ Украйны черты желѣзной энергіи, которая, правда, часто скрывалась подъ личиной простодушнаго лукавства, хитрости, даже лѣни и флегматичности, но вдругъ вырывалась на волю и принимала широкіе размѣры не знавшей удержу стихійной силы. Жизнь была сложна, а въ борьбѣ приходилось прибѣгать и къ силѣ и къ хитрости. Нужды времени заставляли каждаго казака пробовать свои силы въ разностороннихъ практическихъ занятіяхъ, а это развивая находчивость и предпріимчивость, не привязывало чело-

вѣка къ какому-нибудь опредѣленному дѣлу. Неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, постоянная готовность идти на встрѣчу опасности пріучали равнодушно смотрѣть въ глаза смерти, не дорожить собственной головой, но не стѣсняться и судьбой другого. И поэтому дешево цѣнилась тогда жизнь человѣка, жестоки были нравы того времени.

Безпорядочно и безпутно шла здѣсь жизнь: семья и домашній очагъ были не нужны казаку; эти привязанности у нихъ замѣнялись духомъ „товарищества", связавшимъ ихъ въ вольную дружину удальцовъ—„лыцарей", имѣвшихъ свой центръ въ Запорожской Сѣчи. Полная опасностей суровая жизнь развивала въ суровыхъ сердцахъ казаковъ духъ неутомимости и удальства и въ то же время умѣніе на всѣ опасности глядѣть съ равнодушнымъ спокойствіемъ, даже съ юморомъ. Единственно, что скрашивало образъ жизни казаковъ, что было для нихъ въ жизни „святымъ"—это тѣ идеалы, за которые они боролись и для которыхъ они жертвовали своей жизнью — родина, вѣра православная, да чувство товарищества. Только благодаря этимъ немногимъ простымъ идеаламъ, жизнь ихъ наполнялась смысломъ, существованіе облагораживалось; они смотрѣли на свое дѣло, какъ на вѣрное дѣло, и это создавало соотвѣтственный героизмъ духа; они чувствовали себя „лыцарями" (такъ они сами себя называли).

Казаки беззавѣтно служили патріотизму—онъ былъ главнымъ идеаломъ ихъ жизни; но идеалъ этотъ не отличался нѣжностью и мягкостью—это былъ идеалъ суровый и жестокій, затемнявшій всѣ другія естественныя привязанности и стремленія: къ семьѣ, къ женщинѣ, къ мирнымъ занятіямъ. Многія изъ національныхъ чертъ сохранились въ душѣ малороссовъ и до временъ Гоголя; правда, онѣ измельчали и, имѣя блестящее прошлое, не находили себѣ объясненія въ настоящемъ. Еще въ „Вечерахъ" и "Віѣ" Гоголь собралъ эти остатки прежнихъ чувствъ; въ повѣсти же „Тарасъ Бульба" онъ объяснилъ, откуда взялся у малороссовъ этотъ юморъ и упрямство, эта флегматичность, это лѣнивое равнодушіе—всѣ тѣ черты родного поэту народа, которыя собраны и воплощены имъ въ дѣйствующихъ лицахъ его героической повѣсти; и что въ современной поэту жизни казалось смѣшнымъ, даже каррикатурнымъ, то въ историческомъ освѣщеніи пріобрѣло серьезный и глубокій интересъ. Вотъ почему и сама повѣсть и главный ея герой имѣютъ большое историческое значеніе.

Типическимъ воплощеніемъ казачества, какъ понималъ его Гоголь, является самъ Тарасъ Бульба, центральная фигура всей повѣсти.

Главной задачей казачества, какъ выше было сказано, было охраненіе русской народности отъ напора внѣшнихъ враговъ, поляковъ, турокъ и татаръ и охраненіе православія отъ покушенія со стороны папства. Поэтому главной чертой въ характерѣ Тараса является его пламенный патріотизмъ, беззавѣтная преданность родинѣ и ненависть къ ея врагамъ и притѣснителямъ. Въ этой ненависти

онъ не знаетъ удержу и проявляетъ страшную, безпощадную жестокость, напр., при мести за смерть Остапа. Другая характерная черта Тараса, какъ представителя казацкаго „лыцарства"—это воодушевляющее его глубокое чувство товарищества; этимъ чувствомъ проникнута его рѣчь къ войску передъ битвой, и ему онъ остается вѣренъ до конца своей жизни: умирая мучительной смертью, онъ думаетъ не о себѣ, а о своихъ ратныхъ товарищахъ и, изнемогая отъ мукъ, находитъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы уносящимъ свои головы казакамъ указать пути спасенія.

Какъ представитель воинственнаго народа, Тарасъ—натура страстная, увлекающаяся; онъ энергиченъ, неутомимъ, предпріимчивъ, тяготится мирнымъ бездѣйствіемъ и не любитъ никакого мирнаго дѣла; до сѣдыхъ волосъ онъ увлекается бурной жизнью полной опасностей и тревогъ, онъ не знаетъ страха, усталости, Отсюда его непосѣдливость, отсюда же и слабая привязанность его къ семьѣ и къ дому. Тарасъ—суровый мужъ и суровый отецъ. На жену онъ смотритъ, какъ на безвольную рабу, ни въ чемъ не спрашивая ея совѣта и согласія. Мягкость и нѣжность женской души въ его глазахъ большая опасность для удалого казака: если онъ поддается чарамъ любви женщины—все равно даже материнской, онъ можетъ „обабиться", сдѣлаться „мазунчикомъ"—и въ такомъ случаѣ онъ погибнетъ для великаго дѣла служенія родинѣ. Какъ отецъ, Бульба представляется такимъ же суровымъ, онъ не допускаетъ въ отношеніяхъ съ сыновьями мягкости и ласки и сразу предпочитаетъ стать съ ними въ отношенія старшаго товарища. Въ дѣтяхъ своихъ онъ цѣнитъ, главнымъ образомъ, воиновъ; это видно, напр., уже изъ комической сцены встрѣчи съ сыновьями, когда Тарасъ старается испытать воинственный духъ своихъ сыновей и вступаетъ съ ними въ драку, чтобы узнать ихъ силу и темпераментъ. Но когда сыновья его оказались удалыми молодцами. Бульба любуется ими и гордится и тотчасъ рѣшаетъ ѣхать въ Сѣчь, чтобы показать сыновей боевымъ товарищамъ.

Когда же одинъ изъ нихъ, Андрій, увлеченный любовью къ полячкѣ, сдѣлался измѣнникомъ и перешелъ на сторону враговъ, Бульба не знаетъ къ нему пощады и казнитъ виновника собственной рукой: чувство любви къ родинѣ беретъ перевѣсъ надъ чувствомъ любви и жалости отца къ сыну. Зато вся сила отцовскаго чувства просыпается въ немъ, когда Остапъ, его старшій сынъ, попадаетъ въ плѣнъ къ непріятелю. Горе его настолько велико, что заставляетъ даже горячаго и непреклоннаго Тараса переломить характеръ: онъ соглашается на унизительное путешествіе подъ кирпичнымъ грузомъ, послушно исполняетъ всѣ требованія Янкеля, прибѣгаетъ къ переодѣванію, чтобы только увидѣться съ Остапомъ но все-таки въ послѣднюю минуту его планы рушатся, потому что онъ не умѣлъ сдержать себя, когда тюремный сторожъ—гайдукъ неосторожнымъ словомъ оскорбилъ его религіозное и патріотическое чувство.

Есть еще и другія черты въ характерѣ Тараса. Онъ пользуется:

громаднымъ авторитетомъ среди своихъ товарищей и умѣетъ влiять на нихъ и словомъ и дѣломъ: когда надо, онъ пошутитъ, когда—зажжетъ ихъ сердца полной воодушевленiя патрiотической рѣчью, иногда ихъ удаль умѣетъ воспламенить и лишней бочкой „горiлки". Онъ хитеръ и прозорливъ—въ Запорожской Сѣчи онъ онъ ведетъ себя, какъ истый дипломатъ: съ особенной ловкостью управляя психологiей казачества, онъ легко добивается назначенiя новаго кошевого. Во время примиренiя казаковъ съ поляками онъ оказывается дальновиднѣе всѣхъ.

Какъ человѣкъ, Бульба является воплощенiемъ тѣхъ нацiональныхъ чертъ, которыя намѣчены Гоголемъ въ различныхъ герояхъ его повѣстей. Только у Бульбы эти черты представлены въ болѣе крупномъ видѣ. Такъ, упрямство—это основная черта характера гоголевскихъ героевъ—у Тараса выростаетъ въ упорство воодушевленнаго патрiотизмомъ титана. Равнодушiе и лѣнь комическихъ хохловъ различныхъ повѣстей Гоголя—въ лицѣ Тараса выростаетъ въ спокойствiе героя передъ лицомъ дѣйствительной смерти. Въ юморѣ Тараса нѣтъ смѣха; это юморъ суровый—отъ него пахнетъ смертью.

Самъ Тарасъ—фигура, какъ бы изъ стали вылитая и въ то же время страстная, мятежная. Но суровый и жестокiй въ дѣлѣ мести и расправы, Тарасъ умѣетъ быть великодушнымъ, когда надо отплатить за содѣянное добро: онъ щадитъ Янкеля за ту помощь которую онъ оказалъ когда-то его брату.

Потрясающее впечатлѣнiе производитъ сцена казни Остапа на которой присутствуетъ и старый Бульба. Остапъ мужественно выдерживаетъ нечеловѣческiя мученiя пытки; „добре, сынку, добре!" ободряюще говоритъ про себя Бульба, самъ душевно страдая при видѣ мукъ сына; но пытка становится все нестерпимѣе, и изъ груди Остапа вырывается стонъ: „батько! гдѣ ты? слышишь ли ты все?". Среди всеобщей гробовой тишины раздался крикъ „слышу!",—это былъ голосъ Бульбы, у котораго сердце надорвалось отъ душевной боли;..... отецъ хотѣлъ прибавить силы нравственной въ мужественное сердце сына. Повѣсть заканчивается описанiемъ жестокой, безпощадной мести Бульбы за казненнаго сына и его собственной гибели.

Изъ сыновей Бульбы—старшiй, Остапъ, во многомъ напоминаетъ своего отца: та же отвага, воинственность, суровость въ обращенiи, энергiя и предпрiимчивость въ военномъ дѣлѣ. Суровую школу онъ прошелъ еще въ кiевской бурсѣ; оттуда онъ вынесъ равнодушiе къ физической боли, нелюбовь къ наукѣ, духъ товарищества и страсть къ вольной жизни. Запорожская Сѣчь, съ ея нравами и законами, а затѣмъ бурная мятежная жизнь на полѣ брани въ короткое время сдѣлали изъ него истаго запорожца, который умѣлъ и драться безъ страха и умереть безъ стона.

Какъ и Тарасъ, онъ лишенъ нѣжныхъ чувствъ и съ презрѣнiемъ относится къ женщинѣ—она ненужна его юному, но уже суровому

сердцу. И Тарасъ и Остапъ—герои малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ о доблестныхъ защитникахъ родины и вѣры.

Не таковъ его братъ Андрій. Въ немъ нѣтъ отцовской твердости характера; онъ отличается извѣстной мягкостью и впечатлительностью. Это казакъ—романтикъ, это герой любовныхъ малороссійскихъ пѣсенъ, который умѣетъ приласкать женское сердце и найти много ласкающихъ именъ для милой дѣвушки.

Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ собой парубковъ изъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки". Это—тонкая, нѣжная натура, откликающаяся на призывъ матери, на любовь женщины... Но эта натура страстная и сильная, которая способна на многое рѣшиться: такъ, любовь къ прекрасной полячкѣ заставляетъ его отречься отъ родины и отъ семьи и приводитъ его, наконецъ, къ гибели.

Большимъ воображеніемъ и мечтательностью Андрій отличался еще на школьной бурсацкой скамьѣ. Къ разнымъ предпріятіямъ онъ относился, какъ поэтъ: ему дорого было не достиженіе самой цѣли, а тѣ настроенія, которыя волновали его изящную, чувствительную душу. Когда онъ дрался съ поляками, ему дороги были не цѣли этой войны, а самая война—„поэзія битвы", ея настроенія... Вотъ почему въ пылкой поэтической душѣ Андрія идеалы казачества не могли занимать первостепенное мѣсто; поэтому, когда на него нахлынулъ потокъ новыхъ настроеній, онъ легко перешелъ на сторону поляковъ.

Андрій является натурой исключительной въ суровой казачьей средѣ, выведенной Гоголемъ въ „Тарасѣ Бульбѣ". Вотъ почему можно съ полнымъ правомъ сомнѣваться, правдивъ ли этотъ образъ въ историческомъ отношеніи.

Кромѣ этихъ главныхъ фигуръ, въ повѣсти выведено довольно много второстепенныхъ: напр., жена Бульбы, Янкель и др. Мимоходомъ Гоголь описалъ казацкую раду (совѣщаніе), художественно нарисовалъ картину битвы, очертилъ цѣлый рядъ казацкихъ типовъ, выступающихъ на общемъ фонѣ запорожскаго войска. Во многихъ мѣстахъ повѣсти разбросаны отдѣльныя бытовыя черты эпохи: описаніе Сѣчи и ея обычаевъ (выборъ кошевого, сборы къ походу, судъ и казнь), описаніе домашней обстановки и жизни казака, лагерная жизнь, описаніе Варшавы, особенно еврейскаго квартала. Внесеніе этихъ бытовыхъ чертъ служитъ показателемъ усилившагося стремленія поэта къ *художественному реализму* и полнотѣ воображенія.

Но преобладающимъ элементомъ въ повѣсти является элементъ *романтическій*. Вотъ почему, несмотря на всѣ достоинства историческія, повѣсть „Тарасъ Бульба" по существу своему остается все-таки однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ нашей романтики. Оттого выведенныя въ ней лица обрисованы героическими чертами; это повѣсть о герояхъ и ихъ подвигахъ, а сами герои и ихъ дѣянія нерѣдко переходятъ за черту правдоподобнаго и возможнаго. Грандіозность образовъ и паѳосъ описаній характерные признаки

романтизма—красной нитью проходятъ сквозь всю повѣсть. „Читатель не получаетъ“, говоритъ Котляревскій: „отъ разсказа впечатлѣнія эпически-спокойнаго и ровнаго. Онъ все время тревожно настроенъ: такъ подымаетъ его настроеніе самъ авторъ полетомъ собственнаго лиризма, или торжественнаго паѳоса“. Вообще, все изображеніе быта и нравовъ эпохи носитъ отпечатокъ романтической идеализаціи.

Въ повѣсти Гоголя ясно выступаютъ его національныя симпатіи, завѣтныя стремленія и идеалы; вся она проникнута горячей любовью поэта къ родному краю и казачеству, какъ его оберегателю и защитнику. Любовью къ природѣ дышатъ и прекрасно нарисованныя картины украинской природы, разбросанныя въ повѣсти, напр., знаменитое изображеніе южной степи. Въ уста Тараса Бульбы Гоголь вложилъ горячую рѣчь, прославляющую Русь и русскаго человѣка. А вотъ въ этихъ словахъ заключается величественный апоѳеозъ русской души: „нѣтъ, братцы, такъ любить, какъ можетъ любить русская душа,—любить не то, чтобы умомъ, или чѣмъ другимъ, а всѣмъ, чѣмъ далъ Богъ, что ни есть въ тебѣ—а!.. нѣтъ!—такъ любить никто не можетъ!“

Мы уже выше говорили объ источникахъ повѣсти; теперь слѣдуетъ еще сказать о литературныхъ вліяніяхъ. Гоголь имѣлъ себѣ предшественниковъ и въ иностранной, и въ русской литературѣ. Отцомъ историческаго романа считается Вальтеръ-Скоттъ; онъ первый сумѣлъ сочетать знаніе исторіи съ занимательностью поэтическаго разсказа. По его стопамъ пошелъ во Франціи Викторъ Гюго, а у насъ Пушкинъ. Къ этому почетному списку примкнулъ и Гоголь. — Немало историческихъ повѣстей, сентиментальныхъ и патріотическихъ написалъ Нарѣжный. Выше его стоялъ въ свое время популярный у насъ Марлинскій: его разсказы изъ русской исторіи отличаются внѣшней исторической правдой; онъ старательно изображалъ историческую обстановку, но не вникалъ въ духъ прошлаго. Оттого его герои древней Руси мыслятъ и говорятъ, какъ люди XIX столѣтія. Крупнымъ событіемъ въ русской литературѣ былъ въ свое время нашумѣвшій историческій романъ Загоскина „Юрій Милославскій“. Впослѣдствіи это произведеніе было у насъ развѣнчано критикой: главная черта этого романа—фальшивый патріотизмъ, выразившійся въ крайней идеализаціи всего русскаго и каррикатурномъ высмѣиваньи польскаго. Историческій элементъ въ повѣсти слабо выдержанъ и носитъ лубочный характеръ. Популярны были у насъ и романы Лажечникова, но и въ нихъ было немало фальшиваго патріотизма, сентиментальныхъ любовныхъ приключеній и обычныхъ романтическихъ ужасовъ.

Произведенія всѣхъ этихъ писателей принадлежали къ группѣ романтическихъ историческихъ романовъ; къ ней примкнулъ и „Тарасъ Бульба“. Такимъ образомъ, Гоголь ничего новаго не создалъ, но старое довелъ до совершенства. Не понижая общаго романтическаго тона всей повѣсти, онъ старался избѣжать всего антихудожественнаго: сентиментальную любовную интригу онъ не

довелъ до приторности, героизмъ дѣйствующихъ лицъ не повысилъ до фантастическаго; его патріотизмъ не былъ тенденціознымъ, предвзятымъ, а исходилъ изъ глубины души; никакой морали въ своей повѣсти онъ не навязывалъ—она сама сказалась въ процессѣ художественнаго творчества. Кромѣ того, въ деталяхъ своего разсказа онъ сумѣлъ остаться строгимъ реалистомъ. Вотъ почему историческая повѣсть Гоголя въ художественномъ отношеніи значительно выше романовъ его предшественниковъ, но она ниже „Капитанской дочки" Пушкина—произведенія строго реалистическаго.

Петербургскія повѣсти.

Въ одно приблизительно время съ „Миргородомъ" Гоголь выпустилъ въ свѣтъ свой другой сборникъ: *«Арабески»*. Сюда вошли, кромѣ беллетристическихъ разсказовъ, статьи историческаго, эстетическаго, критическаго, философскаго и педагогическаго содержанія.

Жизнь Гоголя въ Петербургѣ и его наблюденія надъ типами столицы нашли себѣ отраженіе въ рядѣ его небольшихъ разсказовъ. Въ лучшихъ изъ этихъ разсказовъ изображается бытъ мелкаго чиновничества, который Гоголь въ совершенствѣ изучилъ во время своей службы въ разныхъ петербургскихъ канцеляріяхъ; таковы „Шинель" и „Записки сумасшедшаго". Героемъ перваго разсказа является мелкій чиновникъ одного изъ петербургскихъ департаментовъ Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ. Это человѣкъ жалкій, забитый, обиженный судьбой и людьми. Умственное развитіе его крайне ограничено. Онъ не надѣленъ никакими способностями, кромѣ умѣнія красиво переписывать бумаги. Содержаніе этихъ бумагъ его совершенно не интересуетъ, оно даже недоступно его пониманію. Акакія Акакіевича занимаетъ лишь механическій процессъ переписыванія, а къ осмысленной работѣ онъ вовсе неспособенъ; поэтому, когда ему, въ видѣ повышенія, дали самостоятельную работу, онъ оказался не въ состояніи ее исполнить и просилъ оставить его при прежней работѣ. Такъ, изъ года въ годъ переписывая служебныя бумаги, онъ какъ бы самъ превращался въ пишущую машину. Умъ его настолько неразвитъ, что всякое сколько-нибудь сложное мышленіе представляетъ для него большія затрудненія; эта трудность мышленія отражается и въ его языкѣ, отличающемся обиліемъ всевозможныхъ вспомогательныхъ частицъ и мѣстоименій и вообще большой несвязностью.

Такимъ образомъ, переписываніе бумагъ—весь смыслъ и единственная радость одинокой, полуголодной жизни Акакія Акакіевича; никакихъ другихъ интересовъ, желаній и стремленій у него нѣтъ. Жизнь его, совершенно лишенная впечатлѣній, протекаетъ съ крайнимъ однообразіемъ, какъ разъ навсегда заведенная машина. Но онъ настолько уже привыкъ къ своему положенію, что оно вовсе не тяготитъ его, и онъ ничего лучшаго не ждетъ отъ будущаго.

Но и въ этомъ жалкомъ, забитомъ существѣ Гоголь сумѣлъ

показать черту глубоко-человѣческую: всякому человѣку, еще окончательно не погрязшему въ животной жизни, свойственно стремленіе къ тому или другому идеалу, свойственна потребность хоть какой-либо мечтою скрасить свое существованіе. Жива эта потребность и въ Башмачкинѣ; но сообразно низкому умственному развитію, этотъ идеалъ, эта мечта заключается въ теплой ватной шинели. Въ стремленіи къ достиженію поставленной цѣли Акакій Акакіевичъ проявилъ даже значительную твердость и силу воли, до послѣдняго предѣла сокращая свои издержки, даже не останавливаясь предъ „небольшимъ голоданіемъ". Наконецъ, радостная мечта осуществлена, цѣль достигнута; восторгъ Акакія Акакіевича, когда шинель была у него на плечахъ, безпредѣленъ; онъ находится на верху блаженства. Но это лишь на краткій мигъ: онъ теряетъ свою шинель, и когда найти ее оказывается невозможнымъ, онъ настолько нравственно мучается и страдаетъ, что заболѣваетъ и умираетъ. И умираетъ онъ такъ же незамѣтно, какъ незамѣтно жилъ.

Хотя Акакій Акакіевичъ изображенъ у Гоголя въ комическомъ видѣ, однако, поэтъ вовсе не задавался цѣлью осмѣять своего жалкаго, несчастнаго героя; напротивъ, этотъ смѣшной и ничтожный образъ онъ хотѣлъ окружить сочувствіемъ читателя, онъ хотѣлъ вызвать къ нему состраданіе, тронуть душу картиной человѣческаго униженія, возбудить сочувствіе ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ. Эта цѣль автора ясно видна изъ того мѣста разсказа, гдѣ онъ описываетъ, какъ молодые, легкомысленные чиновники издѣвались надъ бѣднымъ, безотвѣтнымъ Акакіемъ Акакіевичемъ, какъ ему мѣшали работать, а онъ, этотъ „нищій духомъ", терпѣливо переносилъ ихъ насмѣшки и только иногда, если ему ужъ очень досаждали, произносилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?"...

«И что-то странное заключалось въ словахъ и голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ-будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ-будто все перемѣнилось предъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысиной на лбу, съ своими проникающими словами: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „Я братъ твой". И закрывалъ себя рукой бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрытой свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ".

Это безчеловѣчье и грубость въ свѣтскомъ и образованномъ человѣкѣ Гоголь показываетъ намъ на примѣрѣ «значительнаго лица». Для «значительнаго лица» имѣетъ значеніе лишь внѣшнее положеніе человѣка; онъ вовсе не умѣетъ цѣнить человѣческаго достоинства. Выше всего для него знатность и богатство; на людей

стоящихъ ступенью ниже по своему общественному положенію, онъ смотритъ свысока. Генеральскій чинъ ему вскружилъ голову; для него нѣтъ высшаго удовольствія, какъ показать человѣку свою власть и значеніе, внушить подчиненнымъ страхъ и трепетъ, не разсуждая, будетъ ли подобное отношеніе полезно для дѣла. Суровость и недоступность „значительное лицо" считаетъ необходимыми внѣшними признаками власти и потому подвергаетъ бѣднаго Акакія Акакіевича такому распеканію, которое, въ концѣ концовъ, сводитъ его въ могилу. При всемъ томъ «значительнсе лицо» отъ при роды вовсе не дурной человѣкъ; онъ тщеславный и пустой, но добродушный. Поэтому, послѣ ухода несчастнаго чиновника, у него является мысль, что онъ все-таки дурно поступилъ, отославъ просителя, даже не выслушавши дѣла; а когда впослѣдствіи Акакій Акакіевичъ, не выдержавъ должностного распеканія, умираетъ, и объ этомъ узнаетъ «значительное лицо»—оно чувствуетъ столь сильные упреки совѣсти, что даже въ уличномъ грабителѣ ему мерещится покойный Акакій Акакіевичъ; оно потрясено этимъ случаемъ настолько, что измѣняетъ свое обычное поведеніе и становится болѣе мягкимъ и доступнымъ въ сношеніяхъ съ низшими; въ немъ просыпаются гуманныя, человѣческія чувства—и впредь въ его поступкахъ уже не будетъ болѣе „свирѣпой грубости".

Основная идея повѣсти „Шинель" очень возвышенна. Въ этой повѣсти поэтъ никого не изобличаетъ—онъ выступаетъ съ христіанской проповѣдью любви къ ближнимъ. Въ образѣ героя онъ рисуетъ человѣка ничтожнаго, малозамѣтнаго и утверждаетъ, что это существо достойно человѣческой любви, даже уваженія. Поэтъ подчасъ смѣется надъ своимъ жалкимъ героемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ глубоко жалѣетъ его и въ его лицѣ проливаетъ слезы надъ всѣми несчастными, надъ всѣми обездоленными. Въ результатѣ получается тонко нарисованный образъ, въ которомъ мы заразъ чувствуемъ сатиру и элегію. Въ художественномъ отношеніи произведеніе это стоитъ очень высоко. Поставивъ себѣ трудную задачу окружить сочувствіемъ читателя смѣшной и ничтожный образъ Акакія Акакіевича, онъ не впалъ въ каррикатурность и слащавую сентиментальность.

Въ повѣсти *„Записки сумасшедшаго"* представленъ разладъ мечты и дѣйствительности, доводящій до безумія несчастнаго титулярнаго совѣтника Поприщина. Поприщинъ въ умственномъ отношеніи стоитъ ступенью выше Акакія Акакіевича; у него есть кое-какіе интересы: онъ читаетъ газеты, изрѣдка ходитъ въ театръ. Между тѣмъ, какъ у Акакія Акакіевича вовсе нѣтъ сознанія своего человѣческаго достоинства, Поприщинъ возмущается пренебрежительнымъ къ нему отношеніемъ начальниковъ, негодуетъ на фамиліарное обращеніе лакеевъ. Въ немъ есть также потребность личнаго счастья: это видно изъ сцены его комической по своей несообразности любви къ дочери директора. Титулярный совѣтникъ претендуетъ занимать видное мѣсто въ современномъ ему обществѣ, но это ему не удается: онъ живо сознаетъ свое униженное положеніе

и негодуетъ на свою судьбу. „Все, что есть лучшаго на свѣтѣ, все достается или камеръ-юнкерамъ или генераламъ»—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ: „найдешь себѣ бѣдное богатство, думаешь достать его рукою,—срываетъ у тебя камеръ-юнкеръ или генералъ“. Въ этихъ смѣлыхъ разсужденіяхъ чиновника чувствуется элементъ общественной сатиры. Но, съ другой стороны, въ Поприщинѣ гораздо болѣе мелочности и пошлости, чѣмъ въ Башмачкинѣ, и въ общемъ онъ производитъ болѣе комическое впечатлѣніе.

Душевныя страданія Поприщина отъ сознанія своего безсилія и своей ничтожности приводятъ его, наконецъ, къ полному сумасшествію! При этомъ самый родъ его безумія очень характеренъ: это—манія величія. Угнетенная личность Поприщина, всю жизнь испытывавшаго одни лишенія и разочарованія, ищетъ себѣ какъ бы вознагражденія въ горделивой мечтѣ, что онъ—не титулярный совѣтникъ, а король испанскій. И чѣмъ острѣе дѣлались его мученія, тѣмъ свободнѣе отъ власти разсудка становилась его мечта—мечта превратилась въ галлюцинацію. Этотъ процессъ постепенной побѣды фантазіи надъ разсудкомъ—исторія постепеннаго помраченія ума—изображенъ Гоголемъ съ поразительной психологической вѣрностью.

Вообще въ психологическомъ отношеніи „Записки сумасшедшаго“ и „Шинель“ стоятъ гораздо выше всѣхъ предшествующихъ произведеній Гоголя. Здѣсь впервые предметомъ наблюденія поэта становится жизнь человѣческой души, сложные процессы, совершающіеся въ ея тайникахъ. Шагъ за шагомъ Гоголь вскрываетъ предъ нами всю душу своихъ героевъ съ ихъ большими страданіями и маленькими радостями, заставляетъ насъ пристально всмотрѣться въ нихъ, вызываетъ къ нимъ наше сочувствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь даетъ въ этихъ повѣстяхъ и истинно реалистическую картину быта мелкаго петербургскаго чиновничества, представителями котораго являются Акакій Акакіевичъ и Поприщинъ.

Кромѣ чиновничества, особенное вниманіе Гоголя, во время пребыванія его въ Петербургѣ, привлекъ также міръ художниковъ. Гоголь съ юныхъ лѣтъ живо интересовался искусствомъ и самъ занимался рисованіемъ, для чего даже посѣщалъ вечерніе классы въ Академіи Художествъ, гдѣ онъ и могъ ближе познакомиться съ типами художниковъ и ихъ бытомъ. Впослѣдствіи, въ Римѣ, Гоголь часто бывалъ въ обществѣ русскихъ художниковъ, пенсіонеровъ Академіи, и особенно сблизился съ Ивановымъ. Интересъ къ искусству и миру художниковъ отразился въ цѣломъ рядѣ его статей эстетическаго содержанія, и въ его разсказахъ: *„Портретъ“* и *„Невскій проспектъ“*.

Въ первой повѣсти разработаны двѣ темы: 1) о гибели художника Черткова и 2) о страшномъ ростовщикѣ. Въ первой темѣ развита мысль о томъ, что нельзя служить заразъ корыстнымъ цѣлямъ и чистому искусству, практическимъ выгодамъ и идеалу. Чертковъ—талантливый художникъ, но онъ бѣдствуетъ, голодаетъ. И вотъ злой геній убѣдилъ талантливаго художника, что глупо голо-

дать, уйдя отъ людей въ міръ чистыхъ грезъ, что все дѣлается на свѣтѣ для пользы. И безкорыстный, преданный своему дѣлу художникъ послушался этого голоса—онъ прельстился земными благами міра, забылъ о высокомъ значеніи искусства, сталъ смотрѣть на него не какъ на цѣль, а лишь, какъ на средство къ наживѣ. Въ результатѣ идейный художникъ сдѣлался ремесленникомъ и достигъ своей цѣли: онъ разбогатѣлъ, потому что научился подлаживаться подъ вкусы „черни". Но талантъ его погибъ безвозвратно. Когда, однажды, ему удалось увидѣть произведеніе, написанное художникомъ-идеалистомъ, онъ понялъ, какому великому божеству онъ измѣнилъ, но вернуться къ нему уже не могъ.

Кромѣ этого возвышеннаго взгляда на искусство, которое должно быть безкорыстно и свято, Гоголь высказалъ въ этой повѣсти еще интересную мысль о томъ, что „реализмъ", какъ пріемъ художественнаго творчества, долженъ знать границы, что не все въ окружающей жизни можетъ быть предметомъ художественнаго изображенія; за извѣстнымъ предѣломъ начинается „ужасная дѣйствительность", которую художникъ не долженъ переступить. Такъ, отвратительное лицо ростовщика, особенно его ужасные глаза, были такъ написаны на портретѣ, что ужасъ овладѣвалъ всѣми, кто только его видѣлъ. Такова судьба произведенія искусства, представляющаго собой рабски-точную копію съ натуры.— Изъ второй части разсказа видно, какую высокую роль въ жизни отводитъ Гоголь искусству. Оно есть служеніе высшему идеалу живая проповѣдь духовно-нравственнаго совершенства; поэтому художникъ долженъ проникнуться всецѣло религіознымъ настроеніемъ, ибо необходимо очистить свою душу для выполненія этой высокой задачи. Въ религіозно-нравственной миссіи Гоголь и усмотрѣлъ конечную цѣль искусства.

Повѣсть „*Невскій проспектъ*" также отличается трагическимъ характеромъ; въ ней изображено столкновеніе идеала съ дѣйствительностью въ душѣ художника, приводящее его къ гибели. Но если въ лицѣ Черткова (изъ „Портрета") дѣйствительность одерживаетъ побѣду надъ идеаломъ, въ лицѣ Пискарева (изъ „Невскаго проспекта") идеалъ побѣждаетъ дѣйствительность: Пискаревъ погибъ потому, что его идеально-настроенная душа не могла примириться съ пошлостью и грязью дѣйствительности, съ которыми легко примирился его пріятель, поручикъ Пироговъ.

Повѣсть „Невскій проспектъ" представляетъ собой сочетаніе лирическихъ, исполненныхъ паѳоса мѣстъ съ удивительными реалистическими картинами. Поэтъ художественно рисуетъ главную улицу столицы въ различные часы дня, описываетъ бытъ ремесленниковъ, офицеровъ, чиновниковъ, художниковъ...

Настоящимъ воплощеніемъ пошлости, притомъ пошлости торжествующей является „маіоръ" Ковалевъ изъ разсказа „*Носъ*": мелочное тщеславіе, самодовольство, духовная ограниченность—вотъ характерныя черты Ковалева, какъ типа. Комическое впечатлѣніе

особенно усиливается благодаря тому, что невѣроятная фабула разсказа вставлена въ рамку строго реалистическихъ бытовыхъ подробностей.

Театральныя пьесы Гоголя.

Еще на школьной скамьѣ въ Гоголѣ сталъ развиваться интересъ и любовь къ театру, и онъ даже пробовалъ довольно успѣшно самъ играть на сценѣ. И въ позднѣйшіе годы, по свидѣтельству своихъ друзей, Гоголь отличался особеннымъ умѣніемъ схватывать и передавать, со всѣми оттѣнками въ голосѣ и манерѣ, характерныя особенности того или другого знакомаго лица или же общественнаго типа; кромѣ того, Гоголь славился также, какъ искусный чтецъ и декламаторъ: онъ умѣло разыгрывалъ въ лицахъ свои собственныя произведенія.

Поэтому неудивительно, что онъ вскорѣ, послѣ своихъ первыхъ литературныхъ успѣховъ, сталъ думать о томъ, чтобы испытать свои силы и въ области драматическаго искусства. Въ эту эпоху на русской сценѣ господствовали высокопарныя трагедіи Кукольника, романтическія мелодрамы и легкія комедіи, большей частью передѣланныя съ французскаго. У всѣхъ этихъ произведеній была одна общая особенность: они были совершенно отрѣшены отъ русской жизни и дѣйствительности. По этому поводу Гоголь писалъ въ одной статьѣ (Петербургскія записки): „Положеніе русскихъ актеровъ жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видѣли. Что имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни французы, ни нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой физіономіи? гдѣ выказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ русскихъ характеровъ, насъ самихъ дайте намъ; нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! На сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ!“ Такимъ образомъ, Гоголь ясно сознавалъ необходимость сблизить сцену съ дѣйствительной жизнью. И въ этомъ отношеніи ему помогъ его талантъ художника-реалиста, его любовь и пониманіе сценическаго искусства. На его долю выпало созданіе настоящей русской комедіи, т. е. такой, которая удовлетворяла бы одновременно двумъ требованіямъ—и художественнымъ, какъ извѣстное литературное произведеніе, и требованіямъ идейнымъ, какъ вѣрное изображеніе переживаемой дѣйствительности. Такая гармонія формы и содержанія была достигнута у насъ только Гоголемъ; въ исторіи русской драмы онъ занялъ почетное мѣсто отца новой реалистической бытовой комедіи. Были, конечно, недостатки и въ его комедіяхъ, но тѣмъ не менѣе, съ момента ихъ созданія мы должны начинать исторію нашего самобытнаго „національнаго театра“.

Если многіе изъ первоначальныхъ повѣстей и разсказовъ Гоголя носятъ на себѣ черты романтизма, то въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ онъ съ самаго начала является строгимъ реалистомъ. Первымъ драматическимъ его опытомъ является ко-

медія „*Игроки*". Въ ней представлены шуллера, картежные игроки, которые, сами того не подозрѣвая, вступаютъ въ состязаніе. Типъ шуллера въ русской комедіи и сатирѣ довольно часто встрѣчался и до Гоголя. Но въ нихъ обыкновенно порочный герой обыгрывалъ добродѣтельнаго человѣка; а, въ концѣ-концовъ, порокъ оставался наказаннымъ, добродѣтель же обязательно торжествовала. Такимъ образомъ, въ старой комедіи и сатирѣ типъ шуллера оказывался безжизненнымъ „общимъ мѣстомъ" и служилъ автору лишь темой для того, чтобы проводить какую-либо моральную идею. Гоголь избѣгъ всякой морали; онъ съумѣлъ жизненно, въ нѣсколькихъ различныхъ лицахъ, представить разновидности этого типа.

Въ 1833—34 г.г. Гоголь написалъ свою вторую комедію: „*Женитьба*". Эта комедія представляетъ больше интереса—она глубже и шире захватываетъ русскую жизнь. Здѣсь впервые выведены были на сцену типы изъ купеческой среды, а также изображены извѣстныя черты купеческаго быта: сватовство, смотрины; въ этомъ отношеніи Гоголь является прямымъ предшественникомъ Островскаго. Вообще, каждое дѣйствующее лицо этой комедіи является представителемъ извѣстнаго сословія—здѣсь, кромѣ купцовъ, выведены и чиновники и военные. Всѣ они очерчены образно, ярко, характерно, ничего общаго не имѣютъ съ безжизненными образами старой комедіи. Яичница, Анучкинъ, Жевакинъ, Агафья Тихоновна, Устинья Наумовна—все это образы, быть можетъ, нѣсколько каррикатурные, но живые, облеченные въ плоть и кровь. Замѣчателенъ также образъ Подколесина, въ которомъ воспроизведены, правда, въ нѣсколько сгущенномъ видѣ, черты очень распространеннаго русскаго типа, родственнаго типу Обломова. Это натура—вялая, флегматичная, нерѣшительная, легко подчиняющаяся чужому вліянію и дѣйствующая лишь по наущенію со стороны. Въ общемъ комедія производитъ впечатлѣніе смѣшное, но безотрадное,—передъ нами выведена цѣлая галлерея лицъ „сѣрыхъ, томительно скучныхъ и глупыхъ"; жизнь ихъ безсмысленна, безсодержательна, а они сами этого не замѣчаютъ, не сознаютъ своего духовнаго убожества.

Одновременно съ „Женитьбой" Гоголь работалъ и надъ другой комедіей, съ сюжетомъ изъ быта чиновничества. Комедія эта должна была носить названіе „Владиміра 3-й степени", но она осталась неоконченной, и отъ нея сохранились лишь отдѣльныя сцены: „*Утро дѣлового человѣка*" и „*Тяжба*".

Комедія «Ревизоръ».

Всѣ упомянутыя комедіи любопытны, какъ первые опыты Гоголя въ области драматургіи. Но не ими прославился онъ, какъ драматическій писатель, а своей безсмертной комедіей „*Ревизоръ*". По собственному свидѣтельству Гоголя, сюжетъ „Ревизора" былъ данъ ему Пушкинымъ. Въ своей комедіи Гоголь изобразилъ бытъ и нравы мелкаго уѣзднаго города и выступилъ обличителемъ недо-

статковъ и злоупотребленій тогдашняго провинціальнаго чиновничества. Противъ этихъ злоупотребленій: казнокрадства, взяточничества, необузданнаго произвола боролось само правительство, а русская литература, уже съ давнихъ временъ обличая и осмѣивая эти недостатки, оказывала ему въ этой борьбѣ посильную помощь.

Въ этомъ отношеніи сатирическія произведенія Кантемира, Фонвизина, Новикова, Капниста являются прямыми предшественниками Гоголевскаго «Ревизора». Но прежнимъ сатирикамъ обыкновенно недоставало той замѣчательной художественной силы, которой характеризуется комедія «Ревизоръ»; въ этомъ отношеніи комедію Гоголя можно сравнивать только съ Грибоѣдовскимъ «Горемъ отъ ума». Выведенныя въ «Ревизорѣ» лица являются не воплощеніемъ какой-либо одной преобладающей страсти или порока: это вполнѣ живыя фигуры, надѣленныя каждая различными характерными чертами и особенностями и изображенныя съ замѣчательной психологической правдивостью. Общимъ для всѣхъ выведенныхъ лицъ является ихъ глубокое невѣжество и отсутствіе сознанія своего долга, но у каждаго изъ нихъ эти черты сказываются различнымъ образомъ.

Захолустный уѣздный городокъ, въ которомъ развертывается дѣйствіе комедіи, представляетъ собой, въ полномъ смыслѣ слова, «темное царство». Всѣ эти чиновники и помѣщики, мужчины и женщины—все это люди ничтожные, мелкіе, пошлые; всѣ они живутъ животной, безсознательной жизнью; ни у одного изъ нихъ не теплится въ душѣ „искры божьей". Гоголь обрисовалъ ихъ и какъ государственныхъ дѣятелей, и какъ людей частныхъ, въ ихъ семейной жизни, въ кругу друзей и знакомыхъ. Это не злодѣи, не крупные преступники, а трусливые хищники, мелкіе плуты, которые живутъ вѣчной тревогой, что придетъ день расплаты.

Повторительные вопросы и отвѣты.

1) **Чѣмъ отличается по содержанію творчество Гоголя отъ творчества Пушкина и другихъ писателей Пушкинскаго періода?**—Какъ въ произведеніяхъ самого Пушкина, такъ и многочисленныхъ его послѣдователей выраженіе субъективныхъ ощущеній поэта по поводу тѣхъ или другихъ явленій замѣняетъ собой объективное изображеніе русской жизни; въ творчествѣ Гоголя впервые преобладаетъ воспроизведеніе общественныхъ явленій русской жизни. 2) **Чѣмъ отличается по направленію творчества поэзія Гоголя отъ поэзіи Пушкина и его послѣдователей?**—Пушкинъ и писатели его школы были поэтами, чистыми художниками; Гоголь является художникомъ-моралистомъ: какъ юмористъ-сатирикъ, онъ, въ противоположность своимъ предшественникамъ, подмѣчаетъ въ жизни преимущественно темныя, отрицательныя стороны. 3) **Какое направленіе утвердилось въ русской литературѣ послѣ Гоголя?**—Строго реалистическое направленіе. 4) **Существовалъ ли въ русской литературѣ реализмъ до Гоголя?**—Да, еще задолго до Гоголя, въ русской литературѣ обнаружилось тяготѣніе въ сторону реализма: стремленіе къ трезвому и простому воспроизведенію дѣйствительности встрѣчается уже у Фонвизина и Новикова, а затѣмъ въ произведеніяхъ Крылова, Грибоѣдова и Пушкина; Гоголь только утвердилъ господство реализма въ русской литературѣ. 5) **Откуда родомъ Николай Васильевичъ Гоголь?**—Изъ села «Сорочинцы» Полтавской губ. 6) **Какія черты будущій поэтъ унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей?**—Отъ отца онъ унаслѣдовалъ склонность къ сочинительству

а отъ матери—тонкую и сложную душевную организацію и глубокую религіозность, всегда отличавшую его въ жизни. 7) Гдѣ Гоголь получилъ свое образованіе?—Сначала въ Полтавской гимназіи, а затѣмъ—въ лицеѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. 8) Какъ протекали занятія будущаго поэта? Въ наукахъ онъ успѣвалъ мало, склонность онъ проявлялъ только въ занятіяхъ исторіей; зато онъ очень рано началъ увлекаться искусствомъ: на школьной скамьѣ начинаются его первые литературные опыты. 9) Какія черты развились въ характерѣ Гоголя еще во время пребыванія его въ школѣ?—Чувство честолюбія и самомнѣніе; онъ считалъ себя выше другихъ и уже въ школѣ мечталъ о своемъ высокомъ призваніи—правда, выдающееся положеніе среди другихъ людей онъ ожидалъ найти на поприщѣ государственной службы. 10) Куда Гоголь поѣхалъ по окончаніи курса наукъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ?—Въ Петербургъ, для того, чтобы устроиться на службѣ. 11) Каково было душевное настроеніе Гоголя передъ отъѣздомъ на родину?—Бодрое; радужныя надежды окрыляли молодого писателя. 12) Оправдала ли дѣйствительность ожиданія Гоголя?—Нѣтъ, не оправдала; дѣйствительность готовила ему цѣлый рядъ тяжелыхъ разочарованій: на службу опредѣлиться ему не удавалось, онъ жилъ въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, первые литературные опыты его были также неудачны: критика встрѣтила враждебно его идиллію въ стихахъ «Ганцъ Кюхельгартенъ», и молодой авторъ предалъ сожженію свое первое «дѣтище». 13) Какъ всѣ эти неудачи отразились на душевномъ состояніи Гоголя?—Очень неблагопріятно: онѣ дали возможность развиться болѣзненному самолюбію автора и самомнѣнію. 14) Что предпринялъ Гоголь подъ вліяніемъ жизненныхъ неудачъ?—Онъ предпринялъ поѣздку за-границу. 15) Удачна ли была эта поѣздка?—Нѣтъ, неудачна; Гоголь, подъ вліяніемъ душевной тоски, скоро вернулся на родину. 16) Что предпринялъ Гоголь по возвращеніи въ Россію?—Поступилъ на казенную службу. 17) Удовлетворяла ли его эта служба?—Нѣтъ, Гоголь не получалъ отъ нея ни достаточнаго матеріальнаго, ни душевнаго удовлетворенія. 18) Какими побочными занятіями занимался въ это время Гоголь?—Онъ занимался гувернерствомъ, давалъ частные уроки и исполнялъ на заказъ разныя литературныя работы. 19) Оказала ли служба на Гоголя хоть какое-либо благотворное вліяніе?—Да, оказала; служба ознакомила его съ жизнью и бытомъ мелкихъ петербургскихъ чиновниковъ, и наблюденія надъ этимъ міромъ дали ему богатый матеріалъ для художественнаго творчества. 20) Какая черта душевнаго склада Гоголя поддерживала поэта въ тяжелыя для него минуты?—Религіозное чувство: въ неудачахъ онъ видѣлъ лишь испытанія, ниспосланныя ему Провидѣніемъ. 21) Что настраивало въ это безотрадное время поэта на мирный ладъ?—Мечты о покинутой родинѣ, о Малороссіи, о красотахъ родной природы; мечты эти впослѣдствіи претворились въ художественное слово. 22) Кто впервые оцѣнилъ высокую художественность гоголевскихъ разсказовъ?—Дельвигъ, Жуковскій, Плетневъ, Пушкинъ. 23) Кто изъ русскихъ писателей оказалъ особенное вліяніе на направленіе творчества Гоголя? — Пушкинъ; послѣдній указалъ ему тотъ путь, по которому онъ долженъ пойти, какъ писатель—путь изображенія отрицательныхъ сторонъ русской дѣйствительности. 24) Какое непосредственное вліяніе оказалъ Пушкинъ на художественное творчество Гоголя? — Онъ далъ ему сюжеты для его лучшихъ произведеній «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ». 25) Какъ называлась первая книга художественныхъ разсказовъ, которую Гоголь выпустилъ въ свѣтъ?—«Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». 26) Подъ какимъ псевдонимомъ онъ издалъ эту книгу?—Подъ псевдонимомъ «пасичника Рудаго Панько». 27) Имѣли ли успѣхъ «Вечера» среди публики и писателей?—Большой успѣхъ среди публики; Пушкинъ далъ объ этой книгѣ восторженный отзывъ. 28) Какъ этотъ успѣхъ отразился на физическомъ и душевномъ здоровьѣ Гоголя?—Очень благопріятно: для Гоголя наступило состояніе физическаго и душевнаго равновѣсія; теперь онъ былъ сравнительно обезпеченъ и пользовался почетомъ и славой въ обществѣ; успѣхъ этихъ очерковъ впервые далъ возможность Гоголю опредѣлить свою карьеру: ему суждено было стать писателемъ. 29) Какъ кончилась попытка Гоголя сдѣлаться профессоромъ?—Полной неудачей; онъ преподавалъ исторію въ Патріотическомъ институтѣ, затѣмъ читалъ лекціи по исторіи въ С.-Петербургскомъ Ун-тѣ — но это про-

должалось недолго: онъ ушелъ, ибо чувствовалъ, что не имѣетъ къ этому призванія. 30) Какъ Гоголь продолжалъ смотрѣть на литературную дѣятельность?—Попрежнему, какъ на особую «форму» служенія государству и обществу. 31) Какія художественныя произведенія написалъ Гоголь во время своей педагогической и профессорской дѣятельности?—Цѣлый рядъ разсказовъ, вошедшихъ въ составъ двухъ сборниковъ подъ названіемъ «Арабески» и «Миргородъ». 32) Какое первое крупное художественное произведеніе Гоголя было помѣщено въ «Миргородѣ»?—Тарасъ Бульба. 33) Какое знаменитое произведеніе Гоголь написалъ въ 1835 году?—Свою комедію «Ревизоръ». 34) Какъ отнеслось къ «Ревизору» общественное мнѣніе?—Крайне отрицательно. 35) Чѣмъ объяснить такое отношеніе къ комедіи?—Многія вліятельныя лица узнали въ изображенныхъ въ комедіи отрицательныхъ типахъ самихъ себя; многіе осуждали пьесу за дерзкую критику русской жизни; публика не привыкла еще видѣть на сценѣ реальное воспроизведеніе дѣйствительной жизни. 36) Въ чемъ обвинили Гоголя его литературные враги?—Въ томъ, будто онъ своей комедіей хотѣлъ подорвать авторитетъ власти. 37) Какъ подѣйствовала эта неудача на Гоголя?—Самымъ угнетающимъ образомъ; имъ овладѣло чувство глубокаго разочарованія. 38) Что предпринялъ Гоголь подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній?—Онъ покинулъ родину и вторично уѣхалъ за-границу. 39) Гдѣ онъ бывалъ за это время?—Онъ разъѣзжалъ по всей Западной Европѣ: побывалъ въ Германіи, Парижѣ, Швейцаріи и Италіи. 40) Какое впечатлѣніе произвела на поэта швейцарская природа?—Очень слабое; во время пребыванія въ Швейцаріи родина казалась поэту полной прелестей. 41) Какихъ впечатлѣній искалъ поэтъ въ Западной Европѣ?—Эстетическихъ и религіозныхъ. 42) Гдѣ онъ ихъ нашелъ?—Только въ Италіи и Римѣ: въ Италіи его поразила красота южной природы, а въ Римѣ красота католической службы. 43) Какъ поэтъ сталъ относиться теперь къ родинѣ?—Подъ вліяніемъ очарованія. Родина казалась ему теперь далекимъ «сномъ». 44) Какое произведеніе Гоголь началъ писать еще во время пребыванія своего въ Швейцаріи?—Свое самое крупное художественное произведеніе «Мертвыя души». 45) Чѣмъ объяснить, что въ то время, когда родина казалась поэту «сномъ», его творчество достигло высшей точки своего развитія? — Онъ жилъ вдали отъ родины, но мысли и чувства его были направлены по ея адресу; онъ страдалъ и болѣлъ всѣми неудачами родины; а вдали отъ родины ему яснѣе представлялась картина родной дѣйствительности въ ея типичныхъ проявленіяхъ, въ перспективѣ поэту легче было все подмѣтить, во всемъ разобраться. 46) Какія еще произведенія написалъ Гоголь во время своего пребыванія за-границей? — Повѣсть «Шинель»; онъ занимался также переработкой прежнихъ повѣстей: «Портретъ», «Тарасъ Бульба» и толкованіемъ непонятаго обществомъ «Ревизора» (Театральный разъѣздъ). 47) Какъ повліялъ на Гоголя вновь постигшій его недугъ?—Физическое здоровье его сильно пошатнулось, имъ все чаще овладѣвали тоска и меланхолія, поэтъ переживалъ полный трагизма идейный и моральный кризисъ. 48) Какъ это отражается на художественномъ творчествѣ Гоголя?—Направленіе измѣняется; моралистъ-проповѣдникъ въ немъ побѣждаетъ художника; во 2-омъ томѣ «Мертвыхъ душъ» онъ ставитъ своей задачей изображеніе положительныхъ и идеальныхъ характеровъ. 49) Удается ли это Гоголю?—Нѣтъ, ибо Гоголь, какъ поэтъ, прирожденъ быть изобразителемъ мрачной дѣйствительности, онъ былъ писателемъ-сатирикомъ. 50) Былъ ли доволенъ самъ Гоголь 2-ымъ томомъ «Мертвыхъ душъ»? — Нѣтъ, какъ взыскательный художникъ, онъ былъ имъ недоволенъ. 51) Въ какой роли выступаетъ Гоголь предъ лицомъ русскаго общества наканунѣ своей смерти? — Въ роли учителя-проповѣдника; онъ издаетъ свой сборникъ статей подъ заглавіемъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». 52) Какъ русское общество и литературная критика встрѣтили эту книгу?—Съ крайнимъ негодованіемъ. 53) Чѣмъ объяснить подобное отношеніе?—Взгляды, которые Гоголь проводилъ въ этой книгѣ, совершенно расходились съ взглядами прогрессивной русской интеллигенціи; Гоголь высказалъ себя въ этой книгѣ ярымъ консерваторомъ: онъ оправдывалъ власть и опеку помѣщиковъ надъ крестьянами; образованіе, даже простую грамотность онъ считалъ для крестьянъ не только безполезнымъ,

но и вреднымъ и т. д. 54) Какъ большинство русскаго общества смотрѣло на подобное выступленіе Гоголя?—Видѣли въ этомъ отступничество отъ прежнихъ либеральныхъ убѣжденій, потому что въ Гоголѣ раньше привыкли видѣть смѣлаго и безпощаднаго разоблачителя старыхъ крѣпостническихъ порядковъ на Руси; обвиняли его въ искательствѣ и неискренности. 55) Какъ на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ объяснить появленіе «Переписки съ друзьями»?—Эта книга явилась слѣдствіемъ цѣлаго ряда душевныхъ переворотовъ, которые пережилъ Гоголь. Теперь Гоголь всѣ общественныя проблемы сводилъ къ единой моральной и притомъ личной задачѣ; главная задача жизни—это задача вѣчнаго спасенія, а съ точки зрѣнія вѣчности всѣ вопросы временнаго земного существованія должны казаться ничтожными и безразличными. 56) Какъ подѣйствовала на Гоголя эта послѣдняя неудача?—Это былъ для него новый тяжкій ударъ, особенно послѣ преувеличенныхъ надеждъ, которыя онъ возлагалъ на свою книгу. 57) Что предпринялъ теперь поэтъ?—Онъ написалъ свою «Авторскую исповѣдь» и поѣхалъ на поклоненіе въ Св. Землю. 58) Гдѣ и какъ Гоголь провелъ послѣдніе годы своей жизни?—На родинѣ, въ постахъ и молитвахъ. 59) Когда Гоголь умеръ?—21 февраля 1852 года. 60) Какъ называется первый сборникъ разсказовъ, изданный Гоголемъ? — «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». 61) Что служило источникомъ творческой работы Гоголя?—Личныя наблюденія и воспоминанія; матеріалы, которые присылала ему мать, и др. 62) Какой элементъ является преобладающимъ въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки»?—Романтическій элементъ. 63) Въ чемъ онъ выразился?—Въ выборѣ сюжетовъ фантастическаго характера: Гоголь съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на различныхъ разсказахъ о событіяхъ и происшествіяхъ чудеснаго характера. 64) Какъ относился Гоголь къ этому фантастическому міру, при его изображеніи?—Двояко: то съ радостнымъ юморомъ, то съ мрачнымъ ужасомъ безсильнаго человѣка. 65) Въ чемъ еще сказался въ повѣстяхъ элементъ романтизма?—И въ изображеніи поэтомъ внѣшней природы, и въ изображеніи чувства любви, и въ изображеніи дѣйствительной, реальной жизни малороссійскихъ крестьянъ. 66) Въ какихъ тонахъ изображается природа въ «Вечерахъ на хуторѣ»?—Въ зависимости отъ настроенія разсказа: то ликующей, то мрачной. 67) Какъ Гоголь изображалъ чувство любви?—Отвлеченно, а поэтому слишкомъ возвышенно. 68) Какъ Гоголь рисовалъ жизнь малороссійскихъ крестьянъ?—Исключительно съ поэтической, идеальной стороны. 69) Какой еще элементъ мы находимъ въ «Вечерахъ на хуторѣ», кромѣ романтическаго?—Элементъ реалистическій. 70) Въ чемъ онъ проявился?—Въ обрисовкѣ бытовыхъ сценъ малороссійской жизни. 71) Какъ Гоголь изображалъ малороссійскую жизнь?—Живо и правдиво. 72) Какіе типы выведены въ «Вечерахъ на хуторѣ»?—Самые разнообразные: молодежь (парубки и дѣвушки), простонародные типы, пожилыя женщины и др. 73) Какъ поэтъ изображалъ пожилыхъ женщинъ?—Придирчивыми, сварливыми, любительницами сплетенъ и ссоръ. 74) Въ чемъ состоитъ главный недостатокъ въ изображеніи большинства выведенныхъ поэтомъ лицъ?—Въ отсутствіи рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ, въ ихъ характерахъ: они слишкомъ типичны; другой недостатокъ заключается въ нѣкоторомъ прикрашиваніи, въ идеализаціи типовъ. 75) Какія повѣсти выдѣляются среди разсказовъ «Вечеровъ на хуторѣ»?—Повѣсти: «Страшная месть» и «Иванъ Өедоровичъ Шпонька и его тетушка». 76) Чѣмъ выдѣляется первая повѣсть?—Трагизмомъ содержанія, въ противоположность большинству другихъ повѣстей, отличающихся комизмомъ, проникнутыхъ радостнымъ настроеніемъ и тонкимъ юморомъ. 77) Чѣмъ отличается вторая повѣсть?—Это единственный разсказъ изъ «Вечеровъ на хуторѣ», въ которомъ совершенно отсутствуетъ фантастика романтизма: эта повѣсть является реалистической отъ начала до конца. 78) Назовите тѣ источники, откуда Гоголь черпалъ матеріалъ для фантастики своихъ повѣстей?—Народная малороссійская фантазія въ суевѣрныхъ представленіяхъ жизни, въ сказкахъ и преданіяхъ, малороссійская пѣсня, полу-церковныя легенды, литературныя вліянія. 79) Назовите тѣ источники, откуда Гоголь черпалъ матеріалъ для реализма своихъ повѣстей?—Малороссійская народная сказка, народная комедія XVII вѣка, быто-писатели Украйны: Нарѣжный, Пушкинъ. 80) Какое мѣсто занимаютъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» въ исторіи русской литературы? — Почетное мѣсто: въ этихъ

повѣстяхъ мы цѣнимъ не только яркость изображенія малороссійской жизни и природы, но и тотъ живой и искренній юморъ, которымъ не отличалась современная русская литература. 81) Чѣмъ характеризуется содержаніе второго сборника повѣстей Гоголя «Миргородъ»?—Преобладаніемъ бытового элемента; отличительной чертой является также грустное настроеніе автора, лежащее въ основѣ разсказовъ. 82) Что представляетъ собой повѣсть «Старосвѣтскіе помѣщики»?—Идиллію. 83) Что въ ней рисуется? Картина патріархальной жизни добродушныхъ старичковъ-супруговъ. 84) Какими чертами характера надѣлены Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна?—И отрицательными и положительными. 85) Назовите ихъ отрицательныя черты?—Мелочность жизни, ничтожность интересовъ, непроглядное невѣжество, душевная скудость, отсутствіе всякихъ высшихъ общественныхъ и духовныхъ стремленій. 86) Назовите положительныя черты ихъ характера?—Простота, добродушіе, гостепріимство и т. д. 87) Чѣмъ характеризуется «идиллія» XVIII вѣка?—Сюжеты въ ней разрабатывались обыкновенно въ стилѣ сентиментальномъ и романтическомъ. 88) Чѣмъ отличается отъ такого рода «идилліи» повѣсть «Старосвѣтскіе помѣщики»?—Эта повѣсть была удачной попыткой замѣнить романтическіе элементы—бытовыми и реальными. 89) Какъ относится самъ Гоголь къ героямъ своей повѣсти?—Съ извѣстной любовью, несмотря на то, что онъ осудилъ пошлость и безсодержательность ихъ жизни. 90) Чѣмъ объяснить такое его любовное отношеніе?—Воспоминаніями дѣтства и личными душевными переживаніями. 91) Въ какой повѣсти замѣтнѣе это осужденіе глухой провинціальной жизни?—Въ «Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»; здѣсь нѣтъ никакихъ смягчающихъ, примиряющихъ нотъ. 92) На какой почвѣ могли создаться такіе типы, какъ Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ?—На почвѣ пустой, безсодержательной жизни уѣзднаго провинціальнаго города. 93) На чемъ основана фабула этой повѣсти?—На страсти къ сутяжничеству. 94) Назовите общія черты миргородскихъ друзей?—Упрямство, пошлость, мелочное самолюбіе, страсть къ сутяжничеству. 95) Назовите черты, характеризующія Ивана Ивановича?—Онъ любилъ щегольнуть, зналъ, какъ держать себя, умѣлъ витіевато говорить; въ его характерѣ отмѣчены такія черты, какъ любопытство, лицемѣріе и ханжество. 96) Назовите черты, характеризующія Ивана Никифоровича?—Онъ грубъ, лѣнивъ, неподвиженъ, нескладенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; это существо—почти полу-животное. 97) Какое впечатлѣніе производятъ эти миргородскіе типы на писателя и читателя?—Смѣшные, безобразные, отвратительные, они производятъ самое удручающее впечатлѣніе. 98) Какіе еще типичные образы Гоголь вывелъ въ своей повѣсти?—Типы судьи, городничаго, чиновниковъ и обывателей; разныя сцены изъ жизни уѣзднаго города. 99) Назовите источники этой повѣсти?—Наблюденія поэтомъ малороссійской жизни; матеріаломъ послужила также повѣсть Нарѣжнаго: «Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ». 100) Что представляетъ собой повѣсть «Вій»?—Въ этой повѣсти мы видимъ соединеніе романтизма съ реализмомъ, фантастическаго элемента съ бытовымъ. 101) На чемъ основана фантастическая фабула разсказа?—На народныхъ сказкахъ и суевѣрныхъ представленіяхъ. 102) Въ чемъ заключается реалистическій интересъ повѣсти?—Въ описаніи быта старинной бурсы. 103) На сравненіи какихъ произведеній можно охарактеризовать разницу въ характерѣ и пріемахъ творчества Пушкина и Гоголя?—На сравненіи повѣсти Пушкина «Капитанская дочка» съ повѣстью Гоголя «Тарасъ Бульба»: первая повѣсть отличается полной объективностью и проникнута духомъ строгаго реализма; на второй лежитъ отпечатокъ романтической эпохи, и она отличается субъективностью автора. 104) Что отличаетъ повѣсть «Тарасъ Бульбу» отъ другихъ произведеній, вошедшихъ въ составъ «Миргорода»? Серьезность содержанія и тона и отсутствіе комическаго элемента; это—повѣсть историческая, такъ какъ въ ней Гоголь нарисовалъ общую картину родной старины, въ ея наиболѣе яркихъ и типичныхъ проявленіяхъ. 105) Какіе источники этой повѣсти?—Разнообразные: историческія сочиненія, лѣтописи, записки современниковъ и др.; главнымъ источникомъ были малороссійскія народныя пѣсни и «думы». 106) Оказало ли вліяніе увлеченіе Гоголя народной поэзіей на его собственное поэтическое творчество?—Да, оказало: оно проявилось уже въ «Страшной мести» а въ «Тарасѣ Бульбѣ»

оно стало еще замѣтнѣе; оно отразилось, какъ на формѣ произведенія, такъ и на его содержаніи. 107) Кто изъ героевъ повѣсти является типическимъ воплощеніемъ казачества, какъ понималъ его Гоголь?—Самъ Тарасъ Бульба—центральное лицо всей повѣсти. 108) Что представляетъ собой Тарасъ Бульба, какъ представитель воинственнаго народа?—Это натура страстная, увлекающаяся, предпріимчивая, тяготящаяся мирнымъ бездѣйствіемъ и не любящая никакого мирнаго дѣла. 109) Чѣмъ характеризуются сыновья Бульбы?—Старшій Остапъ во многомъ напоминаетъ своего отца: та же воинственность, отвага, презрѣніе къ мирной жизни, суровость въ обращеніи, энергія и предпріимчивость въ военномъ дѣлѣ; младшій же сынъ, Андрій, отличается большей мягкостью и впечатлительностью; онъ ужъ способенъ любить женщину, въ немъ вообще есть зачатки романтической натуры. 110) Соединеніе какихъ двухъ элементовъ представляетъ собой повѣсть Гоголя?—Соединеніе романтическаго и реалистическаго элементовъ. 111) Въ чемъ проявляется художественный реализмъ повѣсти?—Въ изображеніи бытовыхъ чертъ эпохи: въ описаніи Сѣчи и ея обычаевъ, описаніи домашней обстановки и жизни казака и др... 112) Въ чемъ выражается романтизмъ повѣсти?—Въ грандіозности образовъ и паѳосѣ описаній. 113) Назовите предшественниковъ Гоголя въ области созданія русскаго историческаго романа?—Нарѣжный, Марлинскій, Загоскинъ, Лажечниковъ. 114) Назовите повѣсти, написанныя Гоголемъ въ Петербургѣ?—«Шинель» «Записки сумасшедшаго», «Портретъ», «Невскій проспектъ», «Носъ». 115) Что представляетъ собой герой повѣсти «Шинель» Акакій Акакіевичъ?—Это человѣкъ «маленькій», «ничтожный», «нищій духомъ». 116) Какъ относится къ своему герою авторъ?—Онъ утверждаетъ, что это существо достойно человѣческой любви и даже уваженія. 117) Какая основная идея повѣсти «Шинель»?—Очень возвышенная: въ ней Гоголь выступаетъ съ евангельской проповѣдью любви къ ближнему. 118) Что представляетъ собой Поприщинъ, герой «Записокъ сумасшедшаго»?—Въ умственномъ отношеніи онъ стоитъ выше Акакія Акакіевича; у него есть кой-какіе интересы, сознаніе человѣческаго достоинства; онъ не пассивно переноситъ свои страданія, а негодуетъ на свою судьбу. Зато въ Поприщинѣ больше пошлости и мелочности, чѣмъ въ Башмачкинѣ, и въ общемъ онъ производитъ болѣе комическое впечатлѣніе. 119) Чѣмъ объясняются душевныя страданія Поприщина?—Сознаніемъ своего ничтожества и безсилія. 120) Каково психологическое значеніе повѣстей: «Шинель» и «Записки сумасшедшаго»?—Здѣсь Гоголь впервые изслѣдуетъ жизнь человѣческой души; онъ раскрываетъ предъ нами жизнь своихъ маленькихъ героевъ и вызываетъ къ нимъ наше сочувствіе. 121) Въ какихъ повѣстяхъ выразился взглядъ Гоголя на искусство и отношеніе его къ міру художниковъ?—Въ повѣстяхъ «Портретъ» и «Невскій проспектъ». 122) Что характеризуетъ одинаково тотъ и другой разсказъ?—Оба они отличаются трагическимъ характеромъ; въ обоихъ изображается столкновеніе идеала съ дѣйствительностью въ душѣ художника, приводящее его къ гибели. 123) Чѣмъ объясняется гибель того и другого художника?—Чертковъ (изъ «Портрета») погибъ отъ того, что, прельстившись благами міра, забылъ о высокомъ значеніи исскуства, сталъ смотрѣть на него не какъ на цѣль, а лишь, какъ на средство; Пискаревъ (изъ «Невскаго проспекта») погибъ потому, что его идеально настроенная душа не могла примириться съ пошлостью и грязью дѣйствительности. 124) Какимъ, по мнѣнію Гоголя, должно быть искусство?—Оно должно быть безкорыстно и свято; искусство есть служеніе высшему идеалу, живая проповѣдь духовно-нравственнаго совершенства. 125) Что представляетъ собой герой разсказа «Носъ»? «Майоръ» Ковалевъ является настоящимъ воплощеніемъ торжествующей пошлости. 126) Чѣмъ замѣчателенъ Гоголь, какъ драматургъ?—Онъ является создателемъ новой реалистической бытовой комедіи. 127) Назовите первые драматическіе опыты Гоголя?—«Игроки», «Женитьба». 128) Что прославило Гоголя, какъ драматурга?—Его безсмертная комедія «Ревизоръ». 129) Что Гоголь изобразилъ въ своей комедіи?—Бытъ и нравы мелкаго уѣзднаго города; онъ выступилъ въ своей комедіи обличителемъ злоупотребленій и недостатковъ тогдашняго провинціальнаго чиновничества.

Курсъ нѣмецкаго языка.

(Продолженіе).

Hermann und Dorothea.

Von Goethe.

Hermann.

Als nun der wohlgebildete Sohn ins Zimmer hereintrat,
Schaute der Prediger ihm mit scharfen Blicken entgegen
Und betrachtete seine Gestalt und sein ganzes Benehmen
Mit dem Auge des Forschers, der leicht die Mienen enträtselt,
Lächelte dann und sprach zu ihm mit traulichen Worten:
Kommt Ihr doch als ein veränderter Mensch! Ich habe noch niemals
Euch so munter gesehn und Eure Blicke so lebhaft.
Fröhlich kommt Ihr und heiter; man sieht, Ihr habet die Gaben
Unter die Armen verteilt und ihren Segen empfangen.
   Ruhig erwiderte drauf der Sohn mit ernstlichen Worten:
Ob ich löblich gehandelt? ich weiß es nicht; aber mein Herz hat
Mich geheißen zu tun, so wie ich genau nun erzähle.
Mutter, Ihr kramtet so lange, die alten Stücke zu suchen
Und zu wählen; nur spät war erst das Bündel zusammen,
Auch der Wein und das Bier ward langsam, sorglich gepacket.
Als ich nun endlich vors Tor und auf die Straße hinauskam,
Strömte zurück die Menge der Bürger mit Weibern und Kindern
Mir entgegen; denn fern war schon der Zug der Vertriebnen.
Schneller hielt ich mich dran und fuhr behende dem Dorf zu,
Wo sie, wie ich gehört, heut' übernachten und rasten.
Als ich nun meines Weges die neue Straße hinanfuhr,
Fiel mir ein Wagen ins Auge, von tüchtigen Bäumen gefüget,
Von zwei Ochsen gezogen, den größten und stärksten des Auslands,
Nebenher aber ging mit starken Schritten ein Mädchen,
Lenkte mit langem Stabe die beiden gewaltigen Tiere,
Trieb sie an und hielt sie zurück; sie leitete klüglich.
Als mich das Mädchen erblickte, so trat sie den Pferden gelassen
Näher und sagte zu mir: Nicht immer war es mit uns so
Jammervoll, als Ihr uns heut' auf diesen Wegen erblicket.
Noch nicht bin ich gewohnt, vom Fremden die Gabe zu heischen,
Die er oft ungern gibt, um loszuwerden den Armen;
Aber mich dränget die Not, zu reden. Hier auf dem Strohe
Liegt die erst genesende Frau des reichen Besitzers,
Die ich mit Stieren und Wagen noch kaum, die kranke, gerettet.
Spät nur kommen wir nach, und kaum das Leben erhielt sie.
Nun liegt, neugeboren, das Kind ihr nackend im Arme,
Und mit wenigem nur vermögen die Unsern zu helfen,

Wenn wir im nächsten Dorf, wo wir heute zu rasten gedenken,
Auch sie finden, wiewohl ich fürchte, sie sind schon vorüber.
Wär' Euch irgend von Leinwand nur was Entbehrliches, wenn Ihr
Hier aus der Nachbarschaft seid, so spendet's gütig den Armen.
Also sprach sie und matt erhob sich vom Strohe die bleiche
Wöchnerin, schaute nach mir, ich aber sagte dagegen:
Guten Menschen, fürwahr, spricht oft ein himmlischer Geist zu,
Daß sie fühlen die Not, die dem armen Bruder bevorsteht;
Denn so gab mir die Mutter, im Vorgefühle von Eurem
Jammer, ein Bündel, sogleich es der nackten Notdurft zu reichen.
Unde ich löste die Knoten der Schnur und gab ihr den Schlafrock
Unsers Vaters dahin, und gab ihr Hemden und Leintuch.
Und sie dankte mit Freuden und rief: Der Glückliche glaubt nicht,
Daß noch Wunder geschehn; denn nur im Elend erkennt man
Gottes Hand und Finger, der gute Menschen zum Guten
Leitet. Was er durch Euch an uns tut, tu' er Euch selber.
Und ich sah die Wöchnerin froh die verschiedene Leinwand,
Aber besonders den weichen Flanell des Schlafrocks befühlen.
Eilen wir, sagte zu ihr die Jungfrau, dem Dorf zu, in welchem
Unsre Gemeine schon rastet und diese Nacht durch sich aufhält!
Dort besorg' ich sogleich das Kinderzeug, alles und jedes.
Und sie grüßte mich noch und sprach den herzlichsten Dank aus,
Trieb die Ochsen; da ging der Wagen. Ich aber verweilte,
Hielt die Pferde noch an: denn Zwiespalt war mir im Herzen,
Ob ich mit eilenden Rossen das Dorf erreichte, die Speisen
Unter das übrige Volk zu spenden, oder sogleich hier
Alles dem Mädchen gäbe, damit sie es weislich verteilte.
Und ich entschied mich gleich in meinem Herzen, und fuhr ihr
Sachte nach, und erreichte sie bald, und sagte behende:
Gutes Mädchen, mir hat die Mutter nicht Leinwand alleine
Auf den Wagen gegeben, damit ich den Nackten bekleide,
Sondern sie fügte dazu noch Speis' und manches Getränke,
Und es ist mir genug davon im Kasten des Wagens.
Nun bin ich aber geneigt, auch diese Gaben in deine
Hand zu legen, und so erfüll' ich am besten den Auftrag;
Du verteilst sie mit Sinn, ich müßte dem Zufall gehorchen.
Drauf versetzte das Mädchen: Mit aller Treue verwend' ich
Eure Gaben; der Dürftige soll sich derselben erfreuen.
Also sprach sie. Ich öffnete schnell die Kasten des Wagens,
Brachte die Schinken hervor, die schweren, brachte die Brote,
Flaschen Weines und Biers und reicht' ihr alles und jedes.
Gerne hätt' ich noch mehr gegeben; doch leer war der Kasten.
Alles packte sie drauf zu der Wöchnerin Füßen und zog so
Weiter; ich eilte zurück mit meinen Pferden der Stadt zu.

Als nun Hermann geendet, da nahm der gesprächige Nachbar
Gleich das Wort und rief: O glücklich, wer in den Tagen
Dieser Flucht und Verwirrung in seinem Haus nur allein lebt,
Wem nicht Frau und Kinder zur Seite bange sich schmiegen!
Glücklich fühl' ich mich jetzt; ich möcht' um vieles nicht heute
Vater heißen und nicht für Frau und Kinder besorgt sein.
Öfters dacht' ich mir auch schon die Flucht und habe die besten
Sachen zusammengepackt, das alte Geld und die Ketten
Meiner seligen Mutter, wovon noch nichts verkauft ist.
Freilich bliebe noch vieles zurück, das so leicht nicht geschafft wird.
Selbst die Kräuter und Wurzeln, mit vielem Fleiße gesammelt,
Mißt' ich ungern, wenn auch der Wert der Ware nicht groß ist.
Bleibt der Provisor zurück, so geh' ich getröstet von Hause.

Hab' ich die Barschaft gerettet und meinen Körper, so hab' ich
Alles gerettet; der einzelne Mann entfliehet am leichtsten.
Nachbar, versetzte darauf der junge Hermann mit Nachdruck:
Keineswegs denk' ich wie Ihr, und tadle die Rede.
Ist wohl der ein würdiger Mann, der, im Glück und im Unglück,
Sich nur allein bedenkt, und Leiden und Freuden zu teilen
Nicht verstehet, und nicht dazu von Herzen bewegt wird?
Lieber möcht' ich, als je, mich heute zur Heirat entschließen;
Denn manch gutes Mädchen bedarf des schützenden Mannes,
Und der Mann des erheiternden Weibs, wenn ihm Unglück bevorsteht.
Lächelnd sagte darauf der Vater: So hör' ich dich gerne!
Solch ein vernünftiges Wort hast du mir selten gesprochen.
Aber es fiel sogleich die gute Mutter behend ein:
Sohn, fürwahr! du hast recht; wir Eltern gaben das Beispiel.
Denn wir haben uns nicht an fröhlichen Tagen erwählet,
Und uns knüpfte vielmehr die traurigste Stunde zusammen.
Montag morgens — ich weiß es genau; denn Tages vorher war
Jener schreckliche Brand, der unser Städtchen verzehrte —
Zwanzig Jahre sind's nun; es war ein Sonntag wie heute,
Heiß und trocken die Zeit und wenig Wasser im Orte.
Alle Leute waren, spazierend in festlichen Kleidern,
Auf den Dörfern verteilt und in den Schenken und Mühlen.
Und am Ende der Stadt begann das Feuer. Der Brand lief
Eilig die Straßen hindurch, erzeugend sich selber den Zugwind.
Und es brannten die Scheunen der reichgesammelten Ernte,
Und es brannten die Straßen bis zu dem Markt, und das Haus war
Meines Vaters hierneben verzehrt, und dieses zugleich mit.
Wenig flüchteten wir. Ich saß, die traurige Nacht durch,
Vor der Stadt auf dem Anger, die Kasten und Betten bewahrend;
Doch zuletzt befiel mich der Schlaf, und als nun des Morgens
Mich die Kühlung erweckte, die vor der Sonne herabfällt,
Sah ich den Rauch und die Glut und die hohlen Mauern und Essen.
Da war beklemmt mein Herz; allein die Sonne ging wieder
Herrlicher auf denn je und flößte mir Mut in die Seele.
Da erhob ich mich eilend. Es trieb mich, die Stätte zu sehen,
Wo die Wohnung gestanden, und ob sich die Hühner gerettet,
Die ich besonders geliebt; denn kindisch war mein Gemüt noch.
Als ich nun über die Trümmer des Hauses und Hofes daherstieg,
Die noch rauchten, und so die Wohnung wüst und zerstört sah,
Kamst du zur andern Seite herauf und durchsuchtest die Stätte.
Dir war ein Pferd in dem Stalle verschüttet; die glimmenden Balken
Lagen darüber und Schutt, und nichts zu sehn war vom Tiere.
Also standen wir gegeneinander, bedenklich und traurig;
Denn die Wand war gefallen, die unsere Höfe geschieden.
Und du faßtest darauf mich bei der Hand an und sagtest:
Lieschen, wie kommst du hierher? Geh weg! du verbrennest die Sohlen;
Denn der Schutt ist heiß, er sengt mir die stärkeren Stiefeln.
Und du hobest mich auf und trugst mich herüber durch deinen
Hof weg. Da stand noch das Tor des Hauses mit seinem Gewölbe,
Wie es jetzt steht; es war allein von allem geblieben.
Und du setztest mich nieder und küßtest mich, und ich verwehrt' es.
Aber du sagtest darauf mit freundlich bedeutenden Worten:
Siehe, das Haus liegt nieder. Bleib hier und hilf mir es bauen
Und ich helfe dagegen auch deinem Vater an seinem.
Doch ich verstand dich nicht, bis du zum Vater die Mutter
Schicktest und schnell das Gelübd' der fröhlichen Ehe vollbracht war.
Noch erinnr' ich mich heute des halbverbrannten Gebälkes

Freudig und sehe die Sonne noch immer so herrlich heraufgehn:
Denn mir gab der Tag den Gemahl, es haben die ersten
Zeiten der wilden Zerstörung den Sohn mir der Jugend gegeben.
Darum lob' ich dich, Hermann, daß du mit reinem Vertrauen
Auch ein Mädchen dir denkst in diesen traurigen Zeiten,
Und es wagtest zu frei'n im Krieg und über den Trümmern.

Da versetzte sogleich der Vater lebhaft und sagte:
Die Gesinnung ist löblich, und wahr ist auch die Geschichte,
Mütterchen, die du erzählst; denn so ist alles begegnet.
Aber besser ist besser. Nicht einen jeden betrifft es
Anzufangen von vorn sein ganzes Leben und Wesen;
Nicht soll jeder sich quälen, wie wir und andere taten.
O, wie glücklich ist der, dem Vater und Mutter das Haus schon
Wohlbestellt übergeben, und der mit Gedeihen es ausziert!
Aller Anfang ist schwer, am schwersten der Anfang der Wirtschaft.
Mancherlei Dinge bedarf der Mensch, und alles wird täglich
Teurer; da seh' er sich vor, des Geldes mehr zu erwerben!
Und so hoff' ich von dir, mein Hermann, daß du mir nächstens
In das Haus die Braut mit schöner Mitgift hereinführst;
Denn ein wackerer Mann verdient ein begütertes Mädchen,
Und es behaget so wohl, wenn mit dem gewünscheten Weibchen
Auch ein Körben und Kasten die nützliche Gabe hereinkommt.
Nicht umsonst bereitet durch manche Jahre die Mutter
Viele Leinwand der Tochter von feinem und starkem Gewebe;
Nicht umsonst verehren die Paten ihr Silbergeräte,
Und der Vater sondert im Pulte das seltene Goldstück;
Denn sie soll dereinst mit ihren Gütern und Gaben
Jenen Jüngling erfreu'n, der sie vor allen erwählt hat.
Ja, ich weiß, wie behaglich ein Weibchen im Hause sich findet,
Das ihr eignes Gerät in Küch' und Zimmern erkennet
Und das Bette sich selbst und den Tisch sich selber gedeckt hat.
Nur wohlausgestattet möcht' ich im Hause die Braut sehn;
Denn die Arme wird doch nur zuletzt vom Manne verachtet,
Und er hält sie als Magd, die als Magd mit dem Bündel hereinkam.
Ungerecht bleiben die Männer, die Zeiten der Liebe vergehen.
Ja, mein Hermann, du würdest mein Alter höchlich erfreuen,
Wenn du mir bald ins Haus ein Schwiegertöchterchen brächtest
Aus der Nachbarschaft her, aus jenem Hause, dem grünen.
Reich ist der Mann fürwahr, sein Handel und seine Fabriken
Machen ihn täglich reicher; denn wo gewinnt nicht der Kaufmann?
Nur drei Töchter sind da; sie teilen allein das Vermögen.
Schon ist die ält'ste bestimmt, ich weiß es; aber die zweite,
Wie die dritte sind noch, und vielleicht nicht lange, zu haben.
Wär' ich an deiner Statt, ich hätte bis jetzt nicht gezaudert,
Eins mir der Mädchen geholt, so wie ich das Mütterchen forttrug.

Da versetzte der Sohn bescheiden dem dringenden Vater:
Wirklich, mein Wille war auch, wie Eurer, eine der Töchter
Unsers Nachbars zu wählen. Wir sind zusammen erzogen,
Spielten neben dem Brunnen am Markt in früheren Zeiten,
Und ich habe sie oft vor der Knaben Wildheit beschützet.
Doch das ist lange schon her; es bleiben die wachsenden Mädchen
Endlich billig zu Haus und flieh'n die wilderen Spiele.
Wohlgezogen sind sie gewiß! Ich ging auch zu Zeiten
Noch aus alter Bekanntschaft, so wie Ihr es wünschtet, hinüber;
Aber ich konnte mich nie in ihrem Umgang erfreuen.
Denn sie tadelten stets an mir, das mußt' ich ertragen:
Gar zu lang war mein Rock, zu grob das Tuch, und die Farbe

Gar zu gemein, und die Haare nicht recht gestutzt und gekräuselt.
Endlich hatt' ich im Sinne, mich auch zu putzen, wie jene
Handelsbübchen, die stets am Sonntag drüben sich zeigen,
Und um die, halbseiden, im Sommer das Läppchen herumhängt;
Aber noch früh genug merkt' ich, sie hatten mich immer zum besten;
Und das war mir empfindlich, mein Stolz war beleidigt; doch mehr noch
Kränkte mich's tief, daß so sie den guten Willen verkannten,
Den ich gegen sie hegte, besonders Minchen, die jüngste.
Denn so war ich zuletzt an Ostern hinübergegangen,
Hatte den neuen Rock, der jetzt nur oben im Schrank hängt,
Angezogen und war frisiert wie die übrigen Bursche.
Als ich eintrat, kicherten sie; doch zog ich's auf mich nicht.
Minchen saß am Klavier; es war der Vater zugegen,
Hörte die Töchterchen singen und war entzückt und in Laune.
Manches verstand ich nicht, was in den Liedern gesagt war;
Aber ich hörte viel von Pamina, viel von Tamino,
Und ich wollte doch auch nicht stumm sein! Sobald sie geendet,
Fragt' ich dem Texte nach und nach den beiden Personen.
Alle schwiegen darauf und lächelten; aber der Vater
Sagte: Nicht wahr, mein Freund, er kennt nur Adam und Eva?
Niemand hielt sich alsdann, und laut auflachten die Mädchen,
Laut auflachten die Knaben, es hielt den Bauch sich der Alte.
Fallen ließ ich den Hut vor Verlegenheit, und das Gekicher
Dauerte fort und fort, so viel sie auch sangen und spielten.
Und ich eilte beschämt und verdrießlich wieder nach Hause,
Hängte den Rock in den Schrank und zog die Haare herunter
Mit den Fingern, und schwur, nicht mehr zu betreten die Schwelle.
Und ich hatte wohl recht; denn eitel sind sie und lieblos,
Und ich höre, noch heiß' ich bei ihnen immer Tamino.

Da versetzte die Mutter: Du solltest, Hermann, so lange
Mit den Kindern nicht zürnen; denn Kinder sind sie ja sämtlich.
Minchen fürwahr ist gut und war dir immer gewogen;
Neulich fragte sie noch nach dir. Die solltest du wählen!

Da versetzte bedenklich der Sohn: Ich weiß nicht, es prägte
Jener Verdruß sich so tief bei mir ein; ich möchte fürwahr nicht
Sie am Klaviere mehr sehn und ihre Liedchen vernehmen.

Doch der Vater fuhr auf und sprach die zornigen Worte:
Wenig Freud' erleb' ich an dir! Ich sagt' es doch immer,
Als du zu Pferden nur und Lust nur bezeigtest zum Acker.
Was ein Knecht schon verrichtet des wohlbegüterten Mannes,
Tust du; indessen muß der Vater des Sohnes entbehren,
Der ihm zur Ehre doch auch vor andern Bürgern sich zegte.
Und so täuschte mich früh mit leerer Hoffnung die Mutter,
Wenn in der Schule das Lesen und Schreiben und Lernen dir niemals
Wie den andern gelang, und du immer der unterste saßest
Freilich das kommt daher, wenn Ehrgefühl nicht im Busen.
Eines Jünglinges lebt, und wenn er nicht höher hinauf will.
Hätte mein Vater gesorgt für mich, so wie ich für dich tat,
Mich zur Schule gesendet und mir die Lehrer gehalten,
Ja, ich wäre was anders als Wirt zum goldenen Löwen.

Aber der Sohn stand auf und nahte sich schweigend der Türe,
Langsam und ohne Geräusch; allein der Vater, entrüstet,
Rief ihm nach: So gehe nur hin! ich kenne den Trotzkopf!
Geh und führe fortan die Wirtschaft, daß ich nicht schelte;
Aber denke nur nicht, du wollest ein bäurisches Mädchen
Je mir bringen ins Haus als Schwiegertochter, die Trulle!
Lange hab' ich gelebt und weiß mit Menschen zu handeln,

Weiß zu bewirten die Herren und Frauen, daß sie zufrieden
Von mir weggehn; ich weiß den Fremden gefällig zu schmeicheln.
Aber so soll mir denn auch ein Schwiegertöchterchen endlich
Wiederbegegnen und so mir die viele Mühe versüßen;
Spielen soll sie mir auch das Klavier; es sollen die schönsten,
Besten Leute der Stadt sich mit Vergnügen versammeln,
Wie es Sonntags geschieht im Hause des Nachbars. Da drückte
Leise der Sohn auf die Klinke, und so verließ er die Stube.

Слова.

Wohlgebildet—статный
entgegenschauen—встрѣчать (взглядомъ)
scharf—проницательный
betrachten—вглядываться
die Gestalt—осанка
das Benehmen—манера держать себя
der Forscher—наблюдатель
die Miene—выраженіе лица
enträtseln—разгадывать
verändert—преобразившійся
munter—бодрый
die Gabe—милостыня
verteilen—раздавать
der Segen—благословеніе
empfangen—принимать
erwidern—отвѣчать
ernstlich—серьезный
löblich—похвальный
heißen (ie, ie)—заставлять
genau—подробный
kramen—копаться
wählen—отбирать
sorglich—бережный
die Menge—толпа
sich dranhalten (ie, a)—придерживаться чего либо
zufahren (u, a)—ѣхать по направленію къ чему-либо
behende—проворный
übernachten—переночевать
rasten—останавливаться
tüchtig—плотный
fügen—сколачивать
nebenher—возлѣ
lenken—править
klüglich—искусно
gewohnt—привычный
heischen—выпрашивать
der Stier—быкъ
wiewohl—хотя
das Entbehrliche—ненужное
matt—слабый
die Wöchnerin—родильница
zusprechen (a, o)—внушать
bevorstehen (a, a)—предстоять
das Vorgefühl—предчувствіе
die Notdurft—нужда
lösen—развязывать
befühlen—ощупывать
die Gemein (=e)—земляки
sich aufhalten (ie, a)—пробыть
besorgen—приготовлять
das Kinderzeug—дѣтское бѣлье
alles und jedes—все до послѣдняго
der Zwiespolt—несогласіе
das Roß—конь
weislich—разумный
sich entscheiden (ie, ie)—рѣшаться
sachte—медленно
dazufügen—прибавлять
geneigt sein—быть расположеннымъ
der Auftrag—порученіе
der Sinn—смыслъ
der Zufall—случайность
verwenden (a, e)—употреблять
der Schinken—окорокъ
leer—пустой
die Verwirrung—замѣшательство
bang—робкій
sich schmiegen—льнуть
selig—усопшій
das Kraut—трава
die Wurzel—корешокъ
missen—лишиться
die Ware—товаръ
die Barschaft—наличныя деньги
verzehren—истреблять
verteilt sein—разбрестись
die Schenke—шинокъ
der Anger—выгонъ
die Glut—пылъ
hohl—голый
die Esse—дымовая труба
beklemmen—щемить
glimmen (o, o—тлѣть
der Schutt—мусоръ
bedenklich—задумчивый
die Sohle—подошва
sengen—палить
bedeutend—значительный
das Gelübde—обѣтъ
das Gebälk—бревна
das Vertrauen—упованіе
sich denken a, a)—представлять себѣ
freien—свататься
das Wesen—житье-бытье
wohlbestellt—благоустроенный
das Gedeihen—процвѣтаніе
die Mitgift—приданое
behagen—быть пріятнымъ
das Gewebe—тканье
verehren—дарить
der Pate—крестный отецъ
die Schwiegertochter—невѣстка
zaudern—колебаться
billig—какъ подобаетъ
der Umgang—общество (обращеніе)
stutzen—подстригать
kräuseln—завивать
das Handelsbübchen—купчикъ
das Läppchen—тряпочка
herumhangen (i, a)—мотаться
verkennen (a, a)—не хотѣть понимать
hegen—имѣть (питать)

kichern—хихикать
zugegen sein—присутствовать
die Laune—расположеніе духа
die Verlegenheit—смущеніе
schwören—клясться
die Schwelle—порогъ
eitel—пустой
gewogen—благосклонный
sich einprägen—врѣзываться
auffahren (u, a)—горячиться
gezeigen—проявлять
verrichten—исполнять
wohlbegütert—богатый
entbehren—обходиться безъ
entrüstet—гнѣвный
der Trotzkopf—упрямецъ
die Trulle—деревенщина
bewirten—угощать
gefällig—услужливый
drücken—нажимать
die Klinke—щеколда
die Stube—комната.

Ключъ къ курсу нѣмецкаго языка.

Германъ.

1) Когда стройный сынъ въ комнату вошелъ, 2) посмотрѣлъ пасторъ на него проницательнымъ взглядомъ 3) и сталъ разсматривать его наружность и все его обращеніе 4) взоромъ наблюдателя, который легко выраженія лицъ разгадываетъ; 5) улыбнулся затѣмъ и сказалъ ему ласковыми словами: 6) „Вѣдь Вы приходите измѣнившимся человѣкомъ! Я еще никогда 7) Васъ столь веселымъ не видѣлъ и Ваши взоры столь оживленными. 8) Радостнымъ приходите Вы и веселымъ; видно, Вы подаяніе 9) среди бѣдняковъ раздѣлили и ихъ благословеніе получили“.

10) Спокойно возразилъ на это сынъ серьезными словами: 11) „Похвально ли я поступилъ? я не знаю этого; но мое сердце 12) велѣло мнѣ сдѣлать такъ, какъ я подробно теперь разскажу. 13) Матушка, Вы копались такъ долго, чтобы старые куски отыскать 14) и выбрать; лишь поздно былъ только узелъ собранъ, 15) также вино и пиво было медленно, заботливо уложено. 16) Когда я наконецъ-то выѣхалъ за ворота и на улицу, 17) стремилась назадъ толпа гражданъ съ женами и дѣтьми, 18) мнѣ навстрѣчу; вѣдь далеко былъ уже обозъ изгнанниковъ. 19) Быстрѣе пустился я за ними и скоро пріѣхалъ къ деревнѣ, 20) гдѣ они, какъ я слышалъ, сегодня ночуютъ и отдыхаютъ. 21) Когда я на своемъ пути на новую улицу въѣхалъ, 22) бросилась мнѣ въ глаза повозка, сдѣланная изъ прочнаго дерева, 23) которую везли два вола, самыхъ большихъ и сильныхъ, заграничной породы, 24) а рядомъ шла крупными шагами дѣвушка, 25) управляла длиннымъ прутомъ обоими сильными животными, погоняла ихъ и сдерживала, вела ихъ разумно. 27) Когда дѣвушка увидѣла меня, то подошла спокойно ближе къ лошадямъ 28) и сказала мнѣ: „Не всегда мы были такъ 29) жалки, какъ Вы насъ сегодня на этихъ дорогахъ увидѣли. 30) Еще не привыкла я у чужого подаянія просить, 31) которое онъ часто неохотно даетъ, чтобы отдѣлаться отъ бѣдняка; 32) но меня заставляетъ нужда говорить. Здѣсь на соломѣ 33) лежитъ только что выздоровѣвшая жена богатаго помѣщика, 34) которую я съ волами и повозками еще едва, больную, спасла. 35) Поздно только мы догонимъ своихъ, а она едва жизнь сохранила. 36) Вотъ лежитъ новорожденное нагое дитя, у нея на рукѣ, 37) и немногимъ лишь могутъ наши помочь, 38) если мы въ ближайшей деревнѣ, гдѣ мы сегодня отдохнуть собираемся, 39) и найдемъ ихъ, хотя я боюсь, что они уже прошли. 40) Если есть у Васъ изъ полотна лишь что-нибудь лишнее, если Вы 41) здѣсь по сосѣдству живете, то подайте это милостиво бѣднякамъ“.

42) Такъ сказала она, и изнуренная поднялась съ соломы блѣдная 43) роженица и посмотрѣла на меня; а я сказалъ на это: 44) „Добрымъ людямъ, право, подсказываетъ часто небесный геній, 45) чтобы они чувствовали нужду, которая бѣдному брату предстоитъ, 46) вѣдь такъ дала мнѣ матушка, предчувствуя Ваше 47) горе, узелъ, чтобы тотчасъ его нагому бѣдняку подать“. 48) И я развязалъ узлы бечевки, и отдалъ ей халатъ 49) нашего батюшки, и далъ ей рубашки и простыню. 50) И она поблагодарила съ радостью и воскликнула: „Счастливый не вѣритъ, 51) что еще чудеса совершаются; вѣдь только въ горѣ узнаютъ 52) руку Бога и перстъ, который добрыхъ людей къ добру 53) ведетъ. Что Онъ чрезъ Васъ намъ дѣлаетъ, пусть сдѣлаетъ Онъ Вамъ самимъ“. 54) И я увидѣлъ, что роженица разное полотно, 55) а особенно мягкую фланель халата съ радостью ощупываетъ. 56) „Поспѣшимъ“, сказала ей дѣвушка, „къ деревнѣ, въ которой 57) наша община уже отдыхаетъ и на эту ночь останавливается; 58) тамъ позабочусь я тотчасъ о дѣтскомъ бѣльѣ, о всемъ до послѣдняго“. 59) И она поклонилась мнѣ еще, и выразила сердечнѣйшую благодарность, 60) и погнала воловъ; по-

возка поѣхала. А я остался 61) и сдерживалъ еще лошадей; вѣдь колебаніе было у меня въ сердцѣ, 62) доѣхать ли мнѣ, подогнавъ коней, до деревни, чтобы припасы 63) среди прочаго народа раздать, или тотчасъ здѣсь 64) все дѣвушкѣ дать, чтобы она это разумно раздѣлила. 65) И я рѣшился тотчасъ въ своемъ сердцѣ, и поѣхалъ за ней 66) тихо, и догналъ ее скоро, и сказалъ поспѣшно: 67) „Добрая дѣвушка, мнѣ матушка не одного полотна 66) въ повозку дала, чтобы я нагого одѣлъ, 69) но она прибавила къ этому еще припасовъ и много напитковъ, 70) и у меня достаточно этого въ ящикахъ повозки. 71) Но теперь я склоненъ и это подаяніе въ твои 72) руки отдать, и такъ исполню я всего лучше порученіе; 73) ты раздѣлишь ихъ съ толкомъ, а я долженъ бы былъ случайности покориться“. 74) На это возразила дѣвушка: „По всей совѣсти раздамъ я 75) ваше подаяніе; нуждающійся долженъ имъ воспользоваться“. 76) Такъ сказала она. Я открылъ быстро ящики повозки, 77) вынулъ окорока тяжелые, вынулъ хлѣбы. 78) бутылки вина и пива и подалъ ей все до послѣдняго. 79) Охотно далъ бы я ей еще больше, но пустъ былъ ящикъ. 80) Все сложила она затѣмъ въ ноги роженицы и двинулась такъ 81) дальше; я поспѣшилъ со своими лошадьми назадъ къ городу. 82) Когда Германъ кончилъ, тогда заговорилъ словоохотливый сосѣдъ 83) тотчасъ и воскликнулъ: „О счастливъ, кто въ дни 84) этого бѣгства и смятенія въ своемъ домѣ одинъ только живетъ, 85) у кого жена и дѣти сбоку робко не жмутся! 86) Счастливымъ чувствую я себя теперь; я не хотѣлъ бы ни за что сегодня 87) отцомъ называться и о женѣ и дѣтяхъ заботиться. 88) Часто думалъ я тоже ужъ о бѣгствѣ и лучшія 89) вещи укладывалъ, старыя деньги и цѣпочки 90) своей покойной матери, изъ которыхъ еще ничего не продано. 91) Конечно, осталось бы еще многое, что такъ легко не достается. 92) Даже травъ и кореньевъ, съ большимъ стараніемъ собранныхъ, 93) лишился бы я неохотно, хотя стоимость товара не велика. 94) Если останется провизоръ, то я уйду успокоеннымъ изъ дома. 95) Если бы я наличныя деньги спасъ и свое тѣло, то 96) спасъ бы я все; одинокій человѣкъ убѣжитъ всего легче“.

97) „Сосѣдъ“, возразилъ на это молодой Германъ убѣдительно, 98) никоимъ образомъ я не думаю, какъ Вы, и не одобряю этой рѣчи. 99) Развѣ тотъ достойный человѣкъ, который въ счастьи и несчастьи 100) о себѣ лишь одномъ думаетъ, и страданія и радости дѣлить 101) не умѣетъ, и не къ этому сердце побуждаетъ его? 102) Охотнѣе, чѣмъ когда-либо, сегодня хотѣлъ бы я на женитьбу рѣшиться; 103) вѣдь не одна хорошая дѣвушка нуждается въ защитѣ мужчины, 104) а мужчина въ развеселяющей его женщинѣ, когда ему несчастье предстоитъ“.

105) Улыбаясь сказалъ на это отецъ: „Я слушаю тебя охотно! 106) Такое разумное слово ты мнѣ рѣдкое говорилъ“.

107) Но перебила тотчасъ добрая мать поспѣшно: 108) „Сынъ! конечно, ты правъ; мы, родители, подали примѣръ! 109) Вѣдь, мы другъ друга не въ веселые дни избрали, 110) и насъ соединилъ скорѣе самый печальный часъ. 111) Въ понедѣльникъ утромъ — я знаю это точно; вѣдь наканунѣ былъ 112) тотъ ужасный пожаръ, который нашъ городокъ истребилъ—113) лѣтъ двадцать тому теперь; было воскресенье, какъ сегодня, 114) жаркое и сухое время, и мало воды на мѣстѣ. 115) Всѣ люди, гуляя въ праздничныхъ одеждахъ, 116) по деревнямъ разошлись и въ шинкахъ и мельницахъ. 117) И на краю города начался пожаръ. Огонь пронесся 118) быстро по улицамъ, вызывая самъ собою сквозной вѣтеръ. 119) И загорѣлись амбары богато собранной жатвы, 120) горѣли улицы до площади, и домъ 121) моего отца рядомъ былъ истребленъ, и этотъ тотчасъ тоже. 122) Мало спасли мы. Я просидѣла эту печальную ночь 123) за городомъ на лугу, сундуки и кровати охраняя; 124) но наконецъ одолѣлъ меня сонъ, и когда утромъ 125) меня разбудила прохлада, которая передъ солнцемъ спадаетъ, 126) увидѣла я дымъ и жаръ и голыя стѣны и трубы. 127) Тогда сжалось мое сердце; но солнце взошло опять 128) великолѣпнѣе, чѣмъ когда-либо, и влило мнѣ мужество въ душу! 129) Тогда поднялась я поспѣшно. Влекло меня мѣсто посмотрѣть, 130) гдѣ жилище стояло, и спаслись ли куры, 131) которыхъ я особенно любила; вѣдь дѣтской была еще моя душа! 132) Когда я по развалинамъ дома и двора бродила, 133) которыя еще дымились, и жилище опустѣлымъ и разрушеннымъ видѣла, 134) поднялся ты съ другой стороны и сталъ обыскивать мѣсто. 135) У тебя лошадь въ конюшнѣ засыпало; тлѣющія бревна 136) лежали на ней и мусоръ, и ничего не было видно отъ животнаго. 137) Такъ стояли мы другъ противъ друга, задумчиво и печально, 138) вѣдь упала стѣна, которая наши дворы раздѣляла. 139) И ты схватилъ затѣмъ за руку и сказалъ: 140) „Лизочка, какъ пришла ты сюда? Уходи! ты сожжешь подошвы; 141) вѣдь мусоръ горячъ, онъ жжетъ мнѣ сапоги и прочныя“. 142) И ты поднялъ меня и отнесъ меня на ту сторону черезъ 143) свой дворъ. Тамъ стояли еще ворота дома со своимъ сводомъ, 144) какъ они теперь стоятъ; они только отъ всего остались! И ты усадилъ меня и сталъ цѣловать меня, а я противилась этому. 146) Но ты сказалъ на это ласковыми значительными словами: 147) „Смотри, домъ лежитъ въ развалинахъ. Оставайся здѣсь и помогай мнѣ строить его, 148) а я помогу, наобо-

ротъ, твоему отцу въ его домѣ". 149) Но я не понимала тебя, пока ты къ отцу мать 150) не послалъ, и скоро обѣтъ радостнаго брака былъ совершенъ. 151) Еще вспоминаю я сегодня съ радостью полусгорѣвшія балки, 152) все еще вижу солнце такъ великолѣпно восходящимъ, 153) вѣдь мнѣ далъ тотъ день супруга, первыя, 154) времена дикаго разрушенія мнѣ первенца дали. 155) Поэтому хвалю я тебя, Германъ, что ты съ чистымъ упованіемъ 156) тоже дѣвушку себѣ представляешь въ эти печальныя времена, 157) и осмѣлился бы жениться во времена войны и на развалинахъ".

158) Тогда возразилъ тотчасъ отецъ живо и сказалъ: 159) „Образъ мыслей похвальный, и истинно также происшествіе, 160) матушка, которое ты разсказываешь; вѣдь такъ все случается. 161) Но лучшее лучше. Не всякому приходится 162) начинать сначала всю свою жизнь и хозяйство; 163) не долженъ каждый мучиться, какъ мы и другіе дѣлали. 164) О, какъ счастливъ тотъ, кому отецъ и мать домъ уже 165) благоустроеннымъ передаютъ, и кто съ успѣхомъ его украшаетъ! 166) Всякое начало трудно, всего труднѣе начало хозяйства. 167) Въ различныхъ вещахъ нуждается человѣкъ, а все становится ежедневно 168) дороже; такъ пусть онъ старается денегъ побольше пріобрѣтать. 169) И такъ надѣюсь я относительно тебя, мой Германъ, что ты мнѣ очень скоро 170) въ домъ невѣсту съ прекраснымъ приданымъ введешь; 171) вѣдь дѣльный человѣкъ заслуживаетъ состоятельной дѣвушки, 172) и такъ пріятно бываетъ, когда вмѣстѣ съ желанной женушкой 173) также въ коробахъ и сундукахъ полезный даръ является. 174) Не напрасно готовитъ не одинъ годъ мать дочери 175) много полотна изъ тонкой и прочной ткани, 176) не напрасно одаряютъ крестные ее серебряной посудой, 177) а отецъ откладываетъ въ конторкѣ рѣдкій золотой, 178) вѣдь она должна когда-нибудь своимъ добромъ и дарами 179) того юношу обрадовать, который ее передъ всѣми избралъ. 180) Вѣдь я знаю, какъ пріятно женушка въ домѣ себя чувствуетъ, 181) которая свою собственную утварь въ кухнѣ и комнатахъ узнаетъ 182) и постель себѣ сама и столъ себѣ сама накрыла. 183) Только съ хорошимъ приданымъ хотѣлъ бы я въ домѣ невѣсту видѣть, 184) потому что бѣдную вѣдь впослѣдствіи мужъ только презираетъ 185) и обходится съ неюб, какъ съ дѣвушкой, которая, какъ служанка, съ узломъ пришла. 186) Несправедливыми остаются мужья, времена любви проходятъ. 187) Да, мой Германъ, ты мою старость крайне обрадовалъ бы, 188) если бы мнѣ скоро въ домъ невѣсточку привелъ 189) отъ сосѣдей, изъ того дома зеленаго. 190) Богатъ, право, тотъ человѣкъ; его торговля и его фабрики 191) дѣлаютъ его ежедневно богаче; вѣдь гдѣ не наживаетъ купецъ? 192) Только три дочери тамъ; онѣ подѣлятъ однѣ состояніе. 193) Старшая уже просватана, я знаю это; но вторую, 194) какъ и третью, можно еще, и, можетъ-быть, не долго, получить. 195) Былъ бы я на твоемъ мѣстѣ, я до сихъ поръ не медлилъ бы, 196) одну изъ дѣвушекъ себѣ взялъ бы такъ, какъ я матушку унесъ".

197) Тогда возразилъ сынъ скромно настойчивому отцу: 198) „Дѣйствительно, мое желаніе было тоже, какъ и Ваше, одну изъ дочерей 199) нашего сосѣда избрать. Мы вмѣстѣ воспитаны, 200) играли у колодца на площади въ прежнія времена, 201) и я ихъ часто отъ озорства мальчиковъ защищалъ. 202) Но это давно уже прошло; остаются выросшія дѣвушки 203) наконецъ, какъ и подобаетъ, дома и избѣгаютъ рѣзвыхъ игръ. 204) Благовоспитанны онѣ, конечно! Я ходилъ даже по временамъ 205) еще по старому знакомству, какъ Вы этого желали, напротивъ; 206) но я не могъ никогда въ ихъ обществѣ веселиться. 207) Вѣдь онѣ осуждали постоянно во мнѣ, что я долженъ былъ выносить: 208) слишкомъ длиненъ былъ мой сюртукъ, слишкомъ грубо сукно и цвѣтъ 209) слишкомъ обыченъ, и волосы нехорошо подстрижены и не завиты. 210) Наконецъ я задумалъ тоже нарядиться, какъ тѣ 211) купчихи, что постоянно въ воскресенье тамъ показываются, 212) и на которыхъ лѣтомъ полушелковыя тряпочки мотаются; 213) но еще довольно рано замѣтилъ я, что онѣ надо мной всегда потѣшались; 214) и это было мнѣ обидно, моя гордость была оскорблена; но еще болѣе 215) обижало меня то глубоко, что такъ онѣ доброе расположеніе не признавали, 216) которое я къ нимъ питалъ, особенно къ Миночкѣ, младшей. 217) Вѣдь такъ пошелъ я напротивъ въ послѣдній разъ на Пасхѣ, 218) новый сюртукъ, который теперь только наверху въ шкапу виситъ, 219) надѣлъ и былъ причесанъ, какъ прочіе молодые люди. 220) Когда я вошелъ, захихикали онѣ; но отнесъ я это не къ себѣ. 221) Миночка сидѣла за клавикордами; былъ отецъ при этомъ, 222) слушалъ пѣніе дочекъ и былъ восхищенъ и въ духѣ. 223) Многаго не понималъ я, что въ пѣсняхъ говорилось: 224) но я слышалъ много о Паминѣ, много о Тамино, 225) и не хотѣлъ вѣдь тоже нѣмымъ быть. Какъ только она кончила, 226) спросилъ я о текстѣ и объ обоихъ лицахъ. 227) Всѣ молчали на это и улыбались; а отецъ 228) сказалъ: „Не правда ли, мой другъ, Вы знаете только Адама и Еву?" 229) Никто не удержался тогда, и громко захохотали дѣвушки, 230) захохотали мальчики, схватился за животъ старикъ. 231) Уронилъ я шляпу отъ смущенія, а хохотъ 232) продолжался дальше и дальше, сколько онѣ ни пѣли и играли. 233) И я поспѣшилъ со стыдомъ и досадой

опять домой. 234) повѣсилъ сюр кь въ шкапъ и растрепалъ волосы 235) пальцами, и поклялся не переступать больше порога. 236) И я былъ, конечно, правъ; вѣдь тщеславны онѣ и безсердечны, 237) и я слышу, еще зовутъ меня у нихъ все Тамино". 238) Тогда возразила мать: „Ты не долженъ бы, Германъ, такъ долго 239) на дѣтей сердиться; вѣдь дѣти они даже всѣ вмѣстѣ. 240) Миночка, право, добра и была къ тебѣ всегда расположена; 241) недавно спрашивала она еще про тебя. Ее бы тебѣ выбрать!"

242) Тогда возразилъ задумчиво сынъ: „Я не знаю, запала 243) та досада такъ глубоко во мнѣ; я не хотѣлъ бы, право, 244) за клавикордами ихъ больше видѣть и ихъ пѣсенки слушать".

245) Но отецъ вспылилъ и сказалъ гнѣвныя слова: 246) „Мало радости наживу я въ тебѣ! Я говорилъ это вѣдь всегда, 247) когда ты къ лошадямъ лишь охоту только выказывалъ и къ полю; 248) что работникъ уже исполняетъ у зажиточнаго человѣка, 249) то дѣлаешь ты; между тѣмъ долженъ отецъ сына лишиться, 250) который ему къ чести вѣдь и передъ другими гражданами показывался бы. 251) И такъ обманывала меня раньше пустою надеждою мать, 252) когда въ школѣ чтеніе, письмо и ученіе тебѣ никогда, 253) какъ другимъ, не удавалось, и ты всегда послѣднимъ сидѣлъ. 254) Конечно, это происходитъ потому, что честолюбіе въ груди 255) юноши не живетъ, и когда онъ возвыситься не хочетъ. 256) Если бы мой отецъ заботился обо мнѣ такъ, какъ я для тебя дѣлалъ, 257) меня въ школу посылалъ бы и мнѣ учителей держалъ бы, 258) вѣдь я былъ бы чѣмъ-нибудь другимъ, а не хозяиномъ „Золотого Льва".

259) А сынъ всталъ и приблизился молча къ двери, 260) медленно и безъ шума; но отецъ, раздраженный, 261) воскликнулъ вслѣдъ ему: „Такъ ступай лишь! Я знаю упрямца! 262) Иди и веди впредь хозяйство, чтобы я не бранился; 263) но не думай только, что тебѣ придется деревенскую дѣвку 264) когда-нибудь привести мнѣ въ домъ невѣсткой, мужичку! 265) Долго я прожилъ и умѣю съ людьми поступать, 266) умѣю угощать господъ и дамъ, чтобы они довольными 267) отъ меня уходили; умѣю иностранцамъ пріятно польстить. 268) Но такъ должна со мной вѣдь и невѣсточка наконецъ 269) обходиться и такимъ образомъ меня за много трудовъ услаждать; 270) играть должна она мнѣ тоже на клавикордахъ; должны прекраснѣйшіе, 271) лучшіе люди города съ удовольствіемъ собираться, 272) какъ это по воскресеньямъ происходитъ въ домѣ сосѣда". 277) Тогда надавилъ тихо сынъ ручку, и такъ оставилъ онъ комнату.

Курсъ французскаго языка.

(*Продолженіе*).

Les miserables

Par Victor Hugo.

Ceci se passait en 1795. Jean Valjean fut traduit devant les tribunaux du temps «pour vol avec effraction, la nuit, dans une maison habitée». Jean Valjean fut condamné (*da-né*) à cinq ans de galères.

Il paraissait ne rien comprendre à sa position, sinon qu'elle était horrible. Il pleurait, les larmes l'étouffaient, elles l'empêchaient de parler, il parvenait seulement à dire de temps en temps: *J'étais émondeur à Faverolles*. Puis, tout en sanglotant, il élevait sa main droite et l'abaissait graduellement sept fois comme s'il touchait successivement sept têtes inégales, et à ce geste on devinait que la chose quelconque qu'il avait faite, il l'avait faite pour vêtir et nourrir sept petits enfants.

Il partit pour Toulon. Il y arriva après un voyage de vingt-sept jours, sur une charrette, la chaîne au cou. A Toulon, il fut revêtu de la casaque rouge. Tous s'effaça de ce qui avait été sa vie, jusqu'à son nom; il ne fut même plus Jean Valjean; il fut le numéro 24601.

Vers la fin de cette quatrième année, le tour d'évasion de Jean Valjean arriva. Ses camarades l'aidèrent comme cela se fait dans ce triste lieu. Il s'évada. Il erra deuxe jours en liberté dans les champs; si c'est être libre que d'être traqué; de tourner la tête à chaque instant; de tressaillir au moindre bruit; d'avoir peur de tout, du tout dni fume de l'homme qui passe, du chien qui aboie, du cheval qui galope, de l'heure qui sonne, du jour parce qu'on voit, de la nuit parce qu'on ne voit pas, de la route, du sontier, du buisson, du sommeil. Le soir du second jour, il fut repris. Il n'avait ni mangé ni dormi depuis trente-six heures. Le tribunal maritime le condamna pour ce délit à une prolongation de trois ans, ce qui lui fit huit ans. La sixième année, ce fut encore son tour de s'évader; il en usa, mais il ne put consommer sa fuite. Il avait manqué à l'appel. On tira le coup de ca..n, et à la nuit les gens de ronde le trouvèrent caché sous l quille d'un vaisseau en construction; il résista aux gardes-chiourme qui le saisirent. Évasion et rébellion. Ce fait, prévu par le code spécial, fut puni d'une aggravation de cinq ans, dont deux ans de double chaîne. Treize ans. La dixième année, son tour revint, il en profita encore. Il ne réussit pas mieux. Trois ans pour cette nouvelle tentative. Seize ans. Enfin, ce fut, je crois, pendant la treizième année qu'il essaya une dernière fois et ne réussit qu'à se faire reprendre après quatre heures d'absen e. Trois ans pour ces quatre heures. Dix-neuf ans. En octobre 1815, il fut libére; il était entré là en 1796 pour avoir cassé un carreau et pris un pain.

Jean Valjean était entré au bagne sanglotant et frémissant; il en sortit impassible. Il y était entré désespéré; il en sortit sombre.

Donc (*donc*), comme deux heures du matin sonnaient à l'horloge de la cathédrale, Jean Valjean se réveilla. Ce qui le réveilla, c'est que le lit était trop bon. Il y avait vingt ans bientôt qu'il n'avait couché dans un lit, et, quoiqu'il ne se fût pas déshabillé, la

sensation était trop nouvelle pour ne pas troubler son sommeil. Il avait dormi plus de quatre heures. Sa fatigue était passée. Il était accoutumé à ne pas donner beaucoup d'heures au repos. Il ouvrit les yeux, et regarda un moment dans l'obscurité autour de lui, puis il les referma pour se rendormir.

Beaucoup de pensées lui venaient, mais il y en avait une qui se représentait continuellement et qui chassait toutes les autres. Cette pensée, nous allons la dire tout de suite:—Il avait remarqué les six couverts d'argent et la grande cuillère que madame Magloire avait posés sur la table. Ces six couverts d'argent l'obsédaient.—Ils étaient là.—A quelques pas.—A l'instant où il avait traversé la chambre d'à côté pour venir dans celle où il était, la vieille servante les mettait dans un petit placard à la tête du lit.—Il avait bien remarqué ce placard.—A droite, en entrant par la salle à manger.—Ils étaient massifs. — Et de vieille argenterie.—Avec la grande cuillère, on en tirerait au moins deux cents francs.—Le double de ce qu'il avait gagné en dix-neuf ans.

Son esprit oscilla (*o-si-la*) toute une grande heure dans des fluctuations auxquelles se mêlait bien quelque lutte. Trois heures sonnèrent. Il rouvrit les yeux, se dressa brusquement, étendit le bras et tâta son havresac qu'il avait jeté dans le coin de l'alcôve, puis il laissa pendre ses jambes et poser ses pieds à terre, et se trouva, presque sans savoir comment, assis sur son lit.

Il resta un certain temps rêveur dans cette attitude qui eût eu quelque chose de sinistre pour quelqu'un qui l'eût aperçu ainsi dans cette ombre, seul éveillé dans la maison endormie. Tout à coup il se baissa, ôta ses souliers et les posa doucement sur la natte près du lit, puis il reprit sa posture de rêverie et redevint immobile.

Il demeurait dans cette situation, et y fût peut-être resté indéfiniment jusqu'au lever du jour, si l'horloge n'eût sonné un coup,—le quart ou la demie. Il sembla que ce coup lui eût dit: Allons! Il se leva debout, hésita encore un moment, et écouta; tout se taisait dans la maison; alors il marcha droit et à petits pas vers la fenêtre qu'il entrevoyait.

Arrivé à la fenêtre, Jean Valjean l'examina. Elle était sans barreaux, donnait sur le jardin et n'était fermée, selon la mode du pays, que d'une petite clavette. Il l'ouvrit, mais comme un air froid et vif entra brusquement dans la chambre, il la referma tout de suite. Il regarda le jardin de ce regard, attentif qui étudie plus qu'il ne regarde. Le jardin était enclos d'un mur blanc assez bas, facile à escalader. Au fond, au delà, il distingua des têtes d'arbres également espacées, ce qui indiquait que ce mur séparait le jardin d'une avenue ou d'une ruelle plantée.

Ce coup d'oeil jeté, il fit le mouvement d'un homme déterminé, marcha à son alcôve, prit son havresac, l'ouvrit, le fouilla, en tira quelque chose qu'il posa sur le lit, mit ses souliers dans une de ses poches, referma le tout, chargea le sac sur ses épaules, se couvrit de sa casquette dont il baissa la visière sur ses yeux, chercha son bâton en tâtonnant, et l'alla poser dans l'angle de la fenêtre, puis revint au lit et saisit résolument l'objet qu'il y avait déposé. Cela ressemblait à une barre de fer courte, aiguisée (*è-gui-zé*) comme un épieu à l'une de ses extrémités.

Retenant son haleine, assourdissant son pas, il se dirigea vers la porte de la chambre voisine, celle de l'évêque, comme on sait. Arrivé à cette porte, il la trouve entre-bâillée. L'évêque ne l'avait point fermée.

Jean Valjean écouta. Aucun bruit. Il poussa la porte. Il la poussa du bout du doigt, légèrement, avec cette douceur furtive et inquiète d'un chat qui veut entrer. La porte céda à la pression et fit un mouvement imperceptible et silencieux qui élargit un peu l'ouverture. Il attendit un moment, puis poussa la porte une seconde fois, plus hardiment. Elle continua de céder en silence. L'ouverture était assez grande maintenant pour qu'il pût passer. Mais il y avait près de la porte une petite table qui faisait avec elle un angle gênant et qui barrait l'entrée.

Jean Valjean reconnut la difficulté. Il fallait à toute force que l'ouverture fût encore élargie. Il prit son parti, et poussa une troisième fois la porte, plus énergiquement que les deux premières. Cette fois il y eut un gond mal huilé qui jeta tout à coup dans cette obscurité un cri rauque et prolongé.

Jean Valjean tressaillit.

Il s'arrêta, frissonnant, éperdu, et retomba de la pointe du pied sur le talon. Il

entendit ses artères battre dans ses tempes comme deux marteaux de forge, et il lui semblait que son souffle sortait de sa poitrine avec le bruit du vent qui sort d'une caverne. Il lui paraissait impossible que l'horrible clameur de ce gond irrité n'eût pas ébranlé toute la maison comme une secousse de tremblement de terre; la porte, poussée par lui, avait pris l'alarme et avait appelé; le vieillard allait se lever, les deux vieilles femmes allaient crier, on viendrait à l'aide; avant un quart d'heure, la ville serait en rumeur et la gendarmerie sur pied. Un moment il se crut perdu.

Il demeura où il était, pétrifié, n'osant faire un mouvement. Quelques minutes s'écoulèrent. La porte s'était ouverte toute grande. Il se hasarda à regarder dans la chambre. Rien n'y avait bougé. Il prêta l'oreille. Rien ne remuait dans la maison. Le bruit du gond rouillé n'avait éveillé personne. Ce premier danger était passé, mais il y avait encore en lui un affreux tumulte. Il ne recula pas pourtant. Même quand il s'était cru perdu, il n'avait pas reculé. Il ne songea plus qu'à finir vite. Il fit un pas et entra dans la chambre.

Cette chambre était dans un calme parfait. On y distinguait çà et là des formes confuses et vagues qui, au jour, étaient des papiers épars sur une table, des in-folio ouverts, des volumes empilés sur un tabouret, un fauteuil chargé de vêtements, un prie-Dieu, et qui à cette heure n'étaient plus que des coins ténébreux et des places blanchâtres. Jean Valjean avança avec précaution en évitant de se heurter aux meubles. Il entendait au fond de la chambre la respiration égale et tranquille de l'évêque endormi. Il s'arrêta tout à coup. Il était près du lit. Il y était arrivé plus tôt qu'il n'aurait cru.

La nature même quelquefois ses effets et ses spectacles à nos actions avec une espèce d'à-propos sombre et intelligent, comme si elle voulait nous faire réfléchir. Depuis près d'une demi-heure un grand nuage couvrait le ciel. Au moment où Jean Valjean s'arrêta en face du lit, ce nuage se déchira, comme s'il l'eût fait exprès, et un rayon de lune, traversant la longue fenêtre, vint éclairer subitement le visage pâle de l'évêque. Il dormait paisiblement. Il était presque vêtu dans son lit, à cause des nuits froides des Basses-Alpes, d'un vêtement de laine brune qui lui couvrait les bras jusqu'aux poignets. Sa tête était renversée sur l'oreiller dans l'attitude abandonnée du repos; il laissait pendre hors du lit sa main ornée de l'anneau pastoral, et d'où étaient tombées tant de bonnes oeuvres et tant de saintes actions. Toute sa face s'illuminait d'une vague expression de satisfaction, d'espérance et de béatitude. L'âme des justes pendant le sommeil contemple un ciel mystérieux.

Cette lune dans le ciel, cette nature assoupie, ce jardin sans un frisson, cette maison si calme, l'heure, le moment, le silence, ajoutaient je ne sais quoi de solennel et d'indicible au vénérable repos de cet homme, et enveloppaient d'une sorte d'auréole majestueuse et serein ces cheveux blancs et ces yeux fermés, cette figure où tout était espérance et où tout était confiance, cette tête de vieillard et ce sommeil d'enfant.

Jean Valjean, lui, était dans l'ombre, debout, immobile. Jemais il n'avait rien vu de pareil. Cette confiance l'épouvantait. Le monde moral n'a pas de plus grand spectacle que celui-là: une conscience troublée et inquiète, parvenue au bord d'une mauvaise action, et contemplant le sommeil d'un juste.

Son oeil ne se dètachait pas du vieillard. La seule chose qui se dégageât clairement dans son attitude et de sa physiomomie, c'était une étrange indécision. On eût dit qu'il hèsitait entre les deux abîmes, celui où l'on se perd et celui oû l'on se sauve. Il semblait prêt à briser ce crâne ou à baiser cette main.

Au bout de quelques instants, son bras gauche se leva lentement vers son front, et il ôta sa casquette, puis son bras retomba avec la même lenteur, et Jean Valjean rentra dans sa contemplation, sa casquette dens la main gauche, sa massue dans la main droite, ses cheveux hérissés sur sa tête farouche.

L'évêque continuait de dormir dans une paix profonde sous ce regard effrayant. Un reflet de lune faisait confusément visible audessus de la cheminée le crucifix (-*fi*) qui semblait leur ouvrir les bras à tous les deux, avec une bénédiction pour l'un et un pardon pour l'autre.

Tour à coup Jean Valjean remit sa casquette sur son front, puis marcha rapidement le long du lit, sans regarder l'évêque, droit au placard qu'il entrevoyait près du chevet; la clé y était; il l'ouvrit; la première chose qui lui apparut fut le panier d'argenterie; il le prit, traversa la chambre à grands pas, sans précaution et sans s'occuper

du bruit, gagna la porte, rentra dans l'oratoire, ouvrit la fenêtre, saisit son bâton, enjamba l'appui du rez-de-chaussée, mit l'argenterie dans son sac, jeta la panier, franchit le jardin, sauta par-dessus le mur comme un tigre, et s'enfuit.

Le lendemain matin quand l'évêque se promenait au jardin Madame Magloire, très effrayée, vint lui dire, qu'on a volé l'argenterie et que c'est probablement leur hôte qui l'a prise. L'évêque accueillit cette nouvelle avec un grand calme; il dit à la vieille servante que cette argenterie appartenait aux pauvres et comme Jean Valjean est de leur nombre il ne faut pas se chagriner par rapport la de la perte.

Comme le frère et la soeur allaient se lever de table on frappa à la porte. «Entrez», dit l'évêque. La porte s'ouvrit. Un groupe étrange et violent apparut sur le seuil. Trois hommes en tenaient un quatrième au collet. Les trois hommes étaient des gendarmes; l'autre était Jean Valjean. Un brigadier de gendarmerie, qui semblait conduire le group, était près de la porte. Il entra et s'avança vers l'évêque en faisant le salut mititaire. «Monseigneur...», dit-il. A ce mot, Jean Valjean, qui était morne et semblait abattu, releva la tête d'un air stupéfait. «Monseigneur! murmura-t-il. Ce n'est donc pas le curé...—Silence! dit un gendarme. C'est monseigneur l'évêque».

Cependant monseigneur Bienvenu s'était approché aussi vivement que son grand âge le lui permettait. «Ah! vous voilà! s'écria-t-il en regardant Jean Valjean. Je suis aise de vous voir. Eh bien, mais! je vous avais donné les chandeliers aussi, qui sont en argent comme le reste et dont vous pourrez bien avoir deux cents francs. Pourquoi ne les avez-vous pas emportés avec vos couverts?»

Jean Valjean ouvrit les yeus et regarda le vénérable évêque avec une expression qu'aucune langue humaine ne pourrait rendre.

«Monseigneur, dit le brigadier de gendarmerie, ce que cet homme disait était donc vrai? Nous l'avons rencontré... Il allait comme quel qu'un qui s'en va. Nous l'avons arrêté pour voir. Il avait cette argenterie...—Et il vous a dit, interrompit l'évêque en souriant, qu'elle lui avait été donnée par un vieux bonhomme de prêtre chez lequel il avait passé la nuit? Je vois la chose. Et vous l'avez ramené ici? C'est une méprise.—Comme cela, reprit le brigadier, nous pouvons le laisser aller?—Sans doute», répondit l'évêque.

Les gendarmes lâchèrent Jean Valjean, qui recula. «Est-ce que c'est vrai qu'on me laisse?» dit-il d'une voix presque inarticulée et comme s'il parlait dans le sommeil. «Oui, on te laisse, tu n'entends donc pas? dit un gendarme.—Mon ami, reprit l'évêque, avant de vous en aller, voici vos chandeliers. Prenez-les».

Il alla à la cheminée , prit les deux flambeaux d'argent et les apporta à Jean Valjean. Les deux femmes le regardaient faire sans un mot, sans un geste, sans un regard qui pût déranger l'évêque. Jean Valjean tremblait de tous ses membres. Il prit les deux chandeliers manchinalement et d'un air égaré.

«Maintenant, dit l'évêque, allez en paix.—A propos, quand vous reviendrez, mon ami, il est inutile de passer par le jardin. Vous pourrez toujours entrer et sortir par la porte de la rue. Elle n est fermée qu'au loquet jour et nuit.» Puis se tournant vers la gendarmerie: «Messieurs, vous pouvez vous retirer». Les gendarmes s'éloignèrent.

Jean Valjean était comme un homme qui va s'évanouir. L'évêque s'approcha de lui, et lui dit à voix basse: «N'oubliez pas, n'oubliez jamais que vous m'avez promis d'employer cet argent à devenir honnête homme».

Jean Valjean, qui n'avait aucun souvenir d'avoir rien promis, resta interdit. L'évêque avait appuyé sur ces paroles en les prononçant. Il reprit avec solennité (*-la-ni-té*): «Jean Valjean, mon frère, vous n'appartenez plus au mal, mais au bien. C'est votre âme que je vo s achète; je la retire aux pensées noires et à l'esprit de perdition, et je la donne à Dieu».

Слова.

La devanture—витрина
grillé (e)—рѣшетчатый, ая
vitié (e)—стеклянный, ая
la boutique—лавка
en hâte—торопливо
à toutes jambes—со всѣхъ ногъ
ensanglanté (e)—окровавленный, ая
être traduit—быть позваннымъ въ судъ
sinon—кромѣ того, что иначе
graduellement—малу-по-малу, послѣдовательно
successivement — постепенно, послѣдовательно
vêtir—одѣвать

la chariette—тележка
s'effacer—стираться
l'évasion—побѣгъ, бѣгство
être traquer—быть затравленнымъ
le sentier—тропинка
maritime—морской, ая
le délit—проступокъ
la prolongation—удлиненіе, продленіе
consommer—совершать
les gens de ronde—дозорные
la quille—киль
la rébellion—бунтъ, сопротивленіе
l'aggravation—увеличеніе
la tentative—попытка
le carreau—оконное стекло
impassible—равнодушный, безучастный
troubler—смущать
s'accoutumer—пріучаться, привыкнуть
se représenter — представлять себѣ, вновь появляться
obséder—безпокоить, докучать
osciller—касаться, колебаться
la fluction—колебаніе
la lutte—борьба
tâter—ощупывать
le havresac—ранецъ
une attitude—положеніе
éveillé (e)—бодрствующій, ая; живой, ая
la natte—цыновка
la posture—положеніе
entrevoir—неясно видѣть
hésiter—колебаться
se taire—молчать
la pleine lune—полная луна
la nuée—облако
le barreau—рѣшетка
la cravette—зацѣпка, закрѣпка (на окнѣ)
enclaver—заключать, окружать
escalader—перелѣзать
au delà—по ту сторону
espacer — разставлять (на извѣстномъ разстояніи)
indiquer—указывать
une avenue—аллея
fouiller—рыться, шарить
la visière—козырекъ
la barre—полоска, брусокъ
aiguiser—точить
l'epieu—рогатина
la haleine—дыханіе
assourdir—заглушать
entre-baillée—полуоткрытая (о двери)
furtif (ve)—осторожный, ая
la pression—давленіе
imperceptible—незамѣтный,
l'ouverture—отверстіе
céder—поддаваться, уступать
l'angle—уголъ
barrer—заграждать
à toute force—во что бы то ни стало
le gond — петельный крюкъ, петли (у двери)
huiler—намазывать масломъ намасливать
éperdu (e)—внѣ себя
le talon—каблукъ, пятка
l'artère—артерія. жила
la tempe—високъ
la forge—кузница
le marteau—молотокъ
la caverne—пещера
la clameur—крикъ
irrité (e)—раздраженный, ая
ebranler—потрясать
la secousse—толчекъ
l'alarme—тревога
en rumeur—въ волненіи
être petrifié (e)—окаменѣть
prêter l'oreille — навострить уши, прислушиваться
remuer—шевелить, двигать
rouillé (e)—заржавленный, ая
le tumulte—суматоха
reculer—отступать
l'éffet—дѣйствіе
se déchirer—разрываться
exprès—нарочно
subitement—внезапно
le poignet—запястье
renverser—опрокинуть, запрокинуть
l'oreiller—подушка
orné (e)—украшенный, ая
l'anneau—кольцо
pastoral—пасторскій
vague—смутный, ая
la béatitude—блаженство
confus (e)—неясный, ая; смутный, ая
épars (e)—разбросанный, ая
empiler—складывать въ кучу
le prie Dieu—налой для молитвы
blanchâtre—бѣлесоватый
se heurter—удариться, стукнуться
s'assoupir—засыпать, дремать
solennel (le)—торжественный, ая
indicible—невыразимый, ая
vénérable—почтенный, ая; достойный, ая
serein (e)—ясный, ая
se détacher—отрываться
se dégager—выдѣляться
l'indecision—нерѣшительность
l'abîme—пропасть, глубина
briser—разломать, разможжить
le crâne—черепъ
la contemplation—созерцаніе
la massue—дубина
hérisser—ощетиниться
farouche—дикій, ая
le reflet—отблескъ
le crucifix—распятіе
le long—вдоль
le chevet—изголовье
enjamber—перелѣзать
l'appuix (de fenêtre)—подоконникъ
le rez de chaussée—нижній этажъ
franchir—пройти, перешагнуть
par dessus—черезъ
violent (e)—свирѣпый, ая
tenir au collet—держать за шиворотъ
le brigadier—ефрейторъ
moine—угрюмый, ая
la méprise—недоразумѣніе
lacher—отпустить
inarticulé (e)—безсвязный
egoié (e)—заблудившійся, -шаяся
le loquet—защелка
se retirer—удаляться
s'évanouir—падать въ обморокъ
interdit (e)—изумленный, ая
appuyer—дѣлать удареніе
la solennité—торжественность
la perdition—гибель.

Ключъ къ курсу французскаго языка.

Отверженные.

(*Виктора Гюго*).

Это произошло въ 1795 году. Жанъ Вальжанъ предсталъ передъ временнымъ судомъ „за кражу со взломомъ, ночью, въ обитаемомъ зданіи". Жанъ Вальжанъ былъ приговоренъ къ 5 годамъ каторжныхъ работъ.

Онъ, казалось, ничего не понималъ въ своемъ положеніи, кромѣ того только, что оно ужасно. Онъ рыдалъ, онъ задыхался отъ слезъ, онѣ мѣшали ему говорить; ему удавалось только время отъ времени сказать: „я былъ подрѣзывальщикомъ деревьевъ въ Фаверолѣ". Потомъ, все рыдая, онъ поднималъ свою правую руку и опускалъ ее постепенно семь разъ, какъ будто онъ послѣдовательно притрагивался къ семи неравнымъ головкамъ и по этому жесту угадывали, что то, что онъ сдѣлалъ было сдѣлано для того, чтобы одѣть и накормить семерыхъ маленькихъ дѣтей.

Онъ уѣхалъ въ Тулонъ. Онъ прибылъ туда послѣ двадцати семи-дневнаго путешествія на двухколесной телѣжкѣ, съ цѣпью на шеѣ. Въ Тулонѣ онъ былъ переодѣтъ въ красный кафтанъ.

Все стерлось, что было его жизнью до тѣхъ поръ, вплоть до имени; онъ не былъ больше Жанъ Вальжанъ, а былъ № 24601.

Къ концу четвертаго года пришла очередь побѣга для Жана Вальжана. Его товарищи помогли ему, какъ это дѣлается въ этомъ печальномъ мѣстѣ. Онъ бѣжалъ. Онъ два дня бродилъ на свободѣ по полямъ; если это значитъ быть свободнымъ, затравленнымъ, поворачивать голову каждую минуту, дрожать при малѣйшемъ шумѣ, бояться всего: дымящейся кровли, проходящаго человѣка, лающей собаки, скачущей лошади, бьющихъ часовъ; дня—потому что видно, ночи—потому что не видно дороги, тропинки, кустарника, села.

Вечеромъ слѣдующаго дня его поймали. Онъ не ѣлъ, не спалъ 36 часовъ. Морской судъ приговорилъ его за этотъ проступокъ къ удлиненію наказанія на три года, что составило 8 лѣтъ. На шестой годъ опять пришла его очередь бѣжать, онъ ею воспользовался, но не могъ выполнить побѣга. Онъ недоставалъ при перекличкѣ. Выстрѣлили изъ пушки, и ночью дозорные нашли его спрятаннымъ подъ килемъ строющагося корабля; онъ оказалъ сопротивленіе сторожамъ—каторжникамъ, которые его схватили. Побѣгъ и бунтъ. Это дѣйствіе, предусмотрѣнное спеціальнымъ кодексомъ, было наказано увеличеніемъ наказанія на пять лѣтъ, изъ которыхъ 2 прошли съ двойной цѣпью. 13 лѣтъ. Во второй годъ его чередъ опять наступилъ, онъ воспользовался имъ еще разъ; но ему не больше удалось. Три года за эту новую попытку. 16 лѣтъ! Наконецъ, это случилось, мнѣ кажется, въ теченіе 13-го года, что онъ попробовалъ въ послѣдній разъ и достигъ только того, что его поймали послѣ 4 часовъ отсутствія. Три года за эти четыре часа. 19 лѣтъ. Въ октябрѣ 1815 онъ былъ освобожденъ, вошелъ онъ (въ тюрьму) туда въ 1796 за то, что разбилъ оконное стекло и взялъ хлѣбъ.

Жанъ Вальжанъ пришелъ на каторгу рыдающій и дрожащій, а вышелъ оттуда равнодушнымъ. Онъ вошелъ туда отчаивающимся, а вышелъ мрачнымъ.

Итакъ, когда на соборныхъ часахъ пробило два часа ночи, Жанъ Вальжанъ проснулся. Разбудило его то, что постель была слишкомъ хороша. Уже прошло почти двадцать лѣтъ, какъ онъ не спалъ въ кровати, и хотя онъ не раздѣлся, ощущеніе было слишкомъ новымъ, чтобы не нарушить его сна. Онъ проспалъ болѣе четырехъ часовъ. Его усталость прошла. Онъ не привыкъ отдавать отдыху много времени. Онъ открылъ глаза, съ минуту смотрѣлъ въ темноту, вокругъ себя, потомъ опять ихъ закрылъ, чтобы снова заснуть. Онъ не могъ заснуть и сталъ думать. У него былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда мысли въ головѣ смутны. Много мыслей приходило ему (въ голову), но была одна, которая безпрерывно появлялась и прогоняла всѣ остальныя. Эту мысль мы сейчасъ скажемъ: онъ замѣтилъ 6 серебряныхъ приборовъ и большую ложку, которую госпожа Маглуаръ положила на столъ. Эти шесть серебряныхъ приборовъ безпокоили его. Они были здѣсь... Въ нѣсколькихъ шагахъ.—Въ тотъ моментъ, когда онъ проходилъ черезъ сосѣднюю комнату, чтобы притти въ эту, гдѣ онъ былъ, старая служанка клала ихъ въ маленькій стѣнной шкафикъ, въ изголовіи кровати. Онъ хорошо замѣтилъ этотъ стѣнной шкафикъ. Справа, если войти изъ

столовой... Они были массивны. И с ?раго серебра. Съ большой ложкой можно было заполучить, по меньшей мѣрѣ 200 франковъ... Вдвое больше того, что онъ заработалъ въ 19 лѣтъ. Въ его душѣ цѣлый часъ происходили колебанія, и къ колебаніямъ этимъ примѣшивалась нѣкоторая борьба. Пробило три часа. Онъ снова открылъ глаза, порывисто выпрямился, протянулъ руку, ощупалъ свой ранецъ, который онъ бросилъ въ уголъ алькова, потомъ спустилъ свои ноги на землю и очутился, почти не зная какъ, сидящимъ на постели. Мечтая, пробылъ нѣкоторое время, въ этомъ положеніи, въ которомъ было что-то зловѣщее для того, кто-бы замѣтилъ эту тѣнь, одиноко бодрствующую въ спящемъ домѣ. Вдругъ онъ нагнулся, снялъ свои башмаки, поставилъ ихъ тихонько на цыновку у кровати, потомъ снова впалъ въ мечтательное состояніе и сдѣлался неподвижнымъ.

Онъ оставался въ этомъ положеніи и, быть можетъ, остался-бы неопредѣленное время—до прихода дня, если-бы часы не пробили четверти или получаса. Казалось, что этотъ ударъ ему сказалъ, ну! Онъ всталъ, еще моментъ колебался, прислушался; все молчало въ домѣ; тогда онъ маленькими шагами прямо пошелъ къ окну, которое онъ смутно видѣлъ. Ночь не была очень темной, была полная луна, по которой бѣгали широкія облака, гонимыя вѣтромъ. Придя къ окну, Жанъ Вальжанъ осмотрѣлъ его. Оно было безъ рѣшетки, выходило въ садъ и было закрыто, по мѣстному обычаю, только маленькой закрѣпкой. Онъ его открылъ, но такъ какъ въ комнату быстро вошелъ холодный рѣзкій воздухъ, то онъ его тотчасъ-же закрылъ. Онъ посмотрѣлъ на садъ тѣмъ внимательнымъ взглядомъ, который больше изучаетъ, чѣмъ смотритъ. Садъ былъ окруженъ довольно низкой бѣлой стѣной черезъ которую легко было перелѣзть. Въ глубинѣ, по ту сторону онъ различилъ находящимися на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга верхушки деревьевъ, что указывало на то, что стѣна отдѣляетъ садъ отъ аллеи или обсаженной улички.

Бросивъ этотъ взглядъ, онъ сдѣлалъ движеніе рѣшившагося человѣка, пошелъ къ алькову, взялъ свой ранецъ, открылъ его, порылся, вынулъ оттуда что-то, что положилъ на кровать, положилъ свои башмаки въ одинъ изъ своихъ кармановъ, закрылъ все, переложилъ мѣшокъ съ одного плеча на другое, покрылся фуражкой, козырекъ которой опустилъ на глаза, сталъ ощупью искать свою палку и поставилъ ее въ уголъ окна, потомъ вернулся къ кровати и рѣшительно схватилъ предметъ, который раньше туда положилъ. Этотъ предметъ походилъ на короткую желѣзную полоску, на одномъ изъ краевъ отточенную какъ рогатина.

Удерживая свое дыханіе, стараясь заглушить свои шаги, онъ направился къ двери сосѣдней комнаты, комнаты епископа, какъ мы уже знаемъ. Придя къ этой двери, онъ ее нашелъ полуоткрытой. Епископъ не закрылъ ея.

Жанъ Вальжанъ прислушался. Никакого шума. Онъ толкнулъ дверь. Онъ толкнулъ ее тихонько концомъ пальца съ осторожной и безпокойной мягкостью, какъ кошка, которая хочетъ войти. Дверь поддалась давленію и сдѣлала незамѣтное и молчаливое движеніе, немного расширившее ея отверстіе.

Онъ обождалъ минуту, потомъ толкнулъ во второй разъ дверь болѣе смѣло. Она продолжала тихо поддаваться. Отверстіе было теперь достаточно велико, чтобы онъ могъ пройти. Но у двери былъ маленькій столикъ, который образовывалъ вмѣстѣ съ ней стѣсняющій уголъ, преграждающій входъ. Жанъ Вальжанъ понялъ затрудненіе. Нужно было во чтобы то ни стало еще расширить отверстіе. Онъ рѣшился и толкнулъ дверь въ третій разъ болѣе энергично, чѣмъ въ два первые. На этотъ разъ, дверныя петли, плохо смазанныя, вдругъ бросили въ темноту продолжительный, хриплый крикъ. Жанъ Вальжанъ задрожалъ. Онъ притаился, дрожа, внѣ себя, переступая съ кончиковъ пальцевъ на пятки. Онъ слышалъ, какъ жилы въ его вискахъ стучали, какъ два кузнечныхъ молотка, и ему казалось, что дыханіе выходитъ изъ его груди съ шумомъ вѣтра, вырывающагося изъ пещеры. Ему казалось невозможнымъ, чтобы ужасный крикъ раздраженныхъ петель не потрясъ всего дома, точно толчокъ при землетрясеніи; открытая имъ дверь не испугалась и не позвала (на помощь); старикъ сейчасъ встанетъ, обѣ старыя женщины закричатъ, прибѣгутъ къ нимъ на помощь; и меньше чѣмъ черезъ четверть часа городъ будетъ въ волненіи, жандармы на ногахъ. Одну минуту онъ считалъ себя погибшимъ. Онъ стоялъ окаменѣлый, не смѣя сдѣлать движенія. Прошло нѣсколько минутъ. Дверь была открыта во всю ширину. Онъ отважился посмотрѣть въ комнату. Ничто тамъ не шевельнулось. Онъ навострилъ уши.

Въ домѣ ничто не двигалось. Скрипъ ржавыхъ петель никого не разбудилъ. Первая опасность прошла, но въ немъ была ужасная сумятица. Однако, онъ не отступилъ. Даже когда онъ считалъ себя погибшимъ, онъ не отступилъ. Онъ только думалъ о томъ, чтобы поскорѣй кончить. Онъ сдѣлалъ шагъ и вошелъ въ комнату.

Въ комнатѣ было полное спокойствіе. Различались здѣсь и тамъ смутныя, неясныя очертанія, которыя при дневномъ свѣтѣ были бумагами, раз-

бросанными по столу, открытыми фоліантами, сложенными въ кучку на табуретки томами, кресломъ, нагруженнымъ одеждой, налоемъ для молитвы, но которыя въ этотъ часъ были только мрачными углами и бѣлесоватыми мѣстами. Жанъ Вальжанъ осторожно двигался впередь, избѣгая стукнуться о мебель. Онъ слышалъ въ глубинѣ комнаты ровное и спокойное дыханіе спящаго епископа. Онъ вдругъ остановился. Онъ былъ у кровати. Онъ дошелъ до нея скорѣе, чѣмъ думалъ.

Природа примѣшиваетъ иногда свои эффекты и зрѣлища къ нашимъ поступкамъ съ извѣстной мрачной и умной умѣстностью, какъ если-бы она хотѣла заставить насъ призадуматься. Уже около получаса большое облако закрывало небо. Въ тотъ моментъ, когда Жанъ Вальжанъ остановился противъ кровати, это облако порвалось, какъ-бы нарочно, и лунный лучъ пройдя черезъ окно, внезапно освѣтилъ блѣдное лицо епископа. Онъ мирно спалъ. Вслѣдствіе холодныхъ ночей въ Нижнихъ-Альпахъ онъ лежалъ въ кровати почти одѣтый, въ коричневой шерстяной одеждѣ, которая закрывала ему руки до запястья. Голова его была запрокинута на подушку, въ спокойномъ положеніи отдыхающаго человѣка: онъ свѣсилъ съ кровати, украшенную пастырскимъ кольцомъ, руку, разсыпавшую столько добрыхъ дѣлъ, святыхъ поступковъ. Все его лицо было озарено смутнымъ выраженіемъ удовлетворенности, надежды и блаженства. Душа праведниковъ во время сна созерцаетъ таинственное небо. Эта луна на небѣ, эта дремлющая природа, этотъ садъ безъ малѣйшаго движенія, этотъ тихій домъ, часъ, минута, безмолвіе прибавляли что-то торжественное и невыразимое достойному отдыху этого человѣка и окутывали родомъ величественнаго и яснаго ореола эти сѣдые волосы, эти сомкнутые глаза, это лицо, гдѣ все было надежда и гдѣ все было довѣріе, эту голову старца, спящаго сномъ младенца...

Жанъ Вальжанъ стоялъ неподвижно въ тѣни. Никогда онъ не видѣлъ ничего подобнаго. Это довѣріе его ужасало. Нравственный міръ не знаетъ болѣе грандіознаго зрѣлища, чѣмъ это: встревоженная, безпокойная совѣсть, пришедшая къ дурному поступку, созерцающая сонъ праведника. Его глаза не могли оторваться отъ старца. Единственно, что ясно виднѣлось въ его позѣ и его лицѣ, была странная нерѣшительность. Можно было бы сказать, что онъ колебался между двумя бездонными глубинами—той, гдѣ погибаютъ, и той, гдѣ спасаются. Казалось, онъ былъ готовъ размозжить этотъ черепъ или поцѣловать эту руку.

Черезъ нѣсколько минутъ его лѣвая рука медленно поднялась ко лбу и онъ снялъ свою фуражку, потомъ съ той-же медленностью его рука опустилась, и онъ опять впалъ въ созерцаніе, съ фуражкой въ лѣвой рукѣ и дубиной въ правой, съ ощетинившимися волосами на его дикой головѣ. Епископъ продолжалъ спать въ глубокомъ спокойствіи подъ этимъ ужасающимъ взглядомъ. Отблескъ луны смутно дѣлалъ видимымъ распятіе надъ каминомъ, которое казалось открывало объятія обоимъ, съ благословеніемъ для одного, съ прощеніемъ для другого.

Вдругъ Жанъ Вальжанъ одѣлъ на лобъ фуражку, потомъ, не глядя на епископа, зашагалъ вдоль кровати, прямо къ стѣнному шкафику, который смутно видѣлъ у изголовья; ключъ былъ тамъ, онъ открылъ; и первая вещь, которую онъ увидѣлъ, была корзинка съ серебромъ, онъ ее взялъ, большими шагами прошелъ комнату, безъ предосторожности, не обращая вниманія на шумъ, достигъ двери, вошелъ въ каплицу, открылъ окно, схватилъ свою палку, перешагнулъ подоконникъ нижняго этажа, сунулъ серебро въ свой мѣшокъ, бросилъ корзинку, прошелъ черезъ садъ, перепрыгнулъ стѣну, какъ тигръ, и убѣжалъ.

Когда на слѣдующее утро епископъ гулялъ въ саду, испуганная госпожа Маглуаръ пришла ему сказать, что украли серебро и что это, вѣроятно ихъ гость взялъ его. Съ большимъ спокойствіемъ встрѣтилъ епископъ эту новость; онъ сказалъ старой служанкѣ, что серебро принадлежало бѣднымъ, и такъ какъ Жанъ Вальжанъ изъ ихъ числа, то не слѣдуетъ печалиться о потерѣ.

Когда братъ и сестра поднимались изъ-за стола, постучали въ дверь „Войдите“, сказалъ епископъ. Дверь открылась. Странная и дикая группа показалась на порогѣ. Три человѣка держали за шиворотъ четвертаго.

Три были жандармы, а четвертый Жанъ Вальжанъ. Жандармскій ефрейторъ, который, казалось, предводительствовалъ группой, былъ у двери. Онъ вошелъ, приблизился къ епископу, кланяясь по военному. „Ваше Преосвященство, сказалъ онъ. При этомъ словѣ, Жанъ Вальжанъ, который былъ угрюмъ и казался подавленнымъ, поднялъ голову съ изумленнымъ видомъ. „Его Преосвященство“... пробормоталъ онъ. „Это, значитъ, не священникъ“.— Тише, сказалъ жандармъ: Это его Преосвященство епископъ.—Между тѣмъ его Преосвященство Бьенвеню приблизился съ быстротой, какую только позволялъ его преклонный возрастъ. „А, вотъ и вы“, вскричалъ онъ, смотря на Жана Вальжана. Я очень радъ видѣть васъ. Но что-же это, вѣдь, я Вамъ

далъ также и подсвѣчники, которые тоже изъ серебра, какъ остальное и за которые вы навѣрное получите 200 франковъ. Почему-же вы ихъ не унесли вмѣстѣ съ приборами?"

Жанъ Вальжанъ открылъ глаза и посмотрѣлъ на почтеннаго епископа съ выраженіемъ, которое никакой человѣческій языкъ не могъ-бы передать.

„Ваше Преосвященство" сказалъ жандармскій ефрейторъ, значитъ, то, что сказалъ этотъ человѣкъ, вѣрно? Мы его встрѣтили. Онъ шелъ, какъ тотъ, кому нужно убѣжать. Мы его остановили, чтобы посмотрѣть. У него было это серебро...—И онъ вамъ сказалъ—прервалъ, улыбаясь епископъ,—что его ему далъ добрякъ старичокъ священникъ, у котораго онъ переночевалъ. Я понимаю. И вы привели его сюда? Это недоразумѣніе. „Итакъ, сказалъ жандармъ: мы можемъ его отпустить"?—Безъ сомнѣнія, отвѣтилъ епископъ.

Жандармы выпустили Жана Вальжана, который попятился. „Значитъ, правда, что меня отпускаютъ?", сказалъ онъ еле слышнымъ голосомъ, какъ если-бы говорилъ во снѣ.—Да, тебя отпускаютъ, развѣ ты не слышишь, сказалъ жандармъ. „Мой другъ, сказалъ епископъ; раньше чѣмъ вы уйдете, вотъ ваши подсвѣчники. Возьмите ихъ".

Онъ подошелъ къ камину, взялъ оба серебряныхъ подсвѣчника и принесъ ихъ Жану Вальжану. Обѣ женщины смотрѣли на него безъ словъ, безъ жеста, безъ взгляда, который могъ обезпокоить епископа. Жанъ Вальжанъ дрожалъ всѣми своими членами. Машинально съ растеряннымъ видомъ взялъ онъ оба подсвѣчника. „Теперь", сказалъ епископъ, идите съ миромъ. Кстати, когда вернетесь снова, мой другъ, безполезно проходить садомъ. Вы всегда можете входить и выходить черезъ уличную дверь. Она закрыта только на защелку днемъ и ночью". Потомъ, оборачиваясь къ жандармамъ: „Господа, вы можете итти". Жандармы удалились. Жанъ Вальжанъ чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, который сейчасъ упадетъ въ обморокъ. Епископъ приблизился къ нему и сказалъ ему тихимъ голосомъ: „Не забывайте, никогда не забывайте, что вы мнѣ обѣщали употребить эти деньги на то, чтобы сдѣлаться честнымъ человѣкомъ".

Жанъ Вальжанъ, который не помнилъ, обѣщалъ ли онъ что нибудь, оставался въ замѣшательствѣ. Епископъ произнесъ эти слова съ удареніемъ. Онъ торжественно продолжалъ. „Жанъ Вальжанъ, мой братъ, вы больше не принадлежите злу, а принадлежите добру. Это вашу душу я купилъ, я ее удаляю отъ черныхъ мыслей, отъ духа гибели и отдаю ее Богу".

Физика.

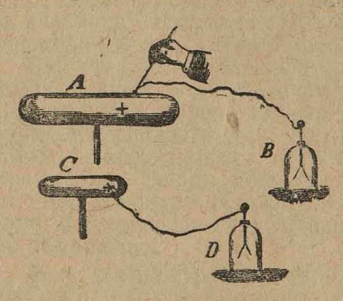
Электричество.

(Продолженіе).

II. Условія равновѣсія и движенія электричества на проводникахъ.

187. Понятіе о потенціалѣ.

Возьмемъ какой нибудь изолированный проводникъ; форма его можетъ быть произвольной, хотя бы цилиндрической (рис. 288-й), и зарядимъ положительнымъ электричествомъ. Электричество расположится на поверхности проводника „А“ неравномѣрно, такъ какъ на выпуклыхъ частяхъ плотность его будетъ больше. Изслѣдуемъ состояніе электричества на этомъ проводникѣ, соединивъ какую нибудь точку его тонкой проволокой съ *далеко-отстоящимъ* электроскопомъ „В“; электроскопъ зарядится, и листочки его разойдутся на нѣкоторый уголъ; если мы соединимъ другую точку проводника „А“ съ электроскопомъ „В“, то листочки послѣдняго разойдутся на тотъ же уголъ; дальнѣйшій опытъ приводитъ насъ къ тому выводу, что, *какую бы точку поверхности проводника А мы ни соединяли съ электроскопомъ, уголъ расхожденія листковъ будетъ неизмѣнно одинъ и тотъ же,* несмотря на то, что плотность электричества на поверхности этого проводника не одинакова во всѣхъ ея точкахъ. Если мы увеличимъ зарядъ проводника „А“, то уголъ расхожденія листковъ электроскопа измѣнится, и опять, пока зарядъ всего проводника будетъ неизмѣннымъ, уголъ ихъ расхожденія будетъ постояннымъ, съ какой бы точкой поверхности проводника ни соединялся электроскопъ.

Рис, 288.

Всѣ эти опыты производятся при томъ непремѣнномъ условіи, что проводникъ „А“ не только изолированъ, но и отдаленъ отъ другихъ проводниковъ, чтобы электрическое вліяніе на него было совершенно устранено. Подобно тому, какъ одинаковыя показанія термометра въ разныхъ точкахъ даннаго тѣла указываютъ на оди-

наковое тепловое состоянiе всѣхъ частей тѣла, такъ и одинаковость угла расхожденiя листковъ электроскопа показываетъ на одинаковость электрическаго состоянiя во всѣхъ точкахъ проводника; отсюда *степень электрическаго состоянiя проводника* называютъ *потенцiаломъ.* Выше мы уже убѣдились въ томъ, что *потенцiалъ проводника не измѣняется, пока не измѣняется его зарядъ*; съ увеличенiемъ заряда проводника его потенцiалъ увеличивается, на что указываетъ бóльшiй уголъ расхожденiя листковъ электроскопа, соединеннаго съ проводникомъ. Вообще о потенцiалѣ любого проводника судятъ по углу расхожденiя листковъ удаленнаго электроскопа; поэтому, если каждый изъ двухъ проводниковъ сообщаетъ листочкамъ одного и того же электроскопа одинаковое отклоненiе, то говорятъ, что эти проводники *заряжены до одинаковаго потенцiала,* при томъ, конечно, условiи, что оба они заряжены одноименнымъ электричествомъ. Ясно, что потенцiалъ проводника равенъ нулю, если по соединенiи его съ удаленнымъ электроскопомъ листочки послѣдняго совершенно не расходятся; поэтому *потенцiалъ земли и всякаго проводника, соединеннаго съ нею, считается равнымъ нулю. Потенцiалъ* проводника, заряженнаго положительнымъ электричествомъ, считается *положительнымъ,* а *потенцiалъ* проводника, наэлектризованнаго отрицательнымъ, считается *отрицательнымъ.*

Возьмемъ, какъ это изображено на рис. 288, еще одинъ проводникъ „C“, по размѣру меньшiй проводника „A“, и зарядимъ его положительнымъ электричествомъ до такого потенцiала, чтобы по соединенiи его съ электроскопомъ „D“ листочки послѣдняго разошлись на тотъ же уголъ, что и листочки электроскопа „B“; значитъ, потенцiалы обоихъ проводниковъ равны. Если теперь соединить проволокой оба проводника, то уголъ между листочками обоихъ электроскоповъ совершенно не измѣнится; отсюда ясно, что и общiй потенцiалъ обоихъ проводниковъ остается неизмѣннымъ; слѣдовательно, при соединенiи проводниковъ съ равными потенцiалами электричество съ одного проводника не переходитъ на другой, такъ какъ въ противномъ случаѣ зарядъ одного изъ проводниковъ увеличился бы, и вслѣдствiе этого произошло бы измѣненiе его потенцiала, на что указало бы измѣненiе угла между листочками соотвѣтствующаго электроскопа.

Зарядимъ далѣе проводникъ „C“ (рис. 288) такъ, чтобы листочки электроскопа „D“ разошлись на уголъ, большiй угла расхожденiя листочковъ электроскопа „B“; значитъ, потенцiалъ проводника „C“ будетъ больше (выше) потенцiала проводника „A“ Соединивъ затѣмъ тонкой проволокой оба проводника, мы замѣтимъ, что листочки электроскопа „D“ начнутъ спадаться, а электроскопа „B“ расходиться и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока углы расхожденiя листочковъ обоихъ электроскоповъ не станутъ равными, значитъ, потенцiалъ проводника „C“ понизился, а проводника „A“ повысился до нѣкотораго промежуточнаго потенцiала; это ясно указываетъ на то, что произошелъ переходъ электричества съ меньшаго проводника „C“ на большiй проводникъ

„А“, вслѣдствіе чего зарядъ перваго уменьшился, а второго увеличился.

Изъ приведенныхъ выше опытовъ вытекаютъ слѣдующіе законы:

Во-первыхъ, *переходъ электричества съ одного проводника на другой зависитъ не отъ величины проводниковъ и ихъ зарядовъ, а отъ разности потенціаловъ*; вотъ почему разность потенціаловъ двухъ проводниковъ называютъ *электродвижущею силой.*

Во-вторыхъ, *электричество переходитъ съ проводника съ высшимъ потенціаломъ на проводникъ съ низшимъ до тѣхъ поръ, пока проводники не достигнутъ одинаковаго потенціала, промежуточнаго между первоначальными.*

Значитъ, для того, чтобы опредѣлить, съ какого проводника будетъ переходить электричество, надо знать, какой изъ двухъ потенціаловъ больше, какой меньше. Ясно, что изъ двухъ *положительныхъ* потенціаловъ тотъ выше, который производитъ большее отклоненіе листочковъ удаленнаго электроскопа; изъ двухъ неодинаковыхъ *отрицательныхъ потенціаловъ*, наоборотъ, тотъ выше, который производитъ меньшее отклоненіе листочковъ удаленнаго электроскопа, подобно тому какъ отрицательная температура считается тѣмъ выше, чѣмъ меньше число градусовъ ($-5^0 > -12^0$ и т. д.); всякій положительный потенціалъ выше всякаго отрицательнаго; мало того и потенціалъ земли, то-есть нуль, и всякаго проводника, соединеннаго съ землею, выше всякаго отрицательнаго потенціала; въ этомъ, какъ мы видимъ, наблюдается полная аналогія (сходство) потенціала съ температурой, въ которой 0^0 больше всякаго отрицательнаго числа градусовъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ *измѣреніи* потенціала. Пространство, окружающее со всѣхъ сторонъ наэлектризованное тѣло, называется *электрическимъ полемъ*, такъ какъ въ немъ замѣтно дѣйствіе электрическихъ силъ (ср. съ магнитнымъ полемъ). Если помѣщать наэлектризованный маленькій шарикъ въ различныя точки электрическаго поля, образованнаго вокругъ проводника,

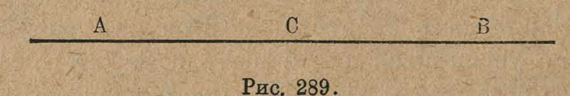

Рис. 289.

заряженнаго одноименнымъ съ шарикомъ электричествомъ, то онъ (то-есть шарикъ) будетъ отталкиваться отъ проводника съ неодинаковой силой; отсюда ясно, что сила, дѣйствующая между шарикомъ и проводникомъ, имѣетъ различную величину въ различныхъ точкахъ электрическаго поля.

Для того, чтобы измѣрять электрическое состояніе (потенціалъ) тѣла, надо, очевидно, избрать какое-либо дѣйствіе наэлектризованнаго тѣла и по степени напряженности этого дѣйствія судить о степени электризаціи (потенціаломъ) тѣла. Пусть, въ точкѣ «А» (рис. 289) находится положительно наэлектризованное тѣло и пусть въ точкѣ «В» электрическаго поля, образованнаго вокругъ этого тѣла, находится небольшое тѣло, заряженное положительно единицей электричества (см. § 183). Если мы перенесемъ это тѣло въ точку «С», то-есть приблизимъ къ первому тѣлу, въ электрическомъ полѣ котораго оно находится, то мы тѣмъ самымъ, очевидно, затратимъ нѣкоторую работу, такъ какъ преодолѣемъ отталкиваніе между обоими тѣлами. Энергія, затраченная на эту работу, превращается въ потенціальную электрическую энергію; дѣйстви-

тельно, если бы, перенеся тѣло, заряженное единицей электричества, въ точку «С», предоставить его самому себѣ, то оно стало бы двигаться обратно по направленію «СВ», такъ что его потенціальной электрической энергіей можно было бы воспользоваться для произведенія нѣкоторой работы.

Количество работы, необходимой для переноса единицы положительнаго электричества изъ безконечности къ поверхности даннаго наэлектризованнаго проводника, служитъ мѣрой электрическаго напряженія (потенціала) его.

За единицу потенціала принимается такой потенціалъ точки, при которомъ для переноса единицы положительнаго электричества изъ безконечности въ данную точку (электрическаго поля) требуется единица работы (1 эргъ).

188. Понятіе объ электроемкости.

Взявъ два изолированныхъ разной величины шара „А“ и „В“ (рис. 290), зарядимъ ихъ одноименнымъ электричествомъ, но такъ, чтобы потенціалы ихъ значительно разнились другъ отъ друга, о чемъ будемъ судить по угламъ расхожденія листочковъ электроскоповъ, соединенныхъ тонкой проволокой съ указанными проводниками. Изъ рисунка видно, что потенціалъ проводника „В“ больше потенціала проводника „А“; соединимъ теперь шаръ „А“ съ шаромъ „В“ тонкой проволокой; сейчасъ же начнется переходъ электричества съ проводника, имѣющаго высшій потенціалъ („В“), на проводникъ съ низшимъ потенціаломъ (А), въ результатѣ чего потенціалъ шара „А“ нѣсколько увеличится, а шара „В“ уменьшится; внимательно сравнивъ первоначальный потенціалъ каждаго изъ проводниковъ съ потенціаломъ, установившимся послѣ соединенія обоихъ проводниковъ, мы замѣтимъ, что въ то время, какъ потенціалъ проводника „А“ увеличится на очень незначительную величину (то есть уголъ расхожденія листочковъ электроскопа увеличится лишь немного), потенціалъ проводника „В“ уменьшится на довольно значительную величину. Съ другой стороны вполнѣ ясно, что количество электричества, прибавившееся къ первому проводнику („А“), равно количеству электричества, ушедшаго со второго проводника („В“); такимъ образомъ, мы видимъ, что *измѣненіе въ проводникахъ на равное количество электричества вызываетъ неравное измѣненіе потенціаловъ этихъ проводниковъ.*

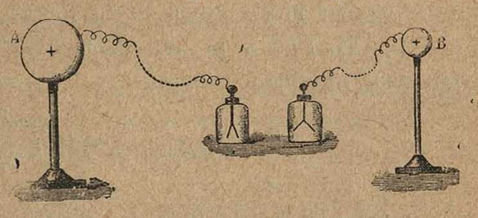

Рис. 290.

Если мы возьмемъ два проводника различной формы и произведемъ съ ними тотъ же опытъ, то онъ насъ приведетъ къ тому же выводу наконецъ, если мы возьмемъ два проводника разной величины, или разной формы, и зарядимъ ихъ до одинаковаго потенціала, а затѣмъ тому и другому сообщимъ еще по равному количеству электричества, то ихъ потенціалы увеличатся не на одинаковую величину; если же мы захотимъ увеличить ихъ потенціалы наравную величину, то надо будетъ сообщить имъ разныя коли-

чества электричества. Слѣдовательно, *чтобы повысить на одну и ту же величину потенціалы двухъ проводниковъ, отличающихся величиною или формою, имъ надо сообщить не одинаковыя количества электричества*; эта способность проводниковъ принимать большее или меньшее количество электричества для повышенія до одного и того же потенціала называется ихъ *электроемкостью*, подобно тому, какъ теплоемкостью тѣлъ называется то свойство ихъ, въ силу котораго для повышенія температуры двухъ различныхъ тѣлъ на одно и то же число градусовъ имъ надо сообщить неодинаковыя количества теплоты.

Два проводника имѣютъ *одинаковую электроемкость*, если для повышенія до одного и того же потенціала требуютъ одинаковаго электрическаго заряда; изъ двухъ проводниковъ *неодинаковой электроемкости* электроемкость того больше, которому надо сообщить большее количество электричества для повышенія потенціала на одну величину съ повышеніемъ потенціала другаго проводника.

Электроемкость проводника зависитъ отъ его: 1) величины, 2) формы и 3) отъ сосѣдства другихъ проводниковъ, но не зависитъ ни отъ массы, ни отъ вещества проводника, чѣмъ значительно отличается отъ теплоемкости тѣлъ, такъ какъ послѣдняя зависитъ, какъ разъ наоборотъ, отъ массы и вещества тѣла, но не отъ его формы или сосѣдства другихъ тѣлъ.

III. Электризованіе черезъ вліяніе.

189. Электростатическая индукція (электрическое вліяніе).

Мы уже знаемъ, что вокругъ всякаго наэлектризованнаго проводника образуется электрическое поле. И вотъ подобно тому, какъ всякое магнитное тѣло, будучи внесено въ магнитное поле, само становится магнитомъ (см. § 164), всякій проводникъ, внесенный въ электрическое поле, пріобрѣтаетъ электрическія свойства, то есть наэлектризовывается; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно къ наэлектризованному тѣлу поднести на нѣкоторое разстояніе электроскопъ; его листочки сейчасъ же разойдутся точно такъ же, какъ если бы шарикъ электроскопа потерли мѣхомъ или коснулись его наэлектризованнымъ тѣломъ.

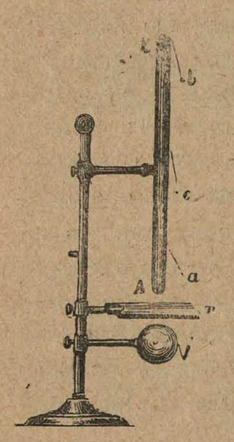

Рис. 291.

Подобное *возбужденіе (безъ тренія и прикосновенія) электричества на проводникѣ вслѣдствіе нахожденія его въ электрическомъ полѣ наэлектризованнаго тѣла* называется *электризованіемъ черезъ вліяніе, или электростатическою индукціей*. Наэлектризованное тѣло, оказывающее вліяніе на проводникъ, внесенный въ его электрическое поле, называется *индуктирующимъ тѣломъ*; проводникъ же, наэлектризовывающійся подъ его вліяніемъ, называется *индуктируемымъ* тѣломъ; наконецъ, электричество, возбужденное въ индуктируемомъ тѣлѣ, называется—*индуктированнымъ* (рис. 291).

Для изученія свойствъ электростатической индукціи обычно пользуются *приборомъ Рисса*, изображеннымъ на рисункѣ 291-омъ. Онъ состоитъ изъ двухъ проводниковъ: шара „V“ и цилиндра „AB“; каждый изъ этихъ проводниковъ присоединенъ посредствомъ стеклянной изолирующей рукоятки къ стеклянной же стойкѣ „m“; на этой же стойкѣ укрѣплена стеклянная пластинка „n“, отдѣляющая оба проводника другъ отъ друга; присутствіе этой пластинки нисколько не вліяетъ на процессъ электростатической индукціи. Къ цилиндру „AB“ прикрѣплены три электрическихъ маятника „a“, „b“ и „c“ въ концахъ и серединѣ цилиндра.

Зарядимъ шаръ „V“ *положительнымъ* электричествомъ путемъ тренія или прикосновенія наэлектризованнаго тѣла; при этомъ маятники „a“ и „b“ тотчасъ же оттолкнутся отъ цилиндра AB (маятникъ же „c“ останется въ покоѣ); отталкиваніе маятниковъ отъ цилиндра „AB“ ясно показываетъ, что въ немъ появилось электричество. Опредѣлимъ, какое?—для этого достаточно поднести къ каждому изъ маятниковъ наэлектризованную стеклянную палочку; при поднесеніи этой палочки къ маятнику „a“ послѣдній притянется къ ней; значитъ, маятникъ и палочка заряжены разноименными электричествами; стеклянная палочка заряжена положительно, слѣдовательно, маятникъ „a“, а значитъ, и нижняя часть индуктируемаго цилиндра заряжены отрицательно; поднеся наэлектризованную стеклянную палочку къ маятнику „b“, прикрѣпленному къ верхнему концу цилиндра, увидимъ, что онъ (маятникъ) отталкивается отъ палочки, значитъ, заряженъ одноименнымъ съ палочкой электричествомъ; палочка заряжена положительно, слѣдовательно, маятникъ „b“ также заряженъ положительно; это показываетъ, что верхняя часть индуктируемаго цилиндра заряжена положительно.

Итакъ, при заряженіи шара „V“ положительнымъ электричествомъ ближайшая къ нему часть цилиндра „AB“ зарядилась отрицательнымъ электричествомъ, а дальнѣйшая—положительнымъ.

Произведемъ снова тотъ же опытъ, но зарядимъ индуктирующій шаръ „V“ *отрицательнымъ* электричествомъ, тогда по изслѣдованіи окажется, что ближайшая къ отрицательно заряженному шару „V“ часть цилиндра „AB“ зарядится положительно, а дальнѣйшая—отрицательно. Отсюда ясно вытекаетъ первый и основной законъ электростатической индукціи:

Въ ближайшей къ индуктирующему тѣлу части индуктируемаго проводника возбуждается электричество, противоположное электричеству индуктирующаго тѣла, а въ дальнѣйшей—одноименное. Границей между той и другой частью является нейтральная линія (средняя), не содержащая электричества; вотъ почему маятникъ „c“ остается въ покоѣ.

Разрядивъ шаръ „V“, мы увидимъ, что оба маятника „a“ и „b“ опустятся, и въ цилиндрѣ „AB“ нельзя будетъ обнаружить присутствія электричества; это показываетъ, что *въ индуктируемомъ проводникѣ оба рода электричества возбуждаются въ равномъ количествѣ*,— таковъ второй законъ электростатической индукціи. Этотъ законъ подтверждается слѣдующимъ разсужденіемъ. Пока индуктирующее

тѣло заряжено, оно *притягиваетъ* (стягиваетъ) въ ближайшую къ себѣ часть индуктируемаго проводника противоположное электричество, а одноименное *отталкиваетъ* въ дальнѣйшую часть его; когда же индуктирующее тѣло разряжается, то электричество обоихъ родовъ, возбужденное въ цилиндрѣ „АВ“, свободно размѣщается по всему проводнику и взаимно нейтрализуется; если бы количества электричества обоихъ родовъ не были равны, то не произошло бы полной нейтрализаціи, и въ цилиндрѣ „АВ“ обнаружился бы нѣкоторый остатокъ положительнаго или отрицательнаго электричества, какого было бы больше.

Изъ рисунка видно что рукоятку цилиндра „АВ“ можно двигать по стойкѣ „m“, вслѣдствіе чего конецъ „А“ цилиндра будетъ приближаться къ шару „V“ или удаляться отъ него; при этомъ замѣчено, что по мѣрѣ приближенія конца „А“ къ шару „V“ углы отклоненія маятниковъ увеличиваются и, наоборотъ, при удаленіи они уменьшаются; слѣдовательно, *въ индуктируемомъ проводникѣ возбуждается тѣмъ меньше электричества (обоихъ родовъ), чѣмъ онъ дальше отъ индуктирующаго тѣла и обратно*—таковъ третій законъ электростатической индукціи.

Выяснивъ, такимъ образомъ, законы индукціи, произведемъ еще одинъ опытъ съ приборомъ Рисса, который подтвердитъ и еще болѣе выяснитъ характерныя свойства электризованія черезъ вліяніе. Зарядимъ шаръ „V“ положительнымъ электричествомъ; тогда въ концѣ „А“ цилиндра „АВ“ возбудится электричество отрицательное, а въ концѣ „В“ положительное; затѣмъ, *не разряжая шара „V“*, коснемся рукой цилиндра „АВ“; тѣмъ самымъ мы соединимъ его съ землей; обычно вслѣдствіе соединенія съ землей наэлектризованнаго проводника онъ тотчасъ же разряжается; не то наблюдается въ данномъ случаѣ: въ землю уходитъ (съ цилиндра „АВ“) черезъ руку только электричество положительное, *отталкиваемое* электричествомъ шара „V“, электричество же отрицательное, *притягиваемое* электричествомъ шара „V“, остается въ нижней части цилиндра, въ этомъ насъ убѣждаетъ, во-первыхъ, то, что только маятникъ „b“ опускается, а маятникъ „a“ еще болѣе отклоняется; мало того отклоняется и маятникъ „c“, прежде бывшій въ покоѣ. Во-вторыхъ, отпустивъ руку и произведя изслѣдованіе съ помощью наэлектризованной смоляной палочки, мы узнаемъ, что цилиндръ „АВ“ заряженъ теперь только однимъ отрицательнымъ электричествомъ.

Отсюда понятно, почему *противоположное электричество, возбуждаемое на ближайшей къ шару части цилиндра*, называется *„связаннымъ“*, а *одноименное, отталкиваемое въ дальнѣйшую часть цилиндра*, называется—*„свободнымъ“*. Маятникъ „c“, прежде бывшій въ покоѣ, теперь отклоняется потому, что электричество одного рода ушло въ землю; значитъ, нейтральной линіи уже быть не можетъ. Если послѣ этого *разрядить шаръ „V“*, то отрицательное электричество, стягиваемое до того положительно заряженнымъ шаромъ „V“ къ нижней (ближайшей къ нему) части цилиндра „АВ“, распространится равно-

мѣрно по всему цилиндру „АВ“, на что укажетъ одинаковый уголъ отклоненія всѣхъ трехъ маятниковъ.

Такимъ путемъ, очевидно, можно посредствомъ индукціи наэлектризовывать тѣла желательнымъ родомъ электричества.

190. Объясненіе индукціей нѣкоторыхъ электрическихъ явленій.

Электрической индукціей объясняются очень многія явленія Пока мы разсмотримъ только четыре изъ нихъ; съ остальными же намъ придется ближе встрѣтиться въ дальнѣйшемъ изложеніи такъ какъ устройство почти всѣхъ электрическихъ приборовъ основано на индукціи.

1. Къ шарику электроскопа А (рис. 292) приблизимъ отрицательно наэлектризованную смоляную палочку; вслѣдствіе индукціи шарикъ электроскопа электризуется положительно; а листочки—отрицательно; затѣмъ, *не удаляя палочки*, коснемся пальцемъ шарика электроскопа В того же рис. 292; тогда свободное отрицательное электричество листочковъ уйдетъ въ землю, и они спадутся, а связанное положительное электричество останется въ шарикѣ электроскопа; послѣ этого [1]) удалимъ и отрицательно заряженную палочку „С“ того же рис. 292; тогда положительное электричество распространится съ шарика на листочки, и они снова разойдутся, заряженные уже положительнымъ электричествомъ, то есть противоположнымъ электричеству того тѣла, которое приближали къ электроскопу.

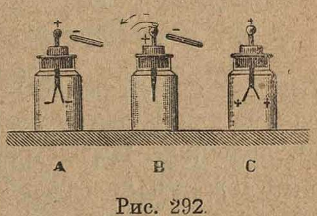

Рис. 292.

2. На индукціи основано опредѣленіе рода электричества тѣла (при помощи электроскопа). Для этого электроскопъ заряжаютъ какимъ нибудь электричествомъ, допустимъ, положительнымъ. Если послѣ этого приблизить къ нему (электроскопу) тѣло, наэлектризованное тоже положительно, то оно на шарикѣ электроскопа, какъ части ближайшей, возбудитъ противоположное-отрицательное электричество, а въ листочкахъ одноименное положительное; значитъ, положительный зарядъ листочковъ увеличится и потому уголъ ихъ расхожденія увеличится; при приближеніи же отрицательно наэлектризованнаго тѣла будетъ наблюдаться обратное явленіе, то есть спаденіе листочковъ.

3. Индукціей же объясняется притяженіе наэлектризованнымъ тѣломъ легкихъ предметовъ. Такъ, приблизимъ къ бузинному шарику (рис. 293) отрицательно наэлектризованную палочку; тогда на ближайшей къ тѣлу сторонѣ „А“ шарика возбуждается положительное, а на дальнѣйшей сторонѣ „В“—отрицательное электричество; первое по свойству противоположныхъ электричествъ притягивается къ палочкѣ, а второе по свойству одноименныхъ электри-

---

[1]) Послѣ того какъ палецъ уже снятъ.

чествъ отталкивается отъ нея; но такъ какъ разстояніе между ближайшей стороной „А“ бузиннаго шарика и наэлектризованной палочкой меньше разстоянія между стороной „В“ шарика и палочкой, то притяженіе сильнѣй отталкиванія, вслѣдствіе чего бузинный шарикъ притягивается къ палочкѣ; *прикоснувшись* къ ней, шарикъ теряетъ противоположное электричество, такъ какъ оно ней-

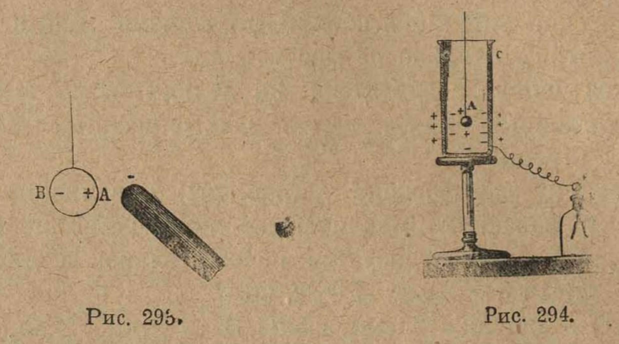

Рис. 295. Рис. 294.

трализуется съ равною ему частью отрицательнаго электричества палочки и остается заряженнымъ электричествомъ, одноименнымъ съ палочкой, вслѣдствіе чего и отталкивается отъ нея. Если бузинный шарикъ виситъ на проводящей нити, то все „*свободное*“ (одноименное приближаемому тѣлу) электричество уходитъ въ землю, шарикъ остается заряженнымъ только противоположнымъ электричествомъ, вслѣдствіе чего притяженіе происходитъ съ большей силой

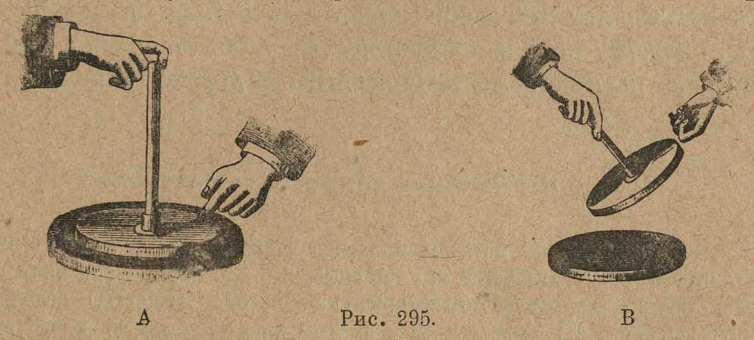
4. Интересенъ опытъ *Фарадея.* Въ металлическій закрытый со всѣхъ сторонъ сосудъ (цилиндръ) „С“ (рис. 294) опускается положительно наэлектризованный проводникъ „А“ такъ, чтобы онъ не касался внутреннихъ стѣнокъ цилиндра. Внѣшняя поверхность этого цилиндра соединена съ чувствительнымъ электроскопомъ. Его листочки расходятся, какъ только наэлектризованный шарикъ „А“ введенъ въ середину сосуда, и по изслѣдованіи оказывается, что наружная поверхность его заряжена положительнымъ электричествомъ, внутренняя же—отрицательнымъ, какъ это и должно быть по закону индукціи: количества того и другого электричества равны; это доказывается тѣмъ, что, по удаленіи шарика „А“ изъ цилиндра, послѣдній оказывается ненаэлектризованнымъ, такъ какъ равныя количества положительнаго и отрицательнаго электричества взаимно нейтрализуются. Если соединить цилиндръ съ землею, то свободное одноименное электричество внѣшней поверхности уйдетъ въ землю, и листочки электроскопа сейчасъ же спадутся; значитъ, при этомъ цилиндръ не производитъ ни малѣйшаго внѣшняго дѣйствія: слѣдовательно, металлическая оболочка, соединенная съ землею, можетъ служить *экраномъ* для электрическихъ силъ проводника, помѣщеннаго внутри нея.

Если послѣ этого шарикомъ прикоснуться къ внутренней поверхности цилиндра, то по изслѣдованіи окажется, что и тотъ и другая разрядились; значитъ, заряды были равны и потому, будучи противоположны по знаку, взаимно нейтрализовались. Слѣдователь-

но, *при помѣщеніи заряженнаго проводника въ металлическій сосудъ, на внутренней поверхности послѣдняго возбуждается противоположное электричество въ количествѣ, равномъ количеству электричества самого заряженнаго проводника*; такъ какъ на внѣшней поверхности развивается электричество, одноименное съ электричествомъ индуктирующаго тѣла, въ количествѣ, равномъ количеству противоположнаго электричества, возбужденнаго на внутренней сторонѣ, то, слѣдовательно, заряду наэлектризованнаго проводника, помѣщеннаго внутрь металлическаго сосуда, равенъ и зарядъ одноименнаго электричества, возбужденнаго на внѣшней поверхности сосуда.

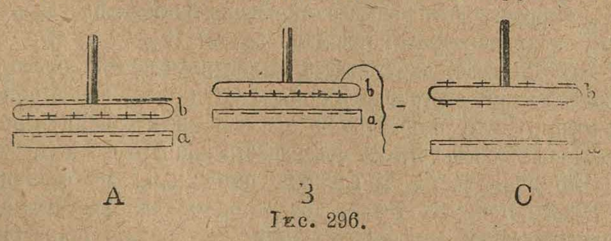
191. Электрофоръ.

Электрофоръ былъ изобрѣтенъ шведскимъ ученымъ *Вильке* и усовершенствованъ итальянскимъ физикомъ *Вольтою*. Этотъ приборъ состоитъ изъ двухъ круговъ (рис. 295); *верхній кругъ—металлическій* съ изолирующей стеклянной ручкой; *нижній кругъ—смоляной или эбонитовый*; верхній кругъ дѣлается обычно нѣсколько меньшаго діаметра, чѣмъ нижній. Для полученія электричества при помощи этого прибора

A Рис. 295. B

поступаютъ слѣдующимъ образомъ. Верхній металлическій кругъ снимаютъ и натираютъ нижній смоляной лисьимъ мѣхомъ, вслѣдствіе чего онъ электризуется отрицательно (рис. 295—„A“). Послѣ этого снова накладываютъ верхній металлическій кругъ на смоляной, и, такъ какъ поверхности обоихъ круговъ шероховаты,

A B C
Рис. 296.

то онѣ соприкасаются только въ очень немногихъ точкахъ; въ этихъ точкахъ металлическій верхній кругъ отбираетъ очень незначительное количество [1]) отрицательнаго электричества у смоляного круга. На всемъ же остальномъ пространствѣ металлическій кругъ отдѣленъ отъ смоляного тонкимъ слоемъ воздуха, какъ это показано на схемѣ рис. 296-го.

[1]) Вслѣдствіе дурной проводимости эбонита, смолы.

Благодаря этому смоляной кругъ начинаетъ индуктировать металлическій, и въ силу индукціи на поверхности металлическаго круга, обращенной къ смоляному, возбуждается положительное электричество, а на его наружной поверхности отрицательное, какъ это схематически изображено на рисункѣ 296—„А". Послѣ этого прикасаются пальцемъ къ металлическому кругу (рис. 295), тогда свободное отрицательное электричество уходитъ въ землю (схема „В" рисунка 296-го), и металлическій кругъ по поднятіи его съ смоляного остается заряженнымъ положительнымъ электричествомъ (схема „С" рис. 296). Если къ приподнятому послѣ того металлическому кругу близко поднести палецъ (правая часть рис 295), то раздается трескъ, а въ темнотѣ будетъ видна искра, перескочившая съ круга на палецъ. Положивъ вторично металлическій кругъ на эбонитовый, получимъ то же явленіе; разъ зарядившись электричествомъ, смола сохраняетъ его долгое время, и приборъ можетъ дѣйствовать даже черезъ нѣсколько дней безъ новаго натиренія; поэтому онъ и получилъ названіе электрофора, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ—„сберегатель" электричества. Заряжая такимъ путемъ металлическій кругъ электрофора и поднося его затѣмъ къ какому нибудь кондуктору (изолированному проводнику), мы сможемъ послѣдній наэлектризовать до довольно значительнаго потенціала.

Повторительные вопросы и отвѣты.

1) Что называется потенціаломъ проводника? Степень электрическаго состоянія проводника называется его потенціаломъ. 2) Чѣмъ объясняется переходъ электричества съ одного проводника на другой? Разностью потенціаловъ этихъ проводниковъ. 3) Зависитъ-ли переходъ электричества съ проводника на другой отъ ихъ величины? Нѣтъ, не зависитъ. 4) До какихъ поръ совершается переходъ электричества съ одного проводника на другой? До тѣхъ поръ, пока проводники не достигнутъ одинаковаго потенціала, промежуточнаго между первоначальными. 5) Какой изъ двухъ положительныхъ потенціаловъ считается больше? Тотъ, который производитъ большее отклоненіе листковъ удаленнаго электроскопа. 6) Какой изъ двухъ отрицательныхъ потенціаловъ считается больше? Тотъ, который производитъ меньшее отклоненіе листочковъ удаленнаго электроскопа. 7) Чему приравнивается потенціалъ земли? Нулю. 8) Что такое электрическое поле? Пространство, окружающее наэлектризованный проводникъ. 9) Что служитъ мѣрой электрическаго напряженія (потенціала) даннаго электрическаго поля? Количество работы, необходимой для переноса единицы положительнаго электричества изъ безконечности къ поверхности даннаго наэлектризованнаго проводника. 10) Что принимается за единицу потенціала? За единицу потенціала принимается такой потенціалъ точки, при которомъ для переноса единицы положительнаго электричества изъ безконечности въ данную точку (электрическаго поля) требуется единица работы (1 эргъ). 11) Что такое электроемкость? Подъ электроемкостью проводниковъ понимается то свойство ихъ, въ силу котораго имъ для повышенія ихъ потенціала на одну и ту же величину надо сообщить разное количество электричества. 12) Отъ чего зависитъ электроемкость проводника? Отъ его величины, формы и сосѣдства другихъ проводниковъ. 13) Что такое электростатическая индукція? Возбужденіе электричества на проводникѣ вслѣдствіе нахожденія его въ электрическомъ полѣ наэлектризованнаго тѣла называется индукціей. 14) Какъ называется то тѣло, въ которомъ возбуждается электричество вслѣдствіе индукціи? Оно называется индуктируемымъ тѣломъ

15) При помощи какого прибора выясняются свойства, законы индукціи? При помощи прибора Рисса. 16) Каковъ основной законъ электростатической индукціи? Въ ближайшей къ индуктирующему тѣлу части индуктируемаго проводника возбуждается электричество, противоположное электричеству индуктирующаго тѣла, а въ дальнѣйшей—одноименное. 17) Какіе еще вамъ извѣстны законы индукціи? Еще два закона: во-1) въ индуктируемомъ проводникѣ оба рода электричества возбуждаются въ равномъ количествѣ; во-2) въ индуктируемомъ тѣлѣ возбуждается тѣмъ меньше электричества, чѣмъ оно дальше отъ индуктирующаго проводника. 18) Какія явленія объясняются помощью индукціи? Заряженіе электроскопа электричествомъ путемъ поднесенія къ нему наэлектризованнаго проводника; опредѣленіе при помощи электроскопа рода электричества; притяженіе наэлектризованнымъ тѣломъ легкихъ предметовъ и многія другія. 19) Что такое электрофоръ? Это приборъ для сбереженія электричества. 20) На чемъ основано его устройство? На электростатической индукціи.

Законовѣдѣніе.

Общее ученіе о государствѣ.

(*Продолженіе*).

Каждая изъ этихъ палатъ *) засѣдаетъ отдѣльно; только въ двухъ случаяхъ онѣ засѣдаютъ вмѣстѣ: а) для избранія президента и в) для обсужденія вопроса объ измѣненіи существующей конституціи. Этимъ палатамъ принадлежитъ законодательная власть; законъ получаетъ силу лишь при одобреніи обѣихъ палатъ, національному же собранію принадлежитъ и контроль надъ дѣятельностью управленія.

Избраніе депутатовъ на 4 года производится народомъ всеобщей, прямой и равной подачей голосовъ.

Избраніе же сенаторовъ на 9 лѣтъ производится особыми коллегіями изъ мѣстныхъ совѣтовъ.

Мы сказали выше, что обѣ палаты совмѣстно избираютъ президента, стоящаго во главѣ исполнительной власти; онъ избирается на 7 лѣтъ. Избранный президентъ составляетъ министерство изъ большинства палаты. Самъ президентъ безотвѣтственъ передъ національнымъ собраніемъ, за него отвѣтственны министры, которые своей подписью скрѣпляютъ каждый актъ президента.

Президенту принадлежитъ право законодательной иниціативы, а въ области суда—право назначенія судей и право помилованія. Также ему принадлежитъ и объявленіе войны, но съ предварительнаго согласія обѣихъ палатъ.

Таково вкратцѣ государственное устройство Франціи.

Выше мы говорили о непосредственныхъ и представительныхъ республикахъ, теперь же мы вскользь укажемъ на тѣ формы государственнаго устройства, которыя являются переходными отъ первыхъ ко вторымъ. Эти переходныя формы существуютъ во многихъ швейцарскихъ кантонахъ, гдѣ установленъ такъ называемый *referendum* (*референдумъ*).

Подъ референдумомъ разумѣется народное голосованіе. Этотъ референдумъ проявляется въ двухъ формахъ: *обязательнаго* и *факультативнаго*. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ (Швицъ, Граубюнденъ) введенъ обязательный референдумъ, а въ другихъ кантонахъ (Женева)—факультативный референдумъ.

*) Во Франціи—палата депутатовъ и сенатъ.

При обязательномъ референдумѣ всякій законопроектъ, выработанный кантональными совѣтами, обязательно подвергается голосованію, для чего граждане собираются разъ или два въ годъ на собранія, гдѣ и вотируютъ законопроекты.

При факультативномъ референдумѣ законопроектъ подвергается народному голосованію только тогда, когда извѣстное число гражданъ (напр., въ Женевѣ не менѣе 3.500 избирателей) потребуетъ этого голосованія.

Такимъ образомъ, законопроекты уже не обсуждаются въ народныхъ собраніяхъ, а только голосуются народомъ, по отдѣльнымъ общинамъ. Такъ совершается переходъ отъ непосредственной республики къ представительной республиканской формѣ.

Сложныя формы Государственнаго устройства.

До сихъ поръ мы говорили объ однородныхъ простыхъ государствахъ, о государствахъ съ единой государственной властью (объ Англіи, Франціи), теперь же мы остановимся на сложныхъ формахъ государственнаго устройства, на государственныхъ соединеніяхъ.

Формы соединенія государствъ весьма разнообразны: онѣ могутъ быть сведены къ двумъ типамъ: *федераціи и уніи.*

Федераціи, въ свою очередь, дѣлятся на 1) *союзы государствъ* и 2) *союзныя государства.*

Уніи, въ свою очередь, дѣлятся на: 1) *личныя унія* и 2) *реальныя уніи.*

На каждой изъ перечисленныхъ выше формъ соединенія мы ниже остановимся.

Союзъ государствъ. *Подъ союзомъ государствъ разумѣется соединеніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ для достиженія какой-нибудь спеціальной задачи* (преимущественно, безопасности). Такой союзъ государствъ имѣетъ особый центральный союзный органъ, куда входятъ уполномоченные отъ правительствъ соединившихся государствъ. Суверенная власть остается за отдѣльными государствами, входящими въ составъ союза государствъ. Центральный союзный органъ слѣдитъ за общими интересами союзныхъ государствъ, сносится съ иностранными государствами.

Образцами такого союза государствъ служатъ древне-греческіе союзы и германскій союзъ до 1866 года.

Союзное государство. *Подъ союзнымъ государствомъ разумѣется тѣсное соединеніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ.* Въ то время, какъ при союзѣ государствъ соединеніе ихъ происходитъ на почвѣ охраны внѣшней безопасности, при союзномъ государствѣ играетъ роль не только охрана внѣшней безопасности, но и охрана внутренняго благосостоянія.

Образцами союзныхъ государствъ служатъ: Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Швейцарскій союзъ и современная Германская Имперія.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Соединенные Штаты

представляютъ собой не механическое соединеніе государствъ, т. е. не союзъ государствъ, а цѣлое государственное тѣло, т. е. союзное государство.

Законодательная власть, по конституціи 1787 года, вручена *союзному конгрессу*, состоящему изъ a) *сената* и b) *палаты представителей;* исполнительная власть вручена *президенту;* судебная же власть *верховному суду, окружнымъ и участковымъ судамъ.*

Штаты, входящіе въ это союзное государство, имѣютъ каждый свое законодательство, управленіе и суды.

Конгрессъ. Члены палаты представителей избираются отъ отдѣльныхъ штатовъ на два года посредствомъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

Члены же сената, т. е. сенаторы избираются законодательными собраніями отдѣльныхъ штатовъ, по два человѣка отъ каждаго штата, на 6 лѣтъ.

Законодательная власть конгресса ограничивается только дѣлами всего союза (взиманіе податей для цѣлей союза, объявленіе войны, содержаніе флота и т. д.).

Президентъ. Онъ избирается на четыре года особыми выборщиками отъ отдѣльныхъ штатовъ.

Онъ назначаетъ пословъ, министровъ и судей верховнаго суда. Въ области законодательной его власть ограничена, ему принадлежитъ только относительное veto (т. е., послѣ второго принятія отвергнутаго президентомъ законопроекта конгресса, законъ вступаетъ въ силу безъ согласія президента).

Онъ руководитъ высшей администраціей. Министры не принадлежатъ къ составу конгресса, исполнительные агенты президента отвѣтственны только передъ нимъ.

Наблюденіе за осуществленіемъ законодательной власти возложено на союзный судъ, который имѣетъ право провѣрять соотвѣтствіе вновь издаваемыхъ законовъ конституціи.

Въ соединенныхъ штатахъ, согласно теоріи Монтескье, проводится раздѣленіе властей—законодательной, исполнительной и судебной.

Швейцарскій союзъ. Въ немъ дѣйствуетъ конституція 30 мая 1874 года. По ней *законодательнымъ органомъ* является *союзное собраніе*, состоящее изъ двухъ палатъ: 1) *національнаго совѣта* изъ депутатовъ, избираемыхъ на три года гражданами, и 2) *кантональнаго совѣта* изъ представителей кантоновъ (по два отъ каждаго кантона).

Исполнительнымъ органомъ является *союзный совѣтъ.* Союзный совѣтъ состоитъ изъ 7 человѣкъ, избираемыхъ на три года союзнымъ собраніемъ.

Союзный совѣтъ избираетъ на каждый годъ президента. *Судебнымъ* органомъ является *Союзный судъ.* Этотъ судъ состоитъ изъ 9 членовъ, избираемыхъ на 6 лѣтъ союзнымъ собраніемъ.

Кантоны, вошедшіе въ союзъ, сохраняютъ свой суверенитетъ. Но только союзный совѣтъ имѣетъ право объявлять войну, заключать миръ и всякіе договоры съ иностранными государствами.

Германская Имперія. Согласно конституціи 16 апрѣля 1871 года въ составъ Германской Имперіи входятъ 22 монархическихъ государства и 3 республики (Бременъ, Любекъ и Гамбургъ).

Органами единой имперской власти являются: 1) *Императоръ* 2) *союзный совѣтъ* и 3) *рейхстагъ*. *Императоръ*—президентъ союза, представитель Германской Имперіи (онъ же прусскій король), главнов командующій арміей и флотомъ, онъ назначаетъ имперскаго канцлера, онъ за свои дѣйствія неотвѣтствененъ, за него отвѣчаетъ имперскій канцлеръ.

Союзный совѣтъ. Онъ составляется изъ уполномоченныхъ отъ правительствъ отдѣльныхъ государствъ Имперіи.

Въ союзномъ совѣтѣ предсѣдательствуетъ имперскій канцлеръ. Союзный совѣтъ есть органъ законодательной, административной и судебной власти въ Имперіи.

Рейхстагъ. Онъ состоитъ изъ 397 депутатовъ, избираемыхъ всеобщей, прямой и тайной подачей голосовъ на пять лѣтъ.

Рейхстагъ есть представительное собраніе германской націи.

Всѣ дѣла, вносимыя въ рейхстагъ, предварительно разсматриваются въ союзномъ совѣтѣ.

Для обращенія законопроекта въ законъ необходимо согласіе рейхстага и союзнаго совѣта.

Выполненіе постановленій союзныхъ властей обезпечивается сосредоточеніемъ въ рукахъ союзной власти имперскихъ финансовъ и вооруженныхъ силъ.

Личная унія. Подъ личной уніей разумѣется случайное соединеніе двухъ или нѣсколькихъ государствъ подъ властью одного лица, имѣющаго право престолонаслѣдія въ этихъ государствахъ. Въ 1714 году установилась личная унія между Англіей и Ганноверомъ [1]), она продолжалась до 1837 года. При личной уніи нѣтъ ни общаго законодательства, ни общихъ учрежденій.

Реальная унія. Подъ реальной уніей разумѣется прочное соединеніе государствъ, выражающееся не только въ единствѣ монарха, но и въ общности нѣкоторыхъ учрежденій на почвѣ общихъ интересовъ. Примѣрами реальной уніи могутъ служить Австрія и Венгрія, Швеція и Норвегія до 1905 года.

Въ Австро-Венгріи имѣется общій монархъ и общія учрежденія: общіе министры, имперскія делегаціи, состоящія изъ членовъ отъ австрійскаго и венгерскаго парламентовъ; эти общія учрежденія вѣдаютъ вопросы общаго для обѣихъ сторонъ законодательства, бюджета и контроля надъ управленіемъ.

Между Австріей и Венгріей, несмотря на реальную унію, существуетъ постоянный антагонизмъ.

Въ 1905 году произошелъ разрывъ реальной уніи между Швеціей и Норвегіей, что служитъ прекраснымъ доказательствомъ невозможности продолжительнаго существованія такой формы союза государствъ, какъ реальная унія.

---

1) На англійскій престолъ вступилъ по праву престолонаслѣдія Георгъ.

Русское Государственное право.

До сихъ поръ мы говорили о государствѣ вообще и объ элементахъ, составляющихъ государство: верховной власти, населенiи, территорiи, — теперь же мы приступимъ къ изложенiю русскаго государственнаго права. При этомъ изложенiи мы будемъ придерживаться слѣдующаго плана. Сначала мы остановимся на государственной власти, затѣмъ перейдемъ къ другимъ элементамъ государства: къ населенiю и къ территорiи.

Говоря о государственной власти, мы подробно остановимся на опредѣленiи власти Монарха въ областяхъ законодательной, судебной и исполнительной, на организацiи и дѣятельности государственныхъ учрежденiй, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, на разнаго рода органахъ управленiя и учрежденiяхъ (земскихъ и городскихъ).

Итакъ, начнемъ съ изложенiя государственной власти.

Государственная власть.

Въ этомъ отдѣлѣ русскаго государственнаго права излагаются нами слѣдующiе ея элементы въ соотвѣтствующихъ главахъ:

1) *Монархъ* (Существо власти, права, прерогативы и т. д.).

2) *Высшiя государственныя учрежденiя* (Государственная Дума, Государственный Совѣтъ и т. д.).

3) *Органы подчиненнаго управленiя:* a) правительственные и b) общественные (земскiе и городскiе).

I. Монархъ.

Существо верховной власти. Права Монарха въ области законодательства, управленiя и суда. Прерогативы Монарха.

1. *Существо верховной власти* зависитъ отъ государственнаго строя; при разныхъ формахъ государственнаго строя передъ нами и разный объемъ верховной власти; съ измѣненiемъ государственнаго строя измѣняется и существо верховной власти. До манифеста 17 октября 1905 г. въ Россiи была одна форма государственнаго строя, а именно, *неограниченная монархiя*, а послѣ 17 октября 1905 г. наступилъ другой государственный строй,—а именно, *конституцiонная монархiя.*

О существѣ верховной власти до 17 октября 1905 г. и послѣ 17 октября 1905 г. мы можемъ судить по Основнымъ законамъ (св. зак. т. I, ч. I). До преобразованiя государственнаго строя 1-я статья Осн. Зак. гласила: „Императоръ Всероссiйскiй есть Монархъ Самодержавный и *неограниченный* и т. д.“, а 47 статья, что „Россiйская Имперiя управляется на твердомъ основанiи положительныхъ законовъ, учрежденiй и уставовъ, *отъ самодержавной власти исходящихъ*“.

Послѣ же преобразованiя государственнаго строя на началахъ манифеста 17 октября 1905 г. 4-ая статья основныхъ законовъ, из-

данныхъ въ 1906 году, гласитъ, что „Императору Всероссійскому принадлежитъ верховная Самодержавная власть“.

Въ этой статьѣ, какъ мы видимъ изъ сравненія съ 1-ой ст. старыхъ Основныхъ законовъ, нѣтъ указанія уже на неограниченность Монарха. Что же мы разумѣемъ подъ словами: „неограниченный“ и „самодержавный“?

Неограниченность власти означаетъ, что Русскій Государь есть носитель всей полноты верховной власти, ничѣмъ не ограниченной, кромѣ закона, который исходитъ только отъ него. Слѣдовательно, до манифеста 17 октября 1905 г. Русскій Государь былъ единственнымъ самостоятельнымъ органомъ, неограниченнымъ въ своихъ полномочіяхъ; и въ области законодательства и въ верховномъ управленіи онъ дѣйствовалъ непосредственно и независимо; существующіе при немъ органы имѣли только совѣщательный голосъ, не обязательный для Императора.

Что же обозначаетъ слово „самодержавный“, употребляющійся въ старыхъ и новыхъ Основныхъ законахъ? „Самодержавный“ означаетъ, что Русскій Государь не получилъ верховной власти извнѣ, что онъ занимаетъ престолъ не въ силу международнаго соглашенія, не въ силу избранія народа, а въ силу самостоятельнаго собственнаго права, что его власть не производная, а самородная, что онъ является монархомъ „Божіей Милостью“. Таково правильное пониманіе слова „самодержавный“.

Слѣдовательно, неограниченность — одно понятіе, а самодержавность—другое.

Итакъ, манифестъ 17 октября 1905 г. рѣзко измѣнилъ государственный строй Россіи, съ измѣненіемъ же строя измѣнилось, конечно, существо верховной власти: неограниченность Монарха отпала, осталась только самодержавность. Теперь Государь Императоръ является *конституціоннымъ Монархомъ*, а не неограниченнымъ, какъ это было до манифеста 17 октября. Изданными 24 апрѣля 1906 года Основными законами введено новое начало: „никакой законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя“.

Теперь мы укажемъ, что содержится въ манифестѣ 17 октября, а въ связи съ нимъ мы считаемъ нужнымъ привести тѣ еще манифесты, которые характеризовали бы обновленный государственный строй Россіи. Только такимъ путемъ мы ясно представимъ себѣ права конституціоннаго монарха во всѣхъ областяхъ государственной жизни.

Въ исторіи перехода нашего государственнаго строя къ конституціонной формѣ правленія важно отмѣтить слѣдующіе моменты:

12 декабря 1904 г. изданъ указъ Пр. Сенату, вызванный повсемѣстными проявленіями недовольства. Въ этомъ указѣ обѣщаны реформы въ либеральномъ духѣ: устраненіе сословной обособленности крестьянъ, обезпеченіе законности управленія, увеличеніе самостоятельности земскаго и городского самоуправленія,

увеличеніе независимости суда, государственное страхованіе рабочихъ, пересмотръ положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, расширеніе религіозной свободы, пересмотръ законовъ объ инородцахъ, устраненіе излишнихъ стѣсненій печати.

18 февраля 1905 г. Пока въ Комитетѣ Министровъ, на который было возложено разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія этихъ реформъ, тянулись по этому поводу длинные разговоры, изрѣдка приводившіе къ отмѣнѣ отдѣльныхъ несущественныхъ стѣснительныхъ постановленій дѣйствовавшаго законодательства, 18 февраля утромъ, совершенно неожиданно повидимому даже и для министровъ, появился манифестъ, довольно неопредѣленнаго содержанія, но заканчивавшійся обращеніемъ къ Господу «да подастъ въ Державѣ Россійской: Пастырямъ святыню, Правителямъ—судъ и правду, народу — миръ и тишину, законамъ—силу и вѣрѣ преуспѣяніе, къ вящему укрѣпленію истиннаго Самодержавія».

Общій тонъ этого манифеста рѣзко противорѣчилъ настроенію общества и его ожиданіямъ. Въ тотъ же день Министры собрались къ Государю, и тутъ же было редактировано категорическое обѣщаніе созвать народныхъ представителей. Это обѣщаніе было дано въ формѣ менѣе торжественной, чѣмъ изданный въ тотъ же день манифестъ, а именно въ формѣ рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина, на котораго этимъ рескриптомъ возлагалась обязанность обсужденія путей для осуществленія воли Государя отнынѣ «привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній», при чемъ въ рескриптѣ указывалось на «всю сложность и трудность проведенія сего преобразованія въ жизнь при непремѣнномъ условіи сохраненія незыблемости основныхъ законовъ Имперіи» т. е., при сохраненіи самодержавія.

6 августа 1905 г. Подготовительныя работы по изданію соотвѣтствующаго закона шли въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ выработанный законопроектъ поступилъ на разсмотрѣніе особаго совѣщанія, собиравшагося въ Петергофѣ подъ предсѣдательствомъ Государя и состоявшаго изъ министровъ, нѣкоторыхъ Великихъ Князей, нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, а также лицъ, спеціально приглашенныхъ, независимо отъ ихъ служебнаго положенія, какъ напр., извѣстный русскій историкъ, московскій проф. Ключевскій. Результатомъ работъ этого совѣщанія явились манифестъ 6 августа 1905 г. объ учрежденіи Государственной Думы, самое учрежденіе Гос. Думы и Положеніе о Выборахъ въ Государственную Думу, изданные въ тотъ же день.

Общественное мнѣніе не удовлетворилось учрежденіемъ законосовѣщательной Думы, оставлявшимъ неприкосновенными дѣйствовавшіе Основные Законы; возбужденіе русскаго общества росло, въ концѣ концовъ оно выразилось въ такъ называемой всеобщей забастовкѣ октября 1905 г., и подъ вліяніемъ этой забастовки, а отчасти повидимому и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ тревожныхъ слуховъ, проникшихъ до Государя, онъ издалъ 17-го октября 1905 г. манифестъ, въ которомъ «на обязанность правительства» возлагалось выполненіе «непреклонной воли» Государя:

«1) даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2) не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, по мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ за симъ дальнѣйшее расширеніе избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку, и

3) установить, какъ незыблемое правило. чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей».

11 декабря 1905 г. былъ изданъ именной Пр. Сенату указъ, содержавшій въ себѣ обѣщанное расширеніе избирательнаго права.

20 февраля 1906 г. былъ изданъ манифестъ объ измѣненіи учрежденія Государственнаго Совѣта и о пересмотрѣ учрежденія Государственной Думы, для согласованія его съ началами, провозглашенными манифестомъ 17 октября 1905 г.

Въ этомъ манифестѣ (20 февр.) было, между прочимъ, установлено то положеніе, что «со времени созыва Государственнаго Совѣта и Гос. Думы законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы».

Въ тотъ же день были изданы: законъ о переустройствѣ Гос. Совѣта и новое Учрежденіе Гос. Думы.

23 апрѣля 1906 г. были изданы новые Основные Законы, и, наконецъ, 24 апрѣля было издано новое Учрежденіе Государственнаго Совѣта; оно завершило рядъ учредительныхъ актовъ, создавшихъ современное положеніе вещей, вступившее въ силу съ того дня, какъ собралась первая Государственная Дума, т. е. съ 27 апрѣля 1906 г.

27 апрѣля 1906 г. — день, когда собралась первая Государственная Дума.

Всѣ эти манифесты, положенія, законы очень важны для пониманія нашего государственнаго строя, а въ связи съ нимъ правъ Монарха въ области законодательной, правительственной и судебной.

2. *Права Монарха въ области законодательства.* Въ этой области его права распадаются на двѣ категоріи: одна категорія правъ относится къ образованію законодательныхъ органовъ, а другая — къ самому процессу законодательства.

Монарху принадлежитъ право: a) назначать выборы въ Государственную Думу и Совѣтъ, b) созывать законодательныя учрежденія, c) опредѣлять сроки продолжительности занятій и сроки перерыва этихъ занятій законодат. учрежденій, d) распустить Государственную Думу, e) измѣнить составъ Государственнаго Совѣта.

Такимъ образомъ, начало (созывъ), перерывы и прекращеніе (роспускъ) дѣятельности законодательныхъ учрежденій обусловливаются единоличной волей Государя Императора, которая выражается, обыкновенно, въ указахъ, издаваемыхъ отъ имени Монарха.

Что же касается самого процесса законодательства, то Монархъ участвуетъ въ немъ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой. Ему принадлежитъ право инициативы и санкціи.

Это единеніе сказывается въ слѣдующемъ:

1. Никакой законъ не пріемлетъ силы безъ одобренія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта;

2. Безъ утвержденія Государя никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія;

3. Государю Императору прaнадлежитъ право инициативы законовъ, какъ и законодательнымъ учрежденіямъ и

4. Только по почину Государя Императора Основные законы могутъ подлежать пересмотру въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Итакъ Государю принадлежитъ право безусловнаго veto. Ни

одинъ законъ не можетъ воспринять своего совершенія безъ собственноручной подписи Монарха,—такъ гласитъ 86 ст. Основныхъ законовъ. Въ этой подписи заключается не только санкція, но и промульгація закона, ибо на текстѣ его Монархъ дѣлаетъ надпись: „Быть по сему“.

Право Монарха отклонить законопроектъ ничѣмъ не ограничено, но, съ другой стороны, ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ помимо Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Но въ нашихъ Основныхъ законахъ имѣется нарушеніе этого положенія, а именно 87-ая статья, согласно которой Монарху самому предоставлено право издавать въ порядкѣ верховнаго управленія указы; но для изданія таковыхъ необходимы слѣдующія условія: a) когда законодательныя собранія не функціонируютъ, b) когда этого требуютъ чрезвычайныя обстоятельства, въ исключительныхъ случаяхъ и c) если они не касаются измѣненій Основныхъ законовъ, учрежденій Государственнаго Совѣта и Думы.

Дѣйствіе этихъ указовъ прекращается, если въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ по открытіи занятій въ Думѣ въ нее не будетъ внесенъ соотвѣтствующій законопроектъ, или его не примутъ Государственная Дума и Совѣтъ.

Таковы права Государя въ области законодательства.

3. *Права Монарха въ области управленія.* Въ этой области права Монарха наиболѣе широки. Какъ олицетвореніе государственной мощи и государственнаго единства, Монархъ обладаетъ въ этой сферѣ всей полнотой власти. „Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Государю Императору въ предѣлахъ всего Государства Россійскаго“—такъ гласитъ 10 ст. Осн. Законовъ.

Государю Императору принадлежатъ слѣдующія права, касающіяся какъ внутренняго управленія, какъ и внѣшнихъ дѣлъ государства:

1. Право *издавать указы*, въ соотвѣтствіи съ законами, для устройства и приведенія въ дѣйствіе различныхъ частей государственнаго управленія, а равно *повелѣнія*, необходимыя для исполненія законовъ;

2. Право *объявлять мѣстности* на военномъ или исключительномъ положеніи;

3. Право *чеканки монеты* и опредѣленіе внѣшняго ея вида;

4. Право *назначать и увольнять* предсѣдателя Совѣта Министровъ министровъ и главноуправляющихъ, а также прочихъ должностныхъ лицъ, если для послѣднихъ не установлено закономъ иного порядка назначенія и увольненія;

5. Право *жаловать* титулы, ордена и другія государственныя отличія, а также права состоянія;

6. Право объявлять *войну*, заключать *миръ*, а равно *договоры* съ иностранными государствами;

7. Право верховнаго *начальствованія надъ всѣми сухопутными и морскими* вооруженными силами Россіи; онъ опредѣляетъ устройство арміи и флота, разрѣшаетъ всѣ вопросы по оборонѣ страны;

8. Право *распоряжаться имуществами*, лично монарху принадлежащими, удѣльными и государственными и

9. Право *внѣшнихъ сношеній* Россійскаго Государства съ иностранными державами; имъ опредѣляется направленіе международной политики Россіи.

Указы въ порядкѣ управленія скрѣпляются (контрасигнуются) предсѣдателемъ совѣта министровъ или подлежащимъ министромъ и обнародываются Правительствующимъ Сенатомъ.

Таковы права Государя Императора въ области управленія.

4. *Права Монарха въ области судебной*. Въ этой области монарху принадлежатъ слѣдующія права:

1. Право *назначать* судей; всѣ установленные закономъ суды дѣйствуютъ отъ имени Императорскаго Величества;

2. Право *помиловать* осужденныхъ, *смягчать* наказанія и вообще *простить* преступниковъ съ освобожденіемъ ихъ отъ суда, наказанія, а также дарованіе милостей въ особыхъ случаяхъ и

3. Право *утверждать* приговоры въ указанныхъ закономъ случаяхъ (а именно, приговоры о дворянахъ, чиновникахъ, священнослужителяхъ и лицахъ, имѣющихъ ордена и знаки отличія, присужденныхъ къ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ).

Таковы передъ нами права Государя въ судебной области.

5. *Прерогативы* [1]) *Монарха*. Прерогативы монарха не имѣютъ ничего общаго съ правами его въ области законодательства, управленія и суда. Прерогативы монарха дѣлятся на реальныя и формальныя.

Къ *реальнымъ* относятся:

1) безотвѣтственность монарха, 2) его неприкосновенность и 3) право на матеріальное содержаніе.

Къ *формальнымъ* относятся:

1) право на титулъ и 2) право на гербъ.

На этихъ прерогативахъ въ отдѣльности мы ниже остановимся.

Безотвѣтственность Монарха. Государь Императоръ не отвѣтственъ за свои дѣйствія: въ государствѣ нѣтъ такой власти, которая могла бы привлечь его къ отвѣтственности.

Неприкосновенность Монарха. Постановленія, ограждающія его Особу отъ преступныхъ посягательствъ, обезпечены болѣе суровыми санкціями, чѣмъ нормы, охраняющія безопасность гражданъ. Посягательства на Него караются высшими наказаніями.

Такъ, по уголовному уложенію 1903 г. одно приготовленіе къ посягательству на жизнь, здравіе или вообще на неприкосновенность Особы царствующаго Императора карается смертной казнью.

Право на матеріальное содержаніе. Государь получаетъ содержаніе изъ государственныхъ средствъ. Размѣръ его у насъ не опредѣленъ, но въ силу 115 ст. Осн. Зак. Государственная Дума и Совѣтъ

1) Преимущества.

не вправѣ подвергать своему обсужденію ассигнованія на содержаніе Императорскаго Двора, если они не превышаютъ размѣра, опредѣленнаго въ государственной росписи на 1906 г. Монархъ имѣетъ свой дворъ, т. е. совокупность лицъ, предназначенныхъ для отправленія почетныхъ службъ при его особѣ.

Личныя имущества Государя не облагаются налогами и сборами.

Право на государственный титулъ. Русскій монархъ именуется Императоромъ Всероссійскимъ и Императорскимъ Величествомъ. Этотъ титулъ принятъ былъ Петромъ I въ 1721 году послѣ заключенія Ништадскаго мира со Швеціей. Къ этому *наименованію* присоединяется: 1) *указаніе на источникъ власти монарха* „Божіей милостью“, 2) *имя монарха*, 3) указаніе на *внѣшнюю независимость* Имперіи и 4) *перечисленіе земель*, входящихъ въ составъ государственной территоріи.

Различаются три титула: *краткій*, *средній* и *полный*. Разница между ними заключается въ перечисленіи всѣхъ или нѣкоторыхъ земель, входящихъ въ составъ Имперіи.

Право на государственный гербъ. Государственный гербъ есть внѣшній символъ, знакъ государства, изображаемый на государственной печати, монетѣ, казенныхъ зданіяхъ и т. п.

Онъ состоитъ изъ чернаго двуглаваго орла съ распростертыми крыльями на золотомъ фонѣ; главы орла украшены императорскими коронами, надъ которыми изображена третья корона; на груди орла—московскій гербъ, на которомъ изображенъ св. Георгій Побѣдоносецъ, поражающій дракона золотымъ копьемъ; въ когтяхъ орла—золотой скипетръ и золотая держава.

Къ этимъ основнымъ изображеніямъ присоединяются еще и другія; по количеству ихъ гербъ бываетъ *большой*, *средній* и *малый*.

Кромѣ титула и герба, императору присваиваются еще внѣшніе символы его власти, такъ называемыя „императорскія и царскія регаліи“: государственная печать, государственное знамя, государственный мечъ, скипетръ и держава.

Престолонаслѣдіе. Вступленіе на престолъ, коронованіе и миропомазаніе. Несовершеннолѣтіе. Правительство и опека. Учрежденіе Императорской фамиліи.

6. *Престолонаслѣдіе.* Россія—наслѣдственная монархія; въ ней существуетъ установленный порядокъ преемства престола или власти монарха. Этотъ порядокъ созданъ былъ въ Россіи Императоромъ Павломъ, актомъ отъ 5 апрѣля 1797 года. Русская система престолонаслѣдія основана на слѣдующихъ началахъ:

1. Только лица опредѣленной династіи, т. е. члены нынѣ царствующаго Императорскаго дома имѣютъ право наслѣдовать престолъ.

Примѣчаніе 1. Члены Царствующаго дома суть лица, происшедшія отъ Императорской крови въ законномъ бракѣ.

Примѣчаніе 2. Условія законности брака: а) дозволеніе Импе-

ратора и b) совершеніе брака съ лицомъ, принадлежащимъ къ одному изъ царствующихъ домовъ.

2. Принадлежность къ православной церкви является существеннымъ моментомъ для вступленія на Всероссійскій престолъ.

3. Лица обоего пола допускаются къ наслѣдованію престола, при чемъ поколѣніе женскаго пола допускается за пресѣченіемъ послѣдняго мужскаго поколѣнія.

4. Мужскія поколѣнія наслѣдуютъ по праву первородства въ нисходящей линіи послѣдне-царствовавшаго Императора; такъ право наслѣдованія принадлежитъ прежде всего старшему сыну царствующаго Императора, а по немъ всему его мужскому поколѣнію; по пресѣченіи послѣдняго, наслѣдство переходитъ въ родъ второго сына Императора и т. д.

5. Лица, имѣющія непосредственное право на наслѣдованіе престола, могутъ отъ него отречься.

Примѣчаніе. Условія отреченія слѣдующія: a) оно можетъ быть только тогда, когда за симъ не предстоитъ никакихъ затрудненій въ наслѣдованіи престола и b) отреченіе, обнародованное и обращенное въ законъ, признается невозвратнымъ.

7. *Вступленіе на престолъ, коронованіе и миропомазаніе.* Наслѣдникъ силой закона вступаетъ на престолъ по кончинѣ Императора.

О восшествіи на престолъ объявляется въ особомъ манифестѣ; тогда всѣ подданные и инородцы русскаго государства приводятся къ присягѣ. Къ присягѣ приводятся всѣ лица мужскаго пола, достигшія 12-лѣтняго возраста; при чемъ присяга приносится одновременно воцарившемуся Императору и его законному Наслѣднику.

Восшествію на престолъ сопутствуютъ особые акты: коронованіе и миропомазаніе; эти акты, не давая никакихъ новыхъ правъ Императору, имѣютъ скорѣе религіозный характеръ, чѣмъ юридическій.

Въ назначенный заранѣе Государемъ день совершаются съ особой торжественностью оба эти акта въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. При этихъ актахъ присутствуютъ высшіе чины государства, духовенство, представители сословій и иностранные дипломатическіе агенты.

Коронованіе является видимымъ проявленіемъ принятія Государемъ верховной власти при благословеніи его церковью на высокое служеніе, а миропомазаніе—воспріятіе призываемой на помазанника благодати Духа Святого, наставляющей и вразумляющей его въ великомъ служеніи русскому царству.

Обрядъ коронованія заключается въ томъ, что монархъ, по произнесеніи вслухъ символа вѣры, облекается въ порфиру, возлагаетъ на себя императорскую корону, принимаетъ скипетръ и державу и колѣнопреклоненно произноситъ особую молитву, призывая помощь и благословеніе Царя царствующихъ на предстоящее великое служеніе отечеству.

8. *Несовершеннолѣтіе; правительство и опека.* Можетъ случиться, что на престолъ вступилъ несовершеннолѣтній наслѣдникъ, т. е. лицо

недостигшее 16 лѣтъ; совершеннолѣтіе же Государя по основнымъ законамъ начинается съ 16 лѣтъ. Какъ же тогда быть!?

На это отвѣчаютъ Основные законы, предписывая учрежденіе опеки и правительства надъ личностью и имуществомъ несовершеннолѣтняго Императора. *Опека* назначается для попеченія надъ особой малолѣтняго Государя, а *правительство* (или регентство) для завѣдыванія государственными дѣлами.

Учрежденіе опеки и правительства можетъ быть двоякое: или a) по завѣщанію умершаго Императора или b) по закону при отсутствіи завѣщанія.

Здѣсь мы должны замѣтить слѣдующее:

1) Обыкновенно правитель и опекунъ назначаются въ особомъ манифестѣ.

2) Обязанности правителя и опекуна могутъ быть соединены въ одномъ лицѣ.

3) Правительство и опека прежде всего принадлежатъ матери Императора, а при ея отсутствіи—ближайшему къ наслѣдію престола изъ совершеннолѣтнихъ обоего пола родственниковъ малолѣтняго Императора.

4) Правители теряютъ свои права или въ случаѣ безумія (хотя бы временнаго) или въ случаѣ вступленія ихъ въ бракъ во время регентства.

5) При правителѣ состоитъ Совѣтъ правительства изъ 6 особъ первыхъ двухъ классовъ, по выбору правителя.

6) Правитель имѣетъ рѣшающій голосъ, а совѣтъ—совѣщательный. Правитель является носителемъ всей полноты власти Императора.

Какъ только монархъ достигаетъ совершеннолѣтія, устраняется регентство.

9. *Учрежденіе Императорской фамиліи.* На основаніи этого Учрежденія членами Императорскаго Дома признаются всѣ лица, происшедшія отъ Императорской крови, въ законномъ бракѣ, дозволенномъ царствующимъ Императоромъ, и супруги ихъ.

Слѣдовательно, Императорская фамилія есть семья Государя и всѣ его какъ близкіе, такъ и отдаленные родственники, происшедшіе отъ Императорской крови въ законномъ бракѣ, а также супруги этихъ родственниковъ.

Члены Императорскаго дома имѣютъ особыя преимущества, состоящія: a) въ особомъ титулѣ, b) въ правѣ на извѣстные ордена, c) въ правѣ на опредѣленныя почести и отличія, d) въ правѣ на содержаніе и e) въ усиленной уголовной защитѣ.

Остановимся нѣсколько на этихъ преимуществахъ.

Титулъ. Титулъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государынь Императрицъ принадлежитъ матери и супругѣ Государя; титулъ Наслѣдника, Великаго Князя и Императорскаго Высочества принадлежитъ наслѣднику престола и т. д.

Ордена. Князья и княжны получаютъ разные ордена то при крещеніи, то при достиженіи совершеннолѣтія, то на общемъ основаніи

Отличія и почести. Они состоятъ въ правѣ на государственный гербъ (съ нѣкоторыми измѣненіями), въ правѣ на особый флагъ, на воинскія почести, на особый придворный штатъ.

Содержаніе. Оно выдается членамъ Императорской фамиліи въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ. Источникъ—казна, особыя недвижимыя имѣнія и капиталъ, подъ наименованіемъ удѣльныхъ.

Усиленная уголовная защита. Этимъ правомъ пользуются всѣ члены Императорскаго Дома и при этомъ всѣ въ одинаковой степени.

Отношенія между членами Императорской фамиліи и Царствующимъ Императоромъ слѣдующія:

1. Члены Императорской фамиліи суть подданные Государя; они обязаны ему почтеніемъ, вѣрностью и безпрекословнымъ повиновеніемъ.

2. Они приносятъ ему вмѣстѣ съ подданными присягу на вѣрноподданность.

3. Онъ разрѣшаетъ имъ вступать въ бракъ.

4. Въ случаѣ ихъ неповиновенія Государь можетъ лишить ихъ правъ, присвоенныхъ членамъ Императорскаго Дома.

Для членовъ Императорскаго Дома имѣются нѣкоторыя изъятія въ области гражданскаго права (такъ по вопросамъ о бракѣ, малолѣтствѣ, совершеннолѣтіи и наслѣдствѣ).

II. Высшія государственныя учрежденія.

Говоря выше о государственной власти, мы указали, что въ Россіи послѣ 17 октября Монархъ осуществляетъ законодательную дѣятельность въ единеніи съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Оба эти учрежденія являются высшими государственными законодательными учрежденіями, при чемъ *Государственная Дума* является *нижней* палатой, а *Государственный Совѣтъ—верхней* палатой.

Кромѣ этихъ двухъ законодательныхъ учрежденій, имѣется еще рядъ другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, на которыхъ мы ниже остановимся.

Къ высшимъ Государственнымъ учрежденіямъ и органамъ центральнаго управленія относятся:

1. Государственная Дума; 2. Государственный Совѣтъ; 3. Совѣтъ министровъ; 4. Правительствующій Сенатъ; 5. Святѣйшій Синодъ; 6) Министерства.

Кромѣ центральныхъ органовъ управленія, имѣются еще и мѣстные органы подчиненнаго управленія, а именно:

А. Правительственные органы: 1. Губернаторъ; 2. Губернское правленіе; 3. Казенная палата; 4. Акцизное управленіе; 5. Управленіе государственныхъ имуществъ; 6. Губернская контрольная палата; 7. Органы полицейскаго управленія.

В. Общественные органы: 1. Земскія учрежденія; 2. Городскія учрежденія.

Ниже мы разсмотримъ въ приведенномъ выше порядкѣ всѣ учрежденія, какъ центральныя, такъ и мѣстныя; начнемъ съ законодательныхъ органовъ.

Государственная Дума.

10. *Характеристика и исторія Думы.* Государственная Дума и Государственный Совѣтъ являются теперь законодательными учрежденіями, при чемъ Дума представляетъ собой нижнюю палату, а Совѣтъ—верхнюю. Надъ этими равными въ законодательномъ отношеніи палатами стоитъ Монархъ, что мы можемъ графически изобразить такъ:

Но законодательнымъ установленіемъ Государственная Дума стала не сразу, она имѣетъ длинную и своеобразную исторію.

Первоначально, *по манифесту и учрежденію 6 августа 1905 года*, Дума должна была быть *законосовѣщательнымъ учрежденіемъ*. Этотъ терминъ указываетъ на ту роль, которая отводилась Думѣ этимъ закономъ. По мысли этого закона 6 августа 1905 г. Дума учреждалась „для предварительной разработки и обсужденія законопроектовъ, восходящихъ, по силѣ основныхъ законовъ, черезъ Государственный Совѣтъ, къ верховной самодержавной власти, и для обсужденія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ“. Въ связи съ таковымъ характеромъ Думы учрежденіе 6 августа 1905 г. устранило отъ участія въ выборахъ значительный контингентъ лицъ и даже цѣлый классъ рабочихъ, требуя значительнаго имущественнаго ценза для пользованія избирательнымъ правомъ.

Но вотъ *17 октября 1905 года* послѣдовалъ въ отвѣтъ на разыгравшіяся въ Россіи серьезныя волненія манифестъ, превратившій Думу изъ законосовѣщательнаго учрежденія въ *законодательное*. Съ измѣненіемъ характера Думы должны были быть вновь разсмотрѣны избирательныя права населенія, и вотъ по закону *11 декабря 1905 года* избирательныя права населенія были значительно расширены.

Изданные впослѣдствіи *23 апрѣля 1906 г. Основные законы* подтверждаютъ высказанное въ манифестѣ: такъ ст. 7 Осн. зак. гласитъ: „Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой“, а ст. 86 такъ гласитъ: „Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора“.

Итакъ, въ Россіи въ настоящее время законодательная функція Верховной власти осуществляется Монархомъ и двумя палатами—Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой.

Повторительные вопросы и отвѣты.

1) Какія формы соединенія государствъ намъ извѣстны? Федераціи и уніи. 2) Какъ дѣлятся федераціи? На союзы государствъ и на союзныя государства. 3) Какъ дѣлятся уніи? На личныя и реальныя. 4) Что разумѣется подъ союзомъ государствъ? Соединеніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ для достиженія какой-нибудь спеціальной задачи. 5) Что разумѣется подъ союзнымъ государствомъ? Тѣсное соединеніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ. 6) Образцы союзныхъ государствъ? Америка, Швейцарія и Германія. 7) Каковы органы единой имперской власти въ Германіи? Императоръ, союзный совѣтъ и рейхстагъ. 8) Что разумѣется подъ личной уніей? Случайное соединеніе двухъ или нѣсколькихъ государствъ подъ властью одного лица, имѣющаго право престолонаслѣдія въ этихъ государствахъ. 9) Что разумѣется подъ реальной уніей? Прочное соединеніе государствъ, выражающееся не только въ единствѣ монарха, но и въ общности нѣкоторыхъ учрежденій на почвѣ общихъ интересовъ. 10) Какой манифестъ рѣзко измѣнилъ государственный строй Россіи? Манифестъ 17 октября 1905 года. 11) Когда были изданы новые основные законы? 23 апрѣля 1906 года. 12) Что принадлежитъ монарху въ области законодательной? Созывъ, роспускъ законодательныхъ учрежденій, право инициативы законовъ и санкція ихъ. 13) Какое новое начало введено основными законами въ созданіе законовъ? Никакой законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя. 14) Каковы права Государя въ области управленія? Право издавать указы, повелѣнія, объявлять мѣстности на военномъ положеніи, чеканки монеты, назначать и увольнять высшихъ должностныхъ лицъ, жаловать титулы, ордена, объявлять войну, заключать миръ и договоры, право верховнаго начальствованія надъ арміей и флотомъ и т. д. 15) Каковы права монарха въ области судебной? Право назначать судей, помиловать осужденныхъ, утверждать приговоры въ нѣкоторыхъ случаяхъ и т. д. 16) Реальныя прерогативы монарха? Его безотвѣтственность, неприкосновенность и право на матеріальное содержаніе. 17) Формальныя прерогативы? Право на титулъ и право на гербъ. 18) Какіе акты сопутствуютъ восшествію на престолъ государя? Коронованіе и миропомазаніе. 19) Для чего назначается опека и правительство при малолѣтнемъ правителѣ? Опека для попеченія надъ особой Государя, а правительство—для завѣдыванія государственными дѣлами. 20) Какія намъ извѣстны въ Россіи законодательныя учрежденія? Государственная Дума—нижняя палата и Государственный Совѣтъ—верхняя палата, а надъ ними Монархъ.

Курсъ латинскаго языка.

Publius Vergilius Maro. — Публій Вергилій Маронъ.

Энеида.

Пѣснь первая.

Объясненія и разборъ.

(*Продолженіе*).

Когда царь Резъ прибылъ на помощь Троѣ, оракулъ предсказалъ, что если кони его хоть одинъ разъ отвѣдаютъ корма или воды въ Троѣ, то Троя греками не будетъ взята. Въ предупрежденіе этого предсказанія греки измѣннически проникли въ лагерь Реза и увели всѣхъ его лошадей. *Ст. 474. parte alia*: т.-е. далѣе на картинѣ. — *Troilus*: младшій сынъ Пріама, убитый Ахилломъ. — *amissis... armis* — ablat. absolutus. *Ст. 477. cervixque*: т.-е. голова закинута назадъ, такъ, что безжизненно виситъ. *Ст. 478. versa... hasta*—ablat. *Ст. 479. interea* имѣетъ здѣсь свой буквальный смыслъ: *среди всего этого.* — *non aequae*—опредѣленіе къ Palladis. *Ст. 480. crinibus... passis*—ablat. absolutus.—*Iliades*: троянки.—*peplumque ferebant*: троянки несли Аѳинѣ (Минервѣ) богато вышитый плащъ въ даръ. *Ст. 481. diva:* Аѳина.—*aversa:* отвернувшись отъ дара и троянцевъ вообще. *Ст. 485. pectore ab imo*=ab imo pectore. — *gemitum dat.*: т.-е. Эней. *Ст. 486 — 487. ut... conspexit* — ut temporale. *Ст. 489. eoasque:* восточные.—*Memnonis:* Мемнонъ пришелъ на помощь троянцамъ съ эѳіопами. *Ст. 490. Amazonidum:* по преданію троянцамъ помогали пришедшія изъ Скиѳіи амазонки. *Ст. 491. Penthesilea:* предводительница амазонокъ.—*in milibus* подразумѣв. hostium. *Ст. 492. exsertae... mamae*—dativ. къ subnectens. *Ст. 493. viris*—dativ. въ связи съ глаголомъ concurrere.

Стихи 494—508. Прибытіе Дидоны въ храмъ. Ст. 494. Haec здѣсь nominat. pluralis сред. рода въ собирательномъ смыслѣ: *все это.*—*dum... videntur* — предлож. времени съ indicat. —*Dardanio Aeneae* — dativ. къ videntur; Dardanio является эпитетомъ: *потомку Дардана*, или *Дарданиду.*—*miranda* — gerundivum, согласован. съ haec. и имѣющій здѣсь смыслъ страдательнаго причастія настоящаго времени. *Ст. 495. obtutu defixus in uno* = in uno obtutu defixus. *Ст. 496. forma* — ablat. limitationis. *Ст. 497. magna... stipante caterva*—ablat. absolutus.—*iuvenum*—genet. quantitatis. *Ст. 498. qualis* здѣсь лучше перевести: *какъ.*—*Cynthi:* гора Цинтъ на островѣ Делосѣ, на которомъ, по преданію, родились Аполлонъ и Діана. *Ст. 499. quam* относится къ Diana.—*secutae*—согласовано съ Oreades (ст. 500)—participium coniunctum.; *Oreades*—горныя нимфы. *Ст. 500. illa* относится къ Diana. *Ст. 501. gradiensque*—particip. coniunctum къ illa.—*deas*—т.-е. нимфъ. *Ст. 502.* Порядокъ словъ: gaudia pertentant tacitum pectus Latonae. — *Latonae* (genet.): Латона была мать

Аполлона и Діаны. *Ст. 504. per medios*—среди толпы.—*operi regnisque futuris* — dativ. къ instans. *Ст. 505. foribus... media testudine* — ablat. loci. foribus здѣсь указываютъ на дверь, ведущую въ святилище богини. *Ст. 506. saepta armis*: окруженная множествомъ вооруженныхъ тѣлохранителей; armis — ablat. instrum. *Ст. 507. viris* — dativ. *Ст. 508. partibus... iustis... sorte* — ablat. modi.

Стихи 509—519. Появленіе спутниковъ Энея предъ Дидоной. Ст. 509—510 cum... videt — cum inversum. — *concursu... magno*—ablat. modi.—*accedere... Anthea Sergestumque... cloanthum* — accusat. cum infinit. при videt. *Ст. 511. Teucrorum*—genet. partit.—*aequore*—ablat. loci. *Ст. 513. percussus*—подразум. est. *Ст. 514. laetitiaque metuque*—ablat. causae. *Ст. 517—518. quae fortuna* (подразум. *sit*)... *quo... linquant, quid veniant*.—косвенные вопросы, потому и сказуем. въ coniunct. — *viris*—dativ.—*litore*—ablat. loci.—*cunctis navibus* — ablat. separationis. *Ст. 519. clamore*—ablat. modi.

Стихи 520—560. Обращеніе Иліонея къ Дидонѣ. Ст. 520. introgressi: подразум. *sunt*.—*data*: подразум. *est*. *Ст. 521. maximus*: подразум. natu, т.-е. старшій. — Слово *Ilioneus* здѣсь произносится такъ, что *eu* образуютъ одинъ слогъ.—*placido... pectore*—ablat. modi. *Ст. 523. iustitiaque*—ablat. instrum. *Ст. 524 ventis* — ablat. *auctoris*. — *maria omnia*—accusat., указывающій направленіе, путь (accusat. viae). *Ст. 525. infandos... ignes*—ужасные огни.— *prohibe*—imperativus. *Ст. 526. pio generi*—dativ. дополненія къ parce.—*res... nostras* — наше положеніе. *Ст. 527 — 528. ferro*—ablat. instrum.—*populare.. vertere*—infinitivus въ обозначеніи *цѣли* (infinitivus finalis). — *Penates*—метонимія, имѣетъ значеніе: *жилища*. *Ст. 529. animo... victis* — dativ. (подразум. *est*). *Ст. 530. Hesperiam*: такъ названа Италія; дословно: западная страна. *Ст. 531. armis... ubere* — ablat. limitationis. — *glaebae* (genet.): почвы. *Ст. 532—533*. Порядокъ словъ: ... nunc fama (подразум. *est*) minores dixisse gentem Italiam de nomine duci.—*minores dixisse*—accusat. cum infinit.; minores здѣсь: *потомки*. *Ст. 534.* неполный. *Ст. 535—538. cum... tulit*—cum inversum.—*Orion*: созвѣздіе, съ восходомъ и заходомъ котораго связаны волненія моря.—*fluctu*— ablat. instrumenti.—*procacibus Austris*—ablat. instrum.—*superante solo*—ablat. absolutus. *Ст. 540. hospitio*—ablat. separationis.—*harenae* — genet. *Ст. 541. primaque... terra* — ablat. loci. *Ст. 543. deos memores* (подразум. *esse*)—accusat. cum infinit. къ sperate.—*fandi... nefandi* genet. memoriae. *Ст. 544. nobis*—dat. possess.—*quo* — ablat. comparationis. *Ст. 545. pietate... bello... armis*—ablat. limitationis. *Ст. 546—547. aura aetheria*—ablat.— *crudelibus umbris* — ablat. loci. *Ст. 548—549. non metus*: нечего бояться (подразум. *sit*). — Порядокъ словъ: nec poeniteat te priorem certasse officio. — *certasse* (= certavisse) *priorem* — accusat. cum infinit. — *officio*—ablat. limitationis. — *poeniteat* — coniunct. hortativus. — *Siculis regionibus* — ablat. loci. *Ст. 551. ventis*—ablat. causae.—*liceat*—coniunct. hortativus. *Ст. 552. silvis*— ablat. loci. *Ст. 553. sociis et rege recepto* — ablat. absolutus. *Ст. 554. ut... petamus* — ut finale. *Ст. 555. absumpta* — подразум. *est*. *Ст. 558. regemque petamus*...=*ut* regem Acesten petamus; здѣсь подразумѣв. *ut* finale изъ стиха 554. *Ст. 559.*—*talibus*: подразум. *locutus est*. — *Ilioneus*: eu произн. какъ одинъ слогъ. *Ст. 560.* неполный.

Стихи 561—578. Привѣтственное слово Дидоны троянцамъ. Ст. 561. vultum demissa—опустивъ глаза. *Ст. 562. corde*—ablat. separationis. *Ст. 563—564. me... moliri... tueri* — accusat. cum infinit. при cogunt.—*et* здѣсь не соединительный, а пояснительный: *то-есть*. *Ст. 565—566. genus Aeneadum* — Энеевъ родъ, т.-е. троянцевъ.—*Troiae*—genet. explicativus.—*nesciat*—coniunct. potentialis. — *virtutesque virosque*: доблесть и мужей, т.-е. доблестныхъ мужей (оборотъ, извѣстный подъ названіемъ *hendiadys*, состоящій въ раздѣленіи двухъ такихъ понятій, изъ которыхъ одно является опредѣленіемъ другого). — *tanti.. belli*...—genet. explicativus. *Ст. 568. nec... equos... Sol iungit*: солнце не очень далеко отъ Карѳагена совершаетъ свой путь, т.-е. Карѳагенъ принадлежитъ не къ холоднымъ странамъ съ холодными обитателями. *Ст. 569. Saturniaque arva:*

такъ назывался Лацій оттого, что Сатурнъ, изгнанный съ неба, избралъ его своимъ царствомъ. *Ст. 570. Erycis* (genet. possessiv.): гора Эриксъ, на сѣверозападѣ Сициліи, названная такъ отъ имени сына Венеры Эрикса, убитаго Геркулесомъ и похороненнаго на этой горѣ. *Ст. 572. vultis = si vultis. — his... regnis:* здѣсь, въ Карѳагенѣ. *Ст. 574. Tros*=Troas.—*nullo discrimine*—ablat. modi. *Ст. 575. Noto... eodem* — ablat. auctoris; Noto обозначаетъ здѣсь просто *вѣтеръ*. *Ст. 576. afforet*—coniunct. optativus въ связи съ utinam.—*certos:* подразум. *viros*. *Ст. 578. quibus... silvis... urbibus*—ablat. loci.

Стихи 579—612. Появленіе Энея. Ст. 579. his... dictis—ablat. causae.—*animum*—accusat. relativus, употребляемый только въ поэзіи. *Ст. 582. dea*—ablat. originis. *Ст. 583. omnia tuta* (подразум. *esse*)—accusat. cum infinit. при vides. — то же и classem sociosque receptos (esse). *Ст. 584—585. quem... summersum* (esse)—accusat. cum infinit. — *dictis... matris* (dativ): т.-е. тому, что сказала Венера. *Ст. 586—587. cum... scindit... purgat* — cum inversum. *Ст. 589. os umerosque*—accusat. relativus.—*deo* — dativ. *Ст. 591. afflarat*= afflaverat.—*oculis*—dativ. *Ст. 592—593.* Порядокъ словъ: quale decus manus addunt ebori aut ubi argentum Pariusve lapis circumdatur flavo auro. — *ebori... flavo... auro*—dativ. *Ст. 594. cunctis*—dativ. *Ст. 598. Danaum*—genet. partitivus. *Ст. 599. omnibus... casibus*—ablat. causae.—*omnium*—genet. при egenos. *Ст. 600.* urbe, domo=in urbe, in domo. *Ст. 601. opis est nostrae*—genet. pretii. *Ст. 602. gentis Dardaniae* — genet. partitiv. *Ст. 604. recti* — genet. obiect. при conscius. *Ст. 607. montibus* — ablat. loci. *Ст. 611. dextra laevaque*—ablat.

Стихи 613—630. Привѣтственное слово Дидоны Энею. Ст. 613. primo aspectu—ablat. causae. *Ст. 614. casu... tanto*—ablat. causae. *Ст. 616. immanibus... oris*—dativ. *Ст. 617.* Стихъ этотъ обладаетъ особенностью построенія: въ 5-ой стопѣ *спондей* и *зіяніе* (Dardanio Anchisae читается: Dār dă nĭ|ō An|chīsae). *Ст. 619. Teucrum... venire* — accusat. cum infinit. — *Sidona*—accusat. мѣста. *Ст. 621. auxilio* — ablat. modi. *Ст. 622. dicione* — ablat. instrum.—Дидона вспоминаетъ здѣсь сына саламинскаго царя и брата героя троянской войны Аякса — Тевкра, который былъ изгнанъ отцомъ изъ родного города и бѣжалъ къ сидонскому царю Белу, отцу Дидоны, съ помощью котораго завладѣлъ островомъ Кипромъ и основалъ тамъ городъ.—*Ст. 626. seque ortum* (esse)—accusat. cum infinit. къ volebat. *Ст. 627.* Порядокъ словъ: quare agite, o iuvenes, tectis nostris succedite. — *tectis... nostris*—dativ. *Ст. 629—630. me... consistere* — accusat. cum infinit. — *hac... terra* — ablat. loci. *Ст. 630. mali* — genet. при ignara.—*miseris*—dativ.

Стихи 631—642. Пріемъ Энея Дидоной и приготовленія къ пиршеству. Ст. 632. templis—ablat.—*honorem*: жертвоприношенія. *Ст. 636. munera laetitiamque* — hendiadys. — *dii* = diei (genet.). Неполный стихъ. *Ст. 637. regali luxu*—ablat. modi. *Ст. 639. arte*—ablat. modi. *Ст. 640. mensis*—dativ.

Стихи 643—656. Эней посылаетъ Ахата за дарами. Ст. 645. ferat... ducat=ut ferat, ut ducat (ut finale). *Ст. 647. Iliacis... ruinis*—ablat. separationis. *Ст. 651. hymaeneos* происходитъ отъ Hymaeneus (богъ брака) и означ.: свадьба, бракъ. *Ст. 654. collo*—dativ. *Ст. 655. gemmis auroque*—ablat. materiae.

Стихи 657—696. Венера посылаетъ къ Дидонѣ Купидона въ образѣ Асканія. Ст. 658. faciem et *ora* — accusat. relativus.—*Cupido*—иначе Amor, сынъ Венеры, богъ любви.—*ut... veniat*—ut obiectiv. *Ст. 665. tela Typhoea*: Венера, желая указать на всемогущество бога любви, выражается о немъ, что онъ не боится тѣхъ молніеносныхъ перуновъ Юпитера, которыми тотъ убилъ чудовище со 100 головами, по имени Тифоэй, возставшее на него. *Ст. 671. quo... vertant* — косвенный вопросъ. *Ст. 672. tanto... cardine* (ablat. temporis): cardine здѣсь имѣетъ переносное значеніе: *поворотъ, оборотъ*. *Ст. 674. ne... nutet*—ne finale. — *quo... numine* — ablat. causae. *Ст. 675. Aeneae* — genet. obiectivus. *Ст. 676. qua... possis* — косвенный вопросъ. *Ст. 677. accitu* — ablat. causae. *Ст. 679. pelago... flammis* — ablat. separationis. *Ст. 681. sacrato seda*—ablat.

loci.—*Idalium*: гора на островѣ Кипрѣ, гдѣ былъ храмъ Венеры. *Ст. 682. ne... possit*—ne finale.—*qua* (ablat.)=qua ratione. *Ст. 683. noctem... unam*—accusat. въ обознач. времени. *Ст. 685—687. cum... accipiet... dabit... figet*—cum temporale. — *Lyaeum*: другое названіе бога Вакха. *Ст. 689. dictis* — dativ. *Ст. 695. dicto*—dativ. *Ст. 696. duce Achate*—ablat. absolut.

Стихи 697—711. Пиръ у Дидоны. Ст. 698. aurea произносится здѣсь какъ двухсложное. *Ст. 700. conveniunt* — praes. historicum. — *discumbitur*— безличный оборотъ, который слѣдуетъ перевести множеств. числомъ. *Ст. 701. manibus*—dativ.—*canistris*—ablat. *Ст. 702. tonsisque villis*—ablat. qualitatis.

Стихи 712—722. Амуръ привлекаетъ вниманіе Дидоны и возбуждаетъ въ ней любовь. Ст. 712. pesti... futurae—dativ. *Ст. 713. mentem*—accusat. relat. *Ст. 720. Acidaliae:* Ацидаліей Венера называется отъ имени источника, въ которомъ она любила купаться. *Ст. 721. vivo... amore*—ablat. instrum.

Стихи 723—747. Возліянія, пѣснопѣнія. Ст. 723. postquam... quies: подразум. fuit.—*epulis*—dativ.—*remotae*—подразум. sunt. *Ст. 724. statuunt... coronant*—praesens historicum.—*coronant* указываетъ на обычай возлагать вѣнки на чаши съ виномъ. *Ст. 725. tectis*—ablat. loci. *Ст. 726. laquearibus aureis*—ablat. *Ст. 728. gemmis auroque*—ablat. causae. *Ст. 729—730. omnes a Belo:* потомки Бела. *Ст. 731. hospitibus* — dativ. — *te dare* — accusat. cum infinit. *Ст. 732—733. hunc... diem... esse, minores... meminisse* — accusat. cum infinit.—*velis*—coniunct. hortativus. *Ст. 734. assit*—coniunct. hortativus. *Ст. 737. libato*—ablat. absolutus — безличный. *Ст. 741. Atlas*: Атлантъ считался также мудрецомъ, объяснившимъ теченіе звѣздъ и движенія свѣтилъ (отсюда произошло названіе *άτλας*); здѣсь Атлантъ поэтому называется учителемъ пѣвца Іопаса. *Ст. 744. Arcturum*: названіе большой звѣзды въ созвѣздіи Челнока.—*Hyadas:* созвѣздіе, заходъ и восходъ котораго сопровождаются дождями. — *Triones:* созвѣздія Большой и Малой Медвѣдицъ. *Ст. 745. quid... properent*—косвенный вопросъ. *Ст. 746. quae... obstet*—косвенный вопросъ.—*tardis noctibus*—dativ. къ глаг. obstet.

Стихи 748—756. Просьба Дидоны. Ст. 751. quibus... venisset... armis— косвенный вопросъ.—*Aurorae filius:* Мемнонъ. *Ст. 753. immo:* имѣетъ здѣсь смыслъ: *нѣтъ, однако. Ст. 756. omnibus... terris... fluctibus*—ablat. loci.

Переводъ.

Ст. 297—301. Это онъ говоритъ и сына своего посылаетъ съ вышины (съ неба) чтобы земли и новыя крѣпости Карѳагена открылись для гостепріимства (т. е. для принятія) Тевкровъ, чтобы не знающая *предначертаній* судьбы Дидона не удалила *ихъ* отъ предѣловъ (отъ своей земли). Тотъ летитъ по обширному воздушному пространству взмахомъ крыльевъ (размахивая крыльями) и вскорѣ достигаетъ береговъ Ливіи. *Ст. 302—304.* И уже приказаніе онъ исполнилъ, и располагаютъ жестокія сердца пунійцы по волѣ бога; въ числѣ первыхъ царица принимаетъ спокойную душу и благосклонный умъ (т. е. благожелательно настроена) къ Тевкрамъ.

Ст. 305—309. Но благочестивый Эней, въ теченіе ночи многое продумавъ, рѣшилъ, какъ только данъ будетъ благодатный свѣтъ (т. е. какъ скоро наступитъ день), выйти и изслѣдовать новыя мѣста, узнать, къ какимъ берегамъ съ помощью вѣтра онъ прибылъ, кто владѣетъ ими, люди или звѣри, ибо онъ видитъ *ихъ* необработанными, и изслѣдованное (т. е. результаты изслѣдованія) спутникомъ донести. *Ст. 310—313.* Флотъ, кругомъ запертый деревьями и ужасными тѣнями, онъ скрылъ въ выпуклости (углубленіи) рощъ подъ выдолбленной скалой (т. е. подъ развытой скалой); самъ *же*, сопровождаемый однимъ Ахатомъ, выступаетъ (идетъ), метая рукою два копья съ широкимъ желѣзомъ (т. е. желѣзн. наконечникомъ). *Ст. 314—320.* Ему навстрѣчу по срединѣ лѣса появилась мать (т. е. Венера), имѣя видъ и одежду дѣвушки и оружіе дѣвы спартанской, или *одѣтая* какъ ѳракіянка Гарпалика, *тогда* она утомляетъ коней и опережаетъ бѣгомъ быстраго эвра. Ибо охотница, по обычаю, повѣсила черезъ плечо удобный лукъ и дала вѣтрамъ развѣвать волосы, съ обнаженнымъ колѣномъ (т. е. обнаживъ колѣно) и собравшая въ узелъ развѣвающіяся складки.

Ст. 321—324. И она первая сказала: «Эй, юноши, укажите, не видѣли ли вы случайно здѣсь блуждающей какую-нибудь изъ моихъ сестеръ, съ подвязаннымъ колчаномъ и съ покрываломъ пестрой рыси, или крикомъ преслѣдующую бѣгъ покрытаго пѣной (взмыленнаго) кабана?» *Ст. 325—334.* Такъ *сказала* Венера, и сынъ Венеры такъ началъ въ отвѣтъ: «Никакая изъ твоихъ сестеръ не слышана и не видана мною, о— какъ мнѣ тебя величать, дѣва? Ибо лицо у тебя не смертной и голосъ не звучитъ почеловѣчески, о, навѣрно, богиня, или сестра Феба? Или одна изъ крови (изъ рода) нимфъ? Будь счастлива, кто бы ты ни была, и наши страданія облегчи и вразуми насъ, подъ какимъ, наконецъ, небомъ, на какихъ берегахъ круга (земного шара) мы очутились. Не зная людей и мѣстъ, мы блуждаемъ, прибитые сюда вѣтрами и бурными волнами. Многія жертвы упадутъ отъ нашей правой руки предъ твоими алтарями. *Ст. 335—339.* Тогда Венера *возразила*: «Конечно, я не достойна такой почести; у дѣвушекъ тирійскихъ есть обычай носить колчанъ и высоко обвязывать икры пурпуровымъ котурномъ. Ты видишь Пунійское царство, тирійцевъ и городъ Агенора, но границы Либійскія, народъ непреклонный (неукротимый) въ войнѣ. *Ст. 340—342.* Властью правитъ Дидона, ушедшая изъ тирійскаго города, убѣгая отъ брата. Велика несправедливость, длинны подробности (это длинная исторія); но я коснусь крайнихъ верхушекъ событій (т. е. наиболѣе выдающихся моментовъ). *Ст. 343—347.* У этой (т. е. у Дидоны) былъ супругъ Сихей, богатѣйшій полями между финикійцами и любимый сильной любовью несчастной; ему отецъ далъ ее нетронутою (дѣвственной) и сочеталъ первымъ бракомъ. Но тирійскій престолъ занималъ ея родной братъ, Пигмаліонъ, превосходившій всѣхъ въ злодѣяніяхъ.

Ст. 348—352. Между ними (т. е. между Пигмаліономъ и Сихеемъ) явилась ненависть. Тотъ нечестивый и ослѣпленный любовью къ золоту, не заботясь о любви сестры, желѣзомъ (оружіемъ) одолѣваетъ тайно предъ жертвенниками (т. е. въ храмѣ во время молитвы) не остерегавшагося (не подозрѣвавшаго) Сихея; и долго скрываетъ совершенное и коварный, придумывая многое, обманывалъ напрасной надеждой огорченную любящую. *Ст. 353—359.* Но самъ образъ непогребеннаго супруга явился ей во снѣ; подымая страннымъ образомъ блѣдное лицо, онъ обнажилъ (т. е. открылъ) жестокіе алтари и грудь, пронзенную мечомъ, и раскрылъ все, все скрытое преступленіе дома. Затѣмъ онъ ей совѣтуетъ ускорить бѣгство и уйти изъ отечества, и открываетъ въ землѣ вспомоществованіе для дороги, древнія сокровища, неизвѣстный вѣсъ (неисчислимое количество) серебра и золота. *Ст. 360—364.* Побужденная этимъ Дидона приготовляетъ бѣгство и спутниковъ. Сходятся, у которыхъ была или жестокая ненависть къ тирану или сильный страхъ; корабли, которые случайно были приготовлены, схватываютъ они и нагружаютъ золотомъ. Несутся по морю богатства скупого Пигмаліона; женщина-предводитель предпріятія. *Ст. 365—370.* Они прибыли въ мѣста, гдѣ ты теперь видишь огромныя стѣны и возвышающійся замокъ новаго Карѳагена, и они купили землю, по имени событія—Бирсу, сколько могли бы окружить бычачьимъ хребтомъ—но вы, наконецъ, кто такіе, или съ какихъ береговъ вы пришли? или куда держите путь? *Ст. 370—377.* Вопрошающей тотъ (т. е. Эней) такъ отвѣтилъ, вздыхая и извлекая голосъ изъ нижайшей груди (глубины сердца): «О богиня, если, возвращаясь, съ самаго начала *нашихъ страданій* я начну повѣствовать и *тебѣ* былъ бы досугъ слушать лѣтопись нашихъ страданій, то прежде Вечеръ (вечерняя звѣзда) уложитъ день, послѣ того какъ закрытъ будетъ Олимпъ. Насъ изъ древней Трои (если вашего слуха коснулось случайно имя Трои) гонимыхъ по разнымъ морямъ своей силой (случайно) буря примчала къ Либійскимъ берегамъ. *Ст. 378—385.* Я благочестивый Эней, подъ небесами извѣстный славой *своей*, который везу у врага похищенныхъ пенатовъ на флотѣ съ собой. Я стремлюсь въ Италію, родину *свою* и родъ отъ высшаго Юпитера. На дважды десяти корабляхъ я пустился во Фригійское море, въ то время какъ мать мнѣ указывала путь, слѣдуя веленію судьбы; едва семь *изъ нихъ*, разбитые волнами и Эвромъ, остаются. Самъ неизвѣстный, нуждаясь, изгнанный изъ Европы и Азіи, я блуждаю по пустынямъ Либіи. *Ст. 385—392.* И не долго выслушивая жалующагося, Венера въ срединѣ страданій (отъ печальнаго повѣствованія) прервала его: «Кто бы ты ни былъ, я вѣрю, не ненавистный небожителямъ ты ловишь жизненныя дуновенія (т. е. ты не оставленъ богами безъ милостей), который пришелъ (разъ ты прибылъ) въ Тирійскій городъ.

Продолжай же и отсюда къ порогамъ царицы ступай. Ибо я возвѣщаю тебѣ, что спутники твои возвращаются и что флотъ принесенъ измѣнившимися аквилонами въ безопасное мѣсто, если не напрасно меня тщеславные родители научили гаданіямъ.

Ст. 393—396. Взгляни на дважды шесть радующихся строемъ *летающихъ* лебедей, которыхъ птица Юпитера (орелъ), соскользнувъ съ эфирныхъ пространствъ, смѣшала (привела въ смятеніе) на открытомъ небѣ; теперь они длиннымъ рядомъ, кажется, или заняли земли, или смотрятъ внизъ на уже занятыя земли. *Ст. 397—401.* Подобно тому какъ тѣ, возвратившіяся, играютъ шумящими крыльями, и собраніемъ окружили полюсъ и издали пѣніе,—не иначе твои корабли и толпа твоихъ (т. е. близкихъ тебѣ, спутниковъ) или достигла гавани и на полныхъ парусахъ (полнымъ ходомъ) подходитъ къ устью. Ступай только и направь стопы *туда*, куда тебя дорога поведетъ. *Ст. 402—405.* Она сказала и обернувшись засіяла своей розовой шеей, и волоса запахнули отъ темени божественнымъ запахомъ амброзіи; до края ногъ спала одежда, и истинная богиня открылась въ походкѣ. *Ст. 405—409.* Тотъ, какъ только узналъ мать, послѣдовалъ за убѣгающей такими словами: «Какъ, и ты также, жестокая, обманываешь сына ложными образами. Почему не позволено соединить правую руку съ правой и искреннія рѣчи слышать и возражать?» *Ст. 410—417.* Такими *словами* онъ *ее* обвиняетъ и направляетъ шаги къ стѣнамъ (т. е. къ городу). Венера же окружила идущихъ темнымъ облакомъ, и богиня облила *ихъ* вокругъ густымъ покрываломъ тумана, чтобы никто ихъ не могъ замѣтить, или затронуть, или заставить замедлить или разспрашивать о причинахъ прихода. Сама она высоко полетѣла къ Пафосу и веселая опять увидѣла свое мѣстопребываніе, гдѣ у нея храмъ и сто алтарей пылаютъ сабейскимъ ѳиміамомъ и пахнутъ свѣжими вѣнками.

Стихи 418—422. Между тѣмъ они (т. е. Эней съ Ахатомъ) быстро отправились въ путь, куда имъ указываетъ тропинка. И уже восходятъ они на холмъ, который выдается высоко надъ городомъ и смотритъ сверху на противоположные замки. Удивляется Эней громадѣ (т. е. величинѣ города), нѣкогда хижинамъ (т. е. гдѣ нѣкогда были жалкія лачуги), удивляется воротамъ, и шуму, и мостовымъ.

Ст. 423—425. Старательно трудятся тирійцы: часть возвышаетъ стѣны и строитъ замки и руками подкатываетъ камни; часть выбираетъ мѣсто для дома и окружаетъ рвомъ. *Ст. 426—429.* Они *издаютъ* законы и избираютъ магистратовъ и священный сенатъ. Здѣсь одни копаютъ гавани; тамъ другіе помѣщаютъ глубокій фундаментъ для театра и выбиваютъ огромныя колонны изъ скалъ, высокое украшеніе для будущей сцены. *Ст. 430—436.* Какъ пчелъ подъ солнцемъ въ началѣ лѣта упражняетъ трудъ по цвѣтущимъ полямъ, когда онѣ выводятъ взрослыхъ рода (т. е. взрослое потомство) или когда сгущаютъ чистый медъ и наполняютъ соты сладкимъ нектаромъ, или *когда* принимаютъ ношу отъ приходящихъ, или, собравшись роемъ, отгоняютъ отъ ульевъ трутней, лѣнивый рой; работа кипитъ и душистый медъ пахнетъ тиміаномъ. *Ст. 437—440.* О, счастливые, стѣны которыхъ уже возвышаются» говоритъ Эней и взираетъ на верхушки *строенія* города. Окруженный туманомъ (удивительно сказать!) направляется онъ въ середину *толпы*, смѣшивается съ мужами и не замѣчается никѣмъ.

Ст. 441—445. Посрединѣ *города* была роща, очень пріятная благодаря тѣни, гдѣ Финикіяне, гонимые волнами и вихремъ, тотчасъ выкопали знакъ, который указала царственная Юнона—голову быстраго коня: такъ ибо народъ будетъ многіе вѣка непобѣдимымъ въ войнѣ и легкимъ въ побѣдѣ . *Ст. 446—449.* Здѣсь сидонская Дидона построила огромный храмъ Юнонѣ, богатый дарами и могуществомъ богини, у коего мѣдные пороги возвышались на ступеняхъ, и столбы, спаянные мѣдью, и на мѣдныхъ дверяхъ скрипѣлъ крюкъ.

Ст. 450—452. Въ этой рощѣ сначала новое представившееся обстоятельство смягчило страхъ (Энея), здѣсь впервые Эней осмѣлился надѣяться на спасеніе и болѣе *началъ* довѣрять печальнымъ обстоятельствамъ. *Ст. 453—458.* Ибо пока онъ, ожидая царицу, разсматриваетъ отдѣльныя вещи подъ огромнымъ храмомъ, пока онъ удивляется, какова судьба города и искусство художниковъ между собой (т. е. состояніе въ искусствѣ) и трудъ работъ, онъ видитъ по порядку иліонскія битвы и войны, уже извѣстныя славою по всему земному шару, Атридовъ и Пріама, и Ахилла, жестокаго для обоихъ. *Ст. 459—463.* Онъ остановился и плача сказалъ: «Какое уже мѣсто,

Ахатъ, какая страна на землѣ не полна нашимъ несчастьемъ. Вотъ Пріамъ! И здѣсь также воздаются награды по заслугѣ; *проливаются* слезы о несчастныхъ событіяхъ, и несчастія смертныхъ трогаютъ душу. Отпусти страхъ, эта слава принесетъ тебѣ какое-нибудь спасенье». *Ст. 464—468.* Такъ онъ говоритъ и, вздыхая о многомъ, питаетъ умъ пустой картиной и увлажняетъ лицо широкимъ потокомъ (т. е. обильными слезами). Ибо онъ видѣлъ, какъ греки, сражающіеся вокругъ Пергама, тамъ бѣжали; какъ троянская молодежь гонитъ *ихъ*, какъ фригійцы *бѣжали*; какъ преслѣдуетъ на колесницѣ Ахиллесъ въ шлемѣ съ перьями. *Ст. 469—473.* Невдалекѣ оттуда онъ распозналъ, плача, палатки во время перваго сна, и которыя кровожадный Ѳетидъ опустошилъ большимъ убійствомъ и повернулъ въ лагерь горящихъ коней, прежде чѣмъ они попробовали кормъ Трои и пили Ксантъ (т. е. воду изъ Ксанта). *Ст. 474—478.* Въ другой части—убѣгающій Троилъ, потерявъ оружіе, несчастный мальчикъ и неравный, вступивши въ бой съ Ахиллесомъ, несется конями и опрокинутый на спину повисъ изъ пустой колесницы, держа, однако, возжи; у него шея и волоса влекутся по землѣ, и опрокинутое копье обозначается на пескѣ. *Ст. 479—482.* Между тѣмъ Иліонскія женщины съ распущенными волосами шли къ храму неблагосклонной Паллады; онѣ, печальныя и ударявшія руками въ грудь, умоляя, несли плащъ; богиня, отвернувшись (т. е. отвернувъ голову), держала глаза, устремленные въ землю. *Ст. 483—484.* Трижды вокругъ иліонскихъ стѣнъ Ахиллесъ влекъ Гектора и продалъ безжизненное тѣло за золото. *Ст. 485—487.* Тогда, однако, онъ (т. е. Эней) испускаетъ изъ глубины груди сильный вздохъ, когда онъ замѣтилъ доспѣхи, колесницу и самое тѣло друга, и Пріама, простирающаго безжизненныя руки. *Ст. 488—493.* Онъ также узналъ себя, смѣшавшагося съ ахивскими начальниками, и восточные отряды, и вооруженіе чернаго Мемнона. Бѣснующаяся Пентезилея ведетъ отряды амазонокъ съ лунообразными щитами, и воительница, подвязавъ обнаженную грудь золотымъ поясомъ, пылаетъ посреди тысячъ, и дѣва дерзаетъ сражаться съ мужами.

Ст. 494—497. Между тѣмъ какъ это (т. е. всѣ эти картины) показывается дарданійцу Энею удивительнымъ, между тѣмъ какъ онъ изумляется и останавливается погруженный въ одно созерцаніе, царица Дидона, прекраснѣйшая по внѣшности, идетъ къ храму въ сопровожденіи большой толпы юношей. *Ст. 498—504.* Какъ Діана, которую окружаютъ тысячи оріадъ, слѣдующихъ *за нею* здѣсь и тамъ, управляетъ хоромъ на берегахъ Эврота или на вершинахъ Цинта; она носитъ колчанъ на плечѣ и походкой превосходитъ всѣхъ богинь: радости проникаютъ въ молчаливую грудь *дочери* Латоны: такова была Дидона, такая веселая она проходила среди *толпы*, побуждая къ работѣ и къ будущему царству (т. е. къ господству!). *Ст. 505—512.* Потомъ она сѣла у дверей богини подъ среднимъ сводомъ храма, окруженная оружіемъ (т. е. тѣлохранителями) и опираясь на высокій тронъ. Она давала судъ и законы мужамъ и распредѣляла на равныя части или назначала жребіемъ работы, какъ вдругъ Эней увидѣлъ, что при большомъ стеченіи *народа* приближаются Антей, и Сергестъ, и храбрый Клоантъ и другіе троянцы, которыхъ мрачный вихрь разогналъ по морю и отнесъ далеко къ другимъ берегамъ. *Ст. 513—519.* Остолбенѣлъ онъ самъ, и въ то же время Ахатъ былъ пораженъ радостью и страхомъ: они жаждали соединить правыя руки (т. е. поздороваться съ товарищами), но неизвѣстность смущаетъ души. Они сдерживаются и покрытые густымъ туманомъ наблюдаютъ, какова судьба мужей, у какого берега они оставляютъ флотъ, зачѣмъ они пришли; ибо выбранные отъ кораблей шли, прося милости, и съ шумомъ стремились къ храму.

Ст. 520—526. Послѣ того какъ они вошли и дано было позволеніе говорить въ присутствіи *царицы*, старѣйшій Иліоней съ спокойнымъ сердцемъ такъ началъ: «О царица, которой Юпитеръ позволилъ основать новый городъ и обуздывать справедливостью гордые народы, мы, несчастные троянцы, гонимые по всѣмъ морямъ вѣтрами, умоляемъ тебя: удержи страшные огни отъ кораблей, пощади благочестивое племя и ближе вникни въ наше положеніе. *Ст. 527—529.* Мы не пришли ни опустошить желѣзомъ (оружіемъ) либійскихъ пенатовъ, ни тащить къ берегамъ награбленную добычу: не такое насиліе у насъ на умѣ, и высокомѣріе не такъ велико у побѣжденныхъ. *Ст. 530—533.* Есть мѣсто, греки называютъ отъ своего имени Гесперіей, древняя земля, могущественная оружіемъ и плодородіемъ почвы; энотрійскіе мужи населяли *ее*; теперь идетъ слухъ, что потомки назвали страну Италіей, по имени предво-

дителя. *Ст. 534—538*. Туда былъ *нашъ* путь. Какъ вдругъ поднявшійся волною дождливый Оріонъ на слѣпыя (т. е. невѣдомыя) мели отнесъ и совсѣмъ дерзкими аустрами разсѣялъ по волнамъ *насъ, и безъ того* измученныхъ моремъ, и по непроходимымъ камнямъ: *и вотъ* сюда мы немногіе (т. е. въ небольшомъ числѣ) къ вашимъ берегамъ приплыли.

Ст. 539—543. Что это за родъ людей (т.-е. что вы за народъ)? Какое отечество (какая страна) позволяетъ такой столь дикій обычай? Отъ гостепріимства берега насъ отстраняютъ (т.-е. намъ мѣшаютъ высадиться на берегъ); войны учиняютъ (т. е. насъ встрѣчаютъ съ оружіемъ) и запрещаютъ ступить на первой землѣ. Если вы презираете родъ человѣческій и вооруженіе смертныхъ, то надѣйтесь, что боги помнятъ законное и беззаконное. *Ст. 544—550*. У насъ былъ царь Эней, котораго никто другой не былъ справедливѣе ни больше благочестіемъ, ни войной и оружіемъ. Каковаго мужа, если судьбы сохраняютъ, если онъ питается *еще* воздухомъ и не лежитъ въ жестокихъ тѣняхъ (т. е. въ царствѣ тѣней),—нѣтъ страха (т. е. тогда я ничего не боюсь), и тебѣ не придется раскаиваться, что ты первая состязалась услугой (что ты первая оказала услугу). Имѣются и въ Сицилійскихъ областяхъ города и оружіе и славный Ацестъ, произошедшій отъ троянской крови.

Ст. 551—558. Пусть будетъ дозволено подвести *къ берегу* разбитый вѣтрами флотъ и въ лѣсахъ приспособить бревна и вырубить весла *для того, чтобы*, если дано (т. е. если суждено) *намъ*, получивъ (снова увидавъ) товарищей и царя, въ Италію отправиться ,то чтобы въ Италію мы устремились радостные; если же отнято спасеніе и тебя всеблагій отецъ тевкровъ, море Либійское имѣетъ (т. е. если ты потонулъ) и не остается уже и надежды на Іула, то *чтобы* мы по крайней мѣрѣ могли направиться въ заливы Сицилійскіе къ царю Ацесту и въ готовыя жилища, откуда мы уѣхали.

Ст. 559—560. Такими *словами* говорилъ Иліоней, и вмѣстѣ всѣ дарданиды заговорили вокругъ. *Ст. 561—564*. Тогда Дидона, опустивъ глаза, говоритъ: «разрѣшите страхъ изъ сердца, тевкры, оставьте заботы, тяжелыя обстоятельства и молодость государства заставляютъ меня совершать такое (т. е. такія дѣла) и границы охранять стражей широко. *Ст.565—571*. Кто родъ энеидовъ, кто городъ Трою не знаетъ, доблестныхъ мужей или пожаровъ столь великой войны? Не до того притупленныя груди носимъ мы карѳагеняне и не столь отвернувшееся отъ тирійскаго города солнце запрягаетъ коней. Желаете ли вы *направиться* въ великую Гесперію, къ Сатурновымъ полямъ, или къ границамъ Эрика- къ царю Ацесту, я вамъ приду на помощь и въ безопасности *васъ* отпущу. *Ст. 572-578*. Хотите вы въ этомъ царствѣ со мной утвердиться—городъ, который я строю, вашъ есть; подводите корабли, у меня никакой разницы не будетъ между троянцемъ и тирійцемъ. И о если бы самъ царь Эней прибылъ, прибитый тѣмъ самымъ Нотомъ! Я, конечно, разошлю надежныхъ людей по берегамъ и прикажу обыскать отдаленнѣйшіе *углы* Либіи, быть можетъ, онъ блуждаетъ выброшенный въ какихъ-либо лѣсахъ или городахъ.

Ст. 579—585. Этими словами приподнятые духомъ и храбрый Ахатъ и отецъ Эней уже давно пылали *желаньемъ* разорвать облако. Первый Ахатъ обратился къ Энею: «Сынъ богини, какое рѣшеніе теперь изъ твоей души поднимается? Ты видишь все въ безопасности и флотъ, и товарищей возвращенными (что... возвращены). Одинъ лишь отсутствуетъ, котораго мы сами видѣли, какъ онъ утонулъ въ волнѣ; остальное соотвѣтствуетъ сказанному матерью (Венерой). *Ст. 586—593*. Едва онъ это сказалъ, какъ вдругъ кругомъ разлитое облако разрывается и уносится въ чистый воздухъ. Эней предсталъ и заблисталъ въ яркомъ свѣтѣ, подобный богу лицомъ и плечами (т. е. осанкой); ибо сама родительница прекрасные волосы сыну и пурпуровый блескъ юности и радостную красоту въ глаза вдунула (сообщила): такую красоту руки *художника* придаютъ слоновой кости, или гдѣ желтымъ золотомъ обкладываются серебро или паросскій камень. *Ст. 594—602*. Тогда такъ къ царицѣ онъ обращается и внезапно появившійся для всѣхъ говоритъ: «Я есмь здѣсь, троянецъ Эней, кого вы спрашиваете, извлеченный изъ волнъ Либійскихъ. О, единственная, пожалѣвшая невыразимыя страданія Трои, которая насъ остатки данайцевъ (т. е. оставшихся отъ рукъ данайцевъ въ живыхъ), уже исчерпанныхъ всѣми несчастіями земли и моря, нуждающихся во всемъ, гостепріимно принимаешь въ городѣ, въ домѣ,—не въ нашей возможности, Дидона, достойно отблагодарить тебя, ни въ возможности кого бы

то ни было изъ племени троянцевъ, разсыпаннаго по обширной землѣ. *Ст. 603—610.* Пусть тебѣ боги, если только какія-нибудь божества уважаютъ благочестивыхъ, если только есть гдѣ-либо справедливость и душа, сознающая за собой правое,—принесутъ достойную награду. Какіе такіе радостные вѣка тебя принесли? Какіе такіе родители тебя произвели? Пока къ морямъ будутъ течь рѣки, пока тѣни будутъ проходить по долинамъ въ горахъ, пока полюсъ звѣзды будетъ пасти, всегда честь и имя твои и похвалы останутся, какія бы земли меня ни звали (т. е. гдѣ я ни буду находиться)».

Ст. 610—612. Такъ сказавъ, онъ направляется *съ протянутой* правой рукой къ Иліонею и лѣвой къ Сергесту, послѣ къ другимъ, къ храброму Гіону и къ храброму Клоанту.

Ст. 613—618. Остолбенѣла спачала отъ вида сидонянка Дидона, затѣмъ отъ стольких несчастій этого мужа и такъ заговорила: «Какое тебя, сынъ богини, несчастье преслѣдуетъ столькими опасностями? Какая тебя сила прибиваетъ къ ужаснымъ берегамъ? Ты ли тотъ Эней, котораго благая Венера родила дарданійскому Анхизу у волны Фригійскаго Симонса? *Ст. 619—622.* Я также помню, какъ Тевкръ пришелъ въ Сидонъ, изгнанный изъ предѣловъ отечества, стремившійся къ новому царству съ помощью Бела; родитель мой Белъ тогда опустошалъ богатѣйшій Кипръ и *какъ* побѣдитель держалъ *Его* въ подчиненіи. *Ст. 623—626.* Уже съ того времени мнѣ знакомы несчастія города Троянскаго и твое имя и цари пеласговъ. Самъ врагъ превозносилъ тевкровъ высокой похвалой и желалъ, чтобы онъ происходилъ отъ древняго ствола те кровъ. *Ст. 627—630.* Итакъ, ступайте юноши, войдите въ наши дома. И меня, претерпѣвшую много страданій, подобная судьба, наконецъ, пожелала утвердить на этой землѣ: «мнѣ знакомы бѣдствія и я учусь идти навстрѣчу несчастнымъ».

Ст. 631—636. Такъ она поминаетъ (т. е. отдаетъ должное прежнимъ заслугамъ), и вмѣстѣ съ собой ведетъ Энея въ царское жилище, въ то же время назначаетъ чествованіе въ храмахъ боговъ. И не менѣе также двадцати быковъ она между тѣмъ посылаетъ товарищамъ *Энея* на берегъ, сто ужасающихъ хребтовъ большихъ свиней (т. е. сто тушъ), сто жирныхъ ягнятъ съ матерьми, дары радостные дня. *Ст. 637—642.* А внутренность дома (дворца) уставляется блестящей царской роскошью и готовятъ пиръ въ срединѣ дома: искусно отдѣланные ковры ярко-красной краской, огромное *количество* серебра на столахъ, выгравированныя на золотѣ славныя дѣла отцовъ, длиннѣйшій рядъ событій, совершенный столькими мужами отъ начала древняго племени.

Ст. 643—656. Эней (ибо отцовская любовь не позволила остановиться мысли, т. е. не давала покоя) къ судамъ посылаетъ быстраго Ахата, чтобы отнесъ это Асканію и самого его привелъ къ стѣнамъ (т. е. въ городъ); вся работа одного отца стоитъ (направлена) на Асканія. Кромѣ того, онъ приказываетъ принести дары, вырванные изъ иліонскихъ развалинъ, платье, твердое отъ узоровъ и золота, и покрывало, вытканное кругомъ шафрановымъ ака томъ, украшенія аргивянки Елены, которая та принесла изъ Микенъ, когда стремилась въ Пергамъ къ незаконному браку, удивленія достойный даръ матери Леды; кромѣ того, скипетръ, который старшая изъ дочерей Пріама—Иліона нѣкогда носила, и жемчужное ожерелье для шеи, и двойную корону *съ* драгоцѣнными камнями и золотомъ. Спѣша за этимъ, Ахатъ направилъ къ судамъ путь.

Ст. 657—662. А Киѳерея новые способы, новые планы ворочаетъ въ сердцѣ, чтобы измѣненный лицомъ и видомъ Купидонъ вмѣсто сладкаго Асканія пришелъ и воспламенилъ дарами бѣснующуюся (т. е. до изступленія) царицу и огонь влилъ въ кости: ибо она (Венера) боится двухсторонняго дома и двуязычныхъ тирійцевъ; жестокая Юнона сушитъ *ея сердце*, и забота къ ночи возвращается. *Ст. 663—669.* Итакъ, она обращается къ крылатому Амуру съ слѣдующими словами: «Сынъ, мои силы, единственный—моя великая власть, сынъ, который презираетъ Тиѳоэвы стрѣлы всевышняго отца, къ тебѣ я прибѣгаю и умоляющая (съ мольбой) твоего вліянія прошу. Что братъ твой Эней по морю скитается вокругъ всѣхъ береговъ вслѣдствіе ненависти несправедливой Юноны, тебѣ извѣстно, и нашимъ горемъ ты часто горевалъ. *Ст. 670—675.* Его держитъ *теперь* финикіянка Дидона и л овыми рѣчами задерживаетъ; и я опасаюсь, *чтобы* куда-либо не повернулось Юнонино гостепріимство: не отступитъ она въ такой петлѣ дѣлъ (при такомъ сплетеніи обстоятельствъ). Потому

то я со всѣхъ сторонъ обдумываю, какъ бы раньше взять (предупредить) царицу хитростями и окружить пламенемъ, чтобы она не измѣнилась подъ вліяніемъ какого-либо божества, а вмѣстѣ со мной крѣпкой любовью привязалась бы къ Энею. *Ст. 676—679.* Теперь прими наше мнѣніе, какимъ образомъ ты могъ бы это сдѣлать. Царственный мальчикъ, моя величайшая забота, по зову отца, неся дары—остатки отъ моря и пожара Трои, готовится въ путь къ сидонскому городу. *Ст. 680—688.* Я спрячу его, усыпленнаго сномъ, въ священномъ убѣжищѣ на высокой Киѳерѣ или на Идаліи, чтобы онъ не могъ какъ-либо узнать хитрость или въ срединѣ явиться. Ты не больше, чѣмъ на одну ночь, возьми хитростью лицо его, и самъ мальчикъ (т. е. будучи мальчикомъ самъ) надѣнь знакомыя *тебѣ* черты мальчика (Асканія) *съ тѣмъ*, чтобы когда радостная Дидона приметъ тебя на лонѣ *своемъ* между царственными явствами и влагой Ліэя, когда она раскроетъ объятья и будетъ запечатлѣвать сладкіе поцѣлуи, ты вдохнулъ скрытый пламень любви и обманулъ ядомъ. *Ст. 689—694.* Амуръ повинуется словамъ дорогой родительницы и снимаетъ крылья и радостный выступаетъ походкой Іула. А Венера вливаетъ въ Асканія по членамъ спокойный покой (т. е. тихій сонъ), и богиня уноситъ согрѣтаго на лонѣ въ высокіе лѣса Идаліи, гдѣ нѣжный маіеранъ, благоухая, обнимаетъ его цвѣтами и сладкой тѣнью. *Ст. 695—696.* Уже Купидонъ, повинуясь сказанному, шелъ и радостный несъ тирійцамъ царскіе дары подъ предводительствомъ Ахата. *Ст. 697—708.* Когда онъ пришелъ, царица уже расположилась на великолѣпныхъ коврахъ на золотомъ ложѣ посрединѣ; уже отецъ Эней и троянская молодежь сходятся и возлегаютъ сверхъ разостланнаго пурпура. Слуги даютъ влагу для рукъ и вынимаютъ Цереру (т. е. хлѣбъ) изъ корзинъ и несутъ полотенца съ остриженными ворсиками. Пятьдесятъ служанокъ внутри были, коимъ забота была класть явства длиннымъ рядомъ и возжигать огни пенатамъ; сто другихъ и столько же слугъ одинаковыхъ возрастомъ, которые нагружали бы столы блюдами и ставили бы чаши. И тирійцы черезъ веселые пороги въ большомъ числѣ сошлись, которымъ приказано было разлечься по разукрашеннымъ ложамъ.

Ст. 709—714. Удивляются дарамъ Энея, удивляются Іулу и горящему взору бога и притворнымъ словамъ, и одеждѣ, и покрывалу, расшитому шафрано-желтымъ акантомъ. Въ особенности несчастная финикіянка, осужденная на будущую болѣзнь, не можетъ насытиться и горитъ, разсматривая и одинаково тронута мальчикомъ и дарами

Ст. 715—722. Какъ только тотъ повисъ въ объятьяхъ и на шеѣ Энея и восполнилъ великую любовь мнимого родителя, онъ устремляется къ царицѣ. Эта глазами, эта всей грудью повисаетъ и иногда согрѣваетъ грудью (т. е. прижимаетъ къ груди), не знающая Дидона, какой богъ сидитъ на несчастной (т. е. на колѣняхъ у нея). А тотъ, помнящій Ацидалійскую мать, начинаетъ понемногу уничтожать Сихея (стирать воспоминаніе о Сихеѣ) и пытается обратить живой любовью (т. е. любовью къ живому) уже давно затихшія чувства и отвыкшее сердце. *Ст. 723—730.* Послѣ того какъ первый отдыхъ пиру *наступилъ* и столы были удалены, ставятъ большія чаши и вѣнчаютъ вина (т. е. вѣнками покрываютъ чаши). Крикъ раздается во дворцѣ, и голосъ раскатываютъ (т. е. раскаты голосовъ слышны) по обширнымъ заламъ; свѣшиваются свѣтильники съ золотыхъ потолковъ, и факелы побѣждаютъ ночь пламенемъ. Тутъ царица потребовала тяжелый отъ драгоцѣнныхъ камней и золота кубокъ и наполнила виномъ, *кубокъ*, который Белъ и всѣ послѣ Бела (т. е. его потомки) привыкли *наполнять*; тогда молчаніе наступило подъ кровлей (т. е. въ дворцѣ). *Ст. 731—735.* «Юпитеръ, ибо говорятъ, что ты даешь права гостямъ, да пожелаешь ты, чтобы этотъ день былъ радостенъ и для тирійцевъ и для выѣхавшихъ изъ Трои и чтобы наши младшіе (т. е. потомки) помнили это. Да присутствуетъ веселья даватель Вакхъ и добрая Юнона и вы, о тирійцы, благосклонные прославляйте собраніе». *Ст. 736—746.* Она сказала и на столъ первая отлила часть жидкости и отливъ прикоснулась губами; тогда зашумѣвъ (т. е. крикомъ) дала Битіасу: тотъ не лѣнивый выпилъ пѣнистый кубокъ и промылъ себя полнымъ золотомъ (т. е. золотымъ кубкомъ); послѣ другіе знатные *пили*. Волосатый Іопасъ, котораго величайшій Атласъ научилъ, оглашаетъ *воздухъ* золоченой цитрой. Онъ поетъ про блуждающую луну и про труды солнца, откуда родъ людей и скотина, откуда дождь и огни (т. е. молніи), про Арктуръ и про дождливыя Гіады и про Медвѣдицы, почему зимнія солнца спѣшатъ окунуться въ океанѣ, или какое замедленіе противостоитъ позднимъ ночамъ. *Ст. 747—752.* Тирійцы шумятъ ру-

коплесканьемъ, троянцы слѣдуютъ за ними. И не тянула ночь разнообразною рѣчью несчастная Дидона и пила долгую любовь, спрашивая неоднократно многое о Пріамѣ, многое о Гекторѣ, что съ какимъ оружіемъ сынъ Авроры пришелъ, то какія лошади у Діомеда, то сколь великъ Ахиллесъ *былъ*. *Ст. 753—756.* Она сказала: «Однако гость, впередъ, и разскажи намъ отъ перваго происхожденія (отъ самаго начала) про козни данайцевъ и про несчастья твоихъ и про твои странствованія. Ибо уже седьмое лѣто носитъ тебя, блуждающаго по всѣмъ землямъ и волнамъ (т. е. морямъ).

Особенности въ чтеніи нѣкоторыхъ стиховъ.

Стихъ 2. Слово *Laviniaque* читается какъ четырехсложное, т.-е. звуки nia образуютъ одинъ слогъ:

Itali|àm fa|tò ‖ profu|gùs La|vìniaque | vénit.
лявйньякве

Стихъ 16. Слова *Samo hic* произносятся безъ элизіи, т.-е. здѣсь имѣетъ мѣсто *зіяніе*; кромѣ того, здѣсь двѣ цезуры:

pòst habi|tà ‖ colu|isse Sa|mò ‖ hic | ìllius | àrma.
само хик

Стихъ 41. Слово *Oilei* произносится какъ трехсложное:

Unius | òb no|xam ét ‖ furi|às Ai|àcis O|ìlei.
ойлей

Стихъ 73. Слово *conubio* произносится какъ трехсложное:

cònu|bi iun|gàm ‖ stabi|lì propri|àmque di|càbo.
кóнубьѣ

Стихъ 131. Слово *dehinc* произносится какъ односложное; кромѣ того, благозвучнѣй чтеніе этого стиха при двухъ цезурахъ:

Eurum ad | sé ‖ Zephy|rùmque vo|càt ‖ dehinc | tàlia | fàtur.
дхинк

Стихъ 195. Слово *deinde* произносится какъ двухсложное; въ стихѣ двѣ цезуры:

vìna bo|nùs ‖ quae | déinde ca|dìs ‖ one|ràrat A|céstes.
дэйндэ

Стихъ 256. Слово *dehinc* произносится какъ односложное, см. стихъ 131.

Космографія.

Глава IV. Опредѣленіе положенія мѣста на земномъ шарѣ.

(Географическія координаты и ихъ опредѣленіе).

§ 18. Круги на земномъ шарѣ.

Уже изъ географіи намъ извѣстно, что для опредѣленія мѣста на земномъ шарѣ на немъ воображается цѣлая сѣть взаимно пересѣкающихся линій: меридіановъ и параллелей. Но только теперь, немного познакомившись съ космографіей, мы можемъ составить себѣ вполнѣ ясное о нихъ представленіе, такъ какъ эти круги соотвѣтствуютъ уже извѣстнымъ намъ кругамъ небесной сферы (рис. 25).

На рисункѣ 25-омъ изображена небесная сфера $ZPQP_1E$, въ центрѣ которой находится земной шаръ; ось вращенія земли сов-

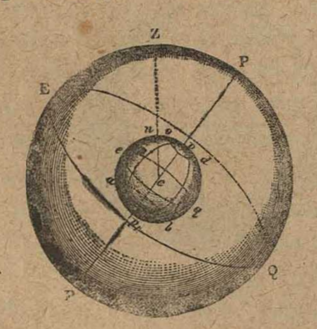
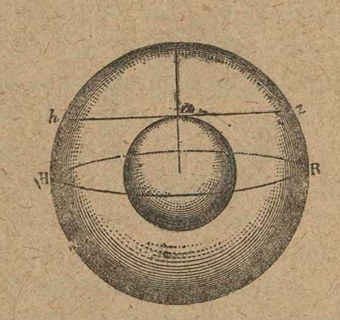

Рис. 25.

Рис. 26.

падаетъ съ осью вращенія небесной сферы; точки p и p_1, пересѣченія оси міра съ земнымъ шаромъ являются его *полюсами;* очевидно, полюсъ земли есть та точка, для которой соотвѣтствующій полюсъ міра находится на зенитѣ. Прямая „$p\,p_1$“ есть *ось земли.* Плоскость „eq“, перпендикулярная къ оси земли и проходящая черезъ центръ „c“ земли, есть плоскость земного *экватора,* дѣлящая землю на два полушарія: сѣверное и южное; плоскость земного экватора, очевидно, совпадаетъ съ плоскостью небеснаго экватора, такъ какъ обѣ эти плоскости перпендикулярны въ одной точкѣ „c“ къ одной и той же прямой оси міра PP_1. Плоскость земного экватора пере-

сѣкаетъ земной шаръ по окружности большого круга, называемаго *земнымъ экваторомъ*. Плоскости, параллельныя плоскости экватора, пересѣкаютъ землю по малымъ окружностямъ, называемымъ *параллелями*. *Земнымъ меридіаномъ* является плоскость, проходящая черезъ ось земли и мѣсто наблюденія; эта плоскость есть въ то же время и плоскость небеснаго меридіана для даннаго мѣста, такъ какъ она опредѣляется тѣми же двумя линіями: осью міра и вертикалью мѣста.

Горизонтомъ какого-либо мѣста „a" (рис. 26) земного шара является плоскость „hr", касательная къ этому мѣсту, то есть перпендикулярная къ вертикали мѣста; но такъ какъ размѣры земли, какъ намъ уже извѣстно, ничтожны по сравненію съ разстояніемъ до звѣздъ, то безъ погрѣшности можно считать, что эта плоскость „hr" сливается съ параллельной ей плоскостью „HR", проходящей черезъ центръ земли; эта послѣдняя плоскость и является *истиннымъ горизонтомъ*, по отношенію къ которому звѣзды, очевидно, занимаютъ то же положеніе, что и по отношенію къ плоскости „hr". Плоскость горизонта измѣняется вмѣстѣ съ перемѣной мѣста наблюденія, вслѣдствіе чего каждое мѣсто имѣетъ свою высоту звѣздъ и полюса.

§ 19. Географическія координаты: широта и долгота мѣста.

Пусть на земномъ шарѣ „pep₁q" (рис. 27) дана точка „C" и надо точно опредѣлить ея положеніе, то есть найти ея координаты. Проведемъ для этого черезъ точку „c" меридіанъ pcr p_1 и кругъ,

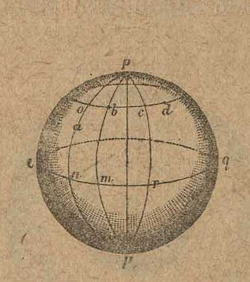

Рис. 27.

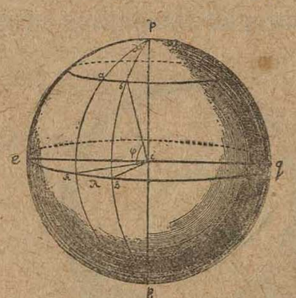

Рис. 28.

параллельный экватору. Разстояніе „cr" (въ градусахъ) по меридіану точки „c" отъ экватора „eq" называется *широтой* этого мѣста (точки „c"). Но одна широта не можетъ точно опредѣлить положенія мѣста на земномъ шарѣ, такъ какъ и всѣ другія (кромѣ „c") точки b, d, o и такъ далѣе, лежащія на томъ же кругѣ, параллельномъ экватору, находятся на такомъ же разстояніи отъ экватора; очевидно, надо еще точно опредѣлить положеніе меридіанальнаго круга, въ плоскости котораго находится данная точка „c"; здѣсь наблюдается полная аналогія съ опредѣленіемъ положенія свѣтила на небесной сферѣ (см. § 13): для чего недостаточно было опредѣлить разстояніе свѣтила отъ экватора (склоненіе свѣтила), а надо было еще опредѣлять разстояніе круга склоненія въ пло-

скости котораго находилось данное свѣтило, отъ другого круга склоненія, условно принятаго за начало отсчета разстояній. Точно также и въ данномъ случаѣ мы должны опредѣлить, кромѣ *широты* мѣста на землѣ, то есть кромѣ его градуснаго разстоянія отъ экватора, еще разстояніе меридіана, въ плоскости котораго находится данное мѣсто, отъ нѣкотораго другого извѣстнаго меридіана, который будетъ нами условно принятъ за *первый меридіанъ*, то есть за начало отсчета; и это разстояніе меридіана даннаго мѣста отъ перваго меридіана называется *долготой* мѣста; пусть, напр., меридіанъ $poanp_1$ (тотъ же 27-й рис.) будетъ *первымъ* меридіаномъ; тогда меридіанъ даннаго намъ мѣста „c" отстоитъ отъ перваго меридіана на дугу „$\overset{\frown}{oc}$", или равную ей по числу градусовъ дугу экватора „$\overset{\frown}{nr}$"; такимъ образомъ мѣсто точки „c" вполнѣ опредѣляется двумя координатами: $\overset{\frown}{cr}$—ея широта и $\overset{\frown}{nr}$—долгота; другая точка „b", имѣя ту же широту ($bm=cr$), будетъ имѣть уже другую долготу $=\overset{\frown}{mn}$.

Итакъ, *положеніе мѣста на землѣ опредѣляется его широтой и долготой. Широтой даннаго мѣста* называется *считаемое по меридіану разстояніе его отъ экватора, выраженное въ градусахъ*; иначе говоря, *широтой мѣста является уголъ* (φ) *между вертикальною линіей мѣста и плоскостью экватора* (уголъ $\angle bcB$ широта точки „b"—рис. 28). *Долготой мѣста называется двугранный уголъ* (App_1B—рис. 28) *между плоскостью меридіана даннаго мѣста* („b") *и плоскостью меридіана, принятаго за начальный* (*первый*). *Этотъ уголъ* (λ) *измѣряется дугой экватора* ($\overset{\frown}{AB}$) *между первымъ меридіаномъ и меридіаномъ даннаго мѣста.* Долготы мѣста считаются отъ перваго меридіана къ *востоку* или къ *западу* въ предѣлахъ отъ 0^0—180^0, въ зависимости отъ чего различаютъ *восточную долготу* и *западную*. Широта же отсчитывается отъ экватора къ сѣверному или южному полюсу въ предѣлахъ отъ 0^0—90^0, и потому различаютъ *сѣверную* и *южную широту*.

Какой же меридіанъ принимается за первый? Прежде за первый меридіанъ принимали меридіанъ, проходящій черезъ островъ Ферро (изъ группы Канарскихъ острововъ); это объясняется тѣмъ что до XV вѣка это было самое западное изъ извѣстныхъ старому свѣту мѣстъ. Теперь же различныя государства принимаютъ за *первый* различные меридіаны; и каждое, значитъ, имѣетъ свое начало долготъ. Франція считаетъ долготы отъ Парижскаго меридіана, Англія отъ Гринвичскаго и Россія отъ Пулковскаго [1]). Поэтому теперь, означая долготы, всегда необходимо прибавлять указаніе, отъ какого меридіана ведется счетъ. Понятно, зная угловое разстояніе мѣста отъ одного меридіана, не трудно опредѣлить разстояніе этого мѣста и отъ другого меридіана, конечно, если извѣстно разстояніе между начальными меридіанами. Такъ восточная долгота Пулковскаго меридіана относительно Парижскаго равна приблизи-

---

[1]) Пулковскимъ называется меридіанъ, проходящій черезъ мѣсто Пулковской обсерваторіи, находящейся вблизи Петербурга.

тельно 28°; а восточная долгота Москвы отъ Пулковскаго меридіана приблизительно равна $7^1/_4{}^0$; очевидно, восточная долгота Москвы, считаемая отъ Парижскаго меридіана, должна быть равна $28^0 + 7^1/_4{}^0 = 35^1/_4{}^0$.

Если принять за первый меридіанъ, проходящій черезъ островъ Ферро, то восточныя долготы меридіановъ Гринвичскаго, Парижскаго и Пулковскаго будутъ ясно видны изъ слѣдующей таблицы:

Меридіанъ Ферро.	Гринвичъ.	Парижъ.	Пулково.
0°	17° 39′ 51″	20°	47° 59′ 31″

§ 20. Опредѣленіе широты.

Пусть намъ надо опредѣлить широту точки „а“ земного шара „pep₁ q“ (рис. 29-ый); PEP_1Q—небесная сфера, zc—вертикаль мѣста, HR—истинный горизонтъ, PP_1—ось міра и EQ—экваторъ. Широтой

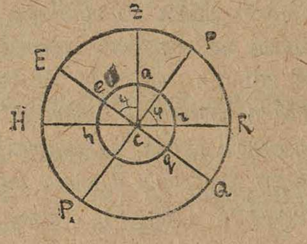

Рис. 29.

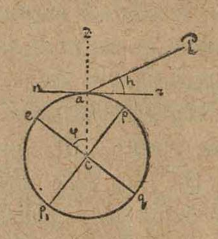

Рис. 30.

(φ) точки „а“ является уголъ ∠ace между вертикалью мѣста и плоскостью экватора—уголъ, измѣряемый дугой меридіана ae. Этотъ уголъ (∠ace) равенъ углу ∠pcr, такъ какъ каждый изъ нихъ дополняетъ одинъ и тотъ же уголъ (∠acp) до прямого угла; итакъ,

$$\angle ace = \angle pcr.$$

Но уголъ ∠pcr есть уголъ между истиннымъ горизонтомъ (HR) и лучомъ зрѣнія къ полюсу міра; значитъ, этотъ уголъ является *высотой полюса* даннаго мѣста; слѣдовательно, *широта даннаго мѣста равна высотѣ полюса надъ горизонтомъ этого мѣста.*

Эту же теорему можно доказать при помощи слѣдующаго разсужденія. На ри. 30-мъ „pep_1q“—земной шаръ; pp_1—ось земли, eq—экваторъ; дана точка „а“, надо опредѣлить ея широту (φ), то есть уголъ ∠ace между вертикалью „zc“ мѣста и экваторомъ „eq“. „hr“—горизонтъ даннаго мѣста, aP—есть лучъ зрѣнія изъ даннаго мѣста къ полюсу міра: прямая „aP“ должна быть параллельна „pp_1“, какъ часть оси міра. Уголъ ∠Par есть высота (h) полюса надъ горизонтомъ даннаго мѣста. Сторона „aP“ угла „h“ — перпендикулярна къ прямой „ec“—сторонѣ угла ∠eca, такъ какъ „aP“ ∥ „pp_1“, а „pp_1“ ⊥ „ec“; другая сторона „ar“ угла „h“—перпендикулярна къ прямой „ac“—второй сторонѣ угла ∠eca, такъ какъ „ac“ есть радіусъ, проведенный въ точку касанія; итакъ, стороны угла „h“ перпендикулярны сторонамъ угла „φ“, а намъ извѣстно, что углы съ перпендикулярными сторонами равны; слѣдовательно,

$$\angle\varphi = \angle h,$$

то есть *широта даннаго мѣста = высотѣ полюса надъ горизонтомъ этого мѣста.*

Намъ уже извѣстно, какъ опредѣляется высота полюса даннаго мѣста (см. § 12). Практически не приходится непосредственно прибѣгать къ опредѣленію высоты полюса; и вотъ почему: склоненіе большинства звѣздъ опредѣлено и внесено въ специальную таблицу склоненій; извѣстно же, что $d = h + z$, то есть склоненіе звѣзды = высотѣ полюса + зенитное разстояніе этой звѣзды; отсюда обратно $h = d - z$, но $h = \varphi$; слѣдовательно,

$$\varphi = d - z.$$

Найдя изъ таблицы склоненіе (d) какой-нибудь звѣзды и легко опредѣливъ при помощи теодолита ея зенитное разстояніе (z) во время верхней кульминаціи, подставимъ въ приведенную формулу значеніе—„d“ и „z“ и получимъ искомую широту (φ) даннаго мѣста. Очевидно, преимущество этого способа заключается въ томъ, что для него достаточно произвести *одно* наблюденіе: опредѣлить зенитное разстояніе звѣзды во время верхней кульминаціи, въ то время какъ для непосредственнаго опредѣленія высоты полюса надо сдѣлать *два* наблюденія: опредѣлить, во-первыхъ, меридіанальную высоту какой-нибудь звѣзды во время ея верхней кульминаціи и, во-вторыхъ, меридіанальную высоту той же звѣзды во время ея нижней кульминаціи.

§ 21. Опредѣленіе долготы.

Опредѣленіе долготы даннаго мѣста, подобно опредѣленію прямого восхожденія звѣзды, совершается при помощи астрономическихъ часовъ и основано на томъ, что земля совершаетъ полный оборотъ вокругъ своей оси вмѣстѣ съ вращеніемъ всей небесной сферы ровно въ 24 часа; слѣдовательно, каждая точка земли при суточномъ обращеніи въ часъ проходитъ (поворачивается на уголъ) 15^0. За начало звѣздныхъ сутокъ (см. § 15) принимается моментъ кульминаціи точки весенняго равноденствія (γ) черезъ меридіанъ мѣста; значитъ, для всѣхъ мѣстъ земного шара, лежащихъ на одномъ меридіанѣ, звѣздныя сутки начнутся въ одинъ моментъ, такъ какъ кульминація точки весенняго равноденствія черезъ общій меридіанъ всѣхъ этихъ мѣстъ совершится въ одно и то же время; а разъ совпадаетъ начало звѣздныхъ сутокъ для всѣхъ мѣстъ земного шара, лежащихъ на одномъ и томъ же меридіанѣ, то, слѣдовательно, звѣздное время для этихъ мѣстъ и въ теченіе всѣхъ остальныхъ моментовъ сутокъ будетъ одинаково. Ясно, что для мѣстъ, лежащихъ на разныхъ меридіанахъ, звѣздное время будетъ различно.

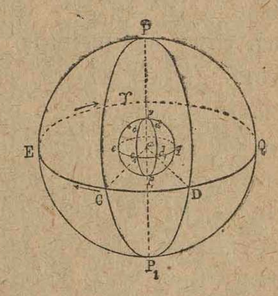

Рис. 31.

Пусть „c“ и „d“ (рис. 31)—два мѣста земного шара „pep_1q“—лежать на различныхъ меридіанахъ „pc_1p_1“ и „pd_1p_1“; имъ соотвѣтствуютъ небесные меридіаны PCP_1 и PDP_1; eq—земной экваторъ и EQ—небесный экваторъ, „γ“—точка весенняго равноденствія. Допу-

стимъ, что небесный сводъ вращается въ направленіи, указанномъ на рисункѣ стрѣлкой; съ нимъ вмѣстѣ вращается и „γ“ точка весенняго равноденствія; когда „γ“ вступитъ на меридіанъ PDP_1 мѣста „d“—то въ въ этомъ мѣстѣ начнутся звѣздныя сутки; но для мѣста „c“ звѣздныя сутки еще не начнутся, такъ какъ для того, чтобы „γ“ вступила на меридіанъ PCP_1 этого мѣста, ей надо пройти еще дугу CD ($=c_1d_1$), что она и сдѣлаетъ вслѣдствіе обращенія небеснаго свода въ указанномъ направленіи. Ясно, что чѣмъ длиннѣй дуга „CD“, тѣмъ больше будетъ промежутокъ времени между началомъ звѣздныхъ сутокъ для мѣста „d“ и началомъ ихъ для мѣста „c“; можно ли опредѣлить этотъ промежутокъ времени? Конечно, можно,—если мы узнаемъ длину въ градусахъ дуги „CD“; вѣдь извѣстно, что каждая точка свода при суточномъ обращеніи проходитъ въ 1 часъ 15°; значитъ, для опредѣленія указаннаго промежутка времени, достаточно узнать, сколько разъ 15° содержится въ дугѣ „CD“—столько часовъ звѣзднаго времени и будетъ между началомъ звѣздныхъ сутокъ мѣста „d“ и началомъ ихъ для мѣста „c“; такъ, если дуга $c_1d_1 = 15°$, то звѣздныя сутки въ „c“ начнутся на 1 часъ позже, чѣмъ въ точкѣ „d“ если дуга „$c_1d_1 = 45°$, то звѣздныя сутки начнутся въ точкѣ „d“ на 3 часа раньше, чѣмъ въ точкѣ „c“ и т. д. Отсюда ясно, что для наблюдателей, находящихся въ этихъ мѣстахъ земли, должна существовать соотвѣтственная [1]) разность въ счетѣ времени: такъ, во второмъ случаѣ (при дугѣ $c_1d_1=45°$) въ тотъ моментъ, когда наблюдатель въ мѣстѣ „d“ считаетъ, допустимъ, 6 часовъ, наблюдатель въ мѣстѣ „c“ считаетъ только 3 часа и т. д.

Что же представляетъ собой дуга c_1d_1? Если бы меридіанъ „pd_1p_1“ былъ начальнымъ, то эта дуга являлась бы долготой мѣста „c“; если допустить, что ни одинъ изъ этихъ меридіановъ не есть начальный, то тогда дуга „c_1d_1“ есть, очевидно, *разность долготъ* мѣстъ „c“ и „p“. Предшествовавшее разсужденіе приводитъ насъ къ тому заключенію, что, во-первыхъ, чѣмъ больше разность долготъ двухъ мѣстъ, тѣмъ больше промежутокъ времени между началами звѣздныхъ сутокъ въ этихъ мѣстахъ и, во-вторыхъ, *разность между временемъ, считаемымъ въ какой нибудь моментъ въ двухъ мѣстахъ («c» и «d») земли, опредѣляется раздѣленіемъ дуги (c_1d_1), измѣряющей разность долготъ этихъ мѣстъ, на 15°*; слѣдовательно, обратно, *разность долготъ двухъ мѣстъ можно опредѣлить, умножая на 15 разность между временемъ, считаемымъ въ одинъ моментъ въ этихъ мѣстахъ земли.* Такъ мы можемъ опредѣлитъ *разность долготъ* двухъ мѣстъ; слѣдовательно, *долготу мѣста можно опредѣлить, умножая на 15 разность между временемъ, считаемымъ въ одинъ и тотъ же моментъ на первомъ меридіанѣ и меридіанѣ даннаго мѣста.* Такимъ образомъ, задача опредѣленія долготы мѣста сводится къ опредѣленію разности временъ, считаемыхъ въ одинъ и тотъ же моментъ на первомъ меридіанѣ и меридіанѣ даннаго мѣста. Какъ же опредѣлить эту разность временъ? Для этой цѣли существуетъ четыре слѣ-

[1]) Соотвѣтственная разность въ началѣ сутокъ.

дующихъ способа: 1) *способъ телеграфовъ*, 2) *способъ сигналовъ*, 3) *наблюденіе небесныхъ явленій* и 4) *перевозка хронометровъ*; разсмотримъ ниже каждый изъ этихъ способовъ.

Способъ телеграфовъ. Этотъ способъ примѣнимъ, конечно, только въ томъ случаѣ, когда въ данномъ мѣстѣ и на первомъ меридіанѣ есть телеграфныя станціи. Лицо, находящееся въ данномъ мѣстѣ, и лицо на первомъ меридіанѣ берутъ хорошо вывѣренные (хронометры) астрономическіе часы и становятся у телеграфныхъ аппаратовъ; каждый записываетъ время, показываемое часами въ тотъ моментъ, когда нажатіе клавиши телеграфа въ одномъ пунктѣ вызоветъ стукъ якоря электромагнита въ другомъ. Сравненіе полученныхъ такимъ путемъ показаній часовъ на первомъ меридіанѣ и въ данномъ мѣстѣ въ одинъ и тотъ же моментъ даетъ намъ искомую разность временъ, по которой мы и найдемъ долготу, помножая число часовъ разности на 15°. Этотъ способъ становится въ виду распространенія телеграфа все болѣе употребительнымъ; это, конечно, объясняется его простотой и точностью, такъ какъ электрическій токъ движется чрезвычайно быстро (въ 1/5 секунды онъ обходитъ всю землю).

Способъ сигналовъ. Замѣчаютъ показанія часовъ на первомъ меридіанѣ и въ данномъ мѣстѣ въ моментъ вспышки пороха (ракеты) въ какомъ нибудь промежуточномъ пунктѣ; при этомъ пренебрегаютъ временемъ, нужнымъ для распространенія свѣта; очевидно, этотъ способъ примѣнимъ только при небольшомъ разстояніи мѣста отъ перваго меридіана.

Способъ наблюденія небесныхъ явленій. Для опредѣленія разности временъ на меридіанѣ и въ данномъ мѣстѣ замѣчаютъ въ обоихъ пунктахъ какое нибудь небесное явленіе, видимое въ одинъ и тотъ же моментъ во всѣхъ точкахъ земли. Случайное паденіе метеора, замѣченное по часамъ наблюдателями обоихъ пунктовъ, можетъ служить для опредѣленія долготы. Но обычно для этой цѣли наблюдаютъ не случайныя явленія, а такія, время наступленія которыхъ можетъ быть заранѣе точно вычислено для каждаго меридіана; таковы—начала затменія луны, затменія спутниковъ Юпитера и т. п. Такъ какъ имѣются астрономическіе календари, въ которыхъ точно указывается время наступленія указанныхъ небесныхъ явленій на Гринвичскомъ меридіанѣ, то устраняется необходимость въ двухъ наблюдателяхъ; достаточно одному въ данномъ мѣстѣ замѣтить время наступленія небеснаго явленія и найти въ календарѣ время его наступленія на Гринвичскомъ меридіанѣ; затѣмъ остается, помноживъ на 15 разность этихъ временъ, получить долготу мѣста отъ Гринвичскаго меридіана.

Способъ перевозки хронометровъ [1]. Наблюдатель, находящійся на первомъ меридіанѣ, заводитъ хронометръ по мѣстному (для даннаго меридіана) времени; затѣмъ, онъ отправляется въ то мѣсто, долготу котораго желаетъ опредѣлить, и везетъ съ собой хроно-

[1] Хорошо вывѣренные съ особымъ устройствомъ маятника часы.

метръ, идущій по времени перваго меридіана. Прибывъ въ изслѣдуемый пунктъ, онъ сравниваетъ время, указываемое привезеннымъ хронометромъ, съ временемъ, считаемымъ въ тотъ же моментъ въ данномъ мѣстѣ; разность этихъ временъ и послужитъ основаніемъ для вычисленія долготы мѣста.

Таковы способы опредѣленія разности временъ, считаемыхъ въ одинъ и тотъ же моментъ на первомъ меридіанѣ и въ данномъ мѣстѣ. Покажемъ теперь наглядно, на примѣрѣ, какъ по разности временъ опредѣлить долготу даннаго мѣста. Допустимъ, что время даннаго мѣста разнится отъ времени на первомъ меридіанѣ на 4 ч. 26 мин. 14 секун.; мы знаемъ, что каждая точка земли при ея обращеніи проходитъ въ 1 часъ—15^0, а въ 1 мин.—$15'$ и въ 1 сек.—$15''$; слѣдовательно, долгота даннаго мѣста равна

$$(15.4)^0 + (15.26)' + (15.14)'' = 60^0 + 390' + 210'' = 66^0\ 33'\ 33''.$$

Для того же, чтобы опредѣлить,—*восточная* это или *западная* долгота, надо знать, черезъ какой меридіанъ,—даннаго мѣста или первый, раньше проходила точка (γ) весенняго равноденствія; если точка (γ) проходила раньше черезъ данный меридіанъ, а потомъ черезъ первый, то долгота—*восточная*; въ противномъ случаѣ—*западная*.

§ 22. Земной глобусъ.

Всѣмъ извѣстно, что земной шаръ изображается въ видѣ глобуса; теперь намъ станетъ понятно, какъ глобусъ устраивается. Берутъ шаръ, имѣющій ось PP_1 (рис. 32); на его поверхности проводятъ окружность „EQ“ большого круга, перпендикулярно къ оси PP_1, и получаютъ изображеніе экватора; затѣмъ, проводятъ большіе круги, соединяющіе полюсы земного шара, и получаютъ изображеніе меридіановъ; одинъ изъ нихъ, положимъ, PBP_1—принимаютъ за первый; затѣмъ на глобусъ наносятъ всѣ географическіе пункты, считая долготы отъ перваго меридіана по экватору и широты отъ экватора по соотвѣтствующему меридіану; такимъ образомъ, на глобусѣ получаютъ изображеніе материковъ, морей, изъ Iъ и пр. Отдѣльныя части земной поверхности наносятся на географическія плоскія карты по сѣти меридіановъ и параллелей. Чертятся плоскія карты по особымъ правиламъ такъ называемой проекціи, изученіе которой не представляетъ здѣсь особой необходимости и потому опускается.

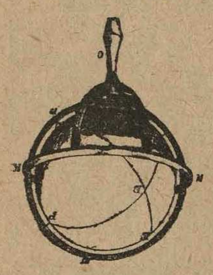

Рис. 32.

§ 23. Форма (фигура) земли.

Въ самомъ началѣ курса космографіи (см. § 2-ой) мы пришли къ тому заключенію, что земля имѣетъ форму шара. Теперь мы снова возвращаемся къ вопросу о формѣ земли, чтобы при помощи полученныхъ въ дальнѣйшемъ изученіи свѣдѣній болѣе точно опредѣлить, имѣетъ ли земля форму *правильнаго шара* или

представляетъ собою только *шарообразное тѣло*, имѣющее какія-нибудь уклоненія отъ формы правильнаго шара.

Если земля есть правильный шаръ, то всякое сѣченіе ея плоскостью есть кругъ; слѣдовательно, экваторъ, параллели и меридіаны—должны представлять правильныя окружности; изъ геометріи же намъ извѣстно, что каждая окружность дѣлится на 360 *равныхъ* градусовъ. Поэтому измѣримъ въ различныхъ мѣстахъ градусы меридіановъ и параллелей; если окажется, что градусы различныхъ мѣстъ всѣхъ меридіановъ имѣютъ одинаковую длину, и градусы каждой параллели равны между собой, то ясно, что меридіаны и параллели суть круги, а, слѣдовательно, земля есть правильный шаръ.

Какъ-же измѣрить градусъ меридіана? Для этого, очевидно, достаточно изъ какой-нибудь точки, широта которой извѣстна, перейти по направленію меридіана [1]) въ другую точку, отстоящую отъ первой на 1^0 и измѣрить верстами [2]) пройденное разстояніе. Измѣреніе это сдѣлать очень трудно, такъ какъ неровности земли мѣшаютъ опредѣлить разстояніе по прямой между двумя точками; поэтому для измѣренія прибѣгаютъ къ особому способу, съ которымъ мы познакомимся при изученіи тригонометріи; этотъ способъ называется *тріангуляціей*. Непосредственное измѣреніе длины градуса меридіана, то есть измѣреніе прямо по поверхности земли было произведено въ степяхъ Америки астрономами Мэзономъ и Диксономъ; они измѣрили дугу меридіана въ $1^0\ 28'\ 45''$. Въ Россіи подъ руководствомъ астронома В. Струве была измѣрена дуга въ 23^0 (отъ Торнэо до Измаила). Во Франціи измѣрена дуга меридіана отъ Парижа до Пиринеевъ. Теперь подобныя измѣренія [3]) произведены въ различныхъ мѣстахъ земного шара, какъ близкихъ къ экватору, такъ и далекихъ отъ него то есть близкихъ къ полюсу. И вотъ всѣ эти изслѣдованія показали, что *градусы меридіана не равны между собой:* чѣмъ дальше градусъ отъ экватора, тѣмъ онъ больше, и обратно. Такъ, вблизи экватора длина $1^0=103,6$ версты; подъ широтой въ 45^0 длина $1^0=104,2$ версты, а близъ полюса$=104,7$ версты. Слѣдовательно, *меридіаны не суть круги.* Какова же ихъ форма? Для того, чтобы представить себѣ ихъ форму, достаточно вспомнить, что изъ двухъ дугъ, содержащихъ равное число градусовъ, та длиннѣе, радіусъ которой больше; большую же кривизну имѣетъ та дуга, радіусъ которой меньше; въ самомъ дѣлѣ, если дуга „AB“ (рис. 33) въ 10^0 имѣетъ длину большую, чѣмъ дуга „ab“ тоже въ 10^0, то, значитъ, первая дуга описана большимъ радіусомъ, и притомъ кривизна ея меньше. Значитъ, меридіанъ представляетъ собою такую замкнутую кривую линію, кривизна которой увеличивается отъ полюса къ экваторамъ; то есть, онъ представляетъ собою кругъ,

[1]) Какъ опредѣлить направленіе меридіана, намъ уже извѣстно (см. § 9).

[2]) Конечно, измѣрять разстояніе можно не только верстами, но и любыми линейными мѣрами.

[3]) Всѣ они производятся по способу тріангуляціи, дающему возможность дѣлать самыя точныя вычисленія

сплюснутый сверху и снизу. Точныя математическія изслѣдованія и вычисленія привели астрономовъ къ тому выводу, что меридіаны имѣютъ форму *эллипсиса* (рис. 33 и 34).

Съ этой кривой надо познакомится нѣсколько подробнѣй, такъ какъ она еще не разъ встрѣтится намъ въ курсѣ космографіи. Она получается отъ сѣченія прямого конуса плоскостью, наклонной къ его оси. Эта кривая (рис. 34) обладаетъ нѣкоторыми особыми свойствами; на самомъ большомъ діаметрѣ „AB", называемомъ *большой осью*, находятся двѣ точки F и F_1, замѣчательныя тѣмъ, что *сумма разстояній этихъ точекъ отъ любой точки эллипсиса равна большой оси*, то есть $FM + MF_1 = AB$, $FN + NF_1 = AB$ и т. д.; точки F и F_1 называются *фокусами* эллипсиса, а разстоянія фокусовъ отъ какой-нибудь точки

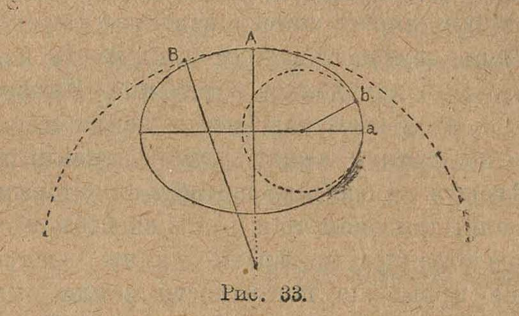

Рис. 33.

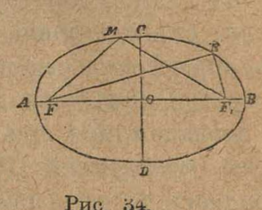

Рис. 34.

эллипсиса называются *радіусами — векторами*; значитъ, FM, FN, F_1M и F_1N есть радіусы векторы. Діаметръ „CD", перпендикулярный къ большой оси, называется *малой осью*.

Измѣреніе градусовъ экватора и параллелей показали, что они представляютъ собою правильные круги. Изъ того, что всѣ меридіаны есть эллипсисы, а экваторъ и параллели—круги, ясно вытекаетъ предположеніе, что *земля имѣетъ такую форму, какая получится отъ вращенія полуэллипсиса около малой его оси*—такое тѣло имѣетъ видъ сфероида, сплюснутаго у полюсовъ и растянутаго у экватора, и называется *эллипсоидомъ вращенія*.

Изъ вычисленій найдено, что радіусъ экватора, то есть *большая полуось* (AO) меридіана равна 6378,2 километра, *малая же полуось* меридіана (OC), то есть земная полуось = 6356,5 километра; значитъ, разность наибольшаго и наименьшаго радіусовъ земли

$$6378{,}2 - 6356{,}5 = 21{,}7 \text{ км.}$$

Отношеніе этой разности къ радіусу экватора называется *сжатіемъ земли*; значитъ, сжатіе земли рано $\frac{21{,}7}{6378} = \frac{1}{294}$, то есть приблизительно $= \frac{1}{300}$; это значитъ, что если радіусъ экватора раздѣлить на 300 равныхъ частей, то полуось земли, то есть полярный радіусъ, будетъ содержать 299 такихъ частей; ясно, что *сжатіе земли* очень незначительно.

§ 24. Видъ неба въ различныхъ мѣстахъ земли.

Въ зависимости отъ широты мѣста видъ суточнаго движенія небеснаго свода (см. главу II-ю § 7 и 8) значительно мѣняется съ перемѣною мѣста въ направленіи отъ экватора къ полюсу или обратно.

Допустимъ, что наблюдатель находится на полюсѣ „p“ земли (рис. 35); высота полюса міра = широтѣ мѣста, то есть равна въ данномъ случаѣ 90°; значитъ, полюсъ міра „P“ находится въ зенитѣ и ось міра совпадаетъ съ линіей зенитовъ „pz“; экваторъ міра

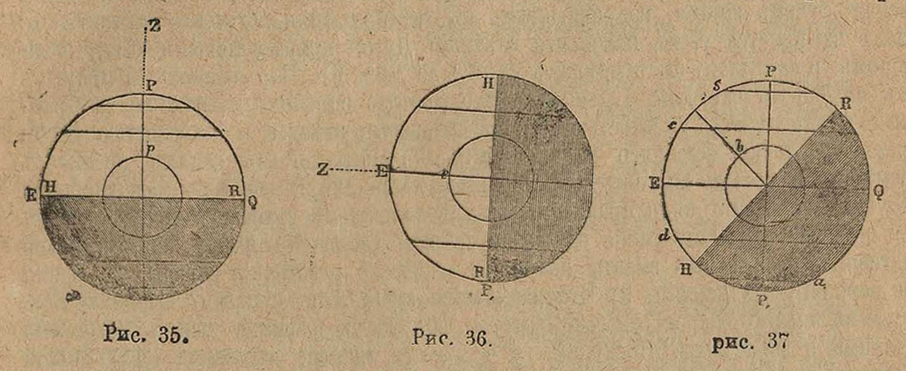

Рис. 35. Рис. 36. рис. 37

„EQ“ вслѣдствіе этого совпадаетъ съ истиннымъ горизонтомъ „HR“; при такомъ положеніи небесной сферы *всѣ звѣзды движутся параллельно горизонту, слѣдовательно, никогда не заходятъ; свѣтила одного полушарія неба всегда видимы, другого же все время находятся подъ горизонтомъ.*

Теперь посмотримъ, какимъ представляется суточное движеніе небеснаго свода для наблюдателя, находящагося на экваторѣ земного шара, положимъ, въ точкѣ „e“ (рис. 36); ось міра PP_1, очевидно, совпадаетъ съ горизонтомъ, но такъ какъ широта мѣста = 0, значитъ, то и высота полюса = 0, то есть полюсъ міра находится на горизонтѣ; плоскость небеснаго экватора EQ совпадаетъ съ плоскостью земного; при такомъ положеніи небесной сферы *всѣ свѣтила движутся перпендикулярно къ горизонту, и каждое изъ нихъ находится столько времени надъ горизонтомъ, сколько и подъ нимъ.*

Наконецъ, для наблюдателя, находящагося въ мѣстѣ средней широты, положимъ, въ точкѣ „b“ (рис. 37-ой) ось міра PP_1 наклонена къ горизонту „HR“; и потому свѣтила движутся наклонно къ горизонту; *часть изъ нихъ постоянно видна надъ горизонтомъ* (напр., свѣтило „S“), *часть находится неравное время надъ горизонтомъ и подъ нимъ* (напр., свѣтила точекъ „c“ и „d“) и *часть никогда не бываетъ надъ горизонтомъ* (напр. свѣтило, находящееся въ точкѣ „a“).

Таковы три характерныхъ положенія небесной сферы для наблюдателей, находящихся въ мѣстахъ различной широты; эти положенія сокращенно обозначаются такъ: первое изъ описанныхъ положеній называется *параллельной сферой*, второе—*прямой сферой* и третье—*наклонной сферой*. Ясно, что для большинства наблюдателей суточное движеніе небеснаго свода имѣетъ видъ *наклонной сферы.*

Повторительные вопросы и упражненія. [1]

1) Какіе круги называются кругами склоненія? Круги, проходящіе черезъ ось міра. 2) Отъ какихъ плоскостей измѣряется разстояніе свѣтила во 2-ой системѣ небесныхъ координатъ? Отъ плоскости небеснаго экватора и плоскости круга склоненія точки весенняго равноденствія. 3) Какія преимущества имѣетъ эта система координатъ передъ первой системой? Обѣ плоскости, отъ которыхъ измѣряется разстояніе свѣтилъ, не измѣняютъ своего положенія съ перемѣной мѣста наблюденія, и потому эта система координатъ вполнѣ точно опредѣляетъ положеніе свѣтила и притомъ независимо отъ момента времени наблюденія. 4) Что называется склоненіемъ свѣтила? Склоненіемъ свѣтила называется уголъ между лучомъ зрѣнія, направленнымъ къ свѣтилу, и плоскостью экватора. 5) Какъ измѣряется уголъ склоненія свѣтила? Дугой круга склоненія между экваторомъ и свѣтиломъ въ предѣлахъ отъ 0° до 90°. 6) Что называется прямымъ восхожденіемъ свѣтила? Прямымъ восхожденіемъ свѣтила называется двугранный уголъ между плоскостью круга склоненія звѣзды и плоскостью круга склоненія точки весенняго равноденствія. 7) „Какъ и въ какихъ" предѣлахъ измѣряется прямое восхожденіе? Оно измѣряется дугой экватора между обоими кругами склоненія въ направленіи, противоположномъ суточному вращенію отъ 0° до 360°. 8) Чему равно склоненіе звѣзды? Склоненіе любой звѣзды равно алгебраической суммѣ высоты полюса и зенитнаго разстоянія звѣзды во время ея верхней кульминаціи. 9) Что называется звѣздными сутками? Промежутокъ времени полнаго оборота небесной сферы. 10) Какая разница между обычными сутками и звѣздными? Послѣднія на 4 минуты меньше обычныхъ. 11) Какой моментъ времени считается за начало звѣздныхъ сутокъ въ данномъ мѣстѣ? За начало звѣздныхъ сутокъ даннаго мѣста принимается моментъ кульминаціи точки весенняго равноденствія черезъ меридіанъ мѣста. 12) Какъ ведется счетъ звѣзднаго времени? Отъ 0 часовъ по 24 часа. 13) Какъ опредѣляется прямое восхожденіе звѣзды? Для опредѣленія прямого восхожденія звѣзды достаточно умножить на 15° промежутокъ времени, протекшій между двумя одинаковыми послѣдовательными кульминаціями точки весенняго равноденствія и звѣзды черезъ меридіанъ даннаго мѣста. 14) Какія звѣзды имѣютъ склоненіе, равное нулю? Тѣ, которыя находятся въ плоскости экватора; значитъ, зенитное разстояніе (считаемое къ югу отъ зенита) которыхъ равно высотѣ полюса.

15) Звѣзда, находящаяся въ сѣверномъ полушаріи, кульминируетъ черезъ меридіанъ къ югу отъ зенита на разстояніи 20° 15′ отъ него; высота полюса равна 58° 25′; опредѣлить склоненіе звѣзды. Мы знаемъ, что склоненіе $d = h + z$, при чемъ «z» положительно, если отсчитывается къ сѣверу, и отрицательно, если отсчитывается къ югу; значитъ, въ данномъ случаѣ, оно отрицательно; слѣдовательно, $d = h - z$ } $d = 58°25' - 20°15' = 38°10'$.

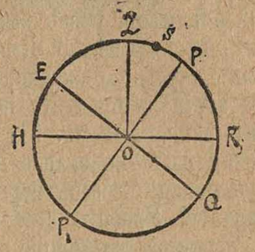
16) Звѣзда кульминируетъ къ сѣверу отъ зенита на разстояніи 11° 26′; опредѣлить высоту полюса, если склоненіе этой звѣзды равно 45° 14′. Такъ какъ зенитное разстояніе отсчитывается къ сѣверу, то, значитъ, оно положительно; изъ формулы $d = h + z$ находимъ, что $h = d - z$, откуда:

$$h = 45°14' - 11°26' = 33°48'.$$

17) Меридіанальная высота звѣзды, кульминирующей къ югу отъ зенита $= 25°32'$, а высота полюса $= 36°42'$. Опредѣлить склоненіе звѣзды $d = h + z$; «h» намъ дано, «z» надо опредѣлить. Мы знаемъ, что зенитное разстояніе дополняетъ меридіанальную высоту до 90°; слѣдовательно, $z = 90° - 25°32' = 64°28'$; при этомъ зенитное разстояніе отрицательно, т. к. звѣзда кульминируетъ къ югу отъ зенита; слѣдовательно, $d = h - z$, откуда $d - 36°42' - 64°28' = - 27°46'$; знакъ минусъ показываетъ на то, что звѣзда находится въ южномъ небесномъ полушаріи и кульминируетъ между плоскостью горизонта и плоскостью экватора на разстояніи 27°46′ къ югу отъ послѣдней.

[1]) Относятся къ курсу космографіи отъ § 13.

18) Опредѣлить склоненіе звѣзды, кульминирующей къ сѣверу отъ зенита на разстояніи $12^{\circ}11'$, если склоненіе зенита $= 50^{\circ}$. Пусть окружность ZEHQP представляетъ сѣченіе небесной сферы по меридіану даннаго мѣста, EQ — экваторъ, PP_1—ось міра; HR—горизонтъ и Z—зенитъ. Склоненіемъ зенита является $\angle ZOE$ луча зрѣнія къ зениту и плоскости экватора. Изъ чертежа видно, что $\angle EOZ$ равенъ углу $\angle POR$, т. к. каждый изъ нихъ дополняетъ одинъ и тотъ же $\angle ZOP$ до прямого угла; итакъ $\angle EOZ = \angle POR$, EOZ есть склоненіе зенита, а уголъ POR есть высота полюса, слѣдовательно, *склоненіе зенита = высотѣ полюса* (этотъ выводъ надо запомнить, т. к. онъ пригодится при рѣшеніи и другихъ задачъ). Намъ дано, что склоненіе зенита $= 50^{\circ}$; значитъ, и высота полюса («h») равна 50°; зенитное разстояніе звѣзды извѣстно; оно $= 12^{\circ}11'$; слѣдовательно, $d = 50^{\circ} + 12^{\circ}11' = 62^{\circ}11'$.

19) Склоненіе звѣзды $= -32^{\circ}45'$ [1]), высота полюса $= 28^{\circ}35'$; опредѣлить меридіанальную высоту. Для того, чтобы опредѣлить меридіанальную высоту, надо прежде опредѣлить зенитное разстояніе. Изъ формулы $d = h + z$ находимъ, что $z = d - h$, откуда, подставляя значенія «d» и «h», находимъ, что $z = -32^{\circ}45' - 28^{\circ}35' = -61^{\circ}20'$; знакъ минусъ показываетъ, что зенитное разстояніе отсчитывается къ югу отъ зенита; меридіанальная высота дополняетъ зенитное разстояніе до 90°; слѣдовательно, она равна

$$90^{\circ} - 61^{\circ}20' = 28^{\circ}40'.$$

20) Меридіанальныя высоты звѣзды равны $42^{\circ}36'$ и $70^{\circ}24'$; опредѣлить склоненіе звѣзды. Для опредѣленія склоненія звѣзды надо знать h—высоту полюса и z-зенитное разстояніе звѣзды во время ея верхней кульминаціи; опредѣлить высоту полюса, зная меридіанальныя высоты звѣзды, очень просто, т. к. она равна полусуммѣ меридіанальныхъ высотъ, слѣдов.,

$$h = \frac{70^{\circ}24' + 42^{\circ}36'}{2} = \frac{113^{\circ}}{2} = 56^{\circ}30';$$

зенитное же разстояніе звѣзды во время ея верхней кульминаціи дополняетъ ея меридіанальную высоту въ этотъ моментъ до 90°; слѣдовательно,

$$z = 90^{\circ} - 70^{\circ}24' = 19^{\circ}36';$$

теперь полученныя значенія «h» и «z» подставимъ въ формулу $d = h + z$, принявъ во вниманіе то, что здѣсь зенитное разстояніе отсчитывается къ югу отъ зенита: $d = 56^{\circ}30' - 19^{\circ}36' = 36^{\circ}54'$.

21) Звѣзда кульминируетъ черезъ меридіанъ мѣста 4 час. 25 мин. 40 сек. послѣ кульминаціи точки весенняго равноденствія; опредѣлить прямое восхожденіе звѣзды. Для этого достаточно указанный промежутокъ времени помножить на 15:

$$(4.15)^{\circ} + (25\,.\,15)' + (40\,.\,15)'' = 60^{\circ}375'600'' = 66^{\circ}25'.$$

22) Въ Кіевѣ, гдѣ высота полюса $= 50^{\circ}37'$, наблюдалась кульминація новой кометы; она произошла въ 6 ч. 12 м. 15 секундъ по звѣздному времени даннаго мѣста; зенитное разстояніе кометы было равно $-13^{\circ}12'25''$. Опредѣлить склоненіе и прямое восхожденіе этой кометы. Склоненіе $d = 50^{\circ}27 - 13^{\circ}12'25'' = 37^{\circ}14'35''$; прямое же восхожденіе равно $(6.15)^{\circ} + (12\,.\,15)' + (15.15)'' = 93^{\circ}3'45''$.

23) Отъ какихъ плоскостей отсчитывается разстояніе мѣста на землѣ для опредѣленія его координатъ? Отъ плоскости земного экватора и плоскости меридіана, принятаго за первый. 24) Какъ называются географическія координаты? Широтой и долготой. 25) Что называется широтой? Широтой даннаго мѣста называется разстояніе его отъ экватора, выраженное въ градусахъ и считаемое по меридіану этого мѣста. 26) Что такое долгота мѣста? Долготой мѣста называется двугранный уголъ между плоскостью меридіана даннаго мѣста и плоскостью меридіана, принятаго за начальный (первый). 27) Какъ и въ какихъ предѣлахъ измѣряется этотъ уголъ? Онъ измѣряется дугой экватора между первымъ меридіаномъ и меридіаномъ даннаго мѣста въ предѣлахъ отъ 0°

---

[1]) Знакъ минусъ показываетъ, что звѣзда кульминируетъ въ южномъ полушаріи

до 180° къ востоку и западу отъ перваго меридіана. 28) Какой меридіанъ принимается за первый? Прежде принимали за первый—меридіанъ, проходящій черезъ островъ Ферро, теперь же за первый принимаютъ либо Парижскій, либо Гринвичскій, либо Пулковскій меридіанъ. 29) Чему равна широта (φ) мѣста? Широта мѣста равна высотѣ полюса въ этомъ мѣстѣ. 30) Какъ можно опредѣлить широту мѣста? Двоякимъ способомъ: или найти полусумму меридіанальныхъ высотъ незаходящей звѣзды, т. е. прямо опредѣлить высоту полюса; или же опредѣлить высоту полюса изъ формулы d=h+z и тѣмъ самымъ опредѣлить широту мѣста. 31) Когда возможно воспользоваться вторымъ способомъ? Когда извѣстно склоненіе звѣзды и ея зенитное разстояніе во время верхней кульминаціи черезъ меридіанъ даннаго мѣста. 32) Какой способъ и почему удобнѣе? Удобнѣй второй способъ, т. к. склоненіе всѣхъ звѣздъ извѣстно, а зенитное разстояніе опредѣлить не трудно путемъ наблюденія; при первомъ же способѣ надо сдѣлать два наблюденія для опредѣленія высоты звѣзды, во 1-хъ, во время ея верхней и, во 2-хъ, во время ея нижней кульминацій. 33) Чему равна долгота мѣста? Разности между временемъ, считаемымъ въ одинъ и тотъ же моментъ на первомъ меридіанѣ и меридіанѣ даннаго мѣста, помноженнаго на 15. 34) Какими способами можно опредѣлить эту разность временъ? Способомъ телеграфовъ, сигналовъ, наблюденія небесныхъ явленій и перевозки хронометровъ. 35) Какой изъ нихъ наиболѣе удобенъ? Способъ телеграфовъ. 36) Какой наиболѣе точенъ? Способъ наблюденія небесныхъ явленій. 37) Какова истинная форма земли? Земля по своей формѣ есть эллипсоидъ вращенія. 38) Что это значитъ? Это значитъ, что она имѣетъ такую форму, какая получится при образованіи тѣла отъ вращенія полуэллипсиса вокругъ малой полуоси. 39) Какъ же доказывается, «что земля не шаръ?» Изъ ряда изслѣдованій опредѣлено, что меридіаны не суть круги, а эллипсисы, т. к. ихъ градусы въ различныхъ мѣстахъ не равны; а если бы земля была правильнымъ шаромъ, то сѣченія ея плоскостями давали бы правильные круги. 40) Во всѣхъ ли мѣстахъ одинаковъ видъ суточнаго движенія свѣтилъ? Нѣтъ, не во всѣхъ. 41) Отъ чего же зависитъ разница въ видѣ суточнаго движенія? Отъ высоты полюса въ каждомъ мѣстѣ. 42) Каковы три характерные вида суточнаго движенія небеснаго свода? Видъ «параллельной сферы», «прямой сферы» и «наклонной сферы». 43) Что понимается подъ параллельной сферой? Видъ суточнаго движенія небеснаго свода для наблюдателя, находящагося на земномъ полюсѣ; всѣ звѣзды движутся параллельно горизонту и никогда не заходятъ, т. к. небесный экваторъ совпадаетъ съ горизонтомъ этого мѣста.

Курсъ элементарной прямолинейной тригонометріи.

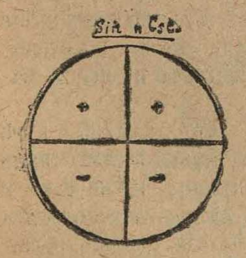
ГЛАВА I. ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКІЯ ФУНКЦІИ.

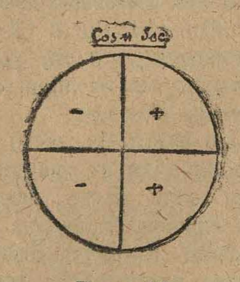
(*Продолженіе*).

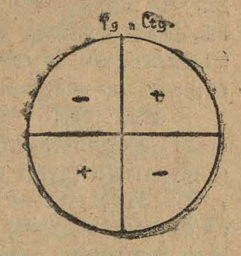
§ 12. Общія заключенія.

Въ предыдущихъ выпускахъ мы познакомились съ основными тригонометрическими понятіями; прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изученію тригонометріи, необходимо сдѣлать нѣсколько обобщеній для того, чтобы окончательно усвоить себѣ понятіе о тригонометрическихъ функціяхъ и ихъ свойствахъ.

Всего нами разсмотрѣно шесть тригонометрическихъ *линій*: линія синуса, косинуса, тангенса, котангенса, секанса и косеканса; соотвѣтствующими тригонометрическими *функціями* являются *отношенія* указанныхъ линій къ радіусу той окружности, въ которой онѣ построены; но такъ какъ мы условились брать всѣ окружности радіусомъ, равнымъ единицѣ, то значеніе (величина) каждой тригонометрической *функціи* оказывается равнымъ алгебраическому количеству, выражающему длину и направленіе соотвѣтствующей тригонометрической линіи. Аргументами тригонометрической функціи являются углы или соотвѣтствующія имъ дуги, что совершенно безразлично. Всѣ функціи могутъ быть положительными въ зависимости отъ направленія соотвѣтствующей тригонометрической линіи. Для того, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ легко опредѣлить, положительна или отрицательна данная функція, надо вспомнить *правило Декарта*, гласящее,

Черт. 22.

что всякая линія, идущая вправо или вверхъ отъ данной точки (въ данномъ случаѣ отъ центра круга), имѣетъ положительное направленіе, а идущая влѣво и внизъ — отрицательное; поэтому *синусъ* положителенъ для дугъ, оканчивающихся въ первой и второй четверти, отрицателенъ для дугъ, оканчивающихся въ третьей и четвертой; *косинусъ*—положителенъ—въ первой и четвертой, отрицателенъ—во второй и третьей четвертяхъ; *тангенсъ* и *котангенсъ* положителенъ для дугъ, оканчивающихся въ первой и третьей, отрицателенъ—во второй и четвертой четвертяхъ; *секансъ* положителенъ и отрицателенъ въ тѣхъ же четвертяхъ, что и косинусъ; *косекансъ*—въ тѣхъ же четвертяхъ, что и синусъ—все это схематически изображено на черт. 22-омъ. Изъ чертежа ясно видно, что *въ первой четверти всѣ функціи положительны*.

Каждая функція измѣняется въ своей величинѣ и направленіи вмѣстѣ съ измѣненіемъ размѣра ея аргумента, то есть угла (дуги), *но процессъ измѣненія различенъ для каждой изъ нихъ*; это ясно видно изъ помѣщаемой ниже схемы (таблицы) процесса измѣненія всѣхъ функцій.

Измѣненіе дуги.		Соотвѣтствующее измѣненіе функцій.											
		Sin.		Cos.		Tg.		Cot.		Sec.		Csc.	
отъ	до	отъ	до	отъ	до	отъ	до	отъ	до	отъ	до	отъ	до
0°	90°	0	1	1	0	0	$+\infty$	$+\infty$	0	1	$+\infty$	$+\infty$	1
90°	180°	1	0	0	-1	$-\infty$	0	0	$-\infty$	$-\infty$	-1	1	$+\infty$
180°	270°	0	-1	-1	0	0	$+\infty$	$+\infty$	0	-1	$-\infty$	$-\infty$	-1
270°	360°	-1	0	0	1	$-\infty$	0	0	$-\infty$	$+\infty$	$+1$	-1	$-\infty$

Изъ этой таблицы видно, во-первыхъ, что Sin и Cos по абсолютной величинѣ не могутъ быть больше единицы и могутъ имѣть только тѣ значенія, которыя заключаются въ предѣлахъ отъ -1 до $+1$. Sec и Csc по абсолютной величинѣ не могутъ быть меньше единицы и измѣняются только въ предѣлахъ отъ $-\infty$ до -1 и отъ $+1$ до $+\infty$; и только Tg и Cot могутъ принимать всевозможныя значенія, какъ меньше, такъ и больше единицы въ предѣлахъ отъ $-\infty$ до $+\infty$. Во-вторыхъ, изъ этой таблицы ясно, что если разсматривать абсолютныя величины функціи, то достаточно измѣнять аргументъ въ предѣлахъ одной только (какой угодно) четверти, чтобы представить себѣ *всѣ измѣненія абсолютной величины* каждой изъ функцій.

Общимъ и характернымъ свойствомъ тригонометрическихъ функцій является ихъ *періодичность*, то есть то свойство ихъ, что онѣ остаются неизмѣнными при прибавленіи [1]) къ ихъ аргументу нѣкоторой величины, вполнѣ опредѣленной для каждой функціи и называемой *періодомъ* этой функціи. У синуса, косинуса, секанса и косеканса одинаковый періодъ—онъ равенъ «2π» [2]) — цѣлой окружности.

Собственно *основными* видами тригонометрическихъ функцій можно считать Sin, Tg и Sec, такъ какъ функціи Cos, Ctg и Csc имѣютъ свое происхожденіе изъ разсматриванія тригонометрическихъ линій, занимающихъ то же положеніе *по отношенію ко второму діаметру*, какое линіи синуса, тангенса и секанса занимаютъ *по отношенію къ первому діаметру*.

Изъ всего предыдущаго изложенія ясно далѣе, что каждой дугѣ (углу) соотвѣтствуетъ вполнѣ опредѣленное значеніе каждой функціи, такъ какъ одинъ уголъ (дуга) не могутъ имѣть двухъ разныхъ синусовъ, косинусовъ и т. д.; слѣдовательно, *каждая тригонометрическая функція вполнѣ опредѣляется по данному значенію ея аргумента*. Но отсюда совершенно нельзя сдѣлать обратнаго заключенія, что если дана какая-нибудь тригонометрическая функція, то по ней можно *вполнѣ точно* опредѣлить тотъ аргументъ (уголъ), функцій котораго она является. Почему же нельзя сдѣлать такого заключенія? На этотъ вопросъ намъ отвѣтитъ выводъ изъ содержанія слѣдующаго параграфа.

§ 13. Опредѣленіе аргумента (угла, дуги) по данной функціи его.

Въ предыдущихъ параграфахъ мы брали какой нибудь уголъ (дугу) и строили его тригонометрическія функціи; сдѣ-

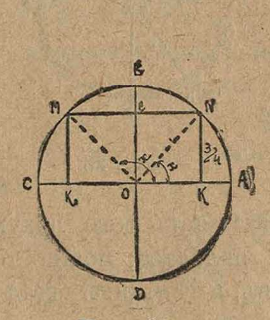
---

[1]) Въ смыслѣ алгебраическомъ, то есть при прибавленіи и отрицательной величины.

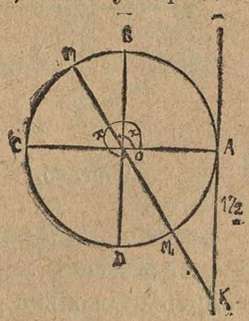
[2]) 2π, а не $2\pi R$, такъ какъ мы беремъ окружности, у которыхъ $R=1$.

лать это было легко, такъ какъ каждому углу соотвѣтствуетъ строго опредѣленная система функцій. Теперь намъ предстоитъ обратная задача: взять какую-нибудь функцію и по ней построить тотъ уголъ, чьей функціей она является. Пріемы рѣшенія такой задачи лучше всего выяснить конкретно на примѣрахъ.

Примѣръ 1. Пусть намъ надо опредѣлить уголъ, синусъ котораго равенъ $+ {}^3/_4$; обозначимъ этотъ уголъ (дугу) черезъ „X"; значитъ, $\mathrm{Sn}X = + {}^3/_4$; знакъ плюсъ показываетъ, что синусъ долженъ находиться въ 1-ой или 2-ой четверти; абсолютная величина синуса $= {}^3/_4$; это значитъ, что линія синуса составляетъ ${}^3/_4$ радіуса окружности, построимъ эту окружность (черт. 23-ій); въ ней радіусъ OB раздѣлимъ на 4 части; и черезъ дѣленіе „e" проведемъ линію M_1M, параллельную первому діаметру; затѣмъ изъ точекъ M и M_1 опустимъ перпендикуляры MK и M_1K_1 на первый діаметръ; очевидно, эти перпендикуляры равны между собою и каждый равенъ линіи „oe", какъ отрѣзки параллельныхъ между параллельными; значитъ, перпендикуляры MK и M_1K_1 каждый въ отдѣльности равны ${}^3/_4$ (радіуса); слѣдовательно, каждый изъ нихъ представляетъ собою данный намъ синусъ (равный $+ {}^3/_4$), MK—синусъ дуги $\overset{\frown}{AM}$, а M_1K_1—синусъ $\overset{\frown}{ABM_1}$; значитъ, каждая изъ этихъ двухъ дугъ имѣетъ синусъ, равный $+ {}^3/_4$; мало того, въ силу періодичности

Черт. 23:

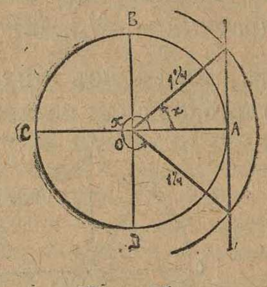
Черт, 24.

къ каждой изъ этихъ двухъ дугъ можно прибавить какое угодно число цѣлыхъ окружностей; такимъ образомъ, мы видимъ, что синусъ, равный $+ {}^3/_4$, имѣетъ не одна дуга, а много и самыхъ различныхъ дугъ.

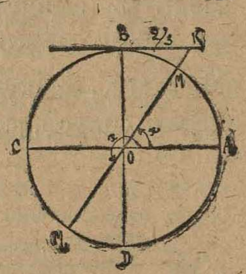
Примѣръ 2. Пусть далѣе намъ надо опредѣлить дугу, тангенсъ которой $= - 1^1/_2$ ($\mathrm{Tg}x = - 1^1/_2$). Для этого начертимъ окружность радіусомъ въ единицу (черт. 24); къ ней проведемъ первую касательную, являющуюся линіей тангенсовъ, такъ какъ на ней откладываются всѣ тангенсы; данный тангенсъ отрицательный, значитъ, его надо откладывать внизъ; онъ равенъ $1^1/_2$; значитъ, на этой касательной надо отъ точки касанія „A" отложить отрѣзокъ AK, равный $1^1/_2$ радіуса окружности; затѣмъ проведемъ сѣкущую KMM_1. Изъ чертежа ясно, что „AK" является тангенсомъ двухъ различныхъ дугъ; во первыхъ, дуги $\overset{\frown}{ABM}$ и, во-вторыхъ, дуги $\overset{\frown}{ACM_1}$; кромѣ того, въ силу періодичности къ каждой изъ этихъ

двухъ дугъ можно прибавить какое угодно число полуокружности; такимъ образомъ, мы опять видимъ, что одинъ и тотъ же тангенсъ является функціей не одной только дуги, а нѣсколькихъ.

Примѣръ 3-ій. Пусть секансъ нѣкоторой дуги равенъ $+1^1/_4$ ($\operatorname{Sec} x = 1^1/_4$); надо опредѣлить аргументъ, функціей котораго является секансъ такой величины. Для этого строимъ (черт. 25) окружность; проводимъ первую касательную къ ней; затѣмъ раскрываемъ циркуль такъ, чтобы разстояніе между его ножками было $= 1^1/_4$ радіуса первой окружности и изъ того же центра проводимъ дугу, которая въ точкахъ K, K_1 пересѣкаетъ линію тангенсовъ. Очевидно, прямыя OK и OK_1 являются секансами и притомъ каждый изъ нихъ равенъ $1^1/_4$; значитъ, каждый изъ нихъ и есть данная намъ функція; OK секансъ дуги $\overset{\frown}{AM}$; OK_1 секансъ дуги $\overset{\frown}{ACM_1}$; значитъ, секансъ одинъ и тотъ же по величинѣ и знаку является функціей двухъ различныхъ аргументовъ; притомъ эти аргументы могутъ быть еще измѣнены на основаніи періодичности;

Черт. 25.

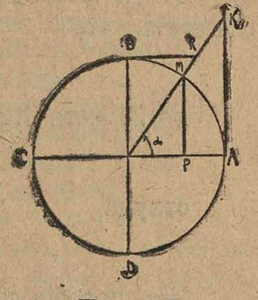
Черт. 26.

слѣдовательно, данная функція не опредѣляетъ того аргумента тригонометрической линіей котораго она является; можно только опредѣлить нѣсколько разныхъ аргументовъ, имѣющихъ (всѣ) одну и ту же данную функцію. Если такъ, то какъ же надо понимать задачу построенія аргумента по данной его функціи? Хотя по существу, какъ мы это выше видѣли, такая задача является неопредѣленной, но условились понимать ее въ томъ смыслѣ, что *требуется построеніе только наименьшаго положительнаго аргумента, имѣющаго данную функцію.* Значитъ, отвѣтомъ на задачу перваго примѣра будетъ равенство $X = \overset{\frown}{AM}$ (черт. 23), второго примѣра — $X = \overset{\frown}{ABM}$ (черт. 24) и третьяго — $X = \overset{\frown}{AM}$ (черт. 25). Подобно построенію аргумента по даннымъ Sin, Tg и Sec, строятся и аргументы по даннымъ Cos, Ctg и Csc; пусть, напр., дано, что $\operatorname{Ctg} X = ^2/_3$; изъ чертежа 26-го ясно видно построеніе такого котангенса и тѣхъ аргументовъ, функціей которыхъ онъ является.

ГЛАВА II. СООТНОШЕНІЯ МЕЖДУ ФУНКЦІЯМИ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ ДУГИ.

§14. Формулы, связывающія между собою тригонометрическія функціи одной и той же дуги.

Намъ извѣстно, что данной дугѣ соотвѣтствуетъ вполнѣ опредѣленная система тригонометрическихъ линій. Если намъ дана одна изъ тригонометрическихъ линій, то мы можемъ построить дугу, функціей которой она является; слѣдовательно, зная одну тригонометрическую линію, мы можемъ построить ея аргументъ, а затѣмъ построить всѣ остальныя тригонометрическія функціи этого аргумента. Значитъ, размѣръ и направленіе данной тригонометрической линіи опредѣляетъ размѣръ и направленіе всѣхъ остальныхъ. Такова геометрическая зависимость тригонометрическихъ линій между собою; а разъ между нѣкоторыми величинами имѣется геометрическая зависимость, то обязательно должна быть и *алгебраическая* зависимость, выражающаяся въ *формулахъ*, связывающихъ между собой эти величины. Всего тригонометрическихъ величинъ шесть; значитъ, формулъ, связывающихъ ихъ между собой, должно быть минимумъ пять, такъ какъ число уравненій всегда можетъ быть на одно меньше числа неизвѣстныхъ. Для выведенія алгебраическихъ формулъ, связывающихъ функціи одной и той же дуги, построимъ какую-нибудь дугу и всѣ ея тригонометрическія линіи (черт. 27). Возьмемъ въ окружности радіуса, равнаго единицѣ (черт. 27), дугу $\overset{\frown}{AM}$, оканчивающуюся въ первой четверти, и обозначимъ ее черезъ „α“; синусомъ этой дуги является линія MP, косинусомъ OP (*O* обозначаетъ центръ), тангенсомъ—AK, секансомъ—OK, котангенсомъ—BR и косекансомъ OR. Въ результатѣ построенія этой системы тригонометрическихъ линій дуги „α“ получились треугольники: $\triangle$OMP, $\triangle$OKA, $\triangle$ORB; ими мы и воспользуемся для выведенія искомыхъ формулъ.

Черт. 27.

Треугольникъ OMP — прямоугольный, а въ прямоугольномъ треугольникѣ сумма квадратовъ катетовъ = квадрату гипотенузы: значитъ:

$$MP^2 + OP^2 = OM^2.$$

но MP есть $\operatorname{Sin}\alpha$, OP есть $\operatorname{Cos}\alpha$ и $OM = R = 1$; подставивъ эти значенія въ полученное равенство, найдемъ, что

$$\operatorname{Sin}^2\alpha + \operatorname{Cos}^2\alpha = 1 \quad . \ . \ . \ . \ . \quad \text{(I формула)}.$$

Треугольникъ OKA и треугольникъ OMP подобны, такъ какъ линія MP=KA, и потому всѣ углы одного треугольника соотвѣт-

ственно равны угламъ другого треугольника. Въ подобныхъ же треугольникахъ сходственныя стороны пропорціональны; значитъ,

$$\frac{KA}{MP}=\frac{OA}{OP},$$

но KA есть Tgα, MP есть Snα, OA = R = 1 и OP есть Cosα; подставивъ эти значенія въ приведенное равенство, получимъ:

$$\frac{Tg\alpha}{Sn\alpha}=\frac{1}{Cos\alpha},$$

откуда, переставивъ мѣста среднихъ членовъ, получимъ формулу

$$Tg\alpha=\frac{Sn\alpha}{Cos\alpha}\ .\ .\ .\ .\ .\ .\ \text{(II формула)}.$$

Изъ подобія тѣхъ же треугольниковъ ($\triangle OKA \infty \triangle OMP$) имѣемъ пропорцію:

$$\frac{OK}{OM}=\frac{OA}{OP}$$

но OK есть Secα, OM=1, OA=1 и OP есть Cosα; слѣдовательно

$$\frac{Sec\alpha}{1}=\frac{1}{Cos\alpha}$$

откуда, взявъ произведеніе крайнихъ и среднихъ, получимъ формулу

$$Sec\alpha\ .\ Cos\alpha=1\ .\ .\ .\ .\ .\ \text{(III формула)}.$$

Далѣе $\triangle ORB \infty \triangle OMP$, такъ какъ оба они прямоугольные, а углы, прилежащіе къ гипотенузамъ, являются соотвѣтственно накрестъ лежащими при сѣкущей OR для параллельныхъ BO ‖ MP и OP ‖ BR и потому равными. Изъ подобія этихъ треугольниковъ слѣдуетъ, что

$$\frac{BR}{OP}=\frac{BO}{MP},$$

но BR есть Ctgα, OP есть Cosα, BO=1 и MP есть Snα; значитъ,

$$\frac{Ctg\alpha}{Cos\alpha}=\frac{1}{Sn\alpha},$$

откуда

$$Ctg\alpha=\frac{Cos\alpha}{Sn\alpha}\ .\ .\ .\ .\ .\ .\ \text{(IV формула)}.$$

Изъ подобія тѣхъ же треугольниковъ ($\triangle OBR \infty \triangle OMP$) мы имѣемъ пропорцію:

$$\frac{OR}{OM}=\frac{OB}{MP},$$

но OR есть Cscα, OM=1, OB=1 и MP есть Snα; значитъ

$$\frac{Csc\alpha}{1}=\frac{1}{Sn\alpha},$$

откуда, взявъ произведеніе крайнихъ и среднихъ, получаемъ:

$$Csc\alpha\ .\ Sn\alpha=1\ .\ .\ .\ .\ .\ .\ \text{(V формула)}.$$

Таковы пять *основныхъ* формулъ—пять уравненій, связывающихъ между собою шесть величинъ такъ, что если дана одна величина, то легко опредѣлить всѣ остальныя пять величинъ.

Историческая хрестоматія.

А. С. Пушкинъ.

Безумныхъ лѣтъ

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Для береговъ отчизны дальней...

Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ надъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала,
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой—
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!..

Пиръ Петра Великаго

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что пируетъ Царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отъ чего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ, иль Русскій флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровый,
Мира-ль проситъ грозный врагъ?
Иль въ отъятый край у Шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ;
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?
Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
Родила-ль Екатерина?
Именинница-ль Она,
Чудотворца Исполина
Чернобровая жена?
Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;

Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.
Отъ того-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ.
Отъ того-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Полководецъ

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ Мадоннъ.
Ни Фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ, другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Доу далъ ему такое выраженье.
О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною.
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго, укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полпути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,—
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!—

О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ.
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Туча

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

Ангелъ

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Парусъ

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ.
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Вѣтка Палестины

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива-ль понынѣ?
Все такъ же-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?..

Передъ иконой золотой
Заботой тайною хранима,
Стоишь ты, вѣтвь Iерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой..
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Дума

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межь тѣмъ, подъ бременемъ познанья
и сомнѣнья
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ
умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ
борьбы,
Передъ опасностью позорно малодушны...

. . . .

Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ
осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья
часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и
друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья;
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ
не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный
кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни
любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя
забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья
и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума
и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи
и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ
стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Терекъ

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Предъ нимъ Казбекъ, какъ грань
алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ;
И глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая, какъ львица,
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ; и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной вышинѣ,
Глаголу водъ его внимали;
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы—
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ!

Казачья колыбельная пѣсня

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ.

Но отецъ твой, старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.

Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой;
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...

Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться
По ночамъ гадать;

Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой,

Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Выхожу одинъ я на дорогу.

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду-ль чего? жалѣю ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы:
Я-бъ желалъ навѣки такъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь,

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной, чтобъ вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Бородино.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

— Да, были люди въ наше время
Не то, что нынѣшнее племя:
— Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали
Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:
«Что-жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитритъ, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на полѣ грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ,
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двигались, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Геометрическій задачникъ.

Круглыя тѣла.

Въ задачахъ, помѣщаемыхъ здѣсь, равно какъ и въ слѣдующихъ отдѣлахъ задачника: 1) подъ словомъ «цилиндръ» разумѣется исключительно прямой круглый цилиндръ, подъ словомъ «конусъ» — исключительно прямой круглый конусъ; 2) Число π принимается $= 3,14$ (кромѣ тѣхъ только задачъ, гдѣ на этотъ счетъ будетъ сдѣлано особое указаніе).

396. Образующая конуса $= a$, а разность его высоты и радіуса основанія $= m$. Опредѣлить радіусъ основанія и боковую поверхность конуса.

Рѣшеніе. Пусть радіусъ основанія AC конуса (черт. 1) равенъ x. Согласно условію, его высота $BC = m + x$. Изъ прямоугольнаго треугольника ABC имѣемъ: $AB^2 = AC^2 + BC^2$, или $a^2 = x^2 + (m+x)^2$, или $2x^2 + 2mx - (a^2 - m^2) = 0$; $x = \frac{-2m + \sqrt{4m^2 + 8a^2 - 8m^2}}{4} = \frac{-m + \sqrt{2a^2 - m^2}}{2}$. Боковая поверхность опредѣлится по формулѣ: $S = \frac{\pi a . (-m + \sqrt{2a^2 - m^2})}{2}$.

Черт. 1.

397. Найти объемъ цилиндра, котораго высота = бо̀льшей, а радіусъ основанія = меньшей части линіи a, раздѣленной въ крайнемъ и среднемъ отношеніи.

Рѣшеніе. Раздѣлить линію въ крайнемъ и среднемъ отношеніи значитъ раздѣлить ее на такія двѣ части, чтобы бо̀льшая часть была среднею пропорціональною между всей линіей и меньшею частью. Слѣдовательно, назвавъ бо̀льшую часть линіи a черезъ x, мы можемъ составить пропорцію: $\frac{a}{x} = \frac{x}{a-x}$, или x [illegible] $- 0$, $x = \frac{-a + \sqrt{a^2 + 4a^2}}{2} = \frac{a(\sqrt{5} - 1)}{2}$. Итакъ, высота цилиндра $= \frac{(\sqrt{5}-1)a}{2}$, а радіусъ основанія $= a - \frac{(\sqrt{5}-1)a}{2} = \frac{(3-\sqrt{5})a}{2}$; слѣдовательно, объемъ цилиндра, согласно формулѣ, $= \frac{\pi a^3}{8}(3-\sqrt{5})^2 . (\sqrt{5}-1) = \frac{\pi a^3}{2}(5\sqrt{5} - 11)$.

398. При увеличеніи радіуса основанія цилиндра на a футовъ, объемъ цилиндра увеличивается на k кубическихъ футовъ; при увеличеніи же высоты на b футовъ, объемъ увеличивается на w кубическихъ футовъ. Найти объемъ цилиндра.

Рѣшеніе. Пусть радіусъ основанія цилиндра $= x$ футовъ, а высота $= y$ футовъ. Согласно формулѣ, объемъ V цилиндра $= \pi x^2 y \ldots (1)$. При увеличеніи радіуса основанія цилиндра на a футовъ, объемъ цилиндра увеличивается на k кубическихъ фут.; при увеличеніи же высоты на b футовъ, объемъ увеличивается

на w кубическихъ фут. Соотвѣтственно каждому условію можемъ составить два уравненія:

1) $\pi x^2y+k=\pi(x+a)^2y=\pi x^2y+2\pi xya+\pi a^2y$, или $k=2\pi xya+\pi a^2y\ldots(2)$.

2) $\pi x^2y+w=\pi x^2(y+b)=\pi x^2y+\pi x^2b$, или $w=\pi x^2b$; отсюда $x=\sqrt{\frac{w}{\pi b}}\ldots(3)$.

Найденное значеніе x подставляемъ во второе уравненіе и получимъ: $y=\frac{K}{\pi a\left(2\sqrt{\frac{W}{\pi b}}+a\right)}$. Найденныя значенія x и y вставляемъ въ первое уравненіе и получимъ $V=\frac{\pi KW}{\pi^2ab\left(2\sqrt{\frac{W}{\pi b}}+a\right)}=\frac{KW}{\pi ab\left(2\sqrt{\frac{W}{\pi b}}+a\right)}$.

399. Кусокъ дерева въ формѣ цилиндра, высота котораго $=h$, горизонтально плаваетъ въ водѣ. Плотность дерева $=d$, плотность воды $=1$. Найти отношеніе объемовъ непогруженной и погруженной частей дерева.

Рѣшеніе. Пусть высота непогруженной части дерева $=x$, тогда высота погруженной части $=h-x$. Изъ физики извѣстно, что тѣло плаваетъ въ водѣ только въ томъ случаѣ, когда вѣсъ его $=$ вѣсу воды, вытѣсненной въ объемѣ погруженной части тѣла. Но вѣсъ тѣла $=$ его объему, помноженному на плотность; слѣдовательно, обозначивъ вѣсъ дерева черезъ P, а вѣсъ воды—черезъ Q, мы можемъ составить два уравненія: $P=v.d=\pi r^2hd$, гдѣ r — радіусъ основанія цилиндрическаго куска дерева, а d — его плотность. Второе уравненіе. $Q=v_1d_1=\pi r^2(h-x)$. Но тѣло плаваетъ, слѣдовательно, $P=Q$, или $\pi r^2hd=$ $=\pi r^2(h-x)$, отсюда $x=h(1-d)$. Итакъ, высота непогруженной части дерева$=h(1-d)$, а высота погруженной части$=h-x=h-h(1-d)=h-h+hd=hd$. Изъ геометріи же извѣстно, что объемы цилиндровъ, имѣющихъ равныя основанія, относятся, какъ высоты, слѣдовательно, отношеніе объемовъ непогруженной и погруженной частей дерева $=\frac{1-d}{d}$.

400. Боковая поверхность конуса $=s$, высота его $=h$. Найти величину боковой поверхности цилиндра, имѣющаго одинаковыя съ даннымъ конусомъ основаніе и высоту.

Рѣшеніе. Пусть радіусъ основанія конуса $=x$, образующая его $=y$. Согласно формулѣ, боковая поверхность конуса выразится черезъ $s=\pi xy$; отсюда $y=\frac{s}{\pi x}\ldots(1)$. Изъ треугольника ABC (черт. 1) имѣемъ: $BC^2=AB^2-AC^2$, или $h^2=y^2-x^2\ldots.(2)$. Подставляя значеніе y изъ уравненія перваго въ уравненіе второе, мы получимъ: $h^2=\frac{s^2}{\pi^2x^2}-x^2$, или $x^4+x^2h^2-\frac{s^2}{\pi^2}=0$. Разрѣшивъ это биквадратное ур-іе, мы получимъ: $x=\sqrt{\frac{-h^2}{2}+\sqrt{\frac{h^4}{4}+\frac{s^2}{\pi^2}}}=$ $=\sqrt{\frac{1}{2}(-h^2+\frac{1}{\pi}\sqrt{h^4\pi^2+4s^2})}$. Слѣдовательно, согласно формулѣ, боковая поверхность цилиндра$=2\pi h\sqrt{\frac{1}{2}(-h^2+\frac{1}{\pi}\sqrt{h^4\pi^2+4s^2})}=h\sqrt{2\pi(-\pi h^2+\sqrt{h^4\pi^2+4s^2})}$.

401 Радіусъ основанія конуса $=R$. Плоскость, параллельная этому основанію, дѣлитъ высоту конуса на двѣ части, находящіяся между собой въ отношеніи $m:n$. Опредѣлить площадь полученнаго сѣченія.

Рѣшеніе. Чтобы найти площадь сѣченія FE (черт. 2), параллельнаго основанію AG конуса, намъ необходимо знать только радіусъ круга FE, ибо сѣченіе есть кругъ. Этотъ радіусъ находятъ слѣдующимъ образомъ. Пусть высота конуса ... BC. Назвавъ BD черезъ y, а DC черезъ $\frac{n}{m}y$ (согласно условію $\frac{DC}{BD}=\frac{n}{m}$), мы получимъ: $y+\frac{n}{m}y=BC$; отсюда $y=\frac{BC.m}{m+n}$. Изъ подобія треугольниковъ ABC и FBD можемъ составить пропорцію: $\frac{FD}{AC}=\frac{BD}{BC}$, или

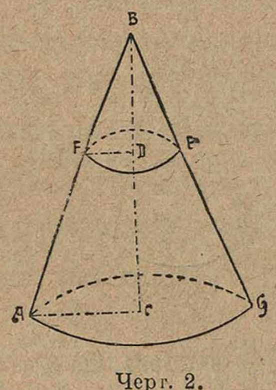
$\frac{FD}{R} = \frac{BC.m}{(m+n)BC}$; отсюда $FD = \frac{m}{m+n} . R$. Слѣдовательно, площадь сѣченія $= \frac{\pi . m^2}{(m+n)^2} . R^2$.

402. Объемъ усѣченнаго конуса $= 3{,}14$ кубическихъ фута, высота конуса $= 3\frac{18}{19}$ фута; радіусъ нижняго основанія $= \frac{3}{5}$ фута. Принимая $\pi = 3{,}14$, вычислить радіусъ верхняго основанія.

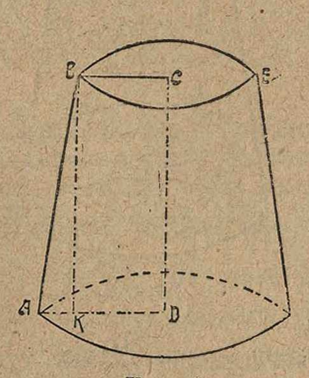
Рѣшеніе. Пусть радіусъ верхняго основанія усѣченнаго конуса $= x$. Согласно формулѣ, получаемъ уравненіе: $3{,}14 = \frac{\pi(x^2 + 0{,}36 + 0{,}6x)\,75}{3.19} = \frac{3{,}14(x^2 + 0{,}36 + 0{,}6x)\,25}{9}$; отсюда $25x^2 + 15x - 10 = 0$, или $5x^2 + 3x - 2 = 0$. Разрѣшивъ это квадратное уравненіе, мы получимъ: $x = \frac{-3 \pm \sqrt{9+40}}{10}$; $x_1 = \frac{-3+7}{10} = \frac{2}{5}$; $x_2 = \frac{-3-7}{10} = \frac{-10}{10} = -1$. Такъ какъ радіусъ можетъ быть только положительный, то $x = \frac{2}{5}$ фута.

403. Высота усѣченнаго конуса $= 3$ футамъ; радіусы его основаній — одинъ въ 2 фута, другой—въ 1 футъ. Опредѣлить: 1) объемъ, 2) боковую поверхность этого усѣченнаго конуса.

Рѣшеніе. Объемъ усѣч. конуса опредѣлится по формулѣ: $v = \frac{\pi(4+1+2)3}{3} = 7\pi$ (кубическ. фута). Для опредѣленія же боковой поверхности усѣченнаго конуса, намъ необходимо знать, кромѣ данныхъ радіусовъ основаній, еще образующую конуса. Для этого проведемъ плоскость $ABCD$ (черт. 3) черезъ образующую

Черт. 2.

Черт. 3.

AB конуса и его высоту CD. Эта плоскость есть, очевидно, прямоугольная трапеція, въ которой $AD = 2$, $BC = 1$, $CD = 3$. Изъ прямоугольнаго треугольника ABK имѣемъ: $AB = \sqrt{BK^2 + (AD - BC)^2} = \sqrt{9+1} = \sqrt{10}$, ибо $BK = CD$, а $KD = BC$. Слѣдовательно, боковая поверхность усѣченнаго конуса будетъ равна $S = \pi(2+1)\sqrt{10} = 3\pi\sqrt{10}$.

404. Усѣченный конусъ, имѣющій высоту h (черт. 4) и радіусы основаній R и r, пересѣченъ двумя плоскостями, дѣлящими высоту на три равныя части и параллельными основаніямъ. Опредѣлить объемъ каждой изъ трехъ частей.

Рѣшеніе. Такъ какъ $BM = MN = NO = \frac{h}{3}$, $OD = R$ и $BL = r$, то рѣшеніе вопроса приводится къ опредѣленію радіусовъ MC и NE двухъ проведенныхъ сѣченій. Обозначивъ MC черезъ x, NE черезъ y, по свойству медіаны (средней линіи) трапеціи, имѣемъ два уравненія: 1) $x = \frac{r+y}{2}$, 2) $y = \frac{x+R}{2}$

Разрѣшимъ эту систему уравненій съ двумя неизвѣстными. $2x=r+y$ и $2y=x+R$;

$$\begin{array}{r|l} 2x-y=r & \quad 2x-y=r \\ -x+2y=R & 2 \quad -2x+4y=2R \end{array}$$
$$3y=2R+r;\ y=\frac{2R+r}{3}.$$

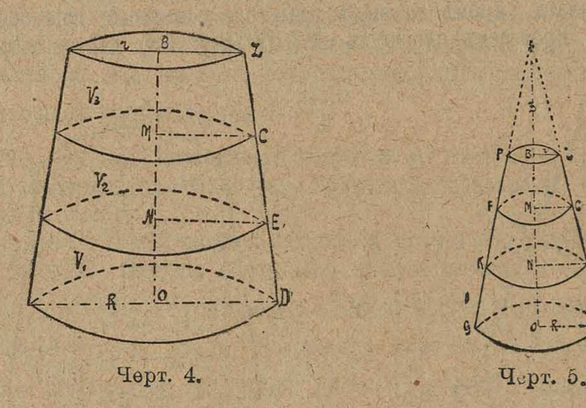
Подставивъ найденное значеніе y въ любое изъ данныхъ уравненій (въ данномъ случаѣ въ первое), мы получимъ: $2x-\frac{2R+r}{3}=r$; $6x-2R-r=3r$; $6x=3r+r+2R$; $6x=4r+2R$; $6x=2(2r+R)$; $x=\frac{2(2r+R)}{6}=\frac{2r+R}{3}$.

Выразивъ, такимъ образомъ, x и y черезъ данныя величины, послѣдовательно опредѣляемъ теперь по извѣстной формулѣ объемы V_1, V_2, V_3 каждой изъ трехъ частей конуса:

$$V_1=\frac{\pi}{3}\left(R^2+y^2+Ry\right)\frac{h}{3}=\frac{\pi h}{81}\left[19R^2+7Rr+r^2\right].$$
$$V_2=\frac{\pi}{3}\left(y^2+x^2+xy\right)\frac{h}{3}=\frac{\pi h}{81}\left[7(R^2+r^2)+13Rr\right].$$
$$V_3=\frac{\pi}{3}\left(x^2+r^2+xr\right)\frac{h}{3}=\frac{\pi h}{81}\left[19r^2+7Rr+R^2\right].$$

[Повѣрка: сложивъ найденныя выраженія V_1, V_2, V_3, получаемъ: $\frac{\pi h}{3}\left(R^2+Rr+r^2\right)$, что составляетъ выраженіе объема даннаго усѣченнаго конуса].

Другой способъ опредѣленія радіусовъ. Дополнивъ данный усѣченный конусъ конусомъ APL, получаемъ полный конусъ AGD (черт. 5). Обозначивъ AB

Черт. 4. Черт. 5.

черезъ Z, изъ пропорціи $\frac{AO}{AB}=\frac{R}{r}$, или $\frac{z+h}{z}=\frac{R}{r}$ находимъ, что $Z=\frac{hr}{R-r}$. Внося выраженную такимъ образомъ величину Z въ каждую изъ двухъ пропорцій: 1) $\frac{y}{r}=\frac{AN}{AB}$, или $\frac{y}{r}=\frac{z+\frac{2}{3}h}{z}$. 2) $\frac{x}{r}=\frac{AM}{AB}$, или $\frac{x}{r}=\frac{z+\frac{h}{3}}{z}$ и разрѣшивъ эти пропорціи, мы получимъ: $y=\frac{2R+r}{3}$, $x=\frac{2r+R}{3}$.

405. Усѣченный конусъ, имѣющій высоту въ 27 футовъ, а радіусы основаній въ 10 и 4 фута, пересѣченъ двумя плоскостями, дѣлящими высоту на три равныхъ части и параллельными основаніямъ. Опредѣлить объемъ каждой изъ получившихся частей конуса.

Рѣшеніе. Эта задача подобна предыдущей, только отличается отъ нея числовыми данными. А потому, подставивъ въ конечные результаты вмѣсто r — 4 фута, а вмѣсто R — 10 фут., найдемъ, что $x=\frac{2r+R}{3}=\frac{8+10}{3}=6$ фут., а $y=\frac{2R+r}{3}=\frac{20+4}{3}=8$ футовъ. Слѣдовательно, на основаніи формулы, найдемъ: $V_1=\frac{\pi(10^2+8^2+10.8)9}{3}=3{,}14.732=2298{,}48$ куб. фут.

$V_2 = \frac{\pi(8^2+6^2+8\,.\,6)\,9}{3} = 3{,}14\,.\,444 = 1394{,}16$ кубическихъ фута.

$V_3 = \frac{\pi(6^2+4^2+6\,.\,4)\,9}{3} = 3{,}14\,.\,228 = 715{,}92$ кубическихъ фута.

406. Образующая усѣченнаго конуса $= 5$ аршинамъ, радіусъ его нижняго основанія $= 4$ аршинамъ, радіусъ верхняго основанія $= 3$ аршина. Опредѣлить: 1) полную поверхность и 2) объемъ этого конуса.

Рѣшеніе. Полная поверхность усѣченнаго конуса опредѣлится по формулѣ $S = \pi(4+3)5 + \pi\,.\,4^2 + \pi\,.\,3^2 = 60\pi$ (квадратн. аршинъ). Для опредѣленія же объема усѣченнаго конуса найдемъ его высоту. Для этого проведемъ плоскость $ABCD$ (черт. 3) черезъ образующую AB конуса и его высоту CD. Изъ прямоугольнаго треугольника ABK мы найдемъ: $BK = CD = \sqrt{AB^2 - AK^2}$, или $CD = \sqrt{AB^2 - (AD - BC)^2} = \sqrt{25 - 1} = \sqrt{4\,.\,6} = 2\sqrt{6}$. Слѣдовательно, на основаніи формулы, объемъ усѣченнаго конуса $V = \frac{\pi(3^2+4^2+3\,.\,4)\,.\,2\sqrt{6}}{3} = \frac{74\pi\sqrt{6}}{3}$.

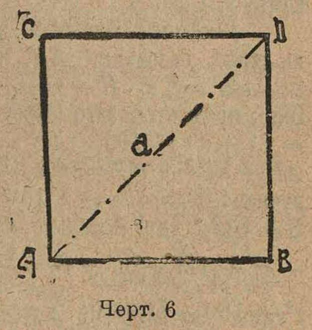
407. Окружность нижняго основанія усѣченнаго конуса имѣетъ длину въ C футовъ, окружность верхняго — въ C_1 футовъ; длина образующей $= l$ футовъ. Опредѣлить объемъ конуса.

Рѣшеніе. Зная окружность нижняго основанія усѣченнаго конуса, мы можемъ найти самый радіусъ нижняго основанія: $2\pi r = C$; отсюда $r = \frac{C}{2\pi}$. Точно также $2\pi r_1 = C_1$; отсюда $r_1 = \frac{C_1}{2\pi}$. Изъ прямоугольнаго треугольника ABK (черт. 3) найдемъ: $BK = CD = \sqrt{AB^2 - AK^2}$, или $CD = \sqrt{AB^2 - (AD - BC)^2} = \sqrt{l^2 - \frac{(C - C_1)^2}{4\pi^2}} = \frac{\sqrt{4\pi^2 l^2 - (C - C_1)^2}}{2\pi}$. Слѣдовательно, на основаніи формулы, объемъ усѣченнаго конуса $V = \frac{\pi}{3}\left(\frac{C^2}{4\pi^2} + \frac{C_1^2}{4\pi^2} + \frac{CC_1}{4\pi^2}\right) \cdot \frac{\sqrt{4\pi^2 l^2 - (C - C_1)^2}}{2\pi} = \frac{C^2 + C_1^2 + CC_1}{24\pi^2}\sqrt{4\pi^2 l^2 - (C - C_1)^2}$.

408. Сумма объемовъ двухъ конусовъ равна W; радіусъ ихъ общаго основанія $= r$. Найти высоты этихъ конусовъ, относящихся между собой, какъ $m : n$.

Рѣшеніе. Пусть высоты двухъ конусовъ, имѣющихъ общее основаніе радіуса r, соотвѣтственно равны x и $\frac{m}{n}x$. Ихъ объемы, согласно формулѣ, соотвѣтственно выразятся черезъ $V_1 = \frac{\pi r^2 x}{3}$ и $V_2 = \frac{\pi r^2 mx}{3n}$. Но сумма ихъ объемовъ, согласно условію, равна W, слѣдовательно, составимъ уравненіе: $\frac{\pi r^2 x}{3} + \frac{\pi r^2 mx}{3n} = W$; отсюда $x = \frac{3nW}{\pi r^2(n+m)}$. Итакъ, высота одного конуса $= \frac{3nW}{\pi r^2(n+m)}$, а другого $= \frac{3mW}{\pi r^2(n+m)}$.

409. Діагональ квадрата $= a$. Найти: 1) сторону этого квадрата, 2) его площадь, 3) объемъ куба, котораго полная поверхность равняется площади упомянутаго квадрата, и 4) площадь основанія цилиндра, который равномѣренъ съ найденнымъ кубомъ и имѣетъ съ этимъ кубомъ одинаковую высоту.

Черт. 6

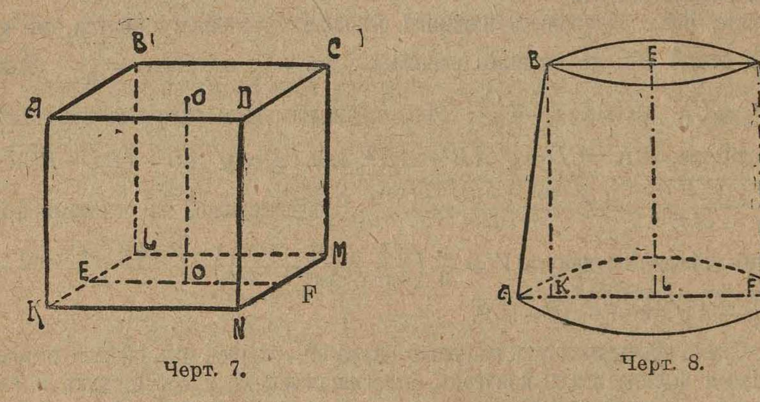
Рѣшеніе. Обозначимъ сторону квадрата черезъ x; тогда изъ прямоугольнаго треугольника ADB (черт. 6) имѣемъ: $AD^2 = AB^2 + BD^2$; $a^2 = x^2 + x^2$; $a^2 = 2x^2$; $x^2 = \frac{a^2}{2}$; $x = \sqrt{\frac{a^2}{2}} = \frac{a}{\sqrt{2}} = \frac{a\sqrt{2}}{2}$; площадь S квадрата $= x^2 = \left(\frac{a}{\sqrt{2}}\right)^2 = \frac{a^2}{2}$. Опредѣлимъ теперь ребро куба, объемъ котораго надо вычислить. Обозначимъ ребро куба черезъ y. Тогда полная поверхность куба $= 6y^2$.

По условію имѣемъ: $6y^2 = \frac{a^2}{2}$; откуда $y^2 = \frac{a^2}{12}$; $y = \sqrt{\frac{a^2}{12}} = \frac{a}{2\sqrt{3}} = \frac{a\sqrt{3}}{6}$.

Объемъ V куба $= \left(\frac{a\sqrt{3}}{6}\right)^3 = \frac{a^3 . 3\sqrt{3}}{216} = \frac{a^3\sqrt{3}}{72}$. Высота цилиндра, площадь основанія котораго намъ надо опредѣлить, по условію, = ребру куба. Обозначивъ черезъ B площадь основанія цилиндра, получимъ для его объема V слѣдующее выраженіе: $B \cdot \frac{a\sqrt{3}}{6}$. По условію задачи, объемъ V цилиндра = объему куба; откуда имѣемъ: $B \cdot \frac{a\sqrt{3}}{6} = \frac{a^3\sqrt{3}}{72}$; $B = \frac{a^3\sqrt{3} . 6}{72 \; a\sqrt{3}} = \frac{a^2}{12}$.

410. Внутри куба, ребро котораго $= a = 2$ метрамъ, помѣщенъ цилиндръ, верхнее основаніе котораго представляетъ кругъ, вписанный въ верхнее основаніе куба, а нижнее—кругъ, вписанный въ нижнее основаніе куба. Опредѣлить объемъ этого цилиндра.

Рѣшеніе. Объемъ V цилиндра, вписаннаго въ кубъ $KLMNABCD = \pi R^2 H$, гдѣ высота цилиндра = ребру куба a (черт. 7), а R—есть радіусъ круга, вписаннаго въ основаніе куба $KLMN$. 4-угольникъ $KLMN$ представляетъ собой квадратъ со стороной a.

Черт. 7.

Черт. 8.

Діаметръ основанія цилиндра $EF = 2R = KN = a$ (какъ противоположныя стороны прямоугольника). Слѣдовательно, $2R = a$, откуда $R = \frac{a}{2}$, а $V = \pi R^2 H = \pi\left(\frac{a}{2}\right)^2 \cdot a = \frac{\pi a^3}{4} = \frac{\pi . 8}{4} = \frac{8\pi}{4} = 2\pi = 6{,}28$ куб. метр.

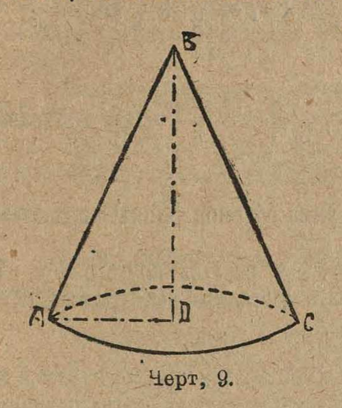
411. Полная поверхность усѣченнаго конуса равна 616 квадр. фут.; высота его = 8 футамъ. Разность діаметровъ обоихъ основаній = 12 футамъ. Вычислить радіусы основаній (принимая $\pi = \frac{22}{7}$ и ограничиваясь однимъ десятичнымъ знакомъ).

Рѣшеніе. Назовемъ радіусъ верхняго основанія BE черезъ r, а радіусъ нижняго основанія AF черезъ R (черт. 8). Изъ условія задачи имѣемъ: $2R - 2r = 12$; $R - r = 6$. Слѣдовательно, $AL - BE = AL - KL = AK = 6$. Изъ прямоугольнаго треугольника ABK имѣемъ: $AB^2 = BK^2 + AK^2 = 8^2 + 6^2 = 100$; $AB = 10$; Полная поверхность S конуса $= \pi(R + r)$. $AB + \pi R^2 + \pi r^2 = \pi(R + r)10 + \pi(R^2 + r^2)$. Замѣняя R черезъ $r + 6$, получимъ: $S = \pi(2r + 6)10 + \pi[(r + 6)^2 + r^2]$. Изъ условій задачи мы знаемъ, что $S = 616$; слѣдовательно, $\pi(2r + 6)10 + \pi[(r + 6)^2 + r^2] = 616$; $20r + 60 + r^2 + 12r + 36 + r^2 = \frac{616}{\pi} = \frac{616 . 7}{22}$; $2r^2 + 32r + 96 = 196$; $2r^2 + 32r - 100 = 0$; $r^2 + 16r - 50 = 0$; $r = -8 \pm \sqrt{114} = -8 + 10{,}7 = 2{,}7$, а $R = r + 6 = 2{,}7 + 6 = 8{,}7$.

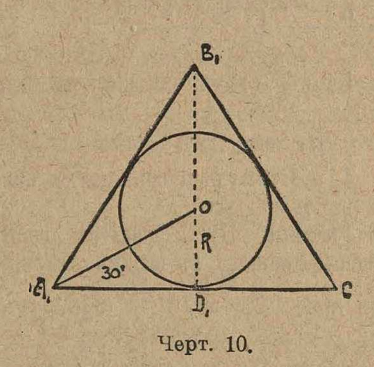
412. Равносторонній конусъ имѣетъ объемъ $= W$. Опредѣлить объемъ опи-

санной около этого конуса правильной треугольной пирамиды. (Равностороннимъ называется такой конусъ, который, будучи пересѣченъ плоскостью, проходящей черезъ высоту, даетъ равносторонній треугольникъ)

Рѣшеніе. Правильной пирамидой, описанной около конуса, называется такая пирамида, которая имѣетъ высоту общую съ конусомъ, а основаніемъ ея служитъ правильный многоугольникъ, описанный около основанія конуса. Вычислимъ радіусъ основанія равносторонняго конуса. Обозначимъ радіусъ основанія конуса черезъ R. Найдемъ теперь, какъ выражается объемъ W конуса черезъ R; $W={}^1/_3\pi R^2 \,.\, BD$ (черт. 9); $BD=\sqrt{AB^2-AD^2}=\sqrt{4R^2-R^2}=R\sqrt{3}$; $W=\frac{1}{3}\pi R^2 \,.\, R\sqrt{3}=\frac{1}{3}\pi R^3\sqrt{3}$, откуда $R^3=\frac{3W}{\pi\sqrt{3}}$. Найдемъ теперь выраженіе для V объема правильной пирамиды. Такъ какъ высота пирамиды намъ извѣстна, то остается только вычислить площадь S правильнаго треугольника,

Черт, 9.

Черт. 10.

описаннаго около круга радіуса R и служащаго основаніемъ пирамиды. Въ прямоугольномъ треугольникѣ A_1OD_1 (черт. 10) $\angle OA_1D_1=30^0$. Изъ планиметріи извѣстно, что «катетъ, лежащій противъ угла въ 30^0, равенъ $\frac{1}{2}$ гипотенузы»; слѣдовательно, $A_1O=2OD_1=2R$; $A_1D_1=\sqrt{A_1O^2-OD_1^2}=\sqrt{4R^2-R^2}=R\sqrt{3}$; $A_1C_1=2R\sqrt{3}$; $B_1D_1=\sqrt{A_1B_1^2-A_1D_1^2}=\sqrt{(2R\sqrt{3})^2-(R\sqrt{3})^2}=$ $=\sqrt{12R^2-3R^2}=3R$. Площадь S треугольника $A_1B_1C_1=\frac{1}{2}A_1C_1 \,.\, B_1D_1=$ $=R\sqrt{3} \,.\, 3R=3\sqrt{3} \,.\, R^2$; $V=\frac{1}{3}\cdot 3\sqrt{3} \,.\, R^2 \,.\, BD=\sqrt{3} \,.\, R^2 \,.\, R\sqrt{3}=$ $=3R^3$. Замѣняя въ полученномъ выраженіи R^3 черезъ $\frac{3W}{\pi\sqrt{3}}$, мы получимъ:

$$V=\frac{9W}{\pi\sqrt{3}}=\frac{3(\sqrt{3})^2 \,.\, W}{\pi\sqrt{3}}=\frac{3\sqrt{3}\,W}{\pi}.$$

413. Поверхность шара содержитъ $490\frac{5}{8}$ квадратныхъ футовъ. Опредѣлить его объемъ.

Рѣшеніе. Изъ теоріи мы знаемъ, что поверхность шара $=4\pi R^2$. По условію задачи поверхность $=490\frac{5}{8}$ кв. фут. $=\frac{3925}{8}$ кв. фут. Слѣд. въ т., $4\pi R^2=\frac{3925}{8}$; откуда $R^2=\frac{3925}{32\pi}$; $R=\sqrt{\frac{3925}{32\pi}}$. Пользуясь формулой объема шара (объемъ шара $V=\frac{4}{3}\pi R^3$), мы можемъ опредѣлить объемъ даннаго шара: $V=\frac{4}{3}\pi\sqrt{\left(\frac{3925}{32\pi}\right)^3}=$ $=\frac{4\pi}{3.2^7}\sqrt{\frac{1}{2}\left(\frac{392500}{314}\right)^3}=\frac{\pi}{96}\sqrt{4(625)^3}=\frac{2\pi.25^3}{96}=1022\frac{13}{96}$ кубическ. футовъ.

414. Сумма діаметровъ двухъ шаровъ $=a$, а сумма поверхностей этихъ шаровъ $=s$. Опредѣлить каждый изъ діаметровъ.

Рѣшеніе. Пусть одинъ изъ искомыхъ діаметровъ двухъ шаровъ $=x$, а дру-

гой $= y$. На основаніи данныхъ въ задачѣ условій, можемъ составить два уравненія:

$$\pi x^2 + \pi y^2 = S, \text{ или } x^2 + y^2 = \frac{s}{\pi} \dots (1)$$
$$\text{и } x + y = a \dots (2).$$

Прибавимъ къ обѣимъ частямъ перваго уравненія по $2xy$, получимъ: $x^2 + y^2 + 2xy = \frac{s}{\pi} + 2xy$, или $(x+y)^2 = \frac{s}{\pi} + 2xy$. Но $(x+y)$ мы можемъ замѣнить черезъ a, тогда получимъ $a^2 = \frac{s}{\pi} + 2xy$; откуда $xy = \frac{\pi a^2 - s}{2\pi}$.

Пусть x и y суть корни квадратнаго уравненія. Составимъ таковое по корнямъ, зная, что произведеніе корней = свободному члену, а ихъ сумма = коэффиціенту при x въ первой степени и съ обратнымъ знакомъ. Слѣдовательно, $z^2 - az + \frac{\pi a^2 - s}{2\pi} = 0$; $z = \frac{a}{2} \pm \sqrt{\frac{a^2}{4} - \frac{\pi a^2 - s}{2\pi}}$; $z_1 = \frac{a}{2} + \frac{1}{2}\sqrt{\frac{2s - \pi a^2}{\pi}}$; $z_2 = \frac{a}{2} - \frac{1}{2}\sqrt{\frac{2s - \pi a^2}{\pi}}$.

Итакъ, одинъ изъ діаметровъ равенъ $\frac{a}{2} + \frac{1}{2}\sqrt{\frac{2s - \pi a^2}{\pi}}$, другой равенъ $\frac{a}{2} - \frac{1}{2}\sqrt{\frac{2s - \pi a^2}{\pi}}$.

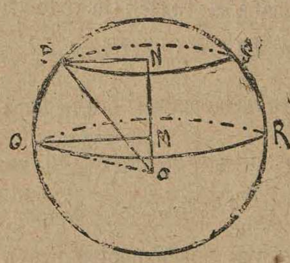
415. Сумма радіусовъ двухъ шаровъ $= a$, сумма объемовъ этихъ шаровъ $= v$. Опредѣлить радіусы.

Рѣшеніе. Пусть радіусъ одного шара $= x$, а радіусъ другого $= y$. На основаніи данныхъ въ задачѣ условій, мы можемъ составить два уравненія:

$$x + y = a.$$
$$\frac{4}{3}\pi x^3 + \frac{4}{3}\pi y^3 = V, \text{ или } x^3 + y^3 = \frac{3v}{4\pi}.$$

Значеніе y изъ перваго уравненія подставляемъ во второе, тогда получимъ: $x^3 + (a - x)^3 = \frac{3v}{4\pi}$, или $x^3 + a^3 - 3a^2x + 3ax^2 - x^3 = \frac{3v}{4\pi}$, или $a^3 - 3a^2x + 3ax^2 = \frac{3v}{4\pi}$. Раздѣливъ обѣ части уравненія на $3a$, мы получимъ: $x^2 - ax + \frac{a^2}{3} - \frac{v}{4\pi a} = 0$. Разрѣшивъ это квадратное уравненіе, мы получимъ: $x = \frac{a}{2} \pm \sqrt{\frac{a^2}{4} - \frac{a^2}{3} + \frac{v}{4\pi a}}$; $x_1 = \frac{a}{2} + \frac{1}{2}\sqrt{\frac{3v - \pi a^3}{3\pi a}}$; $x_2 = \frac{a}{2} - \frac{1}{2}\sqrt{\frac{3v - \pi a^3}{3\pi a}}$; $y = a - x = a - \left(\frac{a}{2} \pm \sqrt{\frac{a^2}{4} - \frac{a^2}{3} + \frac{v}{4\pi a}}\right)$; $y_1 = \frac{a}{2} - \frac{1}{2}\sqrt{\frac{3v - \pi a^3}{3\pi a}}$; $y_2 = \frac{a}{2} + \frac{1}{2}\sqrt{\frac{3v - \pi a^3}{3\pi a}}$.

Итакъ одинъ изъ искомыхъ радіусовъ $= x_1 = \frac{a}{2} + \frac{1}{2}\sqrt{\frac{3v - \pi a^3}{3\pi a}}$, или $= x_2 = \frac{a}{2} - \frac{1}{2}\sqrt{\frac{3v - \pi a^3}{3\pi a}}$; другой изъ иском. рад. $= y_1 = \frac{a}{2} - \frac{1}{2}\sqrt{\frac{3v - \pi a^3}{3\pi a}}$, или $= y_2 = \frac{a}{2} + \frac{1}{2}\sqrt{\frac{3v - \pi a^3}{3\pi a}}$.

Черт. 11.

416. Внутри шара проведены двѣ параллельныя плоскости по одной сторонѣ его центра на разстояніи 3 футовъ другъ отъ друга. Эти плоскости даютъ въ сѣченіи два малыхъ круга, которыхъ радіусы соотвѣтственно равны 9 футамъ и 12 футамъ. Опредѣлить объемъ шара.

Рѣшеніе. Для опредѣленія объема шара намъ необходимо знать его радіусъ R. Найдемъ его слѣдующимъ образомъ. Центръ шара O (черт. 11) соединяемъ съ центрами сѣченій M и N и съ точками Q и P. Изъ прямоугольныхъ треугольниковъ OMQ и ONP имѣемъ: $OQ^2 = OM^2 + MQ^2$, или $R^2 = OM^2 + 144 \dots (1)$; $OP^2 =$

$= ON^2 + NP^2$, или $R^2 = (OM + MN)^2 + 81$. По условію задачи, разстояніе между плоскостями равно 3; слѣдовательно, $R^2 = OM^2 + + 2 . 3 . OM + MN^2 + 81$, или $R^2 = OM^2 + 6OM + 9 + 81 = OM^2 + 6OM + 90 \ldots (2)$. Вычтя почленно изъ уравненія перваго уравненіе второе, получимъ $6OM - 54 = 0$; $6OM = 54$; $OM = 9$. Найденное значеніе OM подставляемъ въ уравненіе (1), получимъ: $R^2 = 81 + 144$; $R^2 = 225$; $R = \sqrt{225} = 15$.

Зная радіусъ шара, мы можемъ, на основаніи формулы объема шара (объемъ шара равенъ $\frac{4}{3}\pi R^3$), опредѣлить его объемъ. $V = \frac{4}{3}\pi . 15^3 = \frac{4}{3} . 3{,}14 . 15^3 = 14130$ куб. футовъ.

417. Поверхность шарового пояса $= s$; высота его $= h$. Опредѣлить объемъ того шара, поверхности котораго принадлежитъ упомянутый шаровой поясъ. (сдѣлать затѣмъ вычисленіе въ случаѣ $s = 2$ квадратнымъ метрамъ и $h = 0{,}47$ метра).

Рѣшеніе. Изъ теоріи мы знаемъ, что поверхность шарового пояса $s = 2\pi RH$, гдѣ R — радіусъ шара, которому принадлежитъ поясъ, а H — высота послѣдняго. Назовемъ радіусъ шара, поверхности котораго принадлежитъ данный шаровой поясъ, черезъ x. Пользуясь формулой поверхности шарового пояса, можемъ составить уравненіе: $2\pi xh = s$, откуда $x = \frac{s}{2\pi h}$.

Зная радіусъ шара, мы можемъ, на основаніи теоріи ($v = \frac{4}{3}\pi R^3$), опредѣлить его объемъ: $v = \frac{4}{3}\pi . \left(\frac{s}{2\pi h}\right)^3 = \frac{4}{3}\pi . \frac{s^3}{8\pi^3 h^3} = \frac{s^3}{6\pi^2 h^3}$.

Сдѣлаемъ теперь вычисленіе объема шара въ случаѣ $s = 2$ квадр. метрамъ и $h = 0{,}47$ метр.; слѣдовательно, $v = \frac{8}{6\pi^2 . 0{,}47^3}$. Логариѳмируя это уравненіе, мы получимъ $lg\, v = lg\, 8 +$ доп. $lg\, 6 + 2$ доп. $log\, \pi + 3$ доп. $log\, 0{,}47$.

$lg\, 8 = 0{,}90309$
доп. $lg\, 6 = \bar{1}{,}22185$
$+$ 2 доп. $lg\, 3{,}14 = \bar{1}{,}00570$
3 доп. $lg\, 0{,}47 = 0{,}98370$
$lg\, v = 0{,}11434$

Итакъ, $lg\, v = 0{,}11434$.
По логариѳму найдемъ теперь v (антилогариѳмированіе).
$v = 1{,}3012$.
Итакъ, v (объемъ шара) $=$ *1,3012 куб. метр.*

418. Опредѣлить поверхность шарового пояса, котораго основанія, лежащія по одну сторону центра шара, имѣютъ радіусъ r и r_1. Радіусъ шара $= R$.

Рѣшеніе. Для опредѣленія поверхности шарового пояса $RSPQ$ (черт. 11) необходимо знать его высоту NM. Соединимъ центръ шара O съ центрами сѣченій M и N и съ точками P и Q, тогда изъ прямоугольныхъ треугольниковъ OMQ и ONP получимъ: $OQ^2 = OM^2 + MQ^2$, или $R^2 = (ON - MN)^2 + r_1^2$, или $R^2 = ON^2 - 2ON . MN + MN^2 + r_1^2 \ldots (1)$. $OP^2 = ON^2 + NP^2$, или $R^2 = ON^2 + r^2$; откуда $ON = \sqrt{R^2 - r^2}$.

Послѣднюю величину ON подставляемъ въ первое уравненіе, тогда получимъ: $R^2 = R^2 - r^2 - 2MN\sqrt{R^2 - r^2} + MN^2 + r_1^2$, или $MN^2 - 2MN\sqrt{R^2 - r^2} - (r^2 - r_1^2) = 0$; откуда $MN = \sqrt{R^2 - r^2} \pm \sqrt{R^2 - r^2 + r^2 - r_1^2} = \sqrt{R^2 - r^2} \pm \sqrt{R^2 - r_1^2}$.

Для значенія MN приходится брать у корня знакъ ($-$), ибо, въ противномъ случаѣ выходитъ, что MN больше ON, чего быть не можетъ.

Итакъ, согласно формулѣ поверсности шарового пояса, $S = 2\pi R(\sqrt{R^2 - r^2} - \sqrt{R^2 - r_1^2})$, или $S = 2\pi R(\sqrt{R^2 - r_1^2} - \sqrt{R^2 - r})$, если радіусъ нижняго основанія принимать равнымъ $MQ = r$, а радіусъ верхняго $NP = r_1$.

419. Въ шарѣ, радіусъ котораго $= 20$ футамъ, по одну сторону центра проведены два параллельныхъ сѣченія, изъ которыхъ бо̀льшее отстоитъ отъ центра на 6 футовъ; радіусъ меньшаго сѣченія $= 12$ футамъ. Опредѣлить поверхность

образовавшагося шарового пояса, а также полную поверхность тѣла, ограниченнаго поверхностью шарового пояса и плоскостями двухъ проведенныхъ сѣченій.

Рѣшеніе. Поверхность шарового пояса $RSPQ$ можемъ опредѣлить, если намъ даны радіусъ шара и высота пояса MN (черт. 11).

Сдѣлавъ такое же построеніе, какъ и въ предыдущей задачѣ, мы получимъ изъ прямоугольныхъ треугольниковъ OMQ и ONP: $MQ = \sqrt{OQ^2 - OM^2} = \sqrt{400 - 36} = \sqrt{364}$; $ON^2 = OP^2 - NP^2$, или $(OM + NM)^2 = 400 - 144$, или $(6 + NM)^2 = 256$, откуда $6 + NM = 16$; $NM = 10$ футамъ.

Итакъ, согласно формулѣ, получимъ $s = 2\pi . 20 . 10 = 1256$ квадр. фут. Полная же поверхность тѣла, ограниченнаго поверхностью шарового пояса и плоскостями двухъ проведенныхъ сѣченій, очевидно, будетъ $= 1256 + \pi . MQ^2 + \pi NP^2 = 1256 + \pi(364 + 144) =$ *2851,12 кв. ф.* ($\pi = 3,14$).

420. Въ шарѣ, радіусъ котораго $= 15$ футамъ, по одну и ту же сторону центра проведены два параллельныхъ сѣченія, при которыхъ бо́льшее отстоитъ отъ центра на 4 фута. Поверхность образовавшагося шарового пояса равна 753,6 квадр. фут. Вычислить радіусъ и площадь меньшаго изъ сѣченій.

Рѣшеніе. Опредѣлимъ сначала высоту шарового пояса $RSPQ$ (черт. 11). На основаніи формулы поверхности шарового пояса, мы можемъ составить уравненіе: $2\pi . 15 . NM = 753,6$; откуда $NM = \frac{753,6}{30\pi} = \frac{753,6}{30 . 3,14} = 8$ футамъ. Соединивъ центръ шара O съ центромъ N меньшаго сѣченія и точкою P, мы получимъ изъ прямоугольнаго треугольника ONP, что $NP = \sqrt{OP^2 - ON^2} = \sqrt{OP^2 - (OM + MN)^2} = \sqrt{225 - 144} =$ *9 футамъ.*

Итакъ, радіусъ меньшаго сѣченія $= 9$ футамъ и, слѣдовательно, площадь сѣченія $= \pi . 9^2 =$ *254,34 квадр. фут.*

421. Около цилиндра, у котораго высота $= 36$ сантиметрамъ, а діаметръ основанія $= 15$ сантиметрамъ, описанъ шаръ. Опредѣлить отношеніе боковой поверхности этого цилиндра къ поверхности образовавшагося шарового пояса, имѣющаго своими основаніями верхнее и нижнее основанія даннаго цилиндра.

Рѣшеніе. Боковая поверхность цилиндра, согласно формулѣ, равна $2\pi rl$. Слѣдовательно, s даннаго цилиндра $= 2\pi . Fc . Ey = 2\pi . \frac{15}{2} . 36 = 540\pi$. (чертежъ 12).

Для опредѣленія же поверхности шарового пояса $ANBCKD$ необходимо знать его высоту Fg и радіусъ шара OC, поверхности котораго онъ принадлежитъ. Высота Fg намъ дана; OC найдемъ изъ прямоугольнаго треугольника OFC; $OC = \sqrt{OF^2 + FC^2} = \sqrt{\left(\frac{Fg}{2}\right)^2 + FC^2} = \sqrt{18^2 + \left(\frac{15}{2}\right)^2} = \frac{39}{2}$. Слѣдовательно, поверхность шарового пояса представится въ видѣ: $2\pi . \frac{39}{2} . 36 = 1404\pi$. Искомое отношеніе поверхностей $= 540\pi : 1404\pi =$ *5 : 13.*

422. Вычислить кривую поверхность шарового сегмента, зная, что высота его $= 0,2$ метра, а радіусъ шара $= 0,45$ метра.

Рѣшеніе. Изъ теоріи намъ извѣстно, что поверхность шарового сегмента $= 2\pi RH$, гдѣ H — его высота, а R — радіусъ шара, поверхности котораго онъ принадлежитъ. Пользуясь этой формулой, мы можемъ найти кривую поверхность шарового сегмента. S (сегмента) $= 2\pi . 0,45 . 0,2 =$ *0,5652 квадр. метр.*

423. Шаръ объема v раздѣленъ на два сегмента, высоты которыхъ относятся между собой, какъ $m : n$. Опредѣлить кривую поверхность каждаго изъ сегментовъ.

Рѣшеніе. Пусть радіусъ шара $= x$. Пользуясь формулой объема шара, такъ какъ объемъ шара $= v$, мы получимъ уравненіе $\frac{4\pi x^3}{3} = v$; откуда $x = \sqrt[3]{\frac{3v}{4\pi}} = R$.

Назовемъ одну изъ высотъ сегментовъ, на которые раздѣленъ шаръ, черезъ y: тогда высота другого выразится черезъ $(2R - y)$, и такъ какъ отношеніе

высотъ $= \frac{m}{n}$, то составляемъ уравненіе: $\frac{y}{2R-y} = \frac{m}{n}$, или $ny + my = 2Rm$, откуда $y = \frac{2Rm}{m+n}$. Итакъ, высота одного сегмента $= \frac{2Rm}{m+n}$; другого: $\frac{2Rn}{m+n}$. Пользуясь формулой кривой поверхности шарового сегмента, мы можемъ вычислить кривую поверхность каждаго изъ данныхъ сегментовъ: $S_1 = \frac{2\pi R.2Rm}{m+n} = \frac{4\pi R^2 m}{m+n}$. Но R мы выше опредѣлили равнымъ $\sqrt[3]{\frac{3v}{4\pi}}$. Слѣдовательно, подставивъ въ формулу $\frac{4\pi R^2 m}{m+n}$ значеніе R, получимъ $\frac{4\pi m}{m+n} \cdot \sqrt[3]{\frac{9v^2}{4\pi}} = \frac{m}{m+n}\sqrt[3]{36\pi v^2}$; $S_2 = \frac{2\pi R.2Rn}{m+n} = \frac{4\pi R^2 n}{m+n} = \frac{4\pi n}{m+n} \cdot \sqrt[3]{\frac{9v^2}{4\pi}} = \frac{n}{m+n}\sqrt[3]{36\pi v^2}$.

424. Кривая поверхность шарового сегмента, имѣющаго высоту $= h$, относится къ площади основанія этого сегмента, какъ $m : n$. Опредѣлить радіусъ того шара, которому принадлежитъ упомянутый сегментъ.

Черт. 12.

Рѣшеніе. Пусть радіусъ шара, которому принадлежитъ сегментъ $= x$. Согласно условію, $FP = h$ (черт. 12), $OF = x - h$.

Изъ прямоугольнаго треугольника OFC получимъ: $FC^2 = OC^2 - OF^2 = x^2 - (x-h)^2$, откуда $FC = \sqrt{2xh - h^2}$. Кривая поверхность s шарового сегмента $= 2\pi . x . h$. Площадь основанія этого сегмента равна $\pi . FC^2$. Но значеніе FC намъ извѣстно: оно равно $\sqrt{2xh - h^2}$. Слѣдовательно, площадь основанія сегмента равна: $\pi . (\sqrt{2xh - h^2})^2 = \pi . (2xh - h^2) = \pi h(2x - h)$. Пользуясь даннымъ въ задачѣ условіемъ, составляемъ уравненіе: $\frac{2\pi xh}{\pi h(2x-h)} = \frac{m}{n}$; или $\frac{2x}{2x-h} = \frac{m}{n}$, или $2x(m-n) = mh$; откуда $x = \frac{mh}{2(m-n)}$.

425. Металлическій цилиндръ, высота котораго $= 121\frac{1}{2}$ дюймамъ, перелить въ шаръ. Діаметръ основанія цилиндра относится къ діаметру шара, какъ $8:9$. Найти оба діаметра.

Рѣшеніе. Обозначимъ діаметръ основанія цилиндра черезъ $8x$, тогда діаметръ шара мы, согласно условію, должны обозначить черезъ $9x$. Объемъ цилиндра, какъ намъ извѣстно изъ теоріи, равенъ $\pi R^2 H = \pi . \left(\frac{8x}{2}\right)^2 . \frac{243}{2} = 8\pi x^2 . 243$. Объемъ v_1 шара, имѣющаго діаметръ $9x$, равенъ $\frac{4}{3}\pi r^3 = \frac{4}{3}\pi\left(\frac{9x}{2}\right)^3 = \frac{4\pi . 729x^3}{3.8} = \frac{729}{6}\pi x^3$. Но $v = v_1$; слѣдоват., $8\pi x^2 . 243 = \frac{729}{6}\pi x^3$. Сокративъ обѣ части на π и на x^2, получимъ: $8 . 243 = \frac{729}{6}x$; $x = \frac{8.243.6}{729} = 16$. Итакъ, діаметръ основанія цилиндра, равный $8x$, равенъ $8 . 16 = 128$, а діаметръ шара $= 9x = 9 . 17 = 144$.

426. Металлическій цилиндръ, въ которомъ діаметръ относится къ высотѣ, какъ $3:2$, перелить въ шаръ съ радіусомъ въ 48 сантиметровъ. Вычислить діаметръ и высоту цилиндра.

Рѣшеніе. Пусть діаметръ цилиндра будетъ $3x$, тогда высота его, согласно условію задачи, должна быть обозначена черезъ $2x$. Объемъ v цилиндра $= \pi R^2 H = \pi . \left(\frac{3x}{2}\right)^2 . 2x = \frac{9\pi x^3}{2}$. Объемъ v_1 шара, имѣющаго радіусъ въ 48 сантиметровъ, $= \frac{4}{3}\pi r^3 = \frac{4}{3}\pi . 48^3$. Но $v = v_1$; слѣдовательно, имѣемъ: $\frac{9\pi x^3}{2} = \frac{4}{3}\pi . 48^3$. Сокративъ на π, мы будемъ имѣть: $\frac{9x^3}{2} = \frac{4}{3} . 48^3$; $x^3 = \frac{4.48^3.2}{9.3} = \frac{2^3.48^3}{3^3}$, отсюда $x = \sqrt[3]{\frac{2^3.48^3}{3^3}} = \frac{2.48}{3} = 32$.

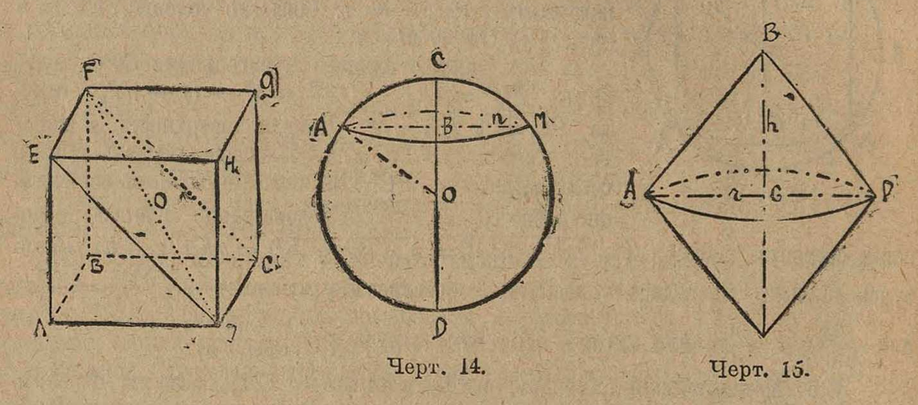
Итакъ, діаметръ основанія цилиндра $= 3x = 3 . 32 = 96$, а высота цилиндра $= 2x = 2 . 32 = 64$ *сант.*

427. По данному ребру a куба опредѣлить радіусъ R шара, описаннаго около куба.

Рѣшеніе. Діагональ FD куба $ABCDEFGH$ (черт. 13) служитъ діаметромъ шара, описаннаго около куба. Принимая во вниманіе, что квадратъ діагонали прямоугольнаго параллелепипеда = суммѣ квадратовъ трехъ его измѣреній, получимъ: $FD^2 = AB^2 + BF^2 + BC^2 = a^2 + a^2 + a^2 = 3a^2$. Обозначая FD черезъ $2R$, получимъ: $4R^2 = 3a^2$; $R^2 = \frac{3}{4}a^2$; $R = \frac{a}{2}\sqrt{3}$.

428. Въ шарѣ, радіусъ котораго = 13 футамъ, проведено сѣченіе, перпендикулярное къ діаметру и отстоящее отъ центра шара на 5 футовъ. Площадь этого сѣченія служитъ общимъ основаніемъ для двухъ конусовъ, вершины которыхъ лежатъ на шаровой поверхности, на противоположныхъ концахъ шарового діаметра. Опредѣлить объемъ составившагося двойного конуса.

Рѣшеніе. Вычислимъ радіусъ сѣченія AnM (черт. 14), которое служитъ основаніемъ двухъ конусовъ. Разсмотримъ прямоугольный треугольникъ ABO;

Черт. 14. Черт. 15.

въ этомъ треугольникѣ $AO = 13$, $BO = 5$; $AB = \sqrt{AO^2 - OB^2} = \sqrt{13^2 - 5^2} = 12$. Объемъ v_1 перваго конуса $= \pi 12^2 . \frac{CB}{3}$; объемъ v_2 второго конуса $= \pi . 12^2 . \frac{BD}{3}$. Сумма объемовъ конусовъ $v_1 + v_2 = \frac{\pi . 12^2}{3}(CB + BD)$. Но $(CB + BD)$ составляютъ діаметръ шара, равный $2R = 2 . 13 = 26$. Слѣдов., $v_1 + v_2 = \frac{\pi . 12^2}{3} . 26 = \frac{\pi . 144}{3} . 26 = 48 . \pi . 26 = 48 . 3{,}14 . 26 = 3918{,}72$ *кубическихъ футовъ.*

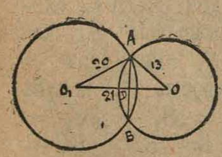
429. Въ шарѣ, радіусъ котораго $= R$, діаметръ раздѣленъ въ крайнемъ и среднемъ отношеніи, и черезъ точку дѣленія проведена плоскость, перпендикулярная къ діаметру. Образовавшееся сѣченіе служитъ общимъ основаніемъ для двухъ конусовъ, вершины которыхъ лежатъ на шаровой поверхности, на противоположныхъ концахъ шарового діаметра. Опредѣлить объемъ составившагося двойного конуса.

Рѣшеніе. Пусть діаметръ CD (черт. 14) въ точкѣ B раздѣленъ въ крайнемъ и среднемъ отношеніи, тогда $CD : BD = BD : BC$, или $CD : BD = BD : (CD - BD)$. Замѣняя CD черезъ $2R$, мы получимъ $2R : BD = BD : (2R - BD)$, или $BD^2 = 4R^2 - 2R . BD$, или $BD^2 + 2R . BD - 4R^2 = 0$. Рѣшая это квадр. уравненіе, считая BD неизвѣстнымъ, мы получимъ: $BD = -R \pm \sqrt{R^2 + 4R^2}$; $BD = -R \pm R\sqrt{5} = R(\sqrt{5} - 1)$. Вычислимъ теперь, на какомъ разстояніи отъ центра O проведено сѣченіе AnM, т.-е. узнаемъ длину BO; $BO = BD - OD = R(\sqrt{5} - 1) - R = R(\sqrt{5} - 2)$. Вычислимъ площадь S сѣченія, которое служитъ основаніемъ двухъ конусовъ: $S = \pi . AB^2 = \pi(AO^2 - OB^2) = \pi[R^2 - R^2(\sqrt{5} - 2)^2] = \pi[R^2 - R^2(5 - 4\sqrt{5} + 4)] = \pi(R^2 - 9R^2 +$

$+4R^2\sqrt{5})=\pi(4R^2\sqrt{5}-8R^2)$. Объемъ v_1 перваго конуса $=\pi(4R^2\sqrt{5}-$ $-8R^2).\frac{CB}{3}$; объемъ v_2 второго конуса $=\pi(4R^2\sqrt{5}-8R^2).\frac{BD}{3}$. Слѣдовательно, сумма объемовъ конусовъ $v_1+v_2=\frac{1}{3}\pi(4R^2\sqrt{5}-8R^2).(CB+BD)$. Но $(CB+BD)$ составляютъ діаметръ, т.-е. $2R$. Такимъ образомъ, $v_1+v_2=$ $=\frac{1}{3}\pi.(4R^2\sqrt{5}-8R^2).2R=\frac{8\pi R^3}{3}(\sqrt{5}-2)$.

430. Обѣ половины двойного конуса имѣютъ общее основаніе, площадь котораго равна площади большого круга нѣкотораго шара. 1) Какъ относятся между собой поверхности двойного конуса и шара, если объемы этихъ тѣлъ равны? 2) Какъ относятся между собой объемы двойного конуса и шара, если поверхности этихъ тѣлъ равны?

Рѣшеніе. Въ данной задачѣ разсматривается тотъ случай, когда оба конуса, составляющіе двойной конусъ, равны между собой. Обозначимъ радіусъ основанія конуса AC черезъ r, высоту BC черезъ h, а образующую AB черезъ l (черт. 15). Объемъ v двойного конуса $=\frac{2\pi r^2h}{3}$; но, по условію задачи, v должно также равняться объему шара, большой кругъ котораго имѣетъ радіусъ r, т.-е. шара, имѣющаго радіусъ r. Такимъ образомъ, имѣемъ $\frac{2}{3}\pi r^2h=$ $=\frac{4}{3}\pi r^3$, т.-е. $h=2r$. Выразимъ теперь образующую l черезъ r. Изъ треугольника ABC имѣемъ: $AB^2=AC^2+BC^2$; $l^2=r^2+4r^2=5r^2$; $l=\sqrt{5r^2}=r\sqrt{5}$. Поверхность s двойного конуса $=$ удвоенной поверхности конуса $BAD=2\pi rl=$ $2\pi.r^2\sqrt{5}$. Поверхность s_1 шара, имѣющаго радіусъ r, равна $4\pi r^2$. Итакъ, $s:s_1=2\pi r^2\sqrt{5}:4\pi r^2=\sqrt{5}:2$. Такимъ образомъ, поверхности двойного конуса и шара относятся между собой, *какъ* $\sqrt{5}:2$. Пусть намъ теперь дано равенство поверхностей двойного конуса s и шара s_1, а требуется опредѣлить отношеніе объемовъ. Поверхность s двойного конуса $=2\pi rl$; по условію задачи, $s=s_1$, т.-е. $2\pi rl=4\pi r^2$; рѣшая это уравненіе относительно l, получимъ: $l=2r$. Выразимъ теперь h черезъ r. Изъ прямоугольнаго треугольника ABC имѣемъ: $BC=\sqrt{AB^2-AC^2}=\sqrt{4r^2-r^2}=\sqrt{3r^2}=r\sqrt{3}$. Объемъ v двойного конуса $=\frac{2\pi r^2.r\sqrt{3}}{3}=\frac{2}{3}\pi r^3\sqrt{3}$. Объемъ v_1 шара, имѣющаго радіусъ r, $=\frac{4}{3}\pi r^3$. Итакъ, отношеніе $v:v_1=\frac{2}{3}\pi r^3\sqrt{3}:\frac{4}{3}\pi r^3=\sqrt{3}:2$. Такимъ образомъ, мы узнали, что объемы двойного конуса и шара относятся между собой, *какъ* $\sqrt{3}:2$.

Черт. 16.

431. Діаметръ шара равняется общей хордѣ двухъ пересѣкающихся окружностей, разстояніе между центрами которыхъ $=21$ футу; радіусъ одной окружности $=20$ футамъ, радіусъ другой $=13$ футамъ. Опредѣлить поверхность шара.

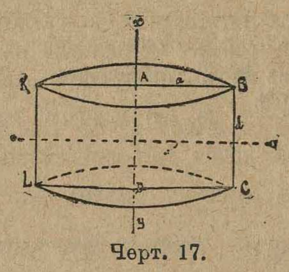
Рѣшеніе. Діаметръ $2R$ шара, поверхность s котораго намъ надобно опредѣлить, равняется хордѣ AB (черт. 16). Хорда $AB=2AD$, а линію AD можно опредѣлить изъ треугольника OAO_1. Площадь s_1 треугольника OAO_1 можетъ быть выражена двоякимъ образомъ: $S_1=\sqrt{p(p-a)(p-b)(p-c)}$ и $S_1=$ $=\frac{1}{2}OO_1.AD$, гдѣ $p=\frac{1}{2}(21+20+13)=27$, $a=21$, $b=20$, $c=13$ и $OO_1=a=21$. Итакъ, $S_1=\sqrt{27.6.7.14}=\sqrt{3^3.3.2.7.14}=\sqrt{3^4.14^2}=$ $=3^2.14=9.14=126$; но съ другой стороны $S^1=\frac{1}{2}OO_1.AD=\frac{1}{2}.21.AD$. Слѣдовательно, $\frac{1}{2}.21.AD=126$, откуда $AD=12$. Такимъ образомъ, $2R=$ $=AB=2AD=2.12=24$, откуда $R=12$. Искомая поверхность шара $S=4\pi R^2=4\pi.12^2=4.3{,}14.144=1808.64$ квадр. футовъ.

Тѣла вращенія.

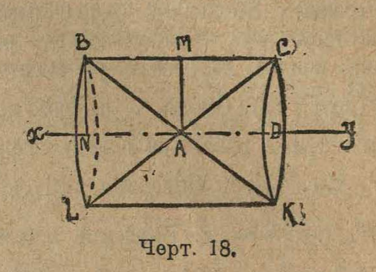
432. Опредѣлить объемъ тѣла, производимаго вращеніемъ квадрата, сторона котораго $= a$, около одной изъ сторонъ [1]).

Рѣшеніе. Отъ вращ нія квадрата около одной изъ его сторонъ получится цилиндръ $KBCL$ (черт. 17). Объемъ цилиндра, по формулѣ, $= \pi R^2 H$, гдѣ $R = DC = a$ и $H = BC = a$, откуда объемъ цилиндра $= \pi a^2 . a = \pi a^3$.

433. Въ равнобедренномъ треугольникѣ ABC (черт. 18) основаніе $BC = 12$ футамъ, а каждая изъ равныхъ сторонъ AB и $AC = 10$ футамъ. Опредѣлить объемъ и поверхность тѣла, производимаго вращеніемъ треугольника около оси xy, проходящей черезъ вершину A треугольника параллельно его основанію BC.

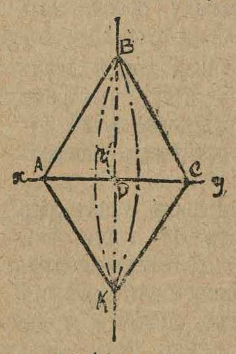
Черт. 17.

Черт. 18.

Рѣшеніе. Очевидно, что объемъ V тѣла, которое получится отъ вращенія треугольника ABC будетъ равняться объему цилиндра $BCKL$ безъ удвоеннаго объема конуса ABL (конусъ ABL=конусу ACK). Объемъ цилиндра $BCKL$, по формулѣ, $= \pi . BN^2 . BC$, а объемъ конуса $ABL = \frac{1}{3}\pi . BN^2 . NA = \frac{1}{3}\pi . BN^2 . \frac{BC}{2}$. Откуда искомый объемъ $V = \pi . BN^2 . BC - 2\left(\frac{1}{3}\pi . BN^2 . \frac{BC}{2}\right) = \frac{2}{3}\pi . BN^2 . BC$. Изъ прямоугольнаго треугольника ABM имѣемъ: $AM^2 = AB^2 - BM^2$; такъ какъ $BN = AM$, то, замѣнивъ въ выраженіи объема BN черезъ значеніе AM, мы получимъ: $V = \frac{2}{3}\pi(AB^2 - BM^2)BC$.

Подставляя 10 вмѣсто AB и 6 вмѣсто BM, получимъ: $V = \frac{-}{3} . \pi . 64 . 12 = 512\pi = 512 . 3{,}14 =$ *1607,68 куб. футовъ.*

Черт, 19.

Поверхность S тѣла, полученнаго отъ вращенія треугольника ABC около оси xy (черт. 18), очевидно, равна боковой поверхности S_1 цилиндра $BCKL$, сложенной съ удвоенной боковой поверхностью S_2 конуса ABL. Боковая поверхность S_1 цилиндра $= 2\pi . BN . BC$, а боковая поверхность S_2 конуса $ABL = \pi . BN . AB$; откуда $S = S_1 + 2S_2 = 2\pi . BN . BC + 2\pi . BN . AB = = 2\pi . BN . (BC + AB) = 2\pi . \sqrt{AB^2 - BM^2} . (BC + AB)$. Подставляя вмѣсто AB, BC и BM ихъ значенія изъ условій задачи, получимъ: $S =$ *1105,28 квадратныхъ футовъ* ($\pi = 3{,}14$).

434. Опредѣлить: 1) поверхность и 2) объемъ тѣла, производимаго вращеніемъ правильнаго треугольника, сторона котораго $= a$, около одной изъ сторонъ.

Рѣшеніе. Объемъ V, который получится отъ вращенія треугольника ABC

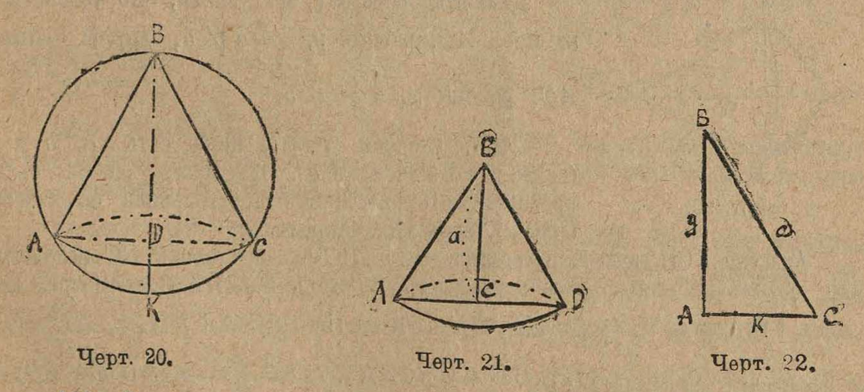
[1]) Во всѣхъ задачахъ этого отдѣла, которыя относятся къ ученію о тѣлахъ вращенія, предполагается, что ось вращенія лежитъ въ плоскости вращаемой фигуры.

черт. 19) около оси xy, очевидно, = удвоенному объему V_1 конуса ABK. Но V_1, по формулѣ объема конуса, $= \frac{1}{3}\pi \cdot BD^2 \cdot AD$, гдѣ BD, изъ прямоугольнаго треугольника ABD, равняется $\sqrt{AB^2-AD^2} = \sqrt{a^2-\left(\frac{a}{2}\right)^2} = \sqrt{\frac{4a^2-a^2}{4}} = \sqrt{\frac{3a^2}{4}} = \frac{a}{2}\sqrt{3}$, а $AD = \frac{a}{2}$; слѣдовательно, подставляя въ выраженіе для V_1 вмѣсто BD и AD ихъ значенія, мы получимъ: $V_1 = \frac{1}{3}\pi \cdot \left(\frac{a}{2}\sqrt{3}\right)^2 \cdot \frac{a}{2} = \frac{1}{3}\pi \cdot \frac{a^2}{4} \cdot 3 \cdot \frac{a}{2} = \frac{\pi a^3}{8}$. Наконецъ, принимая во вниманіе, что $V = 2V_1$, мы получимъ: $V = \frac{2 \cdot \pi a^3}{8} = \frac{\pi a^3}{4}$.

Поверхность S тѣла, которое получится отъ вращенія треугольника ABC около оси xy = удвоенной боковой поверхности S_1 конуса ABK (конусъ ABK = конусу CBK). S_1, по формулѣ поверхности конуса, $= \pi \cdot BD \cdot AB$, гдѣ $BD = \frac{a}{2}\sqrt{3}$, а $AB = a$ и, слѣдов., S_1 окончательно $= \pi \cdot \frac{a}{2}\sqrt{3} \cdot a = \frac{\pi a^2\sqrt{3}}{2}$, а $S = 2S_1 = 2 \cdot \frac{\pi a^2\sqrt{3}}{2} = \pi a^2\sqrt{3}$.

435. Въ кругъ вписанъ правильный треугольникъ. Опредѣлить отношеніе объемовъ тѣлъ, произведенныхъ вращеніемъ круга и треугольника около діаметра, проходящаго черезъ вершину треугольника.

Рѣшеніе. Отъ вращенія круга $ABCK$ (черт. 20) вокругъ діаметра BK получится шаръ, объемъ котораго $= \frac{4}{3}\pi R^3$, а отъ вращенія треугольника около BK получится конусъ, объемъ котораго $V_1 = \frac{1}{3}\pi \cdot AD^2 \cdot BD$, гдѣ $AD = \frac{AC}{2} = \frac{r\sqrt{3}}{2}$, а $BD = \sqrt{AB^2 - AD^2} = \sqrt{3R^2 - \frac{3R^2}{4}} = \sqrt{\frac{9R^2}{4}} = \frac{3R}{2}$. Подставляя въ выраженіе V_1 вмѣсто AD и BD ихъ выраженія черезъ R, мы получимъ: $V_1 = \frac{1}{3}\pi\left(\frac{R\sqrt{3}}{2}\right)^2 \cdot \frac{3R}{2} = \frac{1}{3}\pi \cdot \frac{3R^2}{4} \cdot \frac{3R}{2} = \frac{3}{8}\pi R^3$. Отношеніе объемовъ $V : V_1 = \frac{4}{3}\pi R^3 : \frac{3}{8}\pi R^3 = \frac{32}{9} = 3\frac{5}{9}$.

Черт. 20. Черт. 21. Черт. 22.

436. Въ прямоугольномъ треугольникѣ одинъ изъ катетовъ $= a$, другой = половинѣ гипотенузы. Опредѣлить: 1) поверхность, 2) объемъ тѣла, производимаго вращеніемъ треугольника около перваго изъ катетовъ.

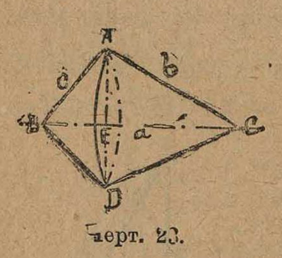
Рѣшеніе. Отъ вращенія прямоугольнаго треугольника ABC (черт. 21) около катета BC, очевидно, получится конусъ. Поверхность S конуса BAD, по формулѣ, $= \pi \cdot AC \cdot AB$, а объемъ V того же конуса, по формулѣ, $= \frac{1}{3}\pi \cdot AC^2 \cdot BC$. Назовемъ гипотенузу AB черезъ x, тогда катетъ AC, по условію задачи, $= \frac{x}{2}$. По теоремѣ Пиѳагора имѣемъ: $x^2 - \left(\frac{x}{2}\right)^2 = a^2$; $\frac{3x^2}{4} = a^2$; $x^2 = \frac{4a^2}{3}$; $x = \frac{2a}{\sqrt{3}}$.

Такимъ образомъ, гипотенуза AB, равная $x_1 = \frac{2a}{\sqrt{3}}$; $AC = \frac{x}{2} = \frac{2a}{\sqrt{3}} : 2 = \frac{a}{\sqrt{3}}$. Подставляя въ выраженія для поверхности и объема вмѣсто BC, AC и AB ихъ значенія, найдемъ: $S = \pi \cdot \frac{a}{\sqrt{3}} \cdot \frac{2a}{\sqrt{3}} = \frac{2}{3}\pi a^2$; прибавивъ къ найденной боковой поверхности площадь круга, служащаго основаніемъ конуса: $\pi\left(\frac{a}{\sqrt{3}}\right)^2$, найдемъ, что полная поверхность конуса $S_1 = \frac{2}{3}\pi a^2 + \pi\left(\frac{a}{\sqrt{3}}\right)^2 = \frac{2}{3}\pi a^2 + \frac{\pi a^2}{3} = \pi a^2$.

Объемъ V конуса $= \frac{1}{3}\pi \cdot \left(\frac{a}{\sqrt{3}}\right)^2 \cdot a = \frac{1}{3}\pi \cdot \frac{a^2}{3} \cdot a = \frac{1}{9}\pi a^3$.

437. Объемъ тѣла, производимаго вращеніемъ прямоугольнаго треугольника ABC около его катета AB, вдвое болѣе объема тѣла, производимаго вращеніемъ того же треугольника около катета AC. Гипотенуза BC треугольника $= a$. По этимъ даннымъ опредѣлить катеты треугольника.

Рѣшеніе. Отъ вращенія прямоугольнаго треугольника ABC (черт. 22) около катета AB, который обозначимъ черезъ y, получится, очевидно, конусъ, объемъ котораго V, согласно формулѣ, $= \frac{1}{3}\pi \cdot AC^2 \cdot AB$, а отъ вращенія того же треугольника ABC около катета AC, который обозначимъ черезъ x, получится конусъ, объемъ котораго $V_1 = \frac{1}{3}\pi \cdot AB^2 \cdot AC$. По условію задачи, имѣемъ: $V_1 = 2V$, т.-е. $\frac{1}{3}\pi \cdot AB^2 \cdot AC = \frac{2}{3}\pi \cdot AC^2 \cdot AB$, или $\frac{1}{3}\pi \cdot y^2 \cdot x = \frac{2}{3}\pi \cdot x^2 \cdot y$. Сокративъ это уравненіе на $\frac{1}{3}\pi yx$, мы получимъ: $y = 2x$ . . . (A). По теоремѣ Пиѳагора мы имѣемъ: $x^2 + y^2 = a^2$. Подставляя въ послѣднее уравненіе вмѣсто y его значеніе изъ уравненія (A), получимъ: $x^2 + (2x)^2 = a^2$; $x^2 + 4x^2 = a^2$; $5x^2 = a^2$; $x^2 = \frac{a^2}{5}$; $x = \sqrt{\frac{a^2}{5}} = \frac{a}{\sqrt{5}} = \frac{1}{5}a\sqrt{5}$, а $y = 2x = \frac{2}{5}a\sqrt{5}$.

Черт. 23.

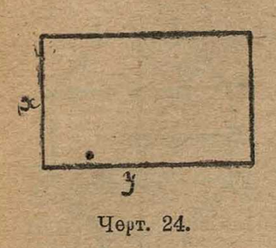
Такимъ образомъ, мы узнали, что одинъ изъ катетовъ AB, равный $y_1 = \frac{2}{5}a\sqrt{5}$, другой катетъ AC, равный $x_1 = \frac{1}{5}a\sqrt{5}$.

438. Стороны треугольника суть a, b и c (наибольшая изъ нихъ a). Опредѣлить объемъ тѣла, производимаго вращеніемъ треугольника около наибольшей изъ этихъ сторонъ.

Рѣшеніе. Отъ вращенія треугольника ABC около стороны BC получится тѣло, объемъ котораго $V =$ объему двухъ конусовъ BAD и CAD (черт. 23). Объемъ I-го конуса $V_1 = \frac{1}{3}\pi AE^2 \cdot BE$, а объемъ II-го конуса $V_2 = \frac{1}{3}\pi \cdot AE^2 \cdot EC$; но $V = V_1 + V_2 = \frac{1}{3}\pi AE^2 \cdot BE + \frac{1}{3}\pi \cdot AE^2 \cdot EC = \frac{1}{3}\pi \cdot AE^2 (BE + EC) = \frac{1}{3}\pi \cdot AE^2 \cdot BC$. Сторона BC, какъ наибольшая, равна a; Слѣдовательно $V = \frac{1}{3}\pi \cdot AE^2 \cdot a = \frac{1}{3}\pi a AE^2$. Вычислимъ теперь AE; для этого замѣтимъ, что площадь S треугольника $ABC = \frac{AC \cdot AE}{2} = \frac{a \cdot AE}{2}$, а съ другой стороны $S = \sqrt{p(p-a)(p-b)(p-c)}$. Отсюда получаемъ уравненіе $\frac{a \cdot AE}{2} = \sqrt{p(p-a)(p-b)(p-c)}$, гдѣ $a + b + c = 2p$. Рѣшивъ полученное урав-

неніе, найдемъ $AE = \frac{2\sqrt{p(p-a)(p-b)(p-c)}}{a}$. Подставивъ значеніе AE въ выраженіе объема V, мы получимъ: $V = \frac{1}{3}\pi \cdot a \cdot \left(\frac{2\sqrt{p(p-a)(p-b)(p-c)}}{a}\right)^2 = \frac{4\pi}{3a} \cdot p(p-a)(p-b)(p-c)$.

439. Отъ послѣдовательнаго вращенія прямоугольника сперва около одной изъ его сторонъ, а затѣмъ около другой, неравной первой, получилось два тѣла, изъ которыхъ одно имѣетъ объемъ въ 40000 кубическихъ метровъ, а другое въ 50000 кубическихъ метровъ. Вычислить длину діагонали взятаго прямоугольника.

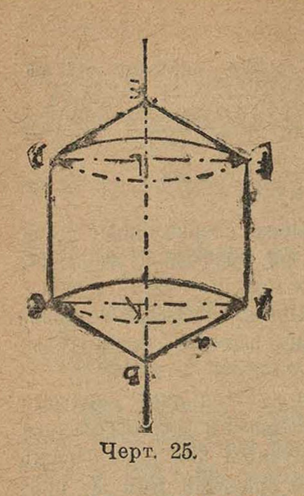

Черт. 24.

Рѣшеніе. Пусть данъ прямоугольникъ, неравныя стороны котораго x и y. Отъ вращенія прямоугольника около стороны x (черт. 24) получится цилиндръ, объемъ V котораго $= \pi y^2 x$, а отъ вращенія того же прямоугольника около стороны y получится цилиндръ, объемъ V_1 котораго $= \pi y x^2$. По условію задачи, имѣемъ: $V = \pi y^2 x = 50000$, а $V_1 = \pi y x^2 = 40000$; $V : V_1 = \pi y^2 x : \pi y x^2 = 50000 : 40000$; по сокращенію, мы получимъ: $y : x = 5 : 4$; отсюда $4y = 5x$; $4V_1 = 4\pi y x^2 = 160000$; $\pi x^2 \cdot 4y = 160000$; $\pi x^2 \cdot 5x = 160000$; $5\pi x^3 = 160000$, $\pi x^3 = 32000$; $x = \sqrt[3]{\frac{32000}{\pi}}$. Діагональ прямоугольника $= \sqrt{x^2 + y^2}$; чтобы найти эту діагональ, мы возведемъ въ квадратъ обѣ части пропорціи $\frac{y}{x} = \frac{5}{4}$, тогда мы получимъ: $\frac{y^2}{x^2} = \frac{25}{16}$; напишемъ изъ этой пропорціи производную пропорцію: $\frac{y^2 + x^2}{x^2} = \frac{25 + 16}{16}$; $\frac{y^2 + x^2}{x^2} = \frac{41}{16}$; извлечемъ квадратный корень изъ обѣихъ частей полученной пропорціи, получимъ: $\frac{\sqrt{x^2 + y^2}}{x} = \frac{\sqrt{41}}{4}$. Подставляя вмѣсто x его значеніе, мы получимъ: $\frac{\sqrt{y^2 + x^2}}{\sqrt[3]{\frac{32000}{\pi}}} = \frac{\sqrt{41}}{4}$; откуда $\sqrt{y^2 + x^2} = \frac{\sqrt{41}}{4} \cdot \sqrt[3]{\frac{32000}{\pi}} = \frac{\sqrt{41}}{4} \cdot \sqrt[3]{\frac{20^3 \cdot 4}{\pi}} = \frac{\sqrt{41}}{4} \cdot 20\sqrt[3]{\frac{4}{\pi}} = \sqrt{41} \cdot 5 \cdot \sqrt[3]{\frac{4}{\pi}}$.

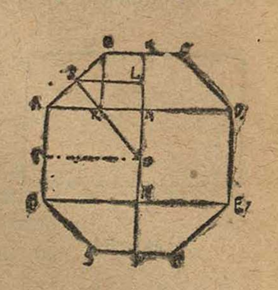
440. Опредѣлить объемъ тѣла, полученнаго отъ обращенія правильнаго шестиугольника, сторона котораго $= a$, около діагонали, раздѣляющей его пополамъ, и сравнить съ объемомъ описаннаго шара.

Рѣшеніе. Отъ вращенія фигуры $BAFE$ около BE (черт. 25) получится тѣло, объемъ V котораго $=$ объему V_1 цилиндра $AFDC +$ удвоенный объемъ V_2 конуса BAC (конусъ $BAC =$ конусу FDE); $V_1 = \pi \cdot AK^2 \cdot KL$; $V_2 = \frac{1}{3}\pi \cdot AK^2 \cdot BK$; $V = V_1 + 2V_2 = \pi AK^2 \cdot KL + \frac{2}{3}\pi AK^2 \cdot BK = \frac{3\pi \cdot AK^2 \cdot KL + 2\pi \cdot AK^2 \cdot BK}{3} = \frac{\pi \cdot AK^2}{3}(3KL + 2BK)$. Принимая во вниманіе, что $BK = LE$, а $KL = AF = a$, получимъ: $V = \frac{\pi \cdot AK^2}{3}(BK + KL + LE + 2KL)$; но $BK + KL + LE = BE =$ діаметру круга, описаннаго около шестиугольника; слѣдовательно, $BE = 2a$; откуда получается $V = \frac{\pi AK^2}{3} \cdot 4a = \frac{4}{3}\pi a AK^2$. Принимая во вниманіе, что $AK = \frac{1}{2}AC$, гдѣ AC, какъ сторона правильнаго треугольника, вписаннаго въ кругъ радіуса a, равняется $a\sqrt{3}$, получимъ: $V = \frac{4}{3}\pi \cdot a\left(\frac{a\sqrt{3}}{2}\right)^2 = \pi a^3$.

Черт. 25.

441. Опредѣлить полную поверхность тѣла, производимаго обращеніемъ правильнаго восьмиугольника, сторона котораго $= a$, около линіи, соединяющей средины противоположныхъ сторонъ восьмиугольника и, слѣдовательно, проходящей черезъ центръ восьмиугольника.

[*Замѣчаніе.* Радіусъ окружности, вписанной въ правильный восьмиугольникъ, сторона котораго $= a$, равенъ $\frac{1}{2}a(1+\sqrt{2})$].

Черт. 26.

Рѣшеніе. Поверхность S тѣла, которое получится отъ вращенія фигуры $KBAHGP$ около оси KP (черт. 27), очевидно, составится изъ слѣдующихъ поверхностей: 1) двухъ площадей круговъ, описанныхъ вращеніемъ линій BK и GP, изъ которыхъ каждая $= \frac{a}{2}$; 2) поверхностей двухъ равныхъ усѣченныхъ конусовъ, образованныхъ вращеніемъ трапецій $ABKM$ и $HGPN$, и 3) поверхности цилиндра, который получится отъ вращенія прямоугольника $AMNH$. Сумма площадей круговъ $= 2 \cdot \pi \frac{a^2}{4} = \frac{\pi a^2}{2}$. Сумма поверхностей усѣченныхъ конусовъ $= 4\pi(BK + AM)AB$. Стороны BK и AM, какъ параллельныя стороны трапеціи, могутъ замѣниться медіаной LS и получимъ $4\pi \cdot LS \cdot AB$. Изъ подобія треугольниковъ SLO и ABR имѣемъ: $AB : BR = OS : LS$, откуда $AB \cdot LS = BR \cdot OS = BR \cdot r$, гдѣ r есть радіусъ круга, вписаннаго въ восьмиугольникъ; наконецъ, поверхность цилиндра $= 2\pi AM \cdot MN = 2\pi \cdot r \cdot MN$. Полная поверхность $S = \frac{\pi a^2}{2} + 4\pi \cdot BR \cdot r + 2\pi r \cdot MN = \frac{\pi a^2}{2} + 2\pi r(2BR + MN) = \frac{\pi a^2}{2} + 2\pi r(2KM + MN) = \frac{\pi a^2}{2} + 2\pi r(KM + MN + NP)$, такъ какъ $KM = NP$; $KM + MN + NP$ составляютъ KP, который есть діаметръ $= 2r$. Слѣдовательно. $S = \frac{\pi a^2}{2} + 2\pi r \cdot KP = \frac{\pi a^2}{2} + 2\pi r \cdot 2r = \frac{\pi a^2}{2} + 4\pi r^2$; но $r = \frac{1}{2}a(1+\sqrt{2})$, поэтому $S = \frac{\pi a^2}{2} + 4\pi \cdot \left[\frac{1}{2}a(1+\sqrt{2})\right]^2 = \frac{\pi a^2}{2} + 4\pi \cdot \frac{1}{4}a^2(1 + 2\sqrt{2} + 2) = \frac{\pi a^2}{2} + 4\pi \cdot \frac{1}{4}a^2(3 + 2\sqrt{2}) = \frac{\pi a^2}{2} + \pi a^2(3 + 2\sqrt{2}) = \pi a^2\left(\frac{1}{2} + 3 + 2\sqrt{2}\right) = \pi a^2\left(3\frac{1}{2} + 2\sqrt{2}\right)$.

Конспекты.

Конспектъ по исторіи русской литературы.

М. Ю. Лермонтовъ.

Большая часть литературной дѣятельности Лермонтова протекала подъ чужимъ вліяніемъ. Лермонтовъ началъ писать очень рано, въ 14 лѣтъ. На него вліяли Пушкинъ, Шиллеръ, а, главнымъ образомъ, Байронъ. Только въ концѣ своей дѣятельности онъ освобождается отъ вліянія, и творчество его становится самобытнымъ.

Первый періодъ дѣятельности. Произведенія этого періода, преимущественно лирическія, являются глубоко субъективными. Въ лирическихъ его произведеніяхъ отразилась вся душевная жизнь поэта съ ея двойственностью, разочарованіемъ, презрѣніемъ, ненавистью къ людямъ, страстной любовью къ природѣ. Къ эпическимъ произведеніямъ этого періода относятся: «Кавказскій плѣнникъ», «Черкессы», «Корсаръ» и поэма «Демонъ» (первыя ея двѣ редакціи); къ драматическимъ же: «Испанцы», «Люди и страсти» и «Странный человѣкъ». Эти драмы интересны съ автобіографической точки зрѣнія.

Второй періодъ дѣятельности. Теперь въ его лирикѣ начинаютъ звучать новые мотивы, старые же углубляются. Въ лирическихъ произведеніяхъ онъ по прежнему далекъ отъ примиренія съ жизнью, попрежнему въ его душѣ протестъ, чувство одиночества, стремленіе къ покою и забвенію отъ тревогъ; теперь лирика его дѣлается разнообразнѣе, богаче по содержанію, въ нихъ уже слышится не жгучая тоска, не рѣзкій протестъ и возмущеніе, а тихая грустъ.

Въ однихъ стихотвореніяхъ онъ художественно описываетъ различныя картины природы, въ другихъ—чувства, возбуждаемыя у него современнымъ обществомъ («Дума»), въ третьихъ изливаетъ свое патріотическое чувство, наконецъ, въ рядѣ стихотвореній онъ высказываетъ свой взглядъ на призваніе поэта («Поэтъ», «Пророкъ» и др.). Къ эпическимъ произведеніямъ этого періода относятся поэмы: «Измаилъ-Бей», «Хаджи-Абрекъ», «Бояринъ Орша», «Мцыри», «Демонъ», «Пѣсня про купца Калашникова» и романъ «Герой нашего времени». Изъ всѣхъ этихъ твореній наиболѣе зрѣлымъ и самымъ крупнымъ является «Герой нашего времени». Герой его—Печоринъ, выясненію личности котораго посвящено все это произведеніе. Въ его лицѣ Лермонтовъ изобразилъ типичнаго представителя русскаго байронизма.

Въ немъ мы видимъ неудовлетворенность всѣмъ окружающимъ, презрѣніе къ людямъ, сознаніе своего превосходства надъ другими и т. д. Лермонтовъ противопоставляетъ Печорину — Максима Максимыча, простого, добраго, честнаго, мягкаго человѣка. Грушницкій, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ, представляетъ собой карикатуру на байрониста.

Лермонтовъ, подъ вліяніемъ Грибоѣдовскаго «Горе отъ ума», написалъ драму «Маскарадъ». Творчество Лермонтова было преимущественно субъективнымъ; изъ этой субъективности вытекало то, что оно было лирическимъ. Все его творчество было проникнуто острымъ настроеніемъ тоски и неудовлетворенности.

Лермонтовъ изъ всѣхъ писателей романтическаго направленія является самымъ послѣдовательнымъ и глубокимъ романтикомъ.

Н. В. Гоголь.

Гоголь, по направленію своего творчества, художникъ-моралистъ; онъ не только художникъ, но и проповѣдникъ нравственныхъ идеаловъ, Затѣмъ онъ юмористъ-сатирикъ: въ качествѣ послѣдняго онъ подмѣчаетъ въ жизни преимущественно ея темныя отрицательныя стороны, осмѣиваетъ печальныя язвы русской дѣйствительности, но его смѣхъ «смѣхъ сквозь слезы». Въ своихъ произведеніяхъ Гоголь далъ прекрасные образцы высоко-художественнаго и въ то же время глубоко правдиваго изображенія русской жизни. Реализмъ существовалъ и до Гоголя, но онъ утвердилъ его господство въ русской литературѣ.

Біографія Гоголя. Николай Васильевичъ Гоголь родился 20 марта 1809 г., въ селѣ Сорочинцахъ Полтавской губерніи. Первоначальное свое образованіе онъ получилъ дома; затѣмъ поступилъ въ Полтавскую гимназію, откуда перешелъ въ Нѣжинскую гимназію. Изъ гимназическаго курса онъ вынесъ мало знаній, предметами онъ мало занимался, а увлекался искусствомъ, театромъ, литературой. По окончаніи въ 1828 году Нѣжинскаго лицея Гоголь поѣхалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы устроиться на службѣ. Онъ не могъ сразу устроиться, поэтому очутился въ ужасныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Къ этому же прибавилось серьезное разочарованіе въ своемъ талантѣ; первое его литературное выступленіе потерпѣло фіаско. Онъ безъ опредѣленнаго плана уѣзжаетъ за-границу; по возвращеніи въ Петербургъ ему удалось, наконецъ, опредѣлиться на службу. Эта служба познакомила его съ міромъ чиновниковъ.

Въ это время онъ выпустилъ въ свѣтъ нѣкоторые разсказы изъ малороссійской жизни; на нихъ обратили вниманіе современные ему писатели. Онъ подружился съ Пушкинымъ, который указалъ Гоголю, въ чемъ его талантъ. Пушкинъ далъ Гоголю сюжеты для «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора». Онъ становится извѣстнымъ писателемъ. Несмотря на свою педагогическую и профессорскую дѣятельность Гоголь продолжаетъ усиленно заниматься литературой.

Когда онъ написалъ комедію «Ревизоръ», то о немъ всѣ заговорили; въ этой комедіи онъ зло изобразилъ провинціальное чиновничество. На него посыпались нападки со всѣхъ сторонъ, и вотъ онъ покидаетъ Россію и ѣдетъ въ Западную Европу, гдѣ съ нѣкоторыми перерывами остается 12 лѣтъ. Въ этотъ періодъ онъ написалъ «Мертвыя души» и рядъ повѣстей. Во время пребыванія за границей въ Гоголѣ совершается полный трагизма идейный и моральный кризисъ. Моралистъ-проповѣдникъ побѣждаетъ художника.

Онъ осуждаетъ свои лучшія произведенія, считая ихъ несовершенными и грѣховными. Подъ вліяніемъ болѣзни онъ становится мистикомъ, онъ начинаетъ смотрѣть на себя. какъ на избранника. Божьяго. Подъ вліяніемъ этого онъ и выпустилъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Противъ Гоголя поднялась цѣлая буря со стороны передового русскаго общества. Своей книгой Гоголь хотѣлъ оказать русскому обществу большую нравственную услугу.

Точка зрѣнія автора этой книги слѣдующая: душа и дѣло душевное—самое важное въ жизни человѣка, необходимо нравственное совершенствованіе; просвѣщеніе же, прогрессъ не существенны и т. п.

Бѣлинскій назвалъ его «защитникомъ мракобѣсія кнута и нагайки».

Въ 1852 году онъ скончался въ Москвѣ.

Литературная дѣятельность. *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.* Въ первую часть вошли повѣсти: «Сорочинская ярмарка», «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала», «Майская ночь или утопленница»; во вторую часть вошли: «Ночь передъ Рождествомъ», «Страшная месть», «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка», «Заколдованное мѣсто». Во всѣхъ этихъ повѣстяхъ изображена малороссійская народная жизнь, выведены малороссійскіе народные типы; содержаніе этихъ разсказовъ преимущественно фантастическое и основано на украинскихъ сказаніяхъ

и повѣріяхъ. Матеріаломъ для этихъ повѣстей служили поэту его собственныя наблюденія, воспоминанія и письма матери.

Замѣчательно въ этихъ повѣстяхъ описаніе во всевозможныхъ видахъ природы Малороссіи. Но въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки», кромѣ обильнаго романтическаго элемента, имѣется еще и значительная доза реалистическаго элемента, который выразился въ обрисовкѣ бытовыхъ сценъ малороссійской жизни.

Выведенные Гоголемъ типы довольно разнообразны. Это произведеніе въ исторіи русской литературы занимаетъ почетное мѣсто. Чѣмъ-то молодымъ, свѣжимъ, жизнерадостнымъ повѣяло съ появленіемъ этой книги: благодаря живому и искреннему юмору, который красной нитью проходитъ черезъ всѣ повѣсти «Вечеровъ».

Миргородъ. Этотъ сборникъ разсказовъ вышелъ въ свѣтъ въ 1835 году. Здѣсь тоже смѣшеніе романтизма и реализма, что и въ «Вечерахъ». Отличительной чертой этого сборника является грустное настроеніе автора, лежащее въ основѣ разсказовъ. Въ этотъ сборникъ вошли повѣсти: «Старосвѣтскіе помѣщики», «Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», «Вій» и историческая повѣсть «Тарасъ Бульба».—Просматривая всѣ эти повѣсти, мы видимъ, что Гоголь разрабатываетъ тѣ же сюжеты, какіе и въ «Вечерахъ», источниками для нихъ служатъ тѣ же области малороссійской жизни; здѣсь опять изображаются и народныя суевѣрныя сказанія, и мелкая провинціальная жизнь, и героическое прошлое родной страны. Но въ «Миргородѣ» бытовой элементъ преобладаетъ, въ сравненіи съ «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки». Затѣмъ въ «Миргородѣ» впервые ярко выступаетъ характерная черта Гоголевскаго юмора: смѣхъ сквозь слезы.

Петербургскія повѣсти. Жизнь Гоголя въ Петербургѣ и его наблюденія надъ типами столицы нашли себѣ отраженіе въ рядѣ его небольшихъ разсказовъ; въ лучшихъ изъ нихъ изображается бытъ мелкаго чиновничества—таковы «Шинель» и «Записки сумасшедшаго».

Въ петербургскихъ разсказахъ «Портретъ» и «Невскій проспектъ» изображенъ міръ художниковъ.

Театральныя пьесы. Еще на школьной скамьѣ Гоголь интересовался театромъ; игралъ на сценѣ, писалъ небольшія комедіи. Первымъ его драматическимъ опытомъ является комедія «Игроки».

Въ 1833—1834 онъ написалъ вторую знаменитую комедію «Женитьба». Но Гоголь прославился не этими комедіями, а своей безсмертной комедіей «Ревизоръ», гдѣ онъ изобразилъ бытъ и нравы мелкаго уѣзднаго городка и выступилъ обличителемъ недостатковъ и злоупотребленій тогдашняго провинціальнаго чиновничества.

Конспектъ по психологіи.

Виды вниманія. Различаютъ четыре вида вниманія: 1) непосредственное, 2) посредственное, 3) непроизвольное и 4) произвольное; подъ первымъ разумѣется такое вниманіе, которое возбуждается свойствами самого предмета вниманія, а не чѣмъ-либо постороннимъ; подъ вторымъ разумѣется вниманіе, которое возбуждается не свойствами самого по себѣ предмета, а ради чего-либо другого, съ чѣмъ этотъ предметъ стоитъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи; подъ третьимъ—разумѣется вниманіе, которое возникаетъ безъ намѣреннаго усилія съ нашей стороны; подъ четвертымъ—вниманіе, которое возникаетъ у насъ благодаря сознательному, намѣренному усилію воли.

Интересъ и разсѣянность. Подъ интересомъ мы разумѣемъ чувство удовольствія, связанное съ совершеніемъ чего-либо; воспринимать что-либо со вниманіемъ все равно, что воспринимать что-либо съ интересомъ. Подъ разсѣянностью разумѣется состояніе, противоположное вниманію.

Условія вниманія и его значеніе. Здоровая кровь, хорошее питаніе, нормальный отдыхъ—необходимыя матеріальныя условія для сохраненія способности у человѣка къ продолжительному вниманію, широкое же образованіе человѣка—

психологическое условіе вниманія. Вниманіе имѣетъ очень большое значеніе въ умственной дѣятельности людей. Благодаря вниманію возможно: 1) выдѣленіе одного впечатлѣнія изъ ряда многихъ впечатлѣній, 2) сосредоточеніе, или концентрація на чемъ-либо нашего сознанія, 3) разложеніе сложныхъ представленій и 4) абстракція, или отвлеченіе.

Воображеніе. Подъ воображеніемъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова) разумѣется способность воспроизведенія или образованія вторичныхъ душевныхъ состояній. Различаютъ два воображенія: 1) воображеніе воспроизводящее и 2) воображеніе творческое. Дѣйствительность доставляетъ намъ матеріалъ, а наше воображеніе создаетъ только новыя комбинаціи, новую форму. Подъ творческимъ воображеніемъ разумѣется намѣренная комбинація прежде полученныхъ впечатлѣній въ новый образъ. Творческое воображеніе проявляется и въ искусствѣ, и въ области научныхъ открытій, и въ области практической жизни, и при разнаго рода изобрѣтеніяхъ. На творческое воображеніе людей вліяютъ слѣдующія условія: a) особенности памяти у даннаго человѣка, b) его чувства, c) устойчивость его вниманія и т. д.

Общія представленія и понятія. Общее представленіе противополагается единичному представленію: послѣднее относится къ единому предмету, а первое— къ группѣ сходныхъ между собой предметовъ. Общія представленія получаются изъ единичныхъ, посредствомъ такихъ умственныхъ операцій, какъ анализъ, абстракція, ассимиляція и синтезъ. Всякое общее представленіе имѣетъ извѣстный объемъ и содержаніе; подъ объемомъ разумѣются всѣ признаки, которые мыслятся въ данномъ общемъ представленіи; подъ содержаніемъ мыслятся всѣ единичныя представленія, которыя обладаютъ признаками, образующими содержаніе даннаго общаго представленія. Отъ насъ зависитъ увеличеніе и уменьшеніе какъ содержанія, такъ и объемъ даннаго представленія. Процессъ образованія изъ даннаго представленія другого, бо̀льшаго по объему и меньшаго по содержанію, называется обобщеніемъ, а процессъ образованія изъ даннаго представленія другого, меньшаго по объему и бо̀льшаго по содержанію, называется ограниченіемъ.

Происхожденіе языка. Подъ языкомъ разумѣется способность людей выражать въ звукахъ, состоящихъ изъ опредѣленнаго числа элементовъ, свои воспріятія, представленія, понятія такъ, что они становятся понятными другимъ людямъ. По вопросу о происхожденіи языка существуетъ много теорій. Однѣ говорятъ, что языкъ—произвольное изобрѣтеніе людей, другія объясняютъ происхожденіе сверхъестественнымъ откровеніемъ, третьи же объясняютъ происхожденіе языка естественнымъ путемъ. Языкъ возникъ не сразу, а постепенно вмѣстѣ съ образованіемъ представленій и развитіемъ человѣческой мысли.

Слово и понятіе. Люди, для выраженія своихъ внутреннихъ состояній прибѣгаютъ къ разнымъ движеніямъ, дѣйствіямъ, получившимъ особое названіе знаковъ. Къ такимъ знакамъ надо отнести слова, которыми обозначаются разныя представленія, понятія. Слова являются, такимъ образомъ, знаками тѣхъ или другихъ общихъ представленій. По вопросу о томъ, могутъ ли существовать слова безъ понятій и понятія безъ словъ, существуетъ среди ученыхъ рядъ теченій. Одни говорятъ, что понятія возникаютъ послѣ слова, другіе, что понятія существуютъ раньше словъ, третьи, что слова и понятія возникаютъ и развиваются параллельно другъ съ другомъ.

Сужденія и умозаключенія. Сужденіе представляетъ собой не что иное, какъ соединеніе представленій. Различаютъ сужденія: 1) утвердительныя и отрицательныя, 2) единичныя, частныя и общія, 3) случайныя и необходимыя, 4) аналитическія и синтетическія и 5) апріорныя и апостеріорныя.

Обычной формой словеснаго выраженія сужденія является предложеніе, имѣющее свое логическое подлежащее и логическое сказуемое.

Подъ сужденіемъ разумѣется такой процессъ, при которомъ изъ двухъ или нѣсколькихъ сужденій вытекаетъ новое сужденіе. Умозаключеніе бываетъ трояка̀го рода: 1) дедуктивное, подъ которымъ разумѣется умозаключеніе отъ общаго къ частному, 2) индуктивное, подъ которымъ разумѣется умозаключеніе отъ частнаго къ общему и 3) аналогичное, подъ которымъ разумѣется умозаключеніе отъ частнаго къ частному.

Высшія понятія. Мы имѣемъ пять основныхъ понятій, или идей, заключающихся въ другихъ представленіяхъ, а именно: идею пространства, идею времени, идею числа, идею субстанціи и идею причины.

Эти понятія являются необходимыми предпосылками нашего познанія.

Конспектъ по законовѣдѣнію.

Сложныя формы государственнаго устройства. Кромѣ простыхъ однородныхъ государствъ, имѣются еще различныя формы соединенія государствъ, а именно федераціи и уніи. Первыя дѣлятся на 1) союзы государствъ и 2) союзныя государства, а вторыя на 1) личныя уніи и 2) реальныя.

Подъ союзомъ государствъ разумѣется соединеніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ для достиженія какой-нибудь специальной задачи.

Подъ союзнымъ государствомъ разумѣется тѣсное соединеніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ (напр., Соединенные Штаты Сѣв. Америки, Швейцарія).

Подъ личной уніей разумѣется случайное соединеніе двухъ или нѣсколькихъ государствъ подъ властью одного лица, имѣющаго право престолонаслѣдія въ этихъ государствахъ.

Подъ реальной уніей разумѣется прочное соединеніе государствъ, выражающееся не только въ единствѣ монарха, но и въ общности нѣкоторыхъ учрежденій на почвѣ общихъ интересовъ (напр. Австрія и Венгрія).

Русское Государственное право.

Монархъ. Существо верховной власти въ Россіи рѣзко измѣнилось съ измѣненіемъ государственнаго строя по манифесту 17 октября 1905 г. Раньше Государь былъ самодержавнымъ и неограниченнымъ правителемъ, теперь же призваны законодательствовать Государственная Дума и Государственный Совѣтъ въ единеніи съ Монархомъ, такъ что неограниченность Монарха отпала. Неограниченная монархія смѣнилась конституціонной. Для характеристики современнаго строя важны слѣдующіе моменты: 12 декабря 1904 года—обѣщаніе реформъ, 18 февраля 1905 г., 6 августа 1905 г.—учрежденіе Государственной Думы 17 октября 1905 г.—многообѣщающій манифестъ—обращеніе Думы изъ законосовѣщательной въ законодательную, 11 декабря 1905 г.—расширеніе избирательнаго права, 20 февраля 1906 г.—реорганизація Государственнаго Совѣта, 23 апрѣля 1906 г.—изданіе новыхъ Основныхъ законовъ.

Права Монарха въ области законодательства, управленія и суда. Монарху принадлежитъ въ области законодательства право созыва, перерыва, прекращенія дѣятельности законодательныхъ учрежденій, право иниціативы и санкціи законовъ; ни одинъ законъ не пріемлетъ силы безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и безъ утвержденія Государя Императора.

Въ области управленія Монарху принадлежитъ право издавать указы, повелѣнія, объявлять мѣстности на военномъ положеніи, право чеканки монетъ, назначать и увольнять высшихъ должностныхъ лицъ, жаловать титулы, ордены, право начальствованія надъ арміей и флотомъ, право распоряжаться имуществами, право внѣшнихъ сношеній съ другими государствами.

Въ области судебной Государю принадлежитъ право назначать судей, миловать, смягчать наказанія, прощать, утверждать приговоры въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Прерогативы Монарха. Къ реальнымъ прерогативамъ монарха относятся: 1) его безотвѣтственность, 2) его неприкосновенность и 3) его право на матеріальное содержаніе. Къ формальнымъ относятся: 1) право на титулъ и 2) право на гербъ. Въ титулъ входитъ наименованіе, указаніе на источникъ власти, имя монарха, указаніе на внѣшнюю независимость Имперіи и перечисленіе земель Имперіи. Различаютъ три титула: краткій, средній и полный.

Престолонаслѣдіе. Россія—наслѣдственная монархія, порядокъ преемства престола въ ней созданъ еще Императоромъ Павломъ, актомъ 5 апрѣля 1797 года. Наслѣдникъ силой закона вступаетъ на престолъ по кончинѣ Императора, о восшествіи на престолъ объявляется въ особомъ манифестѣ, этому восшествію сопутствуютъ особые акты: коронованіе и миропомазаніе.

Несовершеннолѣтіе, правительство и опека. Совершеннолѣтіе Государя начинается съ 16 лѣтъ. Въ случаѣ же несовершеннолѣтія Государя учреждается опека для попеченія надъ его Особой и правительство—для завѣдыванія государственными дѣлами.

Какъ только монархъ достигаетъ совершеннолѣтія, опека и правительство устраняются.

Учрежденіе Императорской фамиліи. Членами Императорскаго Дома признаются всѣ лица, происшедшія отъ Императорской крови, въ законномъ бракѣ, дозволенномъ царствующимъ Императоромъ, и супруги ихъ. Члены Императорскаго дома имѣютъ особыя преимущества, состоящія: a) въ особомъ титулѣ, b) въ правѣ на извѣстные ордена, c) въ правѣ на опредѣленныя почести и отличія, d) въ правѣ на содержаніе и e) въ усиленной уголовной защитѣ.

Для членовъ Императорскаго Дома имѣются еще нѣкоторыя изъятія въ области гражданскаго права (по вопросамъ о бракѣ, малолѣтствѣ, наслѣдствѣ и т. п.)

Пробные экзамены

Пробный экзаменъ за VII классовъ женской гимназіи [1]).

За семь классовъ женской гимназіи могутъ держать лица двухъ категорій: 1) *имѣющія только домашнее образованіе*,—тогда имъ надо держать экзамены по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ програму и 2) *имѣющія какой-нибудь образовательный цензъ*, напр., свидѣтельство за 4 кл. гимназіи,—тогда имъ надо держать экзамены только за 5—7 классы.

Ниже мы будемъ имѣть въ виду лицъ, принадлежащихъ къ первой категоріи.

Экзамены дѣлятся на письменные и устные.

Письменные экзамены: 1) по русскому языку (обыкновенно курсовое сочиненіе), 2) по математикѣ (задача по ариѳметикѣ и по алгебрѣ) и 3) по языкамъ: французскому и нѣмецкому (изложеніе своими словами прочитанной статьи).

Устные экзамены: 1) по Закону Божьему, 2) по географіи, 3) по русскому языку, 4) по языкамъ—французскому и нѣмецкому, 6) по исторіи, 7) по педагогикѣ, 8) по физикѣ, ариѳметикѣ, алгебрѣ и геометріи 9) по естественной исторіи (минералогіи, ботаникѣ и зоологіи) и по педагогикѣ.

Устные экзамены.

По русскому языку.

На экзаменѣ предложена такая тема: «Онѣгинъ и Печоринъ».

Прежде всего нужно составить планъ, по которому излагать свои мысли, а потомъ уже приступить къ писанію, придерживаясь составленнаго плана.

План ъ.

Вступленіе. Онѣгинъ и Печоринъ—«лишніе люди» начала XIX вѣка.

Изложеніе: 1) черты сходства и 2) черты различія.

Заключеніе. Сравнительная оцѣнка Онѣгина и Печорина.

Онѣгинъ и Печоринъ—герои соотвѣтствующихъ романовъ: Пушкина «Евгеній Онѣгинъ» и Лермонтова «Герой нашего времени».

Они—лишніе люди, дарованія и силы которыхъ пропадаютъ даромъ для русскаго общества ихъ времени. Каковъ же ихъ духовный обликъ и въ чемъ ихъ сходство и различіе?

Общими ихъ чертами являются: свѣтскій ихъ образъ жизни, эгоизмъ, тщеславіе и рисовка, превосходство надъ окружающей средой, нелюбовь и непривычка къ труду и отсутствіе цѣли въ жизни.

---

[1]) Мы говоримъ о женской гимназіи Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи, а не Министерства Народнаго Просвѣщенія, програма гимназій котораго и условія экзаменовъ нѣсколько разнятся отъ первыхъ.

Чертами же различія между этими двумя героями служатъ: бо̀льшая поверхностность и вялость ума Онѣгина, чѣмъ Печорина, холодный темпераментъ Онѣгина и страстность Печорина, безволіе Онѣгина и сила воли Печорина.

И въ самомъ дѣлѣ, и Онѣгинъ, и Печоринъ принадлежали оба къ высшему помѣщичьему слою русскаго общества, они получили приблизительно одинаковое воспитаніе и образованіе, ведутъ сходный образъ жизни; и тотъ и другой живутъ только собой, своими интересами, не задумываясь надъ горестями окружающихъ, оба они не интересуются жизнью народа, равнодушны къ какимъ-либо идеаламъ; себялюбіе и тщеславіе царитъ въ ихъ душахъ.

Онѣгинъ и Печоринъ всегда заняты собой, своими мельчайшими переживаніями, они влюблены въ самихъ себя, они рисуются, позируютъ передъ окружающими, требуя отъ нихъ восхищенія и преклоненія.

Ведя свѣтскій образъ жизни, они, однако, не могутъ примириться съ жизнью окружающаго ихъ общества, котораго они выше по своимъ умственнымъ и сердечнымъ запросамъ.

Оба они, не имѣя никакой цѣли въ жизни, непривычны къ труду, не знаютъ, чѣмъ заполнить свое свободное время и напрасно переходятъ отъ одного занятія къ другому.

Въ силу всего этого немудрено, если и Онѣгинъ и Печоринъ чувствуютъ себя одинокими, всѣмъ чуждыми, лишними людьми. Таковы ихъ черты сходства, на ряду съ которыми имѣется не мало чертъ различія.

Печоринъ, въ сравненіи съ Онѣгинымъ, болѣе глубокій человѣкъ и внимательнѣе къ окружающимъ и къ самому себѣ.

Мысль Печорина всегда работаетъ, что объясняется страстностью его натуры.

Мысль же Онѣгина работаетъ вяло вслѣдствіе его холоднаго темперамента.

Оба они не удовлетворены своей жизнью въ обществѣ, но въ то время, какъ Онѣгинъ скучаетъ и недоволенъ, Печоринъ тоскуетъ и страдаетъ.

Затѣмъ, Онѣгинъ избѣгаетъ общества людей, къ которымъ онъ относится свысока, снисходительно, а Печоринъ ищетъ общества людей, чтобы презрѣніемъ своимъ къ нимъ отомстить за свои страданія. Наконецъ, силѣ воли Печорина надо противопоставить безволіе Онѣгина.

Таковы черты различія между Онѣгинымъ и Печоринымъ.

Изъ этихъ двухъ героевъ бо̀льшее и лучшее впечатлѣніе производитъ образъ Печорина съ его страданіями, порывами, неудовлетворенностью, чѣмъ болѣе блѣдный въ сравненіи съ нимъ образъ Онѣгина.

По ариѳметикѣ.

Два брата получили въ наслѣдство нѣкоторый капиталъ и раздѣлили его между собой такъ, что старшій братъ получилъ 0,41(3) денегъ, доставшихся младшему.

Старшій братъ отдалъ свою часть въ банкъ по 4%; черезъ 1 годъ и 8 мѣсяцевъ она превратилась вмѣстѣ съ процентными деньгами въ 9920 р. Младшій же братъ купилъ полосу земли длиной въ $2^1/_2$ версты и шириной 0,48 версты. Сколько рублей стоитъ десятина купленной имъ земли?

Рѣшеніе.

1. Опредѣлимъ капиталъ старшаго брата.

a) $\left.\begin{array}{l}12\text{ м.} — 4\\ 20\text{ м.} — y\end{array}\right\} y = 6^2/_3.$

b) $\left.\begin{array}{l}100 — 106^2/_3\\ x — 9920\end{array}\right\} x = 9300\text{ р.}$

2. Опредѣлимъ капиталъ младшаго брата.

$$9300 : 041(3) = \frac{9300}{0{,}41(3)} = \frac{9300.900}{372} = 22500\text{ р.}$$

3. Опредѣлимъ число купленныхъ младшимъ братомъ десятинъ.

$(2^1/_2 \times 500) . (0,48 . 500)$ кв. с. $= 12$ десятинъ.

4. Опредѣлимъ стоимость десятины земли.

$$22500 \text{ р.} : 125 = 180 \text{ р.}$$

Итакъ десятина земли стоитъ 180 р.

По алгебрѣ.

Смотрите образецъ за 6 классовъ гимназіи.

По нѣмецкому и французскому языкамъ.

Письменныя работы по новымъ языкамъ состоятъ въ изложеніи своими словами прочитанной статьи по-нѣмецки и по-французски.

Образцами могутъ служить экзамены по языкамъ за 6 кл. мужской гимназіи, данные въ 23 выпускѣ на 240—241 стр. (французск. яз.) и на 56 стр. (нѣмецкій яз.).

Устные экзамены.

По закону Божьему.

Образцомъ можетъ служить экзаменъ, данный въ 25 выпускѣ на 107—108 страницѣ.

По географіи.

Образцомъ можетъ служить экзаменъ, данный въ 25 вып. на 110 стр.

По русскому языку.

Образцомъ можетъ служить экзаменъ, данный на 105—107 стр. 25-го выпуска.

По языкамъ.

Образцомъ могутъ служить экзамены, данные за 6 кл. мужск. гимназіи въ 23 вып. на 241—244 стр.

По исторіи.

Образцомъ можетъ служить экзаменъ, данный въ 25 вып. на 111—112 стр.

По геометріи.

Вопросы экзаменатора.

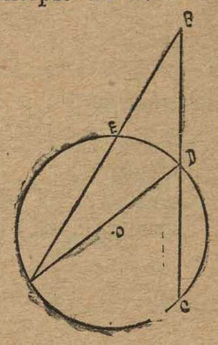
1. Чѣмъ измѣряется уголъ, вершина котораго лежитъ внѣ круга?
2. Докажите, что сторона правильнаго вписаннаго треугольника равна $R\sqrt{3}$.
3. Чему равна площадь круга?
4. Чему равняется объемъ треугольной пирамиды?
5. Чему равняется поверхность и объемъ шара?

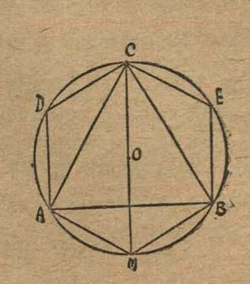
Отвѣты экзаменующихся.

1. Данъ уголъ ABC, вершина котораго находится внѣ круга; надо доказать, что онъ измѣряется полуразностью дугъ AC и ED. Проведемъ хорду AD, тогда образуется $\triangle ABD$; $\angle ADC$ есть внѣшній уголъ, поэтому $\angle B = \angle ADC - \angle BAD$; уголъ ADC измѣряется $\frac{AC}{2}$, а уголъ BAD измѣряется $\frac{ED}{2}$, поэтому $\angle B$ измѣряется $\frac{AC-ED}{2}$, что и требовалось доказать.

2. Беремъ окружность, дѣлимъ ее на 6 равныхъ частей и соединяемъ точки дѣленія хордами, тогда получимъ правильный вписанный шестиугольникъ. Проведемъ затѣмъ хорды AC, CB и AB и мы получимъ правильный треугольникъ ACB. Проведемъ затѣмъ діаметръ CM.

Разсмотримъ полученный $\triangle\ CAM$, онъ — прямоугольный, какъ опирающійся на діаметръ. Въ немъ $AC^2 = CM^2 - AM^2$ или $AC = \sqrt{CM^2 - AM^2}$;

подставимъ теперь вмѣсто $CM - 2R$, а вмѣсто $AM - R$, тогда получимъ: $AC = \sqrt{(2R)^2 - R^2}$ или $= \sqrt{4R^2 - R^2} - \sqrt{3R^2} = R\sqrt{3}$. Итакъ, AC, т.-е. сторона правильнаго треугольника, вписаннаго въ окружность, равна $R\sqrt{3}$.

3. πR^2, т.-е. произведенію π на радіусъ въ квадратѣ.

4. Объемъ треугольной пирамиды равенъ произведенію площади основанія на треть высоты.

5. Поверхность шара = учетверенной площади большого круга, а объемъ шара = произведенію его поверхности на треть радіуса.

По алгебрѣ.

Вопросы экзаменатора.

1. Чему равняется количество съ нулевымъ показателемъ и отрицательнымъ?
2. Чему равна сумма всѣхъ членовъ геометрической прогрессіи?
3. Въ какую сумму обратится капиталъ «a» рублей, отданный въ ростъ по «p» сложныхъ процентовъ, по прошествіи «t» лѣтъ?
4. Чему равняются корни уравненія $x^2 + px + q = 0$?
5. Каково правило знаковъ при умноженіи?
6. Что нужно, чтобы извлечь корень изъ радикала?

Отвѣты экзаменующихся.

1. Всякое количество съ нулевымъ показателемъ равняется 1, напр. $a^0 = 1$; всякое же количество съ отрицательнымъ показателемъ равняется единицѣ, дѣленной на то же количество съ положительнымъ показателемъ, напр., $a^{-5} = \frac{1}{a^5}$.

2. Сумма равна $\frac{lq - a}{q - 1}$, гдѣ «l»—послѣдній членъ геометрич. прогрессіи, «q»—знаменатель прогрессіи, а «a»—первый членъ геометрич. прогрессіи.

3. Пусть «A» — окончательный капиталъ, а «r» — ежегодная прибыль на 1 рубль. Черезъ 1 годъ каждый рубль капитала обратится въ $(1 + r)$ рубл., слѣдовательно, «a» рубл. обратится черезъ годъ въ $a(1 + r)$ рубл.; черезъ t же лѣтъ капиталъ обратится въ $a(1 + r)^t$. Такъ выводится формула сложныхъ процентовъ, т.-е. $A = a(1 + r)^t$.

4. $x_1 = -\frac{p}{2} + \sqrt{\left(\frac{p}{2}\right)^2 - q}$ и $x_2 = -\frac{p}{2} - \sqrt{\left(\frac{p}{2}\right)^2 - q}$.

5. Одинаковые знаки даютъ $+$, а разные знаки даютъ $-$.

6. Надо показателей корней перемножить, оставивъ то же подкоренное количество; напр.: $\sqrt[5]{\sqrt[3]{a}} = \sqrt[15]{a}$.

По ариѳметикѣ.

Смотрите образецъ за 4 класса мужск. гимназіи.

По физикѣ.

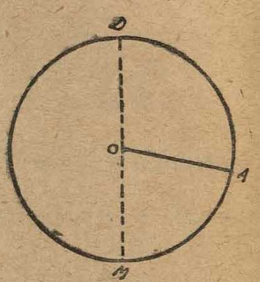
На отдѣлы: „Движеніе и силы“, „Сложеніе и разложеніе силъ“; „Тяжесть“; „Жидкости и „Газы“ (ихъ проходятъ въ 5 и 6 классахъ мужской гимназіи) данъ пробный экзаменъ въ предыдущихъ выпускахъ; на остальные же отдѣлы (*„Теплоту“; „Магнетизмъ“, „Электричество“, „Свѣтъ“* и *„Звукъ“*) мы приводимъ въ выпускѣ 30, стр. 311—313.

Геометрія.

ГЛАВА XI.

Поверхность и объемъ цилиндра.

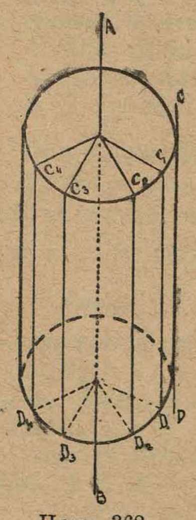
282а. Цилиндръ. Изъ понятія о кругѣ ясно, что кругъ можно разсматривать какъ фигуру, образованную вращеніемъ какого-либо отрѣзка вокругъ одного его конца, который остается неподвижнымъ Такъ, кругъ получится, если отрѣзокъ OA будемъ вращать вокругъ неподвижной точки O (черт. 367).

Черт. 367.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что вращеніемъ прямой можетъ быть образована нѣкоторая поверхность, въ данномъ случаѣ кругъ.

Теперь разсмотримъ, какія фигуры образуются отъ вращенія одной прямой около другой, ей параллельной. Возьмемъ для этого какую-нибудь полоску, находящуюся между параллельными прямыми AB и CD (черт. 368), и будемъ вращать эту полоску такъ, чтобы прямая AB служила какъ бы осью, т.-е. была бы неподвижной. Тогда при вращеніи прямая CD будетъ занимать въ различные моменты вращенія положенія C_1D_1, C_2D_2, C_3D_3, C_4D_4 и т. д., и, наконецъ, возвратится въ прежнее положеніе CD. Отъ такого вращенія образуется какъ бы прямая круглая труба, но, конечно, геометрическая, т.-е. такая, стѣнки которой не имѣютъ толщины. Такую трубу называютъ, если прямыя AB и CD безконечны, *безконечнымъ цилиндромъ*, или *цилиндрическимъ каналомъ*. Поверхность, которую при вращеніи образуетъ прямая CD, называется *цилиндрической поверхностью*; прямая (неподвижная) AB, вокругъ которой вращается параллельная ей CD, называется *осью цилиндра*.

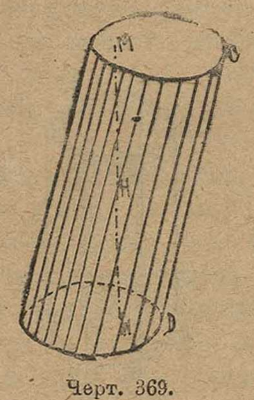
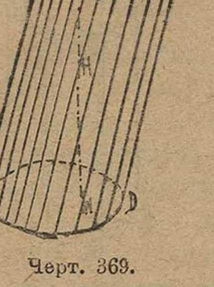

Черт. 368.

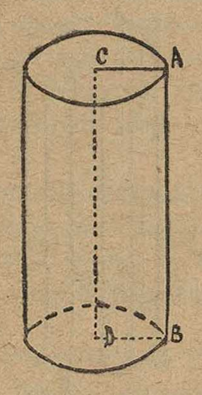
Если мы пересѣчемъ такой цилиндрическій каналъ двумя параллельными плоскостями, то получимъ тѣло, которое называется *цилин-*

дромъ, причемъ параллельныя плоскости будутъ въ этомъ случаѣ называться *основаніями цилиндра*, а перпендикуляръ (*MN*), опущенный изъ всякой точки одного основанія на другой, будетъ *высотой цилиндра* (черт. 369). На нашемъ чертежѣ (черт. 369) прямая *CD*, вращеніемъ которой цилиндръ образованъ, наклонна къ основаніямъ, почему и самый цилиндръ называется *наклоннымъ*. Замѣтимъ здѣсь, что прямая *CD* и вообще всѣ прямыя, которыя своимъ вращеніемъ вокругъ другой неподвижной прямой оси образуютъ цилиндрическія поверхности, называются *образующими*.

Если же образующая, а, слѣдовательно, и ось перпендикулярна къ основаніямъ цилиндра, то цилиндръ называется *прямымъ*, и въ такомъ случаѣ его образующая есть высота. Таковъ будетъ ци-

Черт. 369.

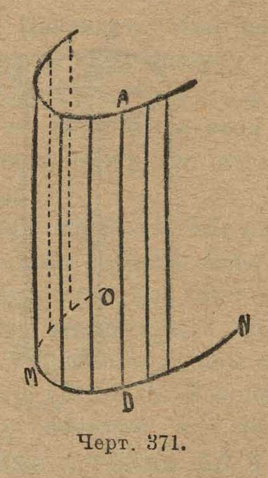
Черт. 370.

линдръ на чертежѣ 370, у котораго *AB* перпендикулярна къ плоскости основанія. Проведя ось этого цилиндра *CD* и прямую *DB*, мы видимъ, что прямая *AB*, при своемъ вращеніи около *A* будетъ все время скользить по плоскости основанія, перпендикулярной къ оси цилиндра *CD*. Такъ какъ прямая *DB* при такомъ вращеніи образуетъ кругъ, а точка *B* лежитъ по образующей *AB*, то, слѣдова тельно, нижнее основаніе прямого цилиндра есть кругъ точно такъ же, какъ и верхнее его основаніе. Отсюда слѣдуетъ, что и всякая плоскость, параллельная основаніямъ, въ сѣченіи съ прямымъ ци линдромъ даетъ кругъ. Радіусъ каждаго изъ основаній, какъ мы видимъ, есть ни что иное, какъ разстояніе между двумя прямыми, изъ коихъ одна служитъ осью цилиндра, а другая его образующей; этотъ радіусъ называется также радіусомъ цилиндрической поверхности вращенія.

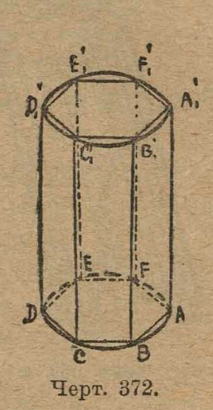
Изъ всего вышесказаннаго вполнѣ ясно, что *цилиндръ есть тѣло, получаемое отъ вращенія прямоугольника вокругъ одной его стороны*. Такъ вращая прямоугольникъ *ACDB* (черт. 370) вокругъ стороны *CD* мы видимъ, что прямая *AB* образуетъ цилиндрическую поверхность, а прямыя *AC* и *BD* круги основаній, т.-е. получается прямой цилиндръ. Въ элементарной геометріи вообще разсматриваются только прямые цилиндры.

283а. Замѣчаніе. Строго говоря, цилиндрической поверхностью называется всякая поверхность, образованная движеніемъ прямой, наприм., AD, конецъ которой скользитъ по какой-нибудь кривой, $OMDN$ (черт. 371), а прямая AD перемѣщается параллельно самой себѣ. Кривая $OMDN$ называется *направляющей*. Изъ этого ясно, что направляющая прямого цилиндра, о которомъ говорилось выше, есть окружность. Такимъ образомъ, прямой цилиндръ, у котораго основанія суть круги, слѣдуетъ называть *прямымъ круговымъ цилиндромъ*.

Однако, въ виду того, что нашему разсмотрѣнію подлежатъ только прямые круговые цилиндры, мы будемъ ихъ называть прямо цилиндрами, поверхность же, образуемую вращеніемъ образующей,— цилиндрической поверхностью, или же *боковой поверхностью цилиндра*.

Черт. 371.

Черт. 372.

284а. Вписанныя и описанныя призмы. Подобно тому, какъ въ окружность можно вписать многоугольникъ или описать его около окружности, такъ и въ цилиндръ можно вписать или около цилиндра описать призму.

Посмотримъ, какъ можно построить такія вписанныя и описанныя призмы.

Пусть данъ цилиндръ (черт. 372). Въ основаніе этого цилиндра мы вписываемъ многоугольникъ и затѣмъ на немъ строимъ призму такъ, чтобы боковыя ребра были равны и параллельны образующимъ цилиндра. Ясно, что такія ребра будутъ лежать на поверхности цилиндра, верхнее же основаніе призмы окажется вписаннымъ въ верхнее основаніе цилиндра.

Если цилиндры будутъ прямые, основаніями вписанныхъ и описанныхъ многоугольниковъ можно считать правильные вписанные и описанные около окружности основанія многоугольники.

285а. Поверхность цилиндра. Подобно тому, какъ окружность, какъ и всякая кривая, не можетъ совмѣститься ни съ какой частью прямой, такъ и цилиндрическая поверхность есть поверхность кривая и поэтому не можетъ совмѣститься ни съ какой частью плоскости. Для измѣренія поверхности существуютъ квадратныя плоскія единицы (площади), поэтому, собственно говоря, точное вы-

численіе кривой поверхности квадратными единицами не можетъ быть произведено. Поэтому цилиндрическая поверхность можетъ быть вычислена лишь приблизительно, способомъ предѣловъ.

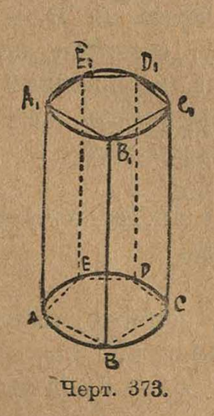
Именно, боковую поверхность цилиндра можно разсматривать, какъ предѣлъ, къ которому стремится боковая поверхность вписанной или описанной призмы при неограниченномъ увеличеніи числа ея граней (а, слѣдовательно, при неограниченномъ уменьшеніи самихъ этихъ граней). Зная это, можно легко найти боковую поверхность цилиндра.

Теорема. *Боковая поверхность цилиндра равна произведенію окружности основанія на высоту.* Пусть имѣемъ цилиндръ, боковую поверхность котораго требуется вычислить. Для этого впишемъ въ него правильную призму $ABCDE\ A_1B_1C_1D_1E_1$ (черт. 373). Мы знаемъ, что боковая поверхность прямой призмы равна произведенію периметра основанія на высоту. Поэтому, если мы обозначимъ периметръ основанія черезъ n, а высоту черезъ H, то боковая поверхность призмы, которую обозначимъ черезъ P, выразится такъ:

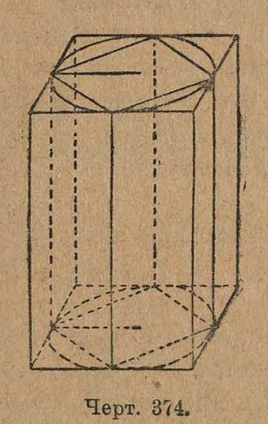
$$P = n \cdot H.$$

Теперь предположимъ, что число сторонъ основанія призмы безконечно увеличивается. Тогда самыя грани призмы будутъ безконечно уменьшаться, т.-е. будутъ стремиться къ нулю, а боковая поверхность призмы будетъ стремиться къ своему предѣлу, т.-е. къ боковой поверхности цилиндра.

Периметръ основанія призмы n будетъ стремиться къ своему предѣлу, который есть длина окружности; что же касается до высоты H, то она останется безъ перемѣны. Однако, при всѣхъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ P и n, при неограниченномъ увеличеніи числа граней, равенство: $P = nH$ остается вѣрнымъ.

Черт. 373.

Черт. 374.

Поэтому оно должно быть вѣрнымъ и тогда, когда на мѣсто перемѣнныхъ величинъ P и n подставимъ ихъ предѣлы.

Обозначимъ предѣлъ P, т.-е. боковую поверхность цилиндра черезъ S, а предѣлъ n, т.-е. длину окружности черезъ C.

Тогда можно написать такое равенство:

$$S = C.H,$$

что означаетъ: боковая поверхность цилиндра равна произведенію окружности на высоту.

Эту формулу можно выразить нѣсколько иначе. Дѣло въ томъ, что длина окружности C равна $2\pi R$. Поэтому

$$S = 2\pi R.H.$$

Эта формула опредѣляетъ лишь боковую поверхность цилиндра. Если же мы хотимъ получить полную поверхность цилиндра, то надо къ боковой прибавить поверхность двухъ его основаній, т. е. площади двухъ круговъ. Такъ какъ площадь круга $= \pi R^2$, то

$$\text{полная поверхность цилиндра} = 2\pi RH + 2\pi R^2,$$

или, выведя за скобки общаго множителя $2\pi R$, получимъ

$$\text{пол. пов. цил.} = 2\pi R(H + R).$$

Теорему, которая опредѣляетъ поверхность цилиндра, можно, конечно, доказывать и при помощи описанной призмы. Разсужденія будутъ тѣ же. Ясно, конечно, что боковая поверхность вписанной призмы стремится къ боковой поверхности цилиндра, увеличиваясь, боковая же поверхность описанной призмы стремится къ этому предѣлу, уменьшаясь.

Другими словами, боковая поверхность цилиндра *есть общій предѣлъ боковыхъ поверхностей вписанныхъ и описанныхъ призмъ*, при неограниченномъ увеличеніи числа ихъ граней.

286а. **Объемъ цилиндра.** Чтобы вычислить объемъ цилиндра убѣдимся прежде всего въ томъ, что объемъ цилиндра есть общій предѣлъ объемовъ вписанныхъ и описанныхъ призмъ, при неограниченномъ возрастаніи числа граней. Убѣдиться въ этомъ весьма просто.

Возьмемъ какой-либо цилиндръ и впишемъ въ него, а также и опишемъ около него по правильной призмѣ съ одинаковымъ числомъ граней. Обозначимъ черезъ V, V_1 и V_2 объемы цилиндра, вписанной призмы и описанной (черт. 374), черезъ B, B_1 и B_2 площади основаній ихъ и черезъ H ихъ высоту, которая у нихъ одна и та же. Относительно объемовъ вписанной и описанной призмъ мы, согласно предыдущему (объемъ призмы равенъ произведенію площади основанія на высоту), можемъ написать такъ:

$$V_1 = B_1H \text{ и } V_2 = B_2H.$$

Вычтя почленно первое равенство изъ второго, получаемъ:

$$V_2 - V_1 = B_2H - B_1H, \text{ или}$$

$$V_2 - V_1 = H(B_2 - B_1).$$

Разсмотримъ правую часть равенства, которая состоитъ изъ двухъ множителей H и $B_2 - B_1$. Мы видимъ, что при неограниченномъ удвоеніи числа сторонъ разность $B_2 - B_1$ должна стремиться къ нулю.

Въ самомъ дѣлѣ B_2 есть площадь описаннаго многоугольника, а B_1 есть площадь вписаннаго, и обѣ эти площади, какъ мы знаемъ, при неограниченномъ удвоеніи числа ихъ сторонъ стремятся къ одному и тому же предѣлу, такъ что разность между ними $(B_2 - B_1)$ стремится къ нулю. Но если $B_2 - B_1$ стремится къ нулю, то и все произведеніе $H(B_2 - B_1)$ стремится къ нулю. Зна-

чить, и лѣвая часть послѣдняго равенства, т.-е. $V_2 - V_1$ стремится къ нулю.

Такъ какъ объемъ описанной призмы больше, а объемъ вписанной призмы меньше объема цилиндра, то, слѣдовательно, разность между объемами цилиндра и вписанной призмы, т.-е. $V - V_1$, а также разность между объемами описанной призмы и цилиндра, т.-е. $V_2 - V$, меньше разности между объемами описанной и вписанной призмы, т. е. $V_2 - V_1$.

Эта же послѣдняя разность, какъ мы убѣдились, стремится къ нулю. Слѣдовательно, и каждая изъ разностей $V - V_1$ и $V_2 - V$ и подавно стремится къ нулю.

А это означаетъ, что, при неограниченномъ удвоеніи числа сторонъ, V есть предѣлъ V_1 и предѣлъ V_2, т.-е. общій предѣлъ.

Зная это, перейдемъ къ нижеслѣдующей теоремѣ, вычисляющей объемъ цилиндра.

Теорема. *Объемъ цилиндра равенъ произведенію площади основанія на высоту.* Какъ и при вычисленіи боковой поверхности, прибѣгаемъ къ помощи вписанной призмы. Впишемъ въ цилиндръ какую-либо призму, площадь основанія которой равна B_1, а высота H. Тогда ея объемъ: $V_1 = B_1 H$. Предположимъ теперь, что число граней призмы безгранично возрастаетъ, тогда V_1 и B_1 будутъ величинами перемѣнными, стремящимися къ предѣламъ. Предѣлъ V_1 будетъ V, т. е. объемъ цилиндра, а предѣломъ B_1 будетъ B, т.-е. площадь основанія цилиндра (кругъ).

Такъ какъ при всѣхъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ V_1 и B_1 равенство $V_1 = B_1 H$ остается вѣрнымъ, то оно должно оставаться вѣрнымъ, если на мѣсто перемѣнныхъ величинъ поставить ихъ предѣлы.

Тогда получимъ

$$V = BH,$$

что и требовалось доказать.

Такъ какъ площадь основанія B, т.-е. площадь круга, равна πR^2, то формула объема цилиндра, въ зависимости отъ радіуса основанія и высоты, будетъ такова:

$$V = \pi R^2 H.$$

ГЛАВА XII.

Поверхость и объемъ конуса.

287а. Конусъ. Если мы будемъ вращать острый уголъ такъ, чтобы одна сторона была неподвижна, а другая вращалась около нея, то эта вторая сторона опишетъ нѣкоторую поверхность. Получившаяся фигура будетъ называться безконечнымъ конусомъ (черт. 375), неподвижная прямая AC—*осью конуса*, а CB—*образующей конуса*. Пересѣчемъ этотъ безконечный конусъ плоскостью, перпендикулярной къ оси. Тогда въ сѣченіи образуется окружность. Въ самомъ дѣлѣ, проведя изъ точки пересѣченія оси плоскостью прямую

AB, перпендикулярную къ оси, мы убѣдимся, что при вращеніи эта прямая будетъ вращаться въ плоскости сѣченія. Своимъ же вращеніемъ прямая *AB* образуетъ кругъ. Итакъ, можно сказать, что если безконечный конусъ пересѣчь плоскостью, перпендикулярной къ оси, то въ сѣченіи получится кругъ.

Тѣло, получившееся при этомъ, будетъ называться *прямымъ круговымъ конусомъ*, кругъ сѣченія—*основаніемъ кругового конуса.*

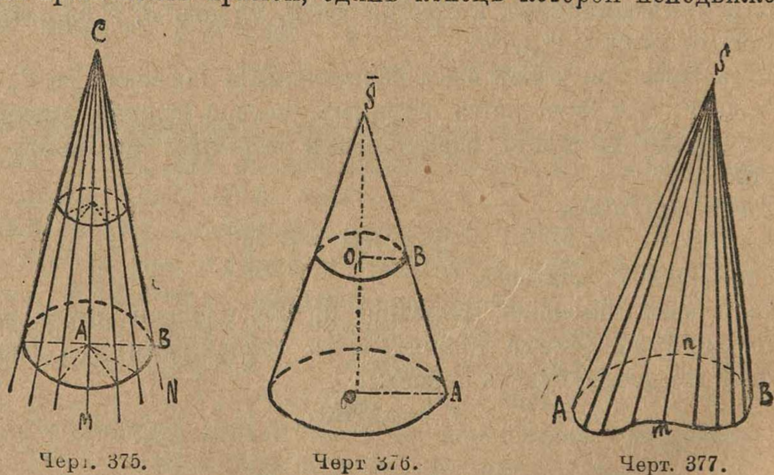
Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что если провести рядъ перпендикулярныхъ къ оси плоскостей черезъ конусъ, то всѣ онѣ будутъ параллельны между собой.

Обратно: сѣченіе кругового прямого конуса плоскостью, параллельной основанію, есть кругъ.

Не трудно видѣть, что прямой круговой конусъ есть тѣло, образуемое вращеніемъ прямоугольнаго треугольника вокругъ одного катета. Въ самомъ дѣлѣ, разъ ось конуса *SO* перпендикулярна къ радіусу основанія *OA*, то оба они и радіусъ и ось суть катеты, а образующая—гипотенуза *SA* (черт. 376). Образующаяся при этомъ поверхность называется конической поверхностью.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что понятіе конической поверхности шире понятія поверхности конуса.

Конической поверхностью вообще называется поверхность, образуемая вращеніемъ прямой, одинъ конецъ которой неподвиженъ, а

Черт. 375. Черт. 376. Черт. 377.

другой скользитъ по какой-нибудь кривой. Такова поверхность на черт. 377, образуемая вращеніемъ прямой *SA*, у которой точка *S* неподвижна, а *B* скользитъ по кривой *AmBn*. Прямая *SA* называется *образующей*, а кривая *AmBn*—*направляющей.*

Такимъ образомъ, окружность основанія прямого кругового конуса—есть также направляющая.

Однако, такъ какъ элементарная геометрія занимается изученіемъ только прямого кругового конуса, то мы будемъ называть его просто конусомъ, его боковую поверхность конической поверхностью.

Прежде чѣмъ перейти къ вычисленію площади и оъебма ко-

нуса, условимся еще относительно нѣкоторыхъ терминовъ. Образующая конуса называется *апоѳемой* его, неподвижная точка S — *вершиной*, ось конуса—*высотой* его.

Если въ конусѣ провести плоскость, параллельную основанію, то часть, заключенная между основаніемъ и сѣкущей плоскостью называется *усѣченнымъ конусомъ* (черт. 378). Ясно, что усѣченный конусъ можно разсматривать, какъ тѣло, образованное вращеніемъ прямоугольной трапеціи. Усѣченный конусъ имѣетъ два основанія: верхнее и нижнее, высотой же его является ось O_1O.

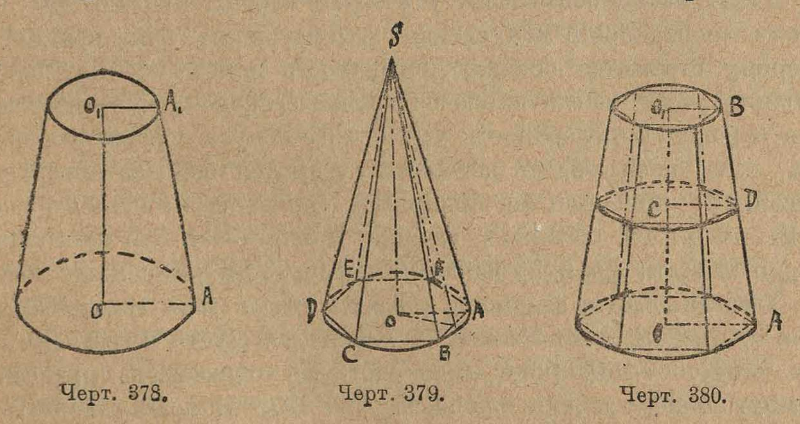
288а. Поверхность конуса. Полная поверхность конуса составляется изъ боковой конической поверхности и изъ поверхности основанія, т.-е. круга. Поверхность круга мы вычислять умѣемъ; обратимся поэтому къ вычисленію боковой поверхности.

Подобно тому, какъ въ цилиндръ можно вписать призму и описать около него призму, такъ и въ конусъ можно вписать пирамиду и описать около него пирамиду.

Поверхность конуса есть также поверхность кривая и потому также не можетъ быть точно вычислена въ квадратныхъ единицахъ. За величину боковой поверхности слѣдуетъ принять предѣлъ, къ которому стремится величина боковой поверхности пирамиды, вписанной въ этотъ конусъ, при неограниченномъ увеличеніи числа ея граней и, слѣдовательно, при неограниченномъ уменьшеніи самихъ граней.

Теорема. *Боковая поверхность конуса равна произведенію окружности основанія на половину образующей.*

Такъ какъ боковая поверхность конуса есть предѣлъ, къ которому стремится боковая поверхность вписанной пирамиды при

Черт. 378. Черт. 379. Черт. 380.

неограниченномъ уменьшеніи граней, то поступаемъ и разсуждаемъ слѣдующимъ образомъ:

Вписываемъ въ данный конусъ какую-либо правильную пирамиду SAB_1CDEF (черт. 379). Боковая поверхность этой пирамиды равна произведенію периметра основанія на половину апоѳемы. Если обозначить черезъ s, p и l боковую поверхность, периметръ основанія и апоѳему пирамиды, то

$$s = \frac{1}{2} pl.$$

Допустимъ теперь, что боковыя грани пирамиды безконечно уменьшаются.

Тогда периметръ ея p будетъ стремиться къ окружности основанія, апоѳема же l пирамиды будетъ стремиться къ образующей конуса.

Такъ какъ при всѣхъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ перемѣнныхъ величинъ s, p и l будетъ сохраняться равенство $s = \frac{1}{2}pl$, то, слѣдовательно, въ томъ же отношеніи будутъ находиться и предѣлы этихъ перемѣнныхъ.

Обозначивъ боковую поверхность конуса черезъ S, длину окружности основанія черезъ C, а образующую черезъ L, мы можемъ на основаніи предыдущихъ соображеній написать, что

$$S = \frac{1}{2}CL,$$

т.-е., *что боковая поверхность конуса равна половинѣ произведенія окружности основанія на апоѳему*, что и требовалось доказать.

Такъ какъ длина окружности C въ зависимости отъ радіуса равна $2\pi R$, то, слѣдовательно, подставивъ это значеніе въ послѣднюю формулу, мы получимъ выраженіе боковой поверхности въ зависимости отъ радіуса и апоѳемы, а именно:

$$S = \frac{1}{2}2\pi RL = \pi RL.$$

Такова формула боковой поверхности конуса.

Для того же, чтобы получить *полную поверхность конуса*, достаточно къ боковой поверхности прибавить площадь основанія, т.-е. площадь круга, каковая равна πR^2.

Такимъ образомъ:

$$\text{полн. поверхн. конуса} = \pi RL + \pi R^2 = \pi R(L + R).$$

289а. Боковая поверхность усѣченнаго конуса. Подобно тому, какъ боковую поверхность конуса надо разсматривать, какъ предѣлъ, къ которому стремится боковая поверхность вписанной (или описанной) пирамиды, когда число ея граней безконечно увеличивается, такъ и боковую поверхность усѣченнаго конуса должно разсматривать, какъ предѣлъ, къ которому стремится боковая поверхность вписанной усѣченной же пирамиды при неограниченномъ увеличеніи числа ея боковыхъ граней. Принявъ это во вниманіе, не трудно вывести формулу боковой поверхности усѣченнаго конуса.

Теорема. *Боковая поверхность усѣченнаго конуса равна произведенію полусуммы окружностей обоихъ основаній на образующую.* Пусть имѣемъ усѣченный конусъ $OABO_1$ (черт. 380), который образованъ вращеніемъ прямоугольной трапеціи около стороны OO_1. Вписавъ въ этотъ конусъ правильную усѣченную пирамиду и обозначивъ периметръ верхняго ея основанія черезъ p_1, нижняго черезъ p и апоѳему усѣченной пирамиды черезъ l, можемъ написать, что боковая поверхность (s) вписанной усѣченной пирамиды выразится слѣдующей формулой:

$$s = \frac{1}{2}(p + p_1)l.$$

При неограниченномъ увеличеніи числа граней этой пирамиды ея боковая поверхность будетъ стремиться, какъ указано выше, къ

поверхности усѣченнаго конуса, периметръ верхняго основанія и нижняго будетъ стремиться къ окружностямъ верхняго и нижняго основанія усѣченнаго конуса; наконецъ, апоѳема усѣченной пирамиды будетъ имѣть предѣломъ образующую усѣченнаго конуса.

Обозначивъ эти предѣлы соотвѣтственно черезъ S, C, C_1 и L и принявъ во вниманіе, что при всѣхъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ равенство $S = \frac{1}{2}(p + p_1)l$ будетъ оставаться вѣрнымъ, мы можемъ написать, что

$$S = \frac{1}{2}(C + C_1)L,$$

что и требовалось доказать.

Однако, эту формулу можно, какъ и всѣ предыдущія, преобразовать. Такъ, если обозначить радіусы верхняго и нижняго основаній черезъ R и R_1, то $C = 2\pi R$, а $C_1 = 2\pi R_1$. Поэтому

$$S = \frac{1}{2}(2\pi R + 2\pi R_1)L, \text{ откуда}$$

$$S = \pi(R + R_1)L.$$

Обращая вниманіе на нашъ чертежъ (380), мы видимъ, что $R_1 = O_1B$, а $R = OA$. Такъ какъ $OABO_1$ есть трапеція, то, если провести среднюю линію DC, она будетъ равна, какъ извѣстно, полусуммѣ обоихъ основаній, т.-е. $\frac{1}{2}(O_1B + OA) = CD$ или $O_1B + OA = 2CD$. Но $O_1B + OA = R + R_1$; значитъ, $R + R_1 = 2CD$.

Поэтому формула боковой поверхности усѣченнаго конуса можетъ быть выражена еще и такъ

$$S = 2\pi DC \,.\, L,$$

т.-е., *боковая поверхность усѣченнаго конуса равна произведенію окружности средняго сѣченія на апоѳему*, ибо DC есть радіусъ окружности средняго сѣченія и $2\pi DC$ есть длина этой окружности.

290а. Объемъ конуса. Все, что было нами сказано объ объемѣ цилиндра, какъ о предѣлѣ объемовъ вписанныхъ и описанныхъ призмъ, примѣнимо и къ объему конуса, который есть общій предѣлъ объемовъ вписанныхъ и описанныхъ пирамидъ. Въ самомъ дѣлѣ, впишемъ въ данный конусъ и опишемъ около него пирамиду. Для этого достаточно вписать въ кругъ основанія и описать около него по правильному многоугольнику и вершины этихъ многоугольниковъ соединить съ вершиной конуса. Тогда и получится вписанная и описанная пирамиды, имѣющія ту же высоту, что и конусъ.

Ясно, что объемъ конуса находится между объемами этихъ пирамидъ. Если число сторонъ многоугольниковъ основаній, а, слѣдовательно, и число граней пирамиды будетъ увеличиваться, то объемъ вписанной пирамиды будетъ увеличиваться, а объемъ описанной—уменьшаться, такъ что оба эти объема будутъ стремиться къ общему предѣлу, который и есть объемъ конуса.

Теорема. *Объемъ конуса равенъ произведенію площади основанія на треть высоты.* Итакъ, мы знаемъ, что объемъ конуса есть предѣлъ объемовъ вписанныхъ пирамидъ и описанныхъ, при неограниченномъ увеличеніи числа ея граней.

Обозначимъ площадь основанія вписанной пирамиды черезъ B_1, а высоту черезъ H; тогда объемъ ея V_1 выразится формулой

$V_1 = \frac{1}{3} B_1 H$. При неограниченномъ увеличенiи числа сторонъ основанія пирамиды, площадь основанія будетъ стремиться къ предѣлу, каковой есть площадь круга, высота же будетъ величиной постоянной. Обозначимъ предѣлъ объема пирамиды, т.-е. объемъ конуса черезъ V, предѣлъ площади основанія, т.-е. площадь круга черезъ B. Тогда, согласно основному свойству предѣловъ, можемъ написать:

$$V = \frac{1}{3} BH,$$

что и требовалось доказать.

Если радіусъ основанія равенъ R, то площадь основанія равна πR^2. Тогда формула объема конуса получитъ такой видъ:

$$V = \frac{1}{3} \pi R^2 H.$$

291а. Объемъ усѣченнаго конуса. Ясно послѣ всего вышеизложеннаго, что объемъ усѣченнаго конуса есть предѣлъ объемовъ вписанныхъ (или описанныхъ) усѣченныхъ призмъ, при неограниченномъ увеличенiи числа ихъ граней. Поэтому докажемъ нижеслѣдующую теорему.

Теорема. *Объемъ усѣченнаго конуса равенъ суммѣ объемовъ трехъ конусовъ, имѣющихъ одинаковую высоту съ усѣченнымъ конусомъ, а основанія: первый—нижнее основаніе усѣченнаго конуса, второй—верхнее основаніе его, и третій—среднее пропорціональное между ними.*

Такъ какъ объемъ, о которомъ говорится въ теоремѣ, есть какъ выше указано, предѣлъ, къ которому стремится объемъ усѣченной пирамиды, то формула, выражающая объемъ этого послѣдняго, дѣйствительна и для объема усѣченнаго конуса. Конечно, въ ней надо на мѣсто всѣхъ перемѣнныхъ величинъ поставить ихъ предѣлы. Мы знаемъ, что объемъ усѣченной пирамиды (v_1) выражается формулой:

$$V_1 = \frac{1}{3} H(B_1 + b_1 + \sqrt{B_1 b_1}),$$

гдѣ H есть высота, а B_1 и b_1, суть площади верхняго и нижняго основанія. Предѣлъ, къ которому стремится V_1, есть объемъ усѣченнаго конуса V, предѣломъ B_1 и b_1 являются площади круговъ, которыя можно обозначить черезъ B и b. Величина же высоты H останется неизмѣнной. Такимъ образомъ, формула объема усѣченнаго конуса будетъ такова:

$$V = \frac{1}{3} H(B + b + \sqrt{Bb}).$$

Если R и R_1 суть радіусы верхняго и нижняго основанія конуса, то $B = \pi R^2$, $b = \pi R_1^2$. Тогда

$$V = \frac{1}{3} H (\pi R^2 + \pi R_1^2 + \sqrt{\pi R^2 \pi R_1^2} \text{ или}$$

$$V = \frac{1}{3} H (\pi R^2 + \pi R_1^2 + \pi R R_1) \text{ или, наконецъ,}$$

$$V = \frac{1}{3} \pi H (R^2 + R_1^2 + R R_1).$$

ГЛАВА XIII

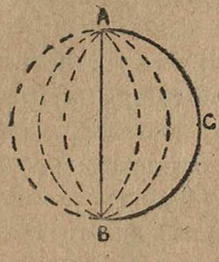
Основныя свойства шара.

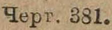
292а. Шаръ. Если мы станемъ вращать полукругъ ACB (черт. 381) вокругъ его діаметра, то дуга его ACB будетъ занимать послѣдовательно положенія, обозначенныя на нашемъ чертежѣ пунктиромъ, и

когда эта дуга придетъ на свое прежнее мѣсто, въ пространствѣ образуется нѣкоторое тѣло, которое называется *шаромъ* (черт. 382). Такимъ образомъ, *шаръ* есть *тѣло, образуемое вращеніемъ полукруга вокругъ своего діаметра.* Шаръ называется также *сферой*, а поверхность шара—*шаровой, или сферической поверхностью.*

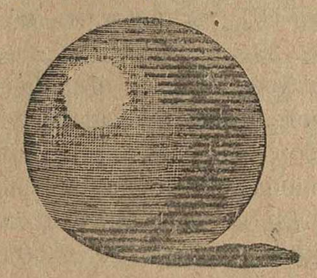
Можно сказать, такимъ образомъ, что шаровая, или сферическая поверхность есть поверхность, образуемая вращеніемъ полуокружности вокругъ діаметра ея.

Такъ какъ всѣ точки полуокружности (какъ и окружности) равно отстоятъ отъ центра, то, слѣдовательно, и всѣ точки шаро-

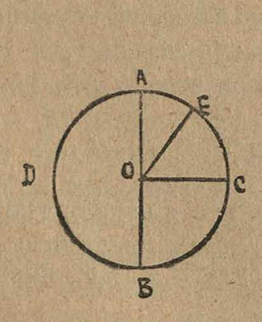
Черт. 381.

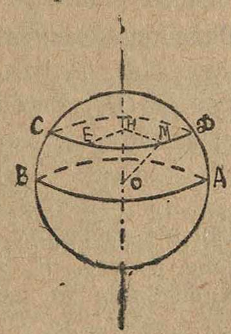
Черт. 382

вой поверхности, которая есть не что иное, какъ безконечное количество полуокружностей одного и того же діаметра, также равно отстоятъ отъ центра полуокружности, вращеніемъ которой образовалась шаровая поверхность.

Значитъ, всѣ точки шаровой поверхности равно удалены отъ *центра шара*, при чемъ прямая, соединяющая центръ шара съ какой-либо точкой поверхности, есть *радіусъ*, прямая же, соединяющая двѣ точки шаровой поверхности и проходящая при томъ черезъ центръ, есть *діаметръ шара.* Такъ, прямыя OA, OE, OC суть радіусы (черт. 383) шара, а прямая AB есть діаметръ его.

Черт. 383.

Черт. 384.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что:

1) всѣ радіусы одного и того же шара равны между собой;

2) діаметръ равенъ двумъ радіусамъ и

3) шаровая поверхность есть геометрическое мѣсто точекъ, одинаково удаленныхъ отъ одной и той же точки, называемой центромъ.

293а. Теорема. *Всякое сѣченіе шара плоскостью есть кругъ.* При доказатель-

ствѣ этой теоремы слѣдуетъ разсмотрѣть два случая: когда сѣченіе проходитъ черезъ центръ шара и когда сѣченіе не проходитъ черезъ центръ шара.

Если сѣкущая плоскость BA (черт. 384) проходитъ черезъ центръ шара O, то ясно, что всѣ точки линіи пересѣченія, которая проходитъ по шаровой поверхности, лежа на ней, равно отстоятъ отъ этого центра. Слѣдовательно, линія пересѣченія AB есть окружность, и, слѣдовательно, плоскость этого сѣченія есть кругъ.

Теперь разсмотримъ второй случай, т.-е. когда сѣкущая плоскость проходитъ не черезъ центръ шара. Проведя такую сѣкущую плоскость CD, мы опустимъ на нее изъ центра O перпендикуляръ OH (черт. 384).

Для того, чтобы убѣдиться, что линія пересѣченія CD есть окружность, возьмемъ на ней какую либо точку M и соединимъ съ центромъ O и точкой N. Такъ какъ по построенію прямая ON есть перпендикуляръ къ плоскости CD и, слѣдовательно, ко всякой прямой NM на ней, то треугольникъ ONM есть прямоугольный при точкѣ N. Такъ какъ OM есть гипотенуза, то можно написать, что

$$OM^2 = NM^2 + ON^2, \text{ откуда}$$

$MN = \sqrt{OM^2 - NM^2}$. Если бы взяли какую либо другую точку на линіи пересѣченія CD, напр., точку E, то убѣдились бы также, что разстояніе этой точки отъ точки N, т.-е. EN также равна $\sqrt{OM^2 - MN^2}$.

Такъ какъ, какую бы точку на линіи пересѣченія мы ни взяли длины OM и NM не измѣняются, то, слѣдовательно, разстояніе всякой точки линіи пересѣченія отъ точки N есть величина постоянная. А это означаетъ, что линія пересѣченія есть окружность, что и требовалось доказать.

294а. Слѣдствія. Если въ предыдущей теоремѣ назвать радіусъ шара OM черезъ R, радіусъ круга сѣченія черезъ r, а разстояніе (перпендикуляръ OH) сѣченія отъ центра черезъ d, то можно написать такое равенство:

$$r = \sqrt{R^2 - d^2}.$$

Разсматривая эту формулу, мы видимъ, что r будетъ тѣмъ больше чѣмъ меньше будетъ d, такъ какъ тогда увеличится разность $R^2 - d^2$. Наибольшая же величина и будетъ $d = o$; именно тогда $r = \sqrt{R^2 - o}$; т.-е. $r = R$.

Наоборотъ, при $d = R$, величина $r = o$. Все это можно выразить такими положеніями:

1) Радіусъ сѣченія будетъ тѣмъ больше, чѣмъ сѣченіе ближе находится къ центру шара и наоборотъ.

2) Если разстояніе сѣченія отъ центра равно нулю, то сѣченіе проходитъ черезъ центръ шара, и, значитъ, радіусъ шара равенъ радіусу сѣченія.

3) Если разстояніе сѣченія отъ центра шара равно радіусу шара,

то это означаетъ, что радіусъ сѣченія равенъ нулю, т.-е. кругъ сѣченія обращается въ точку.

Изъ всѣхъ этихъ положеній ясно, что сѣченія, равно отстоящія отъ центра шара, равны, а изъ двухъ неравныхъ сѣченій то больше, которое ближе къ центру шара.

295а. Большіе круги и ихъ свойства. Кругъ, образованный сѣченіемъ, проходящимъ черезъ центръ шара, называется *большимъ кругомъ*, въ отличіе отъ прочихъ круговъ въ шарѣ, называемыхъ *малыми*. Не трудно убѣдиться въ нижеслѣдующихъ свойствахъ большихъ круговъ а именно.

1) *Большіе круги взаимно дѣлятся пополамъ.* Въ самомъ дѣлѣ, если въ шарѣ проведены, напр., два большихъ круга, то они, имѣя общій центръ, должны имѣть линіей пересѣченія діаметръ шара. Этотъ діаметръ будетъ въ то же время и діаметромъ каждаго изъ круговъ, и, слѣдовательно, эти большіе круги будутъ дѣлиться при этомъ пополамъ.

2) *Всякій большой кругъ дѣлитъ шаръ и его поверхность пополамъ*, въ чемъ можно убѣдиться, вложивъ одну часть въ другую. При такомъ вложеніи всѣ точки одной части шара (полушарія) совмѣстятся съ другой, ибо и тѣ и другія одинаково удалены отъ центра большого круга, который разсѣкаетъ шаръ на двѣ части.

3) *Черезъ двѣ точки, взятыя на поверхности шара, можно провести окружность большого круга и при томъ только одну, если эти точки не являются концами діаметра шара.* Двѣ точки на поверхности шара и точка центра, черезъ которую большой кругъ долженъ проходить, даютъ три точки, черезъ которыя, какъ извѣстно, можно провести только одну окружность. Если же точки лежатъ на концахъ діаметра, то третья точка центра будетъ лежать съ ними на одной прямой и поэтому черезъ такія двѣ точки можно провести безконечное число окружностей (общій діаметръ).

Таковы важнѣйшія свойства большихъ круговъ.

296а. Теорема. *Кратчайшее разстояніе между двумя точками на поверхности шара есть дуга большаго круга, соединяющая эти точки.* Пусть даны на поверхности нѣкотораго шара двѣ точки A и B (черт. 385), между которыми проведена дуга большаго круга. Докажемъ, что эта дуга есть кратчайшее разстояніе между этими двумя точками, т.-е что она короче всякой другой линіи, проведенной на шаровой поверхности между этими же точками, напр., линіи n. Для этого поступаемъ такъ. Взявъ на линіи n произвольную точку C, соединяемъ ее дугами большаго круга съ точками A и B, и, кромѣ того, точки C, A и B соединяемъ съ центромъ O. Тогда получаемъ трехгранный уголъ, вершина котораго есть O, а ребра суть: OC, OA и OB.

Такъ какъ дуги, стягивающія плоскіе углы этого трехграннаго угла, суть дуги большаго круга одного и того же шара, то можно сказать, что эти плоскіе углы измѣряются дугами AB, AC и BC. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что каждый плоскій уголъ трехграннаго угла меньше суммы двухъ другихъ плоскихъ угловъ.

Поэтому надо сказать, что

$$AOB < AOC + COB$$

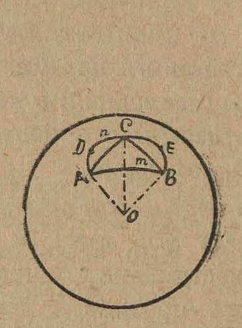
или дуга AB меньше суммы дугъ AC и CB.

Взявъ на линіи n какую либо другую точку D и проведя черезъ двѣ сосѣднія точки C и A дуги большаго круга, мы можемъ точно также доказать, что дуга AC меньше этихъ двухъ новыхъ дугъ (которыя на чертежѣ не указаны). Также проведя черезъ точку E и ей сосѣднія точки C и B дуги большаго круга, мы убѣдимся, что дуга CB меньше суммы этихъ двухъ дугъ. Итакъ, мы получили, что

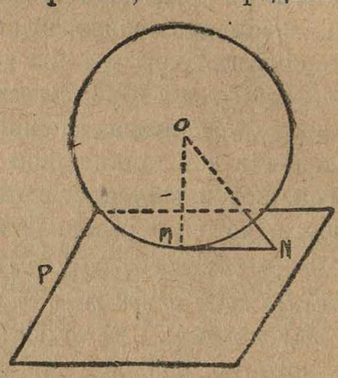
$$AB < AC + CB, \text{ причемъ } AC < AD + DC \text{ и } CB < CE + EB,$$

$$\text{т. е. } AB < AC + CB < AD + DC + CE + EB.$$

Продолжая наши разсужденія и дальше въ такомъ направленіи, мы видимъ, что n можно разсматривать, какъ предѣлъ линіи,

Черт. 385.

Черт. 386.

составленной изъ дугъ большаго круга. При этомъ дуга большаго круга AB, или m остается постоянно меньше суммы дугъ большаго круга, поэтому m и подавно меньше линіи n, проведенной на плоскости шара между точками A и B.

297а. Касательная плоскость. Если плоскость имѣетъ съ шаромъ только одну общую точку, то говорятъ, что эта плоскость—*касательная къ шару.* Общая точка плоскости и шара называется въ такомъ случаѣ *точкой касанія.* Что дѣйствительно возможно такое взаимное положеніе плоскости и шара, когда плоскость только касается шара (имѣетъ съ нимъ одну общую точку), показываетъ нижеслѣдующая теорема.

Теорема. *Всякая плоскость, перпендикулярная къ радіусу шара въ концѣ его на поверхности шара, есть касательная.*

Пусть нѣкоторая плоскость P имѣетъ общую точку M (черт. 386) съ шаровой поверхностью, при чемъ эта точка M лежитъ въ концѣ радіуса OM. Докажемъ, что въ такомъ случаѣ плоскость P есть касательная къ шару, т.-е., что она не имѣетъ болѣе ни одной точки, общей съ шаромъ. Въ самомъ дѣлѣ, взявъ какую-либо другую точку N на плоскости, мы убѣждаемся, что разстояніе ON ея отъ центра O болѣе OM. Дѣйствительно, OM и ON суть перпендикуляръ и наклонная къ одной плоскости изъ одной и той же

точки O, а перпендикуляръ короче всякой наклонной. Если же $ON > OM$, т.-е. это значитъ, что N не лежитъ на шаровой поверхности, а внѣ ея.

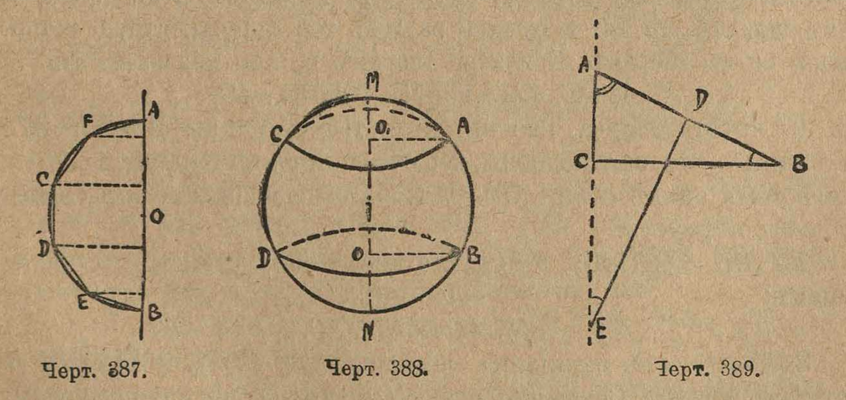
Итакъ, у плоскости P есть только одна точка, общая съ шаровой поверхностью, что и требовалось доказать.

Обратная теорема. *Всякая плоскость, касательная къ шару, перпендикулярна къ радіусу, проведенному въ точку касанія.* Всякая иная точка, помимо точки касанія, отстоитъ отъ центра на разстояніи большемъ, чѣмъ радіусъ. Поэтому можно сказать, что радіусъ есть кратчайшее разстояніе между центромъ и плоскостью. Кратчайшее разстояніе между точкой и плоскостью есть перпендикуляръ, опущенный изъ точки на плоскость. Слѣдовательно, радіусъ перпендикуляренъ къ этой плоскости.

ГЛАВА XIV.

Поверхность шара.

298a. Опредѣленія. Поверхность шара есть поверхность кривая; она не можетъ быть точно выражена при помощи квадратныхъ единицъ. Поэтому необходимо условиться, что мы будемъ понимать подъ величиной шаровой поверхности. Вспомнивъ, что было нами сказано о поверхностяхъ цилиндра и конуса, нетрудно понять, *что величиной шаровой поверхности, образуемой вращеніемъ полуокружности вокругъ діаметра, должно считать предѣлъ, къ которому стремится по-*

Черт. 387. Черт. 388. Черт. 389.

верхность, образуемая вращеніемъ вокругъ того же діаметра правильной ломанной линіи, вписанной въ эту полуокружность когда число ея сторонъ неограниченн удваивается. Такъ шаровая поверхность, образуемая вращеніемъ полуокружности AB вокругъ діаметра (черт. 387), есть предѣлъ, къ которому стремится поверхность, образуемая вращеніемъ ломанной линіи $AFCDEB$ вокругъ того же діаметра, если число сторонъ этой ломанной неограниченно увеличивается.

Если пересѣчь шаръ двумя параллельными сѣченіями, то часть шаровой поверхности, заключенная между окружностями сѣченій, называется *шаровымъ поясомъ.* или *зоной*, а окружности сѣче-

ній—*основаніями*, а разстояніе между сѣкущими плоскостями—*высотой шарового пояса.* Такъ часть поверхности шара между сѣченіями AC и BD (черт. 388) есть шаровой поясъ, сѣченія AC и BD суть основанія пояса, а перпендикуляръ OO_1—высота его.

Часть же шаровой поверхности, отсѣкаемая одной какой-либо плоскостью, называется *сегментной поверхностью*, окружность сѣченія есть ея *основаніе*, а часть радіуса отъ сѣченія до конца на поверхности шара есть ея высота. Такъ часть AMC есть сегментная поверхность, сѣченіе AC—ея основаніе, а отрѣзокъ O_1M—ея высота.

Нетрудно видѣть, что если шаровая поверхность есть поверхность вращенія полуокружности, то шаровой поясъ есть поверхность вращенія дуги AB, а сегментная поверхность — поверхность вращенія дуги MA вокругъ діаметра MN...

Чтобы опредѣлить поверхность шара и его частей, слѣдуетъ прежде всего указать вспомогательную теорему (лемму), которая даетъ возможность вычислить всѣ эти поверхности.

299а. Лемма. *Боковая поверхность каждаго изъ тѣлъ: конуса, усѣченнаго конуса и цилиндра равна произведенію высоты тѣла на длину окружности, радіусъ которой есть перпендикуляръ, возставленый изъ середины образующей тѣла до пересѣченія ея съ осью тѣла.*

Итакъ, намъ предстоитъ доказать, собственно говоря, три теоремы:

I. Пусть имѣемъ конусъ, который образуется вращеніемъ прямоугольнаго треугольника ABC вокругъ его катета AC (черт. 389)

Значитъ, у этого конуса AB есть образующая, а AC ось.

Если мы теперь возставимъ изъ середины D образующей AB перпендикуляръ ED до пересѣченія его въ точкѣ E съ продолженіемъ оси AC, то ED и будетъ радіусъ той окружности, о которой говорится въ теоремѣ. Согласно теоремѣ нужно доказать, что

$$\text{боков. пов. конуса} = 2\pi ED\,.\,AC,$$

гдѣ AC высота конуса. Разсматривая треугольники ABC и ADE, мы видимъ, что они подобны, ибо оба они прямоугольные и имѣютъ кромѣ того, одинъ общій уголъ A. Изъ подобія же ихъ, между прочимъ, слѣдуетъ:

$BC:ED = AC:AD$, откуда по извѣстному свойству пропорцій пишемъ:

$$BC\,.\,AD = ED\,.\,AC.$$

Замѣтивъ это, напишемъ обыкновенную формулу боковой поверхности конуса. Согласно общей формулѣ, боковая поверхность конуса, образованнаго вращеніемъ треугольника ACB, равна $\frac{1}{2}\,.\,2\pi BC\,.\,AB$, т.-е. половинѣ произведенія окружности основанія на апоѳему. Но $\frac{1}{2}\,2\pi\,.\,BC\,.\,AB = 2\pi BC\frac{AB}{2} = 2\pi BC\,.\,AD$, такъ какъ D есть середина AB. Итакъ

$$\text{боков. пов. конуса} = 2\pi BC\,.\,AD.$$

Однако, какъ мы видимъ, $BC\,.\,AD = ED\,.\,AC$. Поэтому можно написать, что

$$\text{бок. повер. конуса} = 2\pi ED\,.\,AC,$$

что и требовалось доказать.

II. Пусть имѣемъ усѣченный конусъ, который образованъ вращеніемъ прямоугольной трапеціи $ABCD$ (черт. 390) вокругъ стороны AD. Здѣсь образующей будетъ сторона BC, а осью сторона AD. Поэтому прямой, соединяющей средину образующей съ продолженіемъ оси, будетъ прямая EM. По теоремѣ нужно доказать, что

$$\text{бок. пов. усѣчен. конуса} = 2\pi EM \,.\, AD,$$

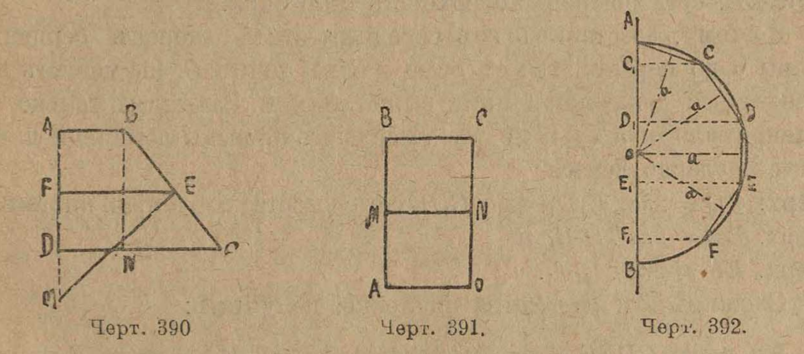
такъ какъ EM есть тотъ радіусъ, о которомъ говорится въ теоремѣ, а AD—высота усѣченнаго конуса.

Для доказательства приведемъ изъ точки B вспомогательныя прямыя: BN, перпендикулярную къ DC, и прямую EF, параллельную DC. Сравнивая затѣмъ между собой прямоугольные треугольники MFE и NBC, мы видимъ, что они подобны, такъ какъ стороны одного соотвѣтственно перпендикулярны сторонамъ другого. Изъ подобія же ихъ, между прочимъ, слѣдуетъ:

$$EF : BN = EM : BC, \text{ откуда}$$

$$EF \,.\, BC = BN \,.\, EM.$$

По общей формулѣ боковая поверхность даннаго усѣченнаго конуса $= 2\pi EF \,.\, BC$, гдѣ EF средняя линія трапеціи $ABCD$, а BC—

Черт. 390 Черт. 391. Черт. 392.

образующая. Но выше мы видѣли, что $EF \,.\, BC = BN \,.\, EM$. Значитъ боков. пов. усѣчен. кон. $= 2\pi BN \,.\, EM$.

Подставивъ, наконецъ, въ это послѣднее равенство на мѣсто BN равное ему AD, мы получимъ окончательно, что

$$\text{бок. пов. усѣчен. кон.} = 2\pi EM \,.\, AD,$$

что и требовалось доказать.

III. Наконецъ, докажемъ эту теорему относительно цилиндра. Пусть, имѣемъ цилиндръ, который образованъ вращеніемъ прямоугольника $ABCD$ (черт. 391). Перпендикуляромъ, возстановленнымъ изъ средины образующей DC, будетъ прямая MN. Ея пересѣченіе съ осью BA произойдетъ, само собой разумѣется, въ срединѣ этой оси, въ точкѣ M. Итакъ придется доказать, что

$$\text{бок. поверхность цилиндра} = 2\pi MN \,.\, CD.$$

Но это очевидно, такъ какъ $MN = AD$, а по общей формулѣ бок. пов. цил- $= 2\pi AO \,.\, CD$.

300a. Теорема. *Поверхность шарового пояса, а также сегментная поверхность равна произведенію окружности большого круга на высоту.* За величину по-

верхности шарового пояса, или сегментной поверхности, подобно шаровой поверхности, надо принимать предѣлъ, къ которому стремится поверхность, образуемая вращеніемъ ломанной линіи, вписанной въ дугу, вращеніемъ коей образуется шаровой поясъ, вокругъ того же діаметра, если число сторонъ ломанной линіи неограниченно увеличивается. Пусть надо вычислить поверхность шарового пояса, образованнаго вращеніемъ дуги CF (черт. 392). Вписавъ въ эту дугу правильную ломанную линію $CDEF$, мы будемъ имѣть въ виду, что поверхность, образуемая дугой CF, есть предѣлъ, къ которому стремится поверхность, образуемая ломанной линіей $CDEF$ при неограниченномъ увеличеніи числа ея сторонъ. Разсмотримъ поэтому, какая поверхность образуется отъ вращенія ломанной $ACDEF$ вокругъ діаметра AB. Эта поверхность состоитъ изъ поверхности, образуемой стороной CD, поверхности, образуемой стороной DE, и поверхности, образуемой стороной EF. Если мы проведемъ вспомогательныя прямыя CC_1, DD_1, EE_1 и FF_1, перпендикулярныя къ AB, то намъ ясно станетъ, что поверхность, образуемая стороной CD, равно какъ и стороной EF, суть боковыя поверхности усѣченныхъ конусовъ. Точно также поверхность, образуемая стороной DE, есть боковая поверхность цилиндра.

Поэтому, возставивъ изъ середины этихъ сторонъ перпендикуляры a до пересѣченія съ осью AB въ точкѣ O, мы можемъ воспользоваться доказанной нами выше леммой. Замѣтимъ только, что перпендикуляры a суть не что иное какъ апоѳемы ломанной линіи. Итакъ, согласно леммѣ

поверх. $CD = 2\pi a \,.\, C_1D_1$, ибо C_1D_1 есть высота усѣченной пирамиды
поверх. $DE = 2\pi a \,.\, D_1E_1$ и
поверх. $EF = 2\pi a \,.\, E_1F_1$.

Сложивъ эти равенства почленно, получимъ:

$$\text{поверх. } CDEF = 2\pi a\ (C_1D_1 + D_1E_1 + E_1F_1) = 2\pi a\, C_1F_1.$$

Теперь предположимъ, что число сторонъ ломанной линіи неограниченно удваивается. Тогда апоѳема этой ломанной будетъ стремиться къ предѣлу, который есть радіусъ шара.

Такъ какъ при всѣхъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ перемѣнныхъ величинъ боковая поверх.$=2\pi a \,.\, C_1F_1$, то, слѣдовательно, равенство не нарушится, если на мѣсто перемѣнныхъ поставить ихъ предѣлы. Поэтому

предѣлъ поверх. $CDEF = 2\pi R \,.\, C_1F_1$, или, такъ какъ предѣлъ поверх. $CDEF$ есть, какъ было указано, поверхность, образуемая дугой CF, а C_1F_1 есть ея высота, которую обыкновенно обозначаютъ буквой H, то

$$\text{поверх. шарового пояса } = 2\pi RH.$$

Но $2\pi R$ есть окружность большаго круга; значитъ, теорема доказана.

Ясно, что эта теорема примѣнима и къ сегментной поверхности. Вѣдь сегментная поверхность есть частный случай шарового пояса, когда одна изъ параллельныхъ касательная къ шару. Поэтому, сегментная поверх.$=2\pi R.H$. Въ этомъ впрочемъ можно убѣдиться

вписавъ, напр., въ дугу сегмента AD ломанную правильную ACD и разсуждая подобно предыдущему.

301а. Теорема. *Поверхность шара равна четыремъ площадямъ даннаго круга.* Послѣ всего сказаннаго эту теорему доказать очень легко. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь поверхность шара можно разсматривать, какъ шаровой поясъ, высота котораго равна діаметру, т.-е. $2R$. Поэтому, примѣнивъ къ этому шаровому поясу формулу: поверх. шаров. пояса $= 2\pi RH$, при чемъ $H = 2\pi R$, мы получаемъ такую формулу для поверхности шара:
поверх. шара $2\pi R \,.\, 2R = 4\pi R^2$, что и требовалось доказать.

Слѣдствія. Обозначивъ поверхность шара черезъ S, а діаметръ его черезъ D, мы можемъ сказать что:

1) *Поверхность шара въ зависимости отъ его діаметра выражается формулой:* $S = \pi D^2$, что слѣдуетъ изъ формулы $S = 4\pi R^2$ или такъ какъ

$$R = \frac{D}{2}, \text{ то } S = 4\pi\left(\frac{D}{2}\right)^2 = 4\pi\frac{D^2}{4} = \pi D^2 \text{ и.}$$

2) *Поверхности шаровъ относятся, какъ квадраты ихъ радіусовъ или діаметровъ.* Дѣйствительно, обозначивъ черезъ S и S_1 поверхности, черезъ R и R_1 радіусы и черезъ D и D_1 діаметры двухъ окружностей, получаемъ:

$$S = 4\pi R^2 \text{ и } S_1 = 4\pi R_1^2, \text{ откуда}$$
$$S : S_1 = 4\pi R^2 : 4\pi R_1^2 = R^2 : R_1^2. \text{ Точно также}$$
$$S : S_1 = 4R^2 : 4R_1^2 = (2R)^2 : (2R_1)^2 = D^2 : D_1^2.$$

ГЛАВА XV.

Объемъ шара.

Опредѣленія. Для того, чтобы вычислить объемъ шара, нужно предварительно умѣть вычислять объемъ его частей. Поэтому разсмотримъ эти части шара.

Прежде всего замѣтимъ, что часть шара, заключенная между параллельными плоскостями, называется *шаровымъ слоемъ.* (Боковая поверхность этого слоя есть то, что мы выше назвали шаровымъ поясомъ). Такова часть $ACBD$ (черт. 388), заключенная между плоскостями AC и BD, называемыми и здѣсь основаніями шарового слоя. Отрѣзокъ же O_1O есть высота слоя.

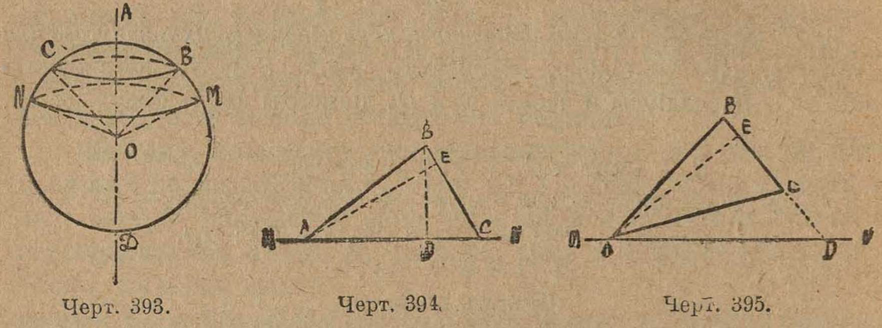
Часть шара CMA, отсѣченная плоскостью CA, называется *шаровымъ сегментомъ* (черт. 388), кругъ сѣченія AC—его *основаніемъ*, а O_1M—*высотой.*

Болѣе сложно понятіе о *шаровомъ секторѣ. Шаровой секторъ* есть *тѣло, образованное вращеніемъ кругового сектора вокругъ діаметра, не пересѣкающаго его поверхности*, такъ шаровой секторъ образуется вращеніемъ кругового сектора BOM (черт. 393) вокругъ діаметра AD или вращеніемъ кругового сектора AOB вокругъ того же діаметра AD. Въ послѣднемъ случаѣ ось вращенія совпадаетъ съ радіусомъ кругового сектора (частный случай сектора). Шаровой секторъ, образованный вращеніемъ сектора OBM, есть тѣло, ограниченное поверхностью конуса COB, конуса NOM и поверхностью шарового пояса

(отъ вращенія BM), называемой въ данномъ случаѣ *основаніемъ шарового сектора*. Шаровой секторъ, образованный вращеніемъ кругового сектора AOB есть тѣло, состоящее изъ конуса COB и шарового сегмента CAB. Въ основѣ вычисленія объема шара и его частей лежитъ слѣдующая лемма.

302a. Лемма. *Объемъ тѣла, получаемаго отъ вращенія треугольника вокругъ оси, лежащей въ плоскости треугольника и проходящей черезъ одну изъ его вершинъ, но не пересѣкающей его поверхности, равенъ произведенію поверхности, образуемой вращеніемъ противоположной этой вершинѣ стороны на одну треть высоты опущенной на эту сторону.* При доказательствѣ этой теоремы возможны три случая.

I. Ось вращенія, проходя черезъ вершину, совпадаетъ съ одной стороной треугольника Итакъ, пусть нѣкоторый треугольникъ ABC вращается воскругъ оси MN (черт. 394), проходящей черезъ вершину A и совпадающей со стороной его AC. Всматриваясь въ чертежъ,

Черт. 393. Черт. 394. Черт. 395.

мы видимъ, что тѣло, образованное въ этомъ случаѣ вращеніемъ треугольника, состоитъ изъ двухъ конусовъ, которые образуются вращеніемъ прямоугольныхъ треугольниковъ ABD и CBD Радіусъ основанія этихъ конусовъ равенъ BD, высота одного AD, а другого DC. Поэтому пишемъ:

$$\text{об. } ABC = \frac{1}{3}\pi BD^2 \,.\, AD + \frac{1}{3}\pi BD^2 \,.\, DC = \frac{1}{3}\pi BD^2\,(AD + DC) =$$
$$= \frac{1}{3}\pi BD^2 \,.\, AC.$$

Опустивъ изъ точки A высоту AE на сторону BC, мы видимъ, что $BD \,.\, AC = AE \,.\, BC$, такъ какъ каждое изъ этихъ произведеній выражаетъ двойную площадь треугольника ABC. Поэтому, замѣняя одно произведеніе другимъ, находимъ, что

$$\text{об. } ABC = \frac{1}{3}\pi BD \,.\, AE \,.\, BC = \pi BD \,.\, BC \frac{AE}{3}.$$

Такъ какъ BD есть радіусъ основанія конуса, а BC его образующая, то $\pi BD \,.\, BC$. есть выраженіе боковой поверхности конуса, образуемаго вращеніемъ CBD. Значитъ,

$$\text{об. } ABC = (\text{пов. } BC)\,\frac{AE}{3}.$$

Такъ какъ BC есть сторона, противоположная вершинѣ A, а AE есть перпендикуляръ, опущенный на эту сторону, то теорема доказана.

II. Ось вращенія не совпадетъ ни съ одной стороной и не

параллельна и, слѣдовательно, проходитъ только черезъ одну вершину.

Пусть, напр., треугольникъ ABC вращается вокругъ оси MN, проходящей черезъ вершину его A, но не совпадающей съ AC и не параллельной BC (черт. 395). Замѣтимъ, что стороной, противоположной вершинѣ A, будетъ BC, а AE есть высота, опущенная на эту сторону.

Продолживъ сторону BC до пересѣченія ея съ осью MN въ точкѣ D, мы видимъ, что объемъ тѣла, получаемаго отъ вращенія треугольника ABC, есть разность объемовъ тѣлъ, образованныхъ вращеніемъ треугольниковъ ABD и ACD. Но, согласно только что доказанному,

$$\text{об. } ABD = (\text{пов. } BD) \cdot \frac{AE}{3}, \text{ а об. } ACD = (\text{пов. } CD) \cdot \frac{AE}{3}.$$

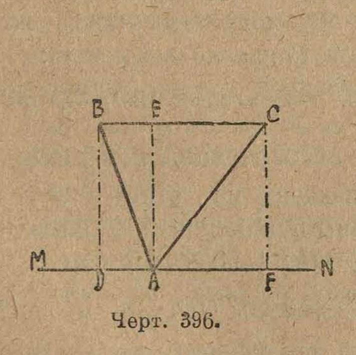
Поэтому

$$\text{об. } ABC = (\text{пов. } BD) \cdot \frac{AE}{3} - (\text{пов. } CD) \cdot \frac{AE}{3} = (\text{пов. } BD - \text{пов. } CD)\frac{AE}{3}.$$ Но пов. BD — пов. CD = пов. BC. Значитъ,

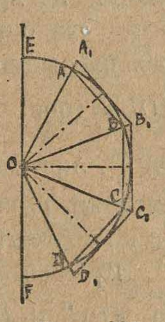
$$\text{об. } ABC = (\text{пов. } BC) \frac{AE}{3},$$

что и требовалось доказать.

III. Ось проходитъ черезъ одну вершину и параллельна сторонѣ, противоположной этой вершинѣ. Если треугольникъ ABC вращается вокругъ оси MM такъ, что вершина A лежитъ на оси,

Черт. 396.

Черт. 397.

а сторона BC параллельна этой оси (черт. 396), то объемъ тѣла, получаемаго отъ вращенія ABC, будетъ равѣнъ объему цилиндра, получаемаго отъ вращенія прямоугольника $DBCF$, безъ объемовъ конусовъ, получаемыхъ отъ вращенія треугольниковъ AFC и DAB.

$$\text{Объемъ цилиндра} = \pi AE^2 \cdot BC,$$

$$\text{об. кон. } AFC = \tfrac{1}{3}\pi CF^2 \,.\, AF = \tfrac{1}{3}\pi AE^2 \,.\, AF, \text{ т. к. } CF = AE.$$

$$\text{об. кон. } DAB = \tfrac{1}{3}\pi DB^2 \,.\, DA = \tfrac{1}{3}\pi AE^2 \; DA, \text{ т. к. } DB = AE$$

Поэтому

$$\text{объемъ } ABC = \pi AE^2 \,.\, BC - \tfrac{1}{3}\pi AE^2 \,.\, AF - \tfrac{1}{3}\pi AE^2 \,.\, DA = \pi AE^2 (BC - \tfrac{1}{3} AF - \tfrac{1}{3} DA) = \pi AE^2 [BC - \tfrac{1}{3}(AF + DA)] = \pi AE^2 \,.\, (BC - \tfrac{1}{3} BC),$$ т.-е.

объемъ $ABC = \pi . AE^2 . \frac{2}{3} BC = 2\pi . AE^2 . \frac{BC}{3}$, что можно представить еще и въ такомъ видѣ:

$$об.\ ABC = 2\pi . AE . BC . \frac{AE}{3}.$$

Разсматривая правую часть послѣдняго равенства, мы видимъ, что $2\pi AE . BC$ есть величина боковой поверхности цилиндра, которая образуется вращенiемъ стороны BC.

Слѣдовательно,

об. $ABC =$ (пов. BC) $\frac{AE}{3}$, т.-е. теорема доказана.

303а. Теорема. *Объемъ шарового сектора равенъ произведенiю поверхности шарового пояса, служащаго ему основанiемъ, на треть радiуса.* Разсмотримъ тотъ случай, когда радiусъ кругового сектора не совпадаетъ съ осью вращенiя. Для этого возьмемъ шаровой секторъ, получаемый отъ вращенiя кругового сектора AOD. Впишемъ въ эту дугу AD правильную ломанную линiю $ABCD$, причемъ число сторонъ ломанной можетъ быть совершенно произвольно (черт. 397). Если станемъ вращать получившiйся многоугольный секторъ, то получится нѣкоторое тѣло, причемъ объемъ всѣхъ его составныхъ частей мы можемъ, согласно предыдущей леммѣ, легко опредѣлить. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно видѣть, что объемъ тѣла, получаемый отъ вращенiя $OABCD$ вокругъ EF, — обозначимъ этотъ объемъ черезъ V_1 — состоитъ изъ суммы объемовъ, получаемыхъ отъ вращенiя треугольниковъ AOB, BOC, COD вокругъ той же оси. Замѣтимъ, что ось вращенiя проходитъ черезъ одну изъ вершихъ этихъ треугольниковъ, не проходя черезъ ихъ поверхность, и намъ станетъ ясно, что для опредѣленiя объемовъ этихъ тѣлъ можно воспользоваться предыдущей леммой. Согласно же леммѣ:

об. $AOB =$ (пов. AB) $\frac{a}{3}$, об. $BOC =$ (пов. BC) $\frac{a}{3}$, об. $COD =$ $=$ (пов. CD) $\frac{a}{3}$, причемъ a есть апоѳема ломанной линiи, которая, конечно, служитъ высотой для каждаго изъ этихъ треугольниковъ (высоты эти на чертежѣ обозначены пунктиромъ). Такимъ образомъ:

$$V_1 = об.\ AOB + об.\ BOC + об.\ COD,\ \text{или}$$

$$V_1 = (пов.\ AB)\frac{a}{3} + (пов.\ BC)\frac{a}{3} + (пов.\ CD)\frac{a}{3} = (пов.\ ABCD)\frac{a}{3}.$$

Затѣмъ опишемъ ломанную правильную же линiю, причемъ для удобства сдѣлаемъ это такъ, чтобы стороны обѣихъ ломанныхъ линiй были параллельны. Пусть описанная ломанная линiя есть $A_1B_1C_1D_1$.

Отъ вращенiя сектора $OA_1B_1C_1D_1$ получится тѣло, объемъ котораго обозначимъ черезъ V_2 и которое состоитъ изъ объемовъ получаемыхъ отъ вращенiя треугольниковъ A_1OB_1, B_1OC_1 и C_1OD_1 Поэтому, подобно предыдущему, можно написать:

$$V_1 = об.\ A_1OB_1 + об.\ B_1OC_1 + об.\ C_1OD_1\ \text{или}$$

$$V_2 = (пов.\ A_1B_1)\frac{R}{3} + (пов.\ B_1C_1)\frac{R}{3} + (пов.\ C_1D_1)\frac{R}{3} = (пов.\ A_1B_1C_1D_1)\frac{R}{3},$$

такъ какъ высотами этихъ треугольниковъ, или апоѳемой описанной ломанной линiи будетъ радiусъ (R), который больше a.

Теперь предположимъ, что стороны вписанной и описанной ломанныхъ линій неограниченно удваиваются. Ясно, что въ такомъ случаѣ объемъ V_1 будетъ увеличиваться, а объемъ V_2 уменьшаться, причемъ поверхности $ABCD$ и $A_1B_1C_1D_1$ будутъ стремиться къ общему предѣлу, который есть поверхность шарового пояса, образованнаго вращеніемъ дуги AD; радіусъ R, конечно, не измѣнится, апоѳема a будетъ стремиться также къ предѣлу, который есть R. Поэтому можно сказать, что

$$\text{пред. } V_1 = (\text{пов. } AD)\,\frac{R}{3} \text{ и пред. } V_2 = (\text{пов. } AD)\,\frac{R}{3}, \text{ откуда}$$

$$\text{пред. } V_1 = (\text{пов. } AD)\,\frac{R}{3} = \text{пред. } V_2.$$

Въ только что выведенномъ равенствѣ мы писали пред. V_1, пред. V_2. Надо теперь доказать, что общій предѣлъ есть объемъ шарового сектора, который обозначимъ черезъ V.

Въ самомъ дѣлѣ ясно, что $V > V_1$ и $V_2 > V$ и, наконецъ, $V_2 > V_1$. Изъ трехъ разностей самая большая есть $V_2 - V_1$, но и она, какъ мы видѣли, только что стремится къ нулю, ибо V_2 и V_1 стремятся къ общему предѣлу. Значитъ, меньшія разности $V - V_1$ и $V_2 - V$ и подавно стремятся къ нулю. Слѣдовательно, можно сказать, что V есть общій предѣлъ V_1 и V_2. Выше мы вывели, что

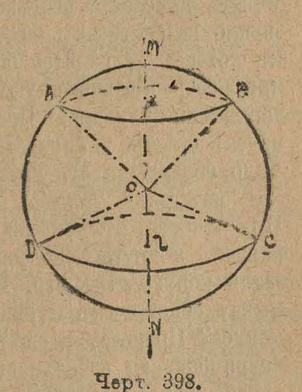
$$\text{пред. } V_1 = (\text{пов. } AD)\,\frac{R}{3},$$

$$\text{но пред. } V_1 = V. \text{ Поэтому}$$

$$V = (\text{пов. } AD)\frac{R}{3},$$

что означаетъ: *объемъ шарового сектора равенъ произведенію поверхности шарового пояса* (AD) *на треть радіуса*, а это и требовалось доказать.

Способъ доказательства не измѣнятся, если бы мы взяли такой секторъ, у котораго радіусъ совпадаетъ съ осью вращенія, такъ какъ предыдущей леммой предусмотрѣны и объемы, получаемые отъ вращенія треугольниковъ, одна сторона которыхъ совпадаетъ съ осью вращенія.

Черт. 398.

Такъ какъ поверхность шарового пояса равна $2\pi RH$, то формула, выведенная нами для объема шарового сектора, получаетъ такой видъ:

$$V = 2\pi RH \,.\, \frac{R}{3} = \frac{2}{3}\pi R^2 H.$$

304а. Теорема. *Объемъ шара равенъ произведенію его поверхности на треть радіуса.* Такъ какъ шаръ можетъ быть разбитъ на нѣсколько секторовъ, то, слѣдовательно, объемъ шара, можно опредѣлить какъ сумму этихъ секторовъ. Такъ объемъ шара состоитъ изъ объемовъ шаровыхъ секторовъ, получаемыхъ отъ вращенія круговыхъ секторовъ MOB, BOC и CON (черт. 398). Но, какъ мы только что доказали,

$$\text{об. шар. сект. } MOB = (\text{пов. } MB)\,\frac{R}{3}, \text{ об. шар. сект. } BOC =$$

$= (\text{пов. } BC)\frac{R}{3}$ и об. шар. сект. $CON = (\text{пов. } NC)\frac{R}{3}$.

Слѣдовательно,

$$\text{объемъ шара} = (\text{пов. } MB)\frac{R}{3} + (\text{пов. } BC)\frac{R}{3} + (\text{пов. } CN)\frac{R}{3} =$$
$$= (\text{пов. } MBCN)\frac{R}{3}.$$

Но поверхность, образуемая вращеніемъ полуокружности $MBCN$, есть поверхность шара.

Значитъ, об. шара = (поверх. шара) $\frac{R}{3}$.

Такъ какъ поверхность шара $= 4\pi R^2$, то

$$\text{об. шара} = 4\pi R^2 \cdot \frac{R}{3} = \frac{4}{3}\pi R^3.$$

Слѣдствіе. Если объемы двухъ шаровъ суть V и V_1, радіусы R и R_1 а діаметры D и D_1, то $V = \frac{4}{3}\pi R^3$ и $V_1 = \frac{4}{3}\pi R_1^3$. Откуда $V : V_1 = \frac{4}{3}\pi R^3 : \frac{4}{3}\pi R_1^3 = R^3 : R_1^3$. Точно такъ-же $V : V_1 = R^3 : R_1^3 = 8R^3 : 8R_1^3 = (2R)^3 : (2R_1)^3 = D^3 : D_1^3$ — что означаетъ, что объемы двухъ шаровъ относятся, какъ кубы ихъ радіусовъ или діаметровъ.

Повторительные вопросы и отвѣты.

1) Что называется цилиндромъ? Тѣло, получаемое отъ вращенія прямоугольника вокругъ одной изъ его сторонъ. 2) Что такое ось цилиндра? Та сторона его, вокругъ которой прямоугольникъ, образующій цилиндръ, вращается. 3) Какъ называется боковая поверхность цилиндра? Цилиндрической поверхностью. 4) Какъ называется прямая, вращеніемъ коей образуется цилиндрическая поверхность? *Образующей.* 5) Какіе цилиндры называются прямыми? Тѣ, у которыхъ плоскости основаній перпендикулярны къ оси и образующей. 6) Какъ можно разсматривать величину боковой поверхности цилиндра? Какъ предѣлъ, къ которому стремится боковая пове хность вписанной (или описанной) призмы при неограниченномъ увеличеніи числа ея сторонъ. 7) Чему равна боковая поверхность цилиндра? Произведенію окружности основанія на высоту. 8) Чему равенъ объемъ цилиндра? Произведенію площади основанія на высоту. 9) Какое тѣло образуется отъ вращенія прямоугольнаго треугольника вокругъ одногоизъ его катетовъ? *Конусъ.* 10) Что вообще называетея *конической поверхностью?* Поверхность, получаемая отъ вращенія прямой, одинъ конецъ которой неподвиженъ, а другой скользитъ по какой нибудь кривой. 11) Что называется высотой конуса? Ось его. 12) Что такое *усѣченный* конусъ? Часть его, заключенная между основаніемъ и сѣкущей плоскостью. 13) Чему равна боковая поверхность конуса? Произведенію окружности основанія на половину образующей. 14) Чему равна боковая поверхность усѣченнаго конуса? Произведенію полусуммы окружности обоихъ основаній на образующую. 15) Чему равенъ объемъ конуса? Произведенію площади основанія на треть высоты. 16) Изъ какихъ объемовъ составляется объемъ усѣченнаго конуса? Изъ объемовъ трехъ конусовъ, имѣющихъ одинаковую высоту съ усѣченнымъ конусомъ, а основанія: первый — нижнее основаніе усѣченнаго конуса, второй—верхнее его основаніе, а третій—среднее пропорціональное между ними. 17) Какъ называется тѣло, образуемое отъ вращенія полукруга вокругъ его діаметра? *Шаромъ* или *сферой.* 18) Что называется центромъ шара? Точка, отъ которой равно стоятъ всѣ точки шаровой поверхности. 19) Что называется большимъ кругомъ? Кругъ сѣченія шара, проходящій черезъ центръ его. 20) Что является кратчайшимъ разстояніемъ между двумя точками на поверхности шара? Дуга большого круга, соединяющая эти точки.

Русская хрестоматія.

Субъективизмъ въ творчествѣ Лермонтова.

Планъ.

Вступленіе. Субъективный характеръ поэзіи Лермонтова, какъ отличительная черта его творчества.

Изложеніе. Отраженіе въ творчествѣ поэта его личныхъ душевныхъ переживаній:

1) Отраженіе въ душевныхъ переживаніяхъ героевъ мыслей самого поэта о своей избранности;

2) Мрачный и меланхолическій характеръ его лирики, какъ слѣдствіе его собственнаго характера;

3) Тоскливо-злобная разочарованность его героевъ, какъ слѣдствіе его собственной озлобленности и разочарованности;

4) Неясность и неопредѣленность стремленій его героевъ, какъ слѣдствіе неясности и неопредѣленности его собственныхъ идеаловъ и

5) Умиротворяющее дѣйствіе природы на его героевъ, какъ слѣдствіе умиротворяющаго дѣйствія природы на самого поэта.

Заключеніе. Общая оцѣнка Лермонтова, какъ писателя-субъективиста.

Отличительнымъ свойствомъ творчества Пушкина является его глубокая *объективность*; поэтъ, какъ личность, какъ бы вовсе исчезаетъ за созданными имъ фигурами и картинами; онъ обладаетъ особенной способностью перевоплощаться, проникаться *чужимъ* духомъ и воплощать его въ своихъ созданіяхъ. Вся же поэзія Лермонтова, въ противоположность поэзіи Пушкина, проникнута духомъ глубокой *субъективности.* На всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ яркій отпечатокъ его личности, его *собственнаго* духа, своихъ героевъ онъ обыкновенно дѣлалъ носителями собственныхъ чувствъ и настроеній; байроническій идеалъ поэтому такъ занималъ воображеніе Лермонтова, что онъ былъ близокъ его собственному душевному настроенію, въ себѣ самомъ онъ находилъ соотвѣтствующія черты. И, дѣйствительно, если не считать особнякомъ стоящей и строго выдержанной въ эпическомъ тонѣ превосходной „Пѣсни про царя Ивана Васильевича", то всѣ остальныя его произведенія, большія и малыя либо носятъ ясно и отчетливо выступающій автобіографическій характеръ, либо отражаютъ въ своихъ герояхъ

наиболѣе характерныя душевныя свойства и переживанія самого Лермонтова. Въ чемъ же выражается этотъ субъективизмъ въ творчествѣ столь богато одареннаго поэта?

Большинство героевъ Лермонтова одарены необыкновенными душевными силами, безразлично къ тому, на что направлены эти силы: на добро или на зло. Въ мірѣ дряблости, малодушія и мелочной удовлетворенности, они—люди незаурядные, безпокойные и мятежные, вѣчно борющіеся, рвущіеся къ свободѣ, вполнѣ естественно, что считаютъ себя натурами избранными; они стоятъ выше толпы, выше всѣхъ окружающихъ, а потому и одиноки въ многолюдствѣ, всѣмъ чужды, всѣми непоняты. Таковы демоническіе герои Лермонтова, таковъ и самъ поэтъ. Тяжела, полна душевныхъ терзаній и мукъ жизнь поэта, какъ и жизнь его героевъ, среди „жалкихъ, малодушныхъ, каменныхъ сердецъ“, жизнь въ мірѣ, гдѣ

„Носитъ все печать проклятья,
Полны ядомъ всѣ объятья,
Счастья безъ обмана нѣтъ“.

Такія натуры не находятъ себѣ мѣста въ этомъ ничтожномъ мірѣ, и въ одномъ стихотвореніи поэтъ говоритъ о себѣ:

„Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ“...

Субъективный характеръ творчества Лермонтова сказался и въ особенномъ богатствѣ его лирики. Лирика Лермонтова отличается глубокой искренностью настроенія. Насколько сдержанъ и замкнутъ былъ Лермонтовъ въ жизни, настолько откровененъ онъ въ своей поэзіи. Въ многочисленныхъ лирическихъ стихотвореніяхъ поэта отразились перемѣны его личной судьбы, его думы и чувства; по нимъ можно шагъ за шагомъ прослѣдить всю его жизнь, такъ что лирика Лермонтова является какъ бы его поэтической автобіографіей. Общій характеръ лирики Лермонтова— мрачный и меланхолическій. И если тутъ сыграло свою роль и вліяніе Байрона, вообще литературныхъ образцовъ, слѣдовавшихъ началамъ поэзіи „міровой скорби“, то и въ значительной степени отразилось вліяніе собственнаго жизненнаго опыта (семейный разладъ, несчастная любовь). Душевный разладъ, чувство одиночества, мрачная разочарованность—таково было настроеніе поэта въ жизни таковые обычные мотивы его лирики.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вѣчно желать?..
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!
Любить... но кого же? на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя-ли заглянешь,—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все такъ ничтожно..

Что страсти?—вѣдь, рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманіемъ вокругъ
Такая пустая и глупая шутка!

Такимъ настроеніемъ проникнуто большинство лирическихъ стихотвореній Лермонтова. Однимъ изъ главныхъ источниковъ такого тяжелаго настроенія было отношеніе поэта къ современному обществу, которое онъ ошибочно отожествлялъ съ тѣмъ свѣтскимъ аристократическимъ кругомъ, среди котораго вращался, и который относился къ самолюбивому и гордому поэту весьма недоброжелательно, даже враждебно. Въ стихотвореніи „Дума“ Лермонтовъ даетъ общую характеристику своего поколѣнія, которое онъ обвиняетъ въ томъ, что оно „къ добру и злу постыдно и равнодушно“, что оно неспособно ни вѣрить, ни любить, что существованіе его безсодержательно и безплодно.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Поэтъ не находитъ вокругъ себя ничего такого, что онъ могъ бы уважать, во что могъ бы вѣрить: онъ во всемъ извѣрился, и міръ для него „и пустъ, и скученъ“. Такой же разочарованностью страдаетъ и большинство героевъ Лермонтовскихъ произведеній; и у нихъ, какъ у самого поэта, эта разочарованность носитъ тоскливо-злобный характеръ. Таковы Арбенинъ, Печоринъ и другіе. Они тоскуютъ въ окружающей ихъ обстановкѣ, имъ тѣсно въ ней, и они рвутся изъ нея на какой-то имъ самимъ невѣдомый просторъ, но въ то же время они не находятъ въ себѣ силъ, дѣйствительно, разорвать съ своимъ обществомъ и уйти изъ него: они сознаютъ внутреннюю противорѣчивость своихъ часто мѣняющихся стремленій, они чувствуютъ, что безсильны разорвать путы мучащаго ихъ душевнаго разлада и обрѣсти цѣльное и гармоническое „я“, поэтому они раздражаются, злятся на себя, а еще болѣе на окружающихъ. И свое разочарованіе, свою тоску они вымещаютъ на другихъ, подчасъ на самыхъ жалкихъ и презираемыхъ ими людяхъ. Присматриваясь къ разочарованности демоническихъ натуръ, такъ охотно выводимыхъ Лермонтовымъ въ своихъ произведеніяхъ, мы видимъ, что источники ея тѣ же, что и у самого ихъ творца. Въ самомъ дѣлѣ, крушеніе какихъ именно идеаловъ породило тоску Лермонтовскихъ героевъ? Въ чемъ разочаровались всѣ эти демоны и демоническіе люди? Какое добро пытались они внести своей жизнью и дѣятельностью въ окружающее ихъ общество? Опредѣленнаго отвѣта на всѣ эти вопросы мы не находимъ ни въ собственной жизни поэта, ни у его героевъ. Поэтъ, дѣйствительно,

былъ слишкомъ уменъ, чувствовалъ въ себѣ большія дарованія, а, съ другой стороны, слишкомъ хорошо зналъ „свѣтъ“, чтобы не понимать всей безсодержательности, всей пустоты свѣтской жизни; его, дѣйствительно, тянуло къ чему-то большему, чѣмъ балы, пирушки и прочія развлеченія „золотой молодежи“, но его стремленія были смутны, неясны для него самого; поэтъ находился подъ властью охватывавшаго его настроенія и соотвѣтственно этому мѣнялись его взгляды на жизнь, его отношенія къ тѣмъ или другимъ явленіямъ; соотвѣтственно этому сегодня онъ видѣлъ смыслъ жизни въ одномъ, завтра—въ другомъ; цѣльности, устойчивости чувствъ и воззрѣній не было. Въ такихъ случаяхъ одинъ только общественный идеализмъ способенъ заполнить существованіе человѣка съ повышенными духовными запросами. Но общественные интересы были чужды Лермонтову, выросшему въ эгоистической сосредоточенности въ себѣ самомъ, въ постоянномъ душевномъ раздвоеніи самолюбца, жаждущаго во всемъ играть первую роль если же вскользь появлялось у поэта сочувствіе тому или другому общественному идеалу, то назавтра онъ сжигалъ то, чему поклонялся сегодня: въ душѣ его происходили постоянныя колебанія—мѣнялись настроенія, мѣнялись воззрѣнія, мѣнялись идеалы; опредѣленнаго, устойчиваго общественнаго міросозерцанія онъ въ себѣ выработать не смогъ. Результатомъ этой бездѣятельности и не имѣющей ясныхъ цѣлей внутренней борьбы поэта являлось его тоскливое разочарованіе въ себѣ самомъ, которое онъ, безъ достаточныхъ къ тому основаній, переносилъ на всѣхъ окружающихъ, на все общество. Тѣ же душевныя черты въ связи съ той же неясностью стремленій мы находимъ и въ герояхъ Лермонтова, въ большей или меньшей степени являющихся его портретомъ и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ. Если параллельно прослѣдить психологическія переживанія самого поэта въ различные періоды его жизни, съ одной стороны, и цѣлую галлерею созданныхъ имъ типовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ другой, то мы убѣдимся, что тотъ или другой герой является отраженіемъ душевнаго міра Лермонтова въ соотвѣтственный моментъ; творчество и жизнь Лермонтова едины. Правда, одно положительное стремленіе жило еще съ дѣтства въ душѣ поэта—это его любовь къ природѣ, которой онъ могъ любоваться, съ которой онъ могъ сливаться воедино — передъ ея красотами, въ ея объятіяхъ онъ забывалъ свою душевную раздвоенность и муки неудовлетвореннаго самолюбія. Какъ „пророкъ“ Лермонтова удаляется отъ не признававшаго его общества „въ пустыню“ такъ самъ поэтъ ищетъ себѣ утѣшенія въ живомъ единеніи съ природой. Любовь къ природѣ является однимъ изъ самыхъ богатыхъ источниковъ вдохновенія для Лермонтова: во всѣхъ его произведеніяхъ разбросаны великолѣпныя картины природы; ея изображенію посвящены многія самостоятельныя стихотворенія; на лонѣ природы поэтъ всегда находилъ себѣ успокоеніе и примиреніе съ жизнью. Такое отношеніе къ природѣ Лермонтовъ запечат

лѣлъ и въ цѣломъ рядѣ своихъ героевъ: всѣ нарисованныя имъ демоническія натуры глубоко, страстно любятъ природу, и въ ней, только въ ней находятъ желанный покой ихъ тоскующія души.

Таковы, въ существенныхъ чертахъ, проявленія субъективизма въ литературномъ творчествѣ Лермонтова, превращающія всю его лирическую поэзію въ воплощеніе личныхъ переживаній самого поэта, а большинство созданныхъ имъ художественныхъ образовъ въ полные или частичные автопортреты, т. е. портреты съ самого себя. Что же далъ Лермонтовъ русскому обществу, какъ поэтъ-субъективистъ? Та страстная искренность, съ которой онъ раскрывалъ въ своемъ творчествѣ свою душу, душу сына своей эпохи, общественныхъ условій своего времени, должна была заражать читателей и, дѣйствительно, ихъ заражала тѣмъ недовольствомъ современностью, той жаждой великаго дѣла, той „мятежной кручиной“, которая кипѣла въ душѣ поэта. Въ произведеніяхъ Лермонтова, этихъ „исповѣдяхъ“ мятущейся души молодыя поколѣнія не находили опредѣленныхъ положительныхъ идеаловъ, но они находили въ нихъ протестъ противъ несоотвѣтствія личной и общественной жизни своего времени идеаламъ вообще; этотъ отрицательный протестъ они подхватывали, и это давало имъ толчекъ къ поискамъ положительныхъ идеаловъ, толчекъ къ дѣятельному вмѣшательству въ ходъ общественной жизни.

Общая характеристика помѣщиковъ по «Мертвымъ душамъ» Гоголя.

Планъ.

Вступленіе. Поэма Гоголя „Мертвыя души“, какъ источникъ знакомства съ помѣщичьей жизнью 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Изложеніе. Характеристика помѣщиковъ по „Мертвымъ душамъ“:

1) крѣпостническое хозяйничанье помѣщиковъ,
2) пошлость и безсодержательность изъ жизни,
3) ихъ некультурность и грубость,
4) отсутствіе какихъ бы то ни было духовныхъ запросовъ,
5) низкій уровень ихъ умственнаго и нравственнаго развитія,
6) извращеніе ихъ душевнаго міра: скупость однихъ и расточительность другихъ, какъ слѣдствіе этого.

Заключеніе. Помѣщики изъ „Мертвыхъ душъ“ — воистину мертвыя души.

Лирическія отступленія въ поэмѣ Гоголя «Мертвыя души».

Планъ.

Вступленіе. „Мертвыя души“ Гоголя, какъ эпическая поэма часто прерывающаяся важными для опредѣленія міросозерцанія поэта лирическими отступленіями.

Изложеніе. Лирическія отступленія въ поэмѣ „Мертвыя души“:

1) отступленія, относящіяся къ мѣстнымъ воспоминаніямъ Гоголя,
2) отступленія, въ которыхъ выражается любовь поэта къ родинѣ и ко всему русскому,
3) отступленія, выражающія взгляды Гоголя на художника и искусство,
4) отступленія, выражающія взгляды Гоголя на созданные имъ самимъ образы,
5) отступленія, представляющія обращенія Гоголя къ юношеству и ко всей Руси.

Заключеніе. Общая оцѣнка поэмы „Мертвыя души“, какъ произведенія, отразившаго самыя задушевныя чувства Гоголя.

Особенности творчества Гоголя, отразившіяся въ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ въ „Мертвыхъ душахъ“.

Планъ.

Вступленіе. Общія понятія о характерѣ творчества Гоголя.

Изложеніе. Особенности Гоголевскаго творчества, проявившіяся въ „Мертвыхъ душахъ“:

1) психологическій анализъ,
2) знакомство со средой, изъ которой вышли его герои,
3) обобщеніе и типичность дѣйствующихъ лицъ.

Заключеніе. Какіе типы въ „Мертвыхъ душахъ“ особенно удались Гоголю?

Гоголь былъ художникомъ-юмористомъ; по собственному его выраженію, онъ озиралъ жизнь сквозь „видимый міру смѣхъ и невидимыя, незримыя ему слезы“. Такимъ образомъ, сущность юмористическаго направленія характеризуется двумя главными чертами: видимой насмѣшкой надъ изображаемыми лицами или предметами и внутреннимъ, душевнымъ къ нимъ сочувствіемъ, увѣренностью, что при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ они были бы значительно лучше. Много такого юмора въ лирическихъ отступленіяхъ, часто встрѣчающихся у Гоголя; а чистый юморъ, внѣ лирическихъ отступленій, отличается эпическимъ спокойствіемъ общаго тона, и такимъ юморомъ пропитано все творчество Гоголя.

Всѣ эти особенности Гоголевскаго творчества мы находимъ и въ „Мертвыхъ душахъ“, но здѣсь, при созданіи характеровъ дѣйствующихъ лицъ, выступаютъ новыя черты, не менѣе важныя для опредѣленія степени художественнаго таланта и лучшаго знакомства съ нравственной личностью поэта, его чаяніями и думами. Смѣясь надъ своими героями (напр., надъ Чичиковымъ или Плюшкинымъ), Гоголь не только изображаетъ ихъ характеръ, привычки, цѣли и стремленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, почему они сдѣлались такими, а не иными, указываетъ причины образованія въ нихъ той или иной черты характера, объясняетъ, какимъ обра-

зомъ они дошли до такого нравственнаго паденія, т. е., выражаясь научнымъ языкомъ, даетъ психологическій анализъ своихъ героевъ, изслѣдуетъ ихъ душу. Такъ, говоря о стремленіи Чичикова сдѣлаться богатымъ, о жаждѣ его къ пріобрѣтеніямъ хотя бы даже путемъ мошенничества, Гоголь развертываетъ предъ читателемъ картину его дѣтства, которая даетъ ключъ къ пониманію этой черты характера Чичикова; такъ, описывая скупость Плюшкина, поэтъ указываетъ намъ на обстоятельства его жизни, на несчастія, его постигавшія, и это значительно облегчаетъ пониманіе типа читателю, недоумѣвающему предъ той извращенностью человѣческой натуры, которая характеризуетъ Плюшкина.

Въ самомъ дѣлѣ, самые веселые годы своего дѣтства мальчикъ провелъ за писаніемъ скучныхъ прописей, поощряемый со стороны жестокаго и угрюмаго отца постояннымъ драньемъ за уши; ласки и нѣжности онъ не зналъ, приличнаго нравственнаго воспитанія онъ не получилъ; съ ранняго же дѣтства отецъ внушалъ ему, что всѣ блага міра даются за деньги, и поэтому весь смыслъ жизни только въ пріобрѣтеніи денегъ. И вотъ юноша принимаетъ эти наставленія къ свѣдѣнію, на школьной скамьѣ проявляетъ уже коммерческія наклонности и ловкость обращенія съ людьми (съ учителемъ, съ старымъ повытчикомъ), способность ихъ провести и приспособляться при всякомъ удобномъ для себя случаѣ. И вотъ Чичиковъ благополучно кончилъ школу. Конечно, при обстоятельствахъ, подобныхъ чичиковскимъ, не всѣ становились пріобрѣтателями: одни спивались, другіе пробавлялись мелкими взятками, а многіе, вопреки обстоятельствамъ, становились и честными людьми; большое значеніе имѣлъ тутъ и складъ природныхъ, враждебныхъ наклонностей Павла Ивановича, но обстоятельства все же оказали громадное вліяніе. То же самое можно сказать и про Плюшкина.

Подобное объясненіе того или иного характера предполагаетъ конечно, прекрасное знакомство автора съ той общественной средой въ которой вращается, или съ которой тѣсно связано узами происхожденія то или иное лицо. Говоря про Манилова, Собакевича, Коробочку, Плюшкина, Гоголь освѣщаетъ ихъ характеры изображеніемъ помѣщичьяго быта того времени; то же надо сказать и о городскомъ, въ частности чиновничьемъ мірѣ. Изобразивъ, напримѣръ, порядокъ дѣлопроизводства въ губернскомъ судѣ, Гоголь тѣмъ самымъ далъ намъ ключъ къ уразумѣнію характеровъ служащихъ тамъ; какъ, напримѣръ, прозрачна и ясна стала личность полиціймейстера, „этого въ нѣкоторомъ родѣ, отца и благодѣтеля города“, послѣ пирушки у него!

Эти двѣ особенности въ изображеніи характеровъ Гоголевскихъ героевъ дѣлаетъ ихъ психологическими типами, обращаетъ ихъ имена, несмотря на ихъ полную жизненность и правдивость, или скорѣе, благодаря ей, въ нарицательныя; но они представляютъ собой не олицетвореніе какого-либо одного человѣческаго свойства, это не тѣ искусственные ярлычки, которые можно было наклеивать героямъ ложно-классической поэзіи съ надписями: мудрецъ, зло-

дѣй, добродѣтельный человѣкъ; это не воображаемые, а живые люди, въ которыхъ полно отразились тѣ или иныя специфическія черты. Въ герояхъ Гоголя, правда, преобладаютъ отрицательныя черты характера, но ни одинъ изъ нихъ не лишенъ тѣхъ или другихъ положительныхъ качествъ, ибо въ жизни не можетъ быть абсолютно порочныхъ, какъ не можетъ быть абсолютно добродѣтельныхъ людей—а истинно художественнымъ творчество можетъ быть только тогда, когда оно является отраженіемъ дѣйствительной, реальной жизни. И въ этомъ смыслѣ Гоголь является именно идеальнымъ художникомъ-реалистомъ. Кто не связываетъ извѣстнаго яркаго представленія съ именемъ Манилова, Собакевича, Коробочки, Ноздрева? Вѣдь, гораздо проще называть эти имена, чѣмъ пускаться въ отвлеченныя разсужденія о различныхъ чертахъ человѣческаго характера: эти имена стали нарицательными, они всѣмъ понятны, и это лучшее доказательство того, что они созданы геніемъ.

Но не всѣ типы удались Гоголю въ „Мертвыхъ душахъ“: если типы перваго тома поэмы достигли высшей точки художественнаго совершенства, то этого нельзя сказать о типахъ второй части поэмы, окончательно не обработанной авторомъ. Здѣсь мы встрѣтимся и съ блѣдными надуманными образами, каковы: Костанжогло, Муразовъ, Улинька. Но въ то же время ярко бросается въ глаза и существенное отличіе ихъ отъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ: въ противоположность отрицательнымъ типамъ первой части поэмы, они типы положительные, они—представители лучшихъ, идеальныхъ стремленій человѣческой природы. Но тутъ-то и обнаружилась ахиллесова пята Гоголевскаго таланта: тогда какъ Пушкинъ изображалъ преимущественно эстетическую сторону дѣйствительности, Гоголь, наоборотъ, удачно изображалъ только отрицательную жизнь; въ силу свойствъ своего таланта, онъ былъ поэтомъ дурныхъ сторонъ жизни, поэтомъ мрачной дѣйствительности, поэтомъ „страшной, потрясающей тины мелочей, опутавшихъ нашу жизнь“. Поэтому онъ могъ въ совершенствѣ изобразить только характеры отрицательные.

Русское чиновничество по „Ревизору“ Гоголя.

Планъ.

Вступленіе. Комедія Гоголя „Ревизоръ“, какъ источникъ знакомства съ русскимъ чиновничествомъ дореформеннаго времени.

Изложеніе. Характеристика русскаго чиновничества по „Ревизору“ Гоголя:

1) злоупотребленіе властью и взяточничество, какъ принципъ,
2) недобросовѣстное отношеніе къ службѣ,
3) некультурность чиновничества,
4) низменность его интересовъ и отсутствіе какихъ бы то ни было духовныхъ запросовъ.

Заключеніе. Общая оцѣнка русскаго до-реформеннаго чиновничества, какъ оно изображается въ „Ревизорѣ“ Гоголя.

Молчалинъ и Чичиковъ.

Планъ.

Вступленіе. Молчалинъ изъ „Горя отъ ума“ и Чичиковъ изъ „Мертвыхъ душъ“—оба дѣльцы-карьеристы.

Изложеніе. I) Черты сходства въ характерахъ Молчалина и Чичикова:

1) у обоихъ одинаковые жизненные идеалы (стремленіе къ богатству и знатности),
2) оба—грубые эгоисты,
3) оба—энергичны въ преслѣдованіи поставленныхъ себѣ цѣлей и одинаково неразборчивы въ средствахъ, коими разсчитываютъ добиться осуществленія этихъ цѣлей.
4) оба безсовѣстны и лишены самолюбія.

II) Черты различія въ характерахъ Молчалина и Чичикова:

1) Молчалинъ—человѣкъ ограниченный, Чичиковъ—человѣкъ умный и сообразительный,
2) Молчалинъ грубъ въ обращеніи съ людьми, Чичиковъ—мастеръ „тонкаго обращенія“: онъ умѣетъ подойти къ людямъ,
3) Молчалинъ—человѣкъ душевно черствый; Чичикову же доступны нѣкоторыя добрыя чувства.

Заключеніе. Сравнительная оцѣнка типовъ Молчалина и Чичикова.

Пушкинъ и Гоголь, какъ писатели.

Планъ.

Вступленіе. Пушкинъ и Гоголь—родоначальники художественно реалистическаго направленія въ русской литературѣ.

Изложеніе. I) Черты сходства Пушкина и Гоголя, какъ писателей:

1) реализмъ творчества,
2) ихъ одинаковый взглядъ на искусство и его значеніе.

II) Черты различія Пушкина и Гоголя, какъ писателей:

1) Пушкинъ—поэтъ преимущественно эстетической стороны дѣйствительности, Гоголь—поэтъ преимущественно мрачной, отрицательной дѣйствительности,
2) тяготѣніе Пушкина къ сюжетамъ историческаго прошлаго, а Гоголя—къ настоящему,
3) склонность Пушкина къ величаво-спокойному, безстрастному, эпическому созерцанію дѣйствительности и страстно лирическое отношеніе къ ней Гоголя,
4) моралистическія тенденціи въ творчествѣ Гоголя и отсутствіе таковыхъ въ творчествѣ Пушкина.

Заключеніе. Сравнительная оцѣнка Пушкина и Гоголя, какъ писателей.

Идиллическій міръ въ изображеніи Гоголя.

(Повѣсть «Старосвѣтскіе помѣщики»).

Планъ.

Вступленіе. Повѣсть Гоголя „Старосвѣтскіе помѣщики", какъ прекрасный примѣръ литературныхъ произведеній идиллическаго характера.

Изложеніе. Идиллическая жизнь помѣщиковъ по повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики":

1) пошлость и безсодержательность ихъ жизни;
2) отсутствіе какихъ бы то ни было высшихъ духовныхъ запросовъ и предразсудки;
3) полное матеріальное довольство и отсутствіе какихъ либо заботъ;
4) ѣда, питье и сонъ, какъ исключительное содержаніе ихъ жизни;
5) добродушное гостепріимство.

Заключеніе. Юмористическій характеръ изображенія идиллическаго міра, по отношенію къ главнымъ героямъ повѣсти.

Типичныя черты Гоголя, какъ художника-поэта.

Планъ.

Вступленіе. Гоголь—продолжатель литературнаго направленія, родоначальниками котораго были въ русской литературѣ Пушкинъ и Лермонтовъ.

Изложеніе. Типичныя черты Гоголя, какъ писателя:

1) тонкая и мѣткая наблюдательность при созерцаніи дѣйствительности;
2) горячая любовь поэта къ родинѣ и согражданамъ;
3) искреннее желаніе служить пользѣ родины своимъ художественнымъ словомъ;
4) искренняя глубина чувства, сожалѣніе къ изображаемымъ героямъ и задушевность;
5) высоконравственныя убѣжденія;
6) вполнѣ развитой эстетическій вкусъ.

Заключеніе. Вліяніе Гоголя на дальнѣйшее развитіе русской литературы.

Юморъ Гоголя.

Планъ.

Вступленіе. 1) Нравственное и воспитательное значеніе воспроизведенія безобразнаго въ искусствѣ. 2) Три ступени въ развитіи Гоголевскаго юмора.

Изложеніе. Юморъ Гоголя:

1) осмѣяніе имъ пошлости и убожества русской жизни,
2) слезы, скользящія въ смѣхѣ поэта,
3) надежды на возрожденіе, какъ смягченіе горечи этихъ слезъ..

Заключеніе. Общая оцѣнка Гоголя, какъ писателя-юмориста.

Искусства оказываютъ огромное нравственное вліяніе на людей, не только при изображеніи прекраснаго, но и при воспроизведеніи безобразнаго, потому что отрицательнымъ путемъ, доказательствомъ отъ противнаго они внушаютъ человѣку стремленіе къ противоположному тому, что представляетъ непроглядная дѣйствительность. Подъ перомъ или кистью истиннаго художника печальныя и темныя стороны жизни, типы самыхъ порочныхъ и пошлыхъ лицъ получаютъ такую окраску, что, пробуждая въ людяхъ сознаніе, невольно вселяютъ въ ихъ душу стремленіе ко всему высокому, прекрасному и нравственному. Благотворное воздѣйствіе на читателя достигается авторомъ въ томъ случаѣ, если писатель относится къ явленіямъ жизни не только со строгостью бичующаго моралиста, но и сочувствіемъ и гуманностью человѣка, если, рисуя печальную, грязную обстановку и указывая на различныя ея жертвы, самъ лично соболѣзнуетъ о ней и своимъ сочувствіемъ къ падшимъ вызываетъ на ряду съ чувствомъ отвращенія другія добрыя качества и участіе.

Такъ отрицательное изображеніе жизни, умственно развивая человѣка обнаруженіемъ, оборотной стороны медали, способствуетъ его нравственному подъему и, благодаря такому вліянію своему, оказываетъ громадное воспитательное значеніе.

Въ поэзіи въ данномъ случаѣ является смѣхъ писателя-юмориста: онъ является вѣрнымъ средствомъ къ искорененію людскихъ несовершенствъ и недостатковъ, личныхъ и общественныхъ. Такимъ писателемъ-юмористомъ былъ Гоголь. Въ противоположность Пушкину, Гоголь, по характеру своего дарованія, призванъ былъ выставлять темныя отрицательныя стороны жизни и потому лучше всѣхъ цѣнилъ юморъ. Юморъ, какъ черту характера, какъ особую склонность ума и характера, роднитъ съ сатирическимъ отношеніемъ къ людямъ и ихъ жизни свойственный имъ обоимъ смѣхъ. Смѣхъ, дѣйствительно, является однимъ изъ составныхъ частей юмора. Но смѣхъ писателя—не тотъ обыкновенный смѣхъ, который нерѣдко служитъ для забавы или для причиненія обиды какому нибудь лицу: даже проникнутый не любовнымъ сочувствіемъ, а суровый негодованіемъ, онъ весь пропитанъ любовью и состраданіемъ къ тяжелому положенію ближняго, желаніемъ исправить и спасти несчастнаго.

Гоголевскій смѣхъ въ послѣдовательномъ развитіи писательской дѣятельности юмориста прошелъ три ступени, принимая, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе серьезный тонъ. Первая ступень есть тотъ заразительный добродушный, вполнѣ безобидный смѣхъ, который слышится въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“: въ

немъ Гоголь выражаетъ свою задушевную любовь къ изображаемому имъ быту малороссійскихъ хлопцевъ, парубковъ и дивчинъ и совершенно не предается размышленіямъ о ненормальныхъ его сторонахъ, хотя бы о той тьмѣ, о тѣхъ условіяхъ жизни, которыя порождаютъ предразсудки и суевѣрія; напротивъ, эти самыя суевѣрія онъ окутываетъ какой-то романтической дымкой поэтичности, такъ что жизнь производитъ на читателя увлекающее чарующее впечатлѣніе. Здѣсь, выражаясь словами А. К. Бороздина, смѣхъ Гоголя есть „юморъ матери, съ любовной улыбкой слѣдящей за проказами своего очень милаго ребенка“.

Гораздо серьезнѣе становится юморъ Гоголя въ „Миргородѣ“ Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ и въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ смѣхъ Гоголя принимаетъ грустное настроеніе; въ немъ чувствуется то досада поэта, то сострадані къ людямъ. Болѣе мрачный оттѣнокъ принимаетъ юморъ нашего писателя въ петербургскихъ повѣстяхъ. Теперь, выражаясь собственными словами юмориста, онъ считаетъ своей обязанностью выражать „не дѣтскія мысли, но мысли высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія“. Въ „Шинели“ обращеніе Акакія Акакіевича къ сослуживцамъ—чиновникамъ со словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ ложится тяжелымъ камнемъ на сознаніе читателя: совѣсть послѣдняго испытываетъ мучительныя чувства при мысли объ ужасахъ современной жизни и безчеловѣчіи современнаго общества. Въ этой повѣсти предъ нами поэтъ гуманистъ, возстающій на защиту попираемаго человѣческаго достоинства униженныхъ и оскорбленныхъ, людей несчастныхъ, обездоленныхъ въ общемъ жизненномъ теченіи, и дальнѣйшее развитіе повѣсти, при свѣтѣ этого гуманизма и человѣколюбія, важно не столько изображеніемъ смѣшныхъ чертъ героя, сколько указаніемъ въ немъ проблесковъ высшей человѣческой природы, подавляемыхъ его положеніемъ; и поэтому, чѣмъ дальше вглубь повѣсти, тѣмъ болѣе растетъ наша жалость къ бѣдному чиновнику, а вмѣстѣ съ тѣмъ, зарождается чувство негодованія противъ угнетенія и угнетателей.

Теперь мы поднимемся на послѣднюю ступень развитія Гоголевскаго юмора, когда онъ становится настроеніемъ весьма сложнымъ, настроеніемъ, обнимающимъ въ созерцаніи автора важнѣйшія явленія общественной жизни. Возмутительный міръ пошлости и безнравственности, міръ людей, попирающихъ и унижающихъ самыя священныя права человѣческой личности, все святое въ человѣкѣ,—предстаетъ предъ нами во всей своей ужасающей правдѣ въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ душахъ“.

Чѣмъ строже юмористъ смотрѣлъ на данное ему свыше средство—способность смѣяться въ своемъ художественномъ словѣ, тѣмъ скорѣе уходилъ онъ изъ области фантазіи въ міръ реальный, тѣмъ скорѣе приближался онъ къ жизненной правдѣ и истинѣ.

Надъ чѣмъ же смѣется Гоголь въ своихъ произведеніяхъ, въ чемъ сущность его юмора?—Гоголь осмѣиваетъ бѣдность духов-

наго содержанія русской жизни и пошлость размножившихся въ ней пошлыхъ людей. Поэтъ всматривался въ окружавшую его жизнь и жадно искалъ въ ней воплощенія своихъ идеаловъ добра и правды; но тщетно: онъ искалъ своихъ идеаловъ въ учрежденіяхъ и людскихъ отношеніяхъ, онъ искалъ величія и благородства въ людяхъ, но не находилъ ни въ тѣхъ, ни въ другихъ ничего, кромѣ лжи и зла, различныхъ несовершенствъ, типы мелочей и духовной нищеты,—и это несоотвѣтствіе между идеаломъ и дѣйствительностью рождало въ немъ смѣхъ по адресу послѣдней. Но смѣясь надъ замѣчаемымъ имъ глубокимъ нравственнымъ паденіемъ человѣка, исказившаго свой чудный образъ, Гоголь продолжалъ любить этого человѣка и не чувствовалъ веселья. Гоголь смѣялся, но это не былъ такой смѣхъ, который оскорбляетъ и издѣвается надъ личностью—это былъ смѣхъ, выражаясь его собственными словами, свѣтлый, благородный, честный, сердечный и серьезный; такой примиряющій смѣхъ свойственenъ только писателю человѣчному. Гоголь смѣялся, но сквозь его смѣхъ, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе проступали слезы, „незримыя, невѣдомыя міру слезы". Проходя мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ „печальной своей дѣйствительностью" и рѣшаясь „силою неумолимаго рѣзца выставить ярко и выпукло на всенародныя очи страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ"..., Гоголь душевно болѣлъ за Русь и за русскаго человѣка, и въ глубинѣ его смѣха таились „горячія искры вѣчной могучей любви".

Въ своихъ повѣстяхъ: „Старосвѣтскіе помѣщики", „Шинель", „Тарасъ Бульба" и др., а также въ „Ревизорѣ" и „Мертвыхъ душахъ" Гоголь остался вѣренъ выставленнымъ имъ принципамъ писателя-юмориста. Вмѣстѣ съ подробнымъ изображеніемъ „темнаго царства", грубыхъ проявленій крѣпостного права, господствующихъ въ обществѣ лжи, пустоты, невѣжества и другихъ пороковъ, онъ глубоко-лирическимъ тономъ выражаетъ свое недовольство современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и сочувствуетъ, сострадаетъ старосвѣтскимъ помѣщикамъ, Манилову, Сабакевичу, Плюшкину и даже Чичикову. Поэтъ не ограничивается указаніемъ ихъ дурныхъ свойствъ и пошлой жизни, но въ то же время выясняетъ причины ихъ общечеловѣческой слабости и нравственной несостоятельности. Въ такомъ отношеніи автора къ отрицательнымъ типамъ скрываются авторское снисхожденіе и человѣколюбіе.

Что же заставляло Гоголя смѣяться? Что же заставляло его подавлять въ себѣ слезы скорби и печали о поруганномъ образѣ человѣческомъ и смѣяться надъ своими героями, этими „прорѣхами на человѣчествѣ", какъ онъ назвалъ, напримѣръ, Плюшкина?—Гоголь смотрѣлъ на свой смѣхъ, какъ на прекрасное средство борьбы со зломъ: онъ надѣялся, что осмѣяніемъ отрицательныхъ сторонъ русской жизни онъ заставитъ людей встряхнуться, опомниться, раскаяться и исправиться. Поэтъ-художникъ Гоголь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ-моралистомъ. Въ гордомъ сознаніи

этихъ своихъ намѣреній Гоголь былъ правъ, когда говорилъ, что его смѣхъ—„высокій, восторженный смѣхъ“ и „что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха“! Вѣра въ постоянную возможность возрожденія человѣка, которую всегда питалъ нашъ великій юмористъ—эта вѣра всегда оправдывала „смѣхъ сквозь слезы“ Гоголя, она дѣлала этотъ смѣхъ внутренно правдивымъ и лишеннымъ противорѣчій. Гоголь никогда не зналъ и не проявлялъ негодованія сатирика, который бичуетъ злого человѣка, не замѣчая въ немъ ничего добраго и свѣтлаго и не вѣруя въ его нравственное исправленіе. Нѣтъ, Гоголь всегда относился съ жалостью къ тому, надъ кѣмъ смѣялся, и всегда умѣлъ найти даже въ самомъ дурномъ человѣкѣ какое-нибудь доброе побужденіе, какую-нибудь „искру Божію“. Осмѣивая, онъ умѣлъ вложить въ свой смѣхъ состраданіе и сочувствіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ; выставляя зло „на всенародныя очи“, онъ умѣлъ внушить любовь къ правдѣ и добру. И еще одну заслугу усматривалъ Гоголь въ своемъ смѣхѣ: онъ видѣлъ въ немъ способность примирять честныхъ людей съ жизнью, такъ какъ видъ осмѣяннаго зла уже не родитъ въ душѣ наблюдателя отчаянія, а даетъ ей новыя силы къ борьбѣ за добро и улучшеніе жизни.

Таковъ юморъ, этотъ внушающій отвращеніе ко злу и любовь къ людямъ „смѣхъ сквозь слезы“. Если въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Гоголя царитъ легкій безпечный смѣхъ юности, охотно подмѣчающей комическія стороны окружающей ее жизни и тѣша щейся этимъ смѣхомъ, и лишь изрѣдка мелькаетъ въ нихъ то здѣсь, то тамъ нотка грусти и печали, то въ дальнѣйшемъ все скорбнѣе, все грустнѣе становится смѣхъ Гоголя и, начиная съ „петербургскихъ повѣстей“, онъ выступаетъ, какъ «юмористъ», какъ „учитель жизни“; онъ смѣется, но уже болѣетъ душой надъ осмѣяннымъ, онъ смѣется уже „горькимъ смѣхомъ“.

Что далъ Гоголь русскому обществу и русской литературѣ, какъ юмористъ? Его воспитательное и моральное значеніе огромно: внушая любовь и уваженіе къ человѣческой личности, „къ чудному образу человѣка“, Гоголь пробуждалъ въ читателяхъ гуманныя чувства и въ частности жажду улучшенія русской жизни, упорядоченія общественнаго строя. Идея гуманности была завѣтомъ Гоголя-юмориста новѣйшей русской литературѣ, и она приняла этотъ завѣтъ и свято его исполнила.

Логика.

VIII. Непосредственное умозаключеніе.

Высшей работой сознанія, высшей нормой мышленія является образованіе *умозаключенія*, или такое *соединеніе* двухъ или болѣе *сужденій, которое съ неизбѣжностью приводитъ къ принятію новаго сужденія, какъ вывода изъ прежде извѣстныхъ, данныхъ сужденій*. При этомъ новое сужденіе, полученное въ результатѣ умозаключенія, называется *заключеніемъ*, а тѣ сужденія, изъ которыхъ это „заключеніе" выведено называются *посылками*, а также *предпосылками*. Такъ, изъ двухъ „посылокъ" „всѣ люди—смертны" и „чиновники—люди" мы выводимъ „заключеніе", что „чиновники — смертны". На чемъ основывается свойственная „умозаключенію" неизбѣжность выведенія „заключенія" изъ „предпосылокъ"? Она основывается на томъ, что въ „умозаключеніи" соединяются не любыя, случайно пришедшія въ голову сужденія, а находящіяся въ извѣстномъ соотношеніи между собою сужденія объ одномъ и томъ же предметѣ, событіи или явленіи или объ одномъ и томъ же кругѣ (классѣ) предметовъ, событій или явленій. (О соотношеніи различныхъ „видовъ" сужденій мы говорили въ предыдущей главѣ).

Присматриваясь къ нашему примѣру „умозаключенія", не трудно замѣтить, что въ немъ „заключеніе" выведено изъ первой „посылки" съ помощью, посредствомъ второй „посылки": безъ промежуточнаго, посредствующаго сужденія „чиновники—люди" мы не могли бы вывести изъ сужденія „всѣ люди—смертны" новое сужденіе „чиновники—смертны". Такой процессъ выведенія „заключенія" изъ одной „посылки" посредствомъ сопоставленія, соединенія съ ней другой „посылки" (или ряда другихъ „посылокъ") называется *посредственнымъ умозаключеніемъ*, и въ дальнѣйшемъ мы остановимся на каждомъ изъ „видовъ" [1]) посредственнаго умозаключенія въ отдѣльности. Предварительно, однако, необходимо обратить вниманье на довольно многочисленные случаи такъ называемаго *непосредственнаго умозаключе-*

---

[1]) Такими «видами» посредственнаго умозаключенія являются: 1) дедуктивное умозаключеніе, 2) индуктивное умозаключеніе и 3) умозаключеніе по аналогіи.

нія или выведенія новаго сужденія (заключенія) изъ даннаго сужденія безъ посредства третьяго (промежуточнаго) сужденія.

Въ „непосредственномъ умозаключеніи мы имѣемъ, повидимому, *только одну „посылку“ и „заключеніе“. Но это—только „повидимому“*, въ дѣйствительности же вторая, посредствующая „посылка“ имѣется и въ непосредственномъ умозаключеніи, но — въ силу особенной привычности и несомнѣнности для нашего сознанія заключенной въ ней мысли—наше сознаніе пользуется этой „посылкой“ такъ легко и быстро, что это ускользаетъ отъ нашего вниманья (точно такъ же, какъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упражненія въ согласованіи—въ родѣ, числѣ и падежѣ—опредѣленія съ опредѣляемымъ словомъ и въ родѣ и числѣ—сказуемаго съ подлежащимъ, мы затѣмъ, сами того не замѣчая, продолжаемъ выполнять всѣ эти правила согласованія въ продолженіе всей жизни: наше сознаніе продѣлываетъ свою *привычную* работу такъ быстро, что она ускользаетъ отъ нашего вниманія. Само собою разумѣется, вдумавшись въ каждый образецъ „непосредственнаго умозаключенія“, мы всегда можемъ обнаружить въ немъ соотвѣтственную (ускользнувшую отъ вниманія) посредствующую „посылку“. Возьмемъ для примѣра „непосредственное умозаключеніе“: „Всѣ учащіеся любятъ каникулы; гимназисты, слѣдовательно, также любятъ каникулы“; легко замѣтить, что здѣсь между „посылкой“ и „заключеніемъ“ подразумѣвается промежуточная „посылка“ (слишкомъ привычная мысль), что „гимназисты—часть учащихся“.

Дѣленіе непосредственныхъ умозаключеній. Обычно различаются слѣдующіе „виды“ непосредственнаго умозаключенія: 1) умозаключеніе *по подчиненности* соотвѣтственныхъ сужденій, 2) умозаключеніе *по противорѣчивости* соотвѣтственныхъ сужденій, 3) умозаключеніе *по подчиненно-противорѣчивости* соотвѣтственныхъ сужденій, 4) *превращеніе* и 5) *обращеніе.*

Умозаключеніе по подчиненности имѣетъ мѣсто всякій разъ, когда мы отъ истинности общеутвердительнаго сужденія заключаемъ къ истинности соотвѣтственнаго частно-утвердительнаго или отъ ложности частно-утвердительнаго сужденія заключаемъ къ ложности соотвѣтственнаго обще-утвердительнаго: Примѣры: 1) Всѣ учащіеся любятъ каникулы; гимназисты, слѣдовательно, также любятъ каникулы. 2) Ложно, что нѣкоторыя дѣти родятся образованными; ложно, слѣдовательно, и то, что всѣ дѣти родятся образованными.

Умозаключеніе по противорѣчивости имѣетъ мѣсто тогда, когда мы отъ истинности обще-утвердительнаго сужденія заключаемъ къ ложности соотвѣтственнаго обще-отрицательнаго или наоборотъ или отъ ложности частно-утвердительнаго сужденія заключаемъ къ истинности соотвѣтственнаго частно-отрицательнаго сужденія или наоборотъ. Примѣры: 1) Вѣрно, что всѣ люди—смертны; слѣдовательно, не вѣрно, что всѣ люди—не смертны. 2) Ложно, будто нѣкоторыя дѣти родятся грамотными; слѣдовательно, истинно, что нѣкоторыя дѣти не родятся грамотными.

Умозаключенiе по подчиненно-противорѣчивости имѣетъ мѣсто всякiй разъ, когда отъ истинности обще-утвердительнаго сужденiя мы заключаемъ къ ложности соотвѣтственнаго частно-отрицательнаго сужденiя или наоборотъ. Примѣръ: не вѣрно, что всѣ интеллигенты—добры; вѣрно, слѣдовательно, что нѣкоторые интеллигенты—не добры.

Превращенiе есть умозаключенiе отъ одного сужденiя къ другому, равнозначащему ему и отличающемуся отъ него лишь формой, то есть умозаключенiе отъ утвердительнаго сужденiя къ равнозначащему отрицательному или наоборотъ. Примѣры: 1) Всѣ книги — интересны; слѣд., всѣ книги — не суть неинтересны. 2) Ни одно существо не можетъ быть названо вѣчнымъ; слѣд., всѣ существа могутъ быть названы не-вѣчными.

Обращенiе есть умозаключенiе отъ истинности или ложности одного сужденiя къ истинности или ложности другого сужденiя, „подлежащимъ" котораго является „сказуемое" перваго сужденiя, а „сказуемымъ"—„подлежащее" перваго сужденiя. Примѣры: 1) Всѣ рабочiе живутъ заработной платой за свой физическiй трудъ; слѣд., всѣ живущiе заработной платой за свой физическiй трудъ—рабочiе. 2) Всѣ служащiе на государственной службѣ имѣютъ право на пенсiю; слѣд., всѣ имѣющiе право на пенсiю находятся на государственной службѣ. Не трудно замѣтить, что первое умозаключенiе—вѣрно, а второе—невѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, вдовы и дѣти чиновниковъ, имѣющiя право на пенсiю не находятся, тѣмъ не менѣе, на государственной службѣ, и правильно было бы только такое обращенiе: „слѣд., нѣкоторыя изъ имѣющихъ право на пенсiю лицъ находятся на государственной службѣ". Вѣдь въ „обращаемомъ" сужденiи („всѣ находящiеся на государственной службѣ имѣютъ право на пенсiю") объемъ „подлежащаго" („всѣ находящiеся на государственной службѣ") меньше объема „сказуемаго" („имѣющiе право на пенсiю"). Напротивъ, въ первомъ нашемъ примѣрѣ объемъ „подлежащаго" обращаемаго сужденiя равенъ объему его „сказуемаго", отчего и умозаключенiе посредствомъ „обращенiя" дало вѣрный результатъ. Къ сожалѣнiю, люди не рѣдко злоупотребляютъ умозаключенiемъ посредствомъ „обращенiя", не обращая вниманiя на то, что „подлежащее" и „сказуемое" обращаемыхъ ими сужденiй имѣютъ различный объемъ. Вотъ одинъ изъ ходячихъ примѣровъ такого злоупотребленiя: замѣтивъ, что „всѣ генiи имѣли большiя странности", заключаютъ, что „всѣ, имѣщiе большiя странности,— генiи" (правильнымъ былъ бы, конечно, только выводъ, что „нѣкоторые изъ имѣющихъ большiя странности—генiи").

IX. Дедуктивное умозаключенiе, или силлогизмъ.

Посредственное умозаключенiе называется дедуктивнымъ умозаключенiемъ, или силлогизмомъ тогда, когда одной изъ «посылокъ» служитъ обще-утвердительное или обще-отрицательное сужденiе. Въ „силлогизмѣ", слѣдовательно,

наша мысль идетъ отъ „общаго“ къ „частному“. Примѣръ: всѣ предметы, которые легче воды, не тонутъ въ ней. *Пробка легче воды* слѣд., пробка не тонетъ въ водѣ.

Присмотрѣвшись къ нашему силлогизму, мы видимъ, что „подлежащимъ“ *заключенія* оказывается „подлежащее“ *посылки*, выраженной „частнымъ“ сужденіемъ, а „сказуемымъ“ *заключенія* — „сказуемое“ *посылки*, выраженной „общимъ“ сужденіемъ. Это—характерно для каждаго образца силлогизма. Принято называть „подлежащее“ *заключенія меньшимъ терминомъ*, а „сказуемое“ *заключенія—большимъ терминомъ*; соотвѣтственно, „общее“ сужденіе, содержащее въ себѣ „большій терминъ“, называется *бóльшей посылкой*, а „частное“ сужденіе содержащее въ себѣ „меньшій терминъ“,—*меньшей посылкой*. Что касается „подлежащаго“ бóльшей посылки и „сказуемаго“ меньшей посылки, то они выражаются однимъ и тѣмъ же понятіемъ (въ данномъ примѣрѣ, — „предметъ, который легче воды“), не входящимъ въ составъ „заключенія“ и получающимъ названіе *„средняго термина“*.

Эти названія не случайны: объемъ понятія, играющаго въ силлогизмѣ роль „средняго термина“—меньше, чѣмъ объемъ понятія, служащаго „большимъ терминомъ“ силлогизма, и — больше, чѣмъ объемъ понятія, являющагося въ силлогизмѣ „меньшимъ терминомъ. Кромѣ того, понятіе „средняго термина“ играетъ посредствующую, связывающую роль между понятіями „большаго“ и „меньшаго“ терминовъ: мы можемъ связать въ нашемъ примѣрѣ понятія „пробка“ и „не тонуть въ водѣ“ только благодаря понятію „предметъ, который легче воды“.

Условія правильности силлогизма. Чтобы быть правильнымъ (иначе говоря,—чтобы его „заключеніе“ было правильно выведено), силлогизмъ долженъ удовлетворять слѣдующимъ восьми требованіямъ—условіямъ:

1) *Каждый силлогизмъ долженъ имѣть не менѣе и не болѣе трехъ терминовъ.* Мы видѣли, что съ помощью „средняго термина“ намъ удается связать „меньшій“ и „большій“ термины, въ качествѣ „подлежащаго“ и „сказуемаго“ *заключенія*; будь же у насъ вмѣсто „средняго термина“, равно входящаго и въ „большую посылку“ и въ „меньшую посылку“, два самостоятельныхъ *разнозначащихъ* понятія, — намъ уже невозможно было бы связать „въ заключеніи“ меньшій и большій термины. Примѣръ:

Всѣ предметы, которые легче воды, не тонутъ въ ней.
Пробка — растительный продуктъ.

Никакого заключенія вывести нельзя, такъ какъ нѣтъ посредствующаго термина (4-ый терминъ „растительный продуктъ“ совершенно разнозначущъ съ 3-мъ терминомъ „предметы, которые легче воды“).

2) *Каждый силлогизмъ долженъ имѣть не менѣе и не болѣе трехъ сужденій.* Это условіе вытекаетъ изъ перваго, такъ какъ нельзя размѣстить трехъ „терминовъ“ въ четырехъ сужденіяхъ безъ того, чтобы

два сужденія не составились при этомъ изъ одной и той же пары „терминовъ“, то-есть не совпали бы.

3) *Средній терминъ долженъ быть разумѣемъ во всемъ объемѣ хотя бы въ одной изъ посылокъ.* Это требованіе вытекаетъ изъ той связывающей, посредствующей роли, какую играетъ въ силлогизмѣ „средній терминъ“. Вѣдь, если средній терминъ ни въ одной изъ посылокъ не мыслится въ полномъ своемъ объемѣ, то легко можетъ случиться, что въ то время, какъ въ большей посылкѣ мыслится одна часть его объема, въ меньшей посылкѣ мыслится не эта же самая, а другая часть его объема; это же означало бы, что, вмѣсто одного средняго термина, имѣется (въ скрытомъ видѣ) два *разнозначащихъ* понятія; между тѣмъ, мы уже знаемъ, что въ такомъ случаѣ заключеніе невозможно.

Примѣръ: *Нѣкоторые* люди — безпечны.

Всѣ богачи — люди (но всѣ вмѣстѣ они все-же составляютъ лишь часть объема понятія „люди“!)

Заключеніе невозможно.

Напротивъ, изъ сужденій: „*Всѣ* люди раньше или позже умираютъ“ и „И геніи—люди“ (конечно, лишь часть объема понятія „люди“!) выводится правильное заключеніе, что „и геніи раньше или позже умираютъ“.

4) *Меньшій терминъ долженъ составлять часть объема средняго термина.* Возьмемъ примѣръ силлогизма, неудовлетворяющаго этому требованію.

Всѣ математики любятъ точност .

Ботаники — не математики. Слѣд., ботаники не любятъ точности.

Очевидно, что такое „заключеніе“ — неосновательно: всѣ натуралисты (а въ томъ числѣ и ботаники) любятъ точность не менѣе математиковъ. Да, въ этомъ силлогизмѣ и не можетъ быть основательнаго, вѣрнаго, „заключенія“, такъ какъ въ немъ мысль не идетъ отъ „общаго“ къ „частному“ („ботаники“ не составляютъ части „математиковъ“). Такой силлогизмъ, слѣд., неправиленъ. Напротивъ правиленъ силлогизмъ:

Всѣ математики любятъ точность.

Геометры — математики.

Слѣд., геометры любятъ точность [1]).

5) *Термины, вошедшіе въ посылки не во всемъ своемъ объемъ, должны сохранить неполный объемъ и въ заключеніи.* Такъ, изъ посылокъ:

„Всѣ натуралисты—наблюдательны“ и „Нѣкоторые люди—натуралисты“ нельзя сдѣлать заключенія, что „*всѣ* люди наблюда-

[1]) «Математики»—понятіе «общее» по отношенію къ «частному» (для него) понятію «геометры». Изъ этого (4-го) правила вытекаетъ еще одно (8-ое) правило, формулируемое такъ: *изъ двухъ сужденій можно сдѣлать выводъ только тогда, когда одно изъ нихъ—„общее“, а другое—„частное“ (по отношенію къ первому); изъ двухъ же частныхъ сужденій никакого заключенія вывести нельзя.*

тельны", но можно лишь сдѣлать заключеніе, что „нѣкоторые люди — наблюдательны". Иначе говоря,—„частная" посылка не можетъ служить матеріаломъ для „общаго" заключенія.

6) *Обѣ посылки не могутъ быть отрицательными сужденіями*. Такъ, изъ посылокъ „Левъ — не птица" и „Тигръ — не левъ" нельзя сдѣлать ровно никакого заключенія: средній терминъ не устанавливаетъ никакой положительной связи между меньшимъ и большимъ терминами.

7) *Когда одна изъ посылокъ — отрицательна, заключеніе должно быть отрицательнымъ*. Примѣры:

1) Всѣ люди — не вѣчны.
Петровъ — человѣкъ.
Слѣд., Петровъ — не вѣченъ.

2) Всѣ добрые люди—сочувствуютъ несчастнымъ.
Антоновъ — не добрый человѣкъ,
слѣд., Антоновъ не сочувствуетъ несчастнымъ.

Фигуры силлогизма, Различаются четыре фигуры силлогизма, въ зависимости отъ мѣстонахожденія средняго термина по отношенію къ двумъ другимъ терминамъ. Въ томъ типичномъ силлогизмѣ, образцы котораго мы выше приводили, разсматривая условія правильности силлогизма, средній терминъ служитъ „подлежащимъ" въ большей посылкѣ и „сказуемымъ" — въ меньшей посылкѣ. *Силлогизмъ съ такимъ положеніемъ средняго термина представляетъ 1-ую фигуру силлогизма*. Что касается познавательнаго значенія 1-ой фигуры силлогизма, то (когда большая посылка—„общее" сужденіе, а меньшая посылка — болѣе „частное" и притомъ „утвердительное" сужденіе) она служитъ средствомъ показать примѣнимость того или иного „общаго" положенія къ тому или иному „частному" случаю.

Вторая фигура силлогизма создается такимъ положеніемъ средняго термина, когда онъ служитъ «сказуемымъ» и въ большей и въ меньшей посылкахъ. Примѣръ:

Чуткіе люди щадятъ чужое самолюбіе.
Петровъ не щадитъ чужого самолюбія.
Слѣд., Петровъ—не чуткій человѣкъ.

Эта фигура (когда большая посылка — „общее" сужденіе, а меньшая посылка — болѣе „частное" и притомъ „отрицательное" сужденіе) служитъ средствомъ опровергнуть то или иное ложное „частное" утвержденіе.

Третья фигура силлогизма создается такимъ положеніемъ средняго термина, когда онъ служитъ „подлежащимъ и въ большей и въ меньшей посылкахъ. Примѣръ:

Степановъ — трусливъ.
Степановъ — офицеръ.
Слѣд., не всѣ офицеры — храбры (или: нѣкоторые офицеры — трусливы).

Эта фигура (когда меньшая посылка — „утвердительное" сужденіе, а заключеніе — „частное" сужденіе) служитъ средствомъ до-

казать ложность того или иного „общаго" сужденія или указать на то или иное „исключеніе" изъ „общаго правила".

Четвертая фигура силлогизма создается такимъ положеніемъ средняго термина, когда онъ служитъ (въ порядкѣ, обратномъ 1-ой фигурѣ) *«сказуемымъ» въ большей посылкѣ и «подлежащимъ»—въ меньшей.*

Примѣръ: Всѣ склоненія суть грамматическія формы.
Ни одна грамматическая форма—не геометрическое тѣло
Слѣд., ни одно геометрическое тѣло не есть склоненіе

Будучи слишкомъ искусственнымъ сопоставленіемъ сужденій, 4-ая фигура силлогизма обычно не употребляется.

Модусы силлогизма. Фигуры силлогизма различаются одна отъ другой положеніемъ средняго термина относительно другихъ терминовъ, а *модусы, или «виды» силлогизма различаются одинъ отъ другого тѣмъ, какихъ «видовъ» сужденія* (въ смыслѣ количества, качества и отношенія между S. и P.) *служатъ посылками для того или иного заключенія.* Изъ нѣсколькихъ десятковъ возможныхъ сочетаній различныхъ по количеству и качеству сужденій удовлетворяютъ всѣмъ восьми условіямъ правильности силлогизма лишь 19 сочетаній: 4 модуса силлогизма, построенныхъ по 1-ой фигурѣ; 4 модуса силлогизма, построенныхъ по 2-ой фигурѣ; 6 модусовъ силлогизма, построенныхъ по 3-ей фигурѣ, и 5 „видовъ" силлогизма, построенныхъ по 4-ой фигурѣ.

По 1-й фигурѣ эти модусы таковы:

1) Обще-утвердительное сужденіе.
Обще-утвердительное сужденіе [1]).
Слѣд., обще-утвердительное сужденіе.

2) Обще-отрицательное сужденіе
Обще-утвердительное сужденіе [1]).
Слѣд., обще-отрицательное сужденіе.

3) Обще-утвердительное сужденіе.
Частно-утвердительное сужденіе.
Слѣд., частно-утвердительное сужденіе.

4) Обще-отрицательное сужденіе.
Частно-утвердительное сужденіе.
Слѣд., частно-отрицательное сужденіе.

По 2-й фигурѣ эти модусы таковы:

1) Обще-отрицательное сужденіе.
Обще-утвердительное сужденіе [1]).
Слѣд., обще-отрицательное сужденіе.

2) Обще-утвердительное сужденіе
Обще-отрицательное сужденіе.
Слѣд., обще-отрицательное сужденіе.

3) Обще-отрицательное сужденіе.
Частно-утвердительное сужденіе.
Слѣд., частно-отрицательное сужденіе.

4) Обще-утвердительное сужденіе.
Частно-отрицательное сужденіе.
Слѣд., частно-отрицательное сужденіе.

---

[1]) *Обще*-утвердительное, но *частное* по отношенію къ предыдущему сужденію. Ср. правило 4-е.

По 3-ей фигурѣ эти модусы таковы:

1) Обще-утвердительное сужденіе.
Обще - утвердительное сужденіе [1]).
Слѣд., частно-утвердительное сужденіе.

2) Частно-утвердительное сужденіе.
Обще-утвердительное сужденіе.
Слѣд., частно - утвердительное сужденіе.

3) Обще - утвердительное сужденіе.
Частно-утвердительное сужденіе.
Слѣд., частно-утвердительное сужденіе.

4) Обще - отрицательное сужденіе.
Обще - утвердительное сужденіе [1]).
Слѣд., частно - отрицательное сужденіе.

5) Частно - отрицательное сужденіе.
Обще - утвердительное сужденіе.
Слѣд., частно - отрицательное сужденіе.

6) Обще - отрицательное сужденіе.
Частно-утвердительное сужденіе.
Слѣд., частно - отрицательное сужденіе.

Пяти *схемъ* модусовъ 4-ой фигуры, какъ очень рѣдко употребляемыхъ, мы не приводимъ.

Вводя въ силлогизмъ посылками, кромѣ *категорическихъ* сужденій (разнаго количества и качества), съ которыми мы до сихъ поръ имѣли дѣло, еще и сужденія *условныя* и *раздѣлительныя*, получаемъ новые модусы силогизма: 2 модуса, или вида условныхъ силлогизмовъ, 2 модуса раздѣлительныхъ силлогизмовъ и 4 модуса условно-раздѣлительныхъ силлогизмовъ.

Условнымъ называется такой силлогизмъ, одной изъ посылокъ котораго служитъ условное сужденіе.

Примѣръ конструктивнаго, или утверждающаго модуса условнаго силлогизма:

Если дѣти любятъ родителей, они не огорчаютъ ихъ
Эти дѣти любятъ родителей.
Слѣд., эти дѣти не огорчаютъ родителей.

Въ такомъ силлогизмѣ меньшая посылка утверждаетъ „основаніе“ и тѣмъ самымъ утверждаетъ и „слѣдствіе“. Однако, отрицаніе „основанія“ не даетъ права умозаключать къ отрицанію „слѣдствія“, такъ какъ—мы знаемъ—одно и то же „слѣдствіе“ можетъ быть обусловлено различными причинами („основаніями“).

Примѣръ: Если ученики лѣнятся, они не успѣваютъ.
Этотъ ученикъ не лѣнится.
Нельзя заключить, что этотъ ученикъ успѣваетъ, такъ какъ, и будучи прилежнымъ, онъ можетъ не успѣвать по малоспособности или другой какой-либо причинѣ.

---

[1]) *Обще*-утвердительное, но *частное* по отношенію къ предыдущему сужденію. Ср. правило 4-е).

Примѣръ деструктивнаго, или опровергающаго модуса условнаго силлогизма:

Если дѣти любятъ родителей, они доставляютъ имъ радости.

Эти дѣти не доставляютъ родителямъ радостей.

Слѣд., эти дѣти не любятъ родителей.

Въ такомъ силлогизмѣ меньшая посылка опровергаетъ, отрицаетъ „слѣдствіе“ и тѣмъ самымъ отрицаетъ и „основаніе“. Однако, утвержденіе „слѣдствія“ не даетъ права умозаключать къ утвержденію „основанія“ по той же причинѣ, что одно и то же „слѣдствіе“ можетъ быть обусловлено различными причинами-основаніями.

Раздѣлительнымъ называется такой силлогизмъ, бо́льшей посылкой котораго служитъ раздѣлительное сужденіе.

Примѣръ утверждающе-отвергающаго модуса раздѣлительнаго силлогизма:

Животныя бываютъ или плотоядныя, или травоядныя, или всеядныя.

Это животное—плотоядное.

Слѣд., это животное—не травоядное и не всеядное

Въ этомъ силлогизмѣ меньшая посылка, утверждая одинъ изъ членовъ дѣленія бо́льшей посылки (иначе: одну изъ альтернативъ). приводитъ къ тому, что въ „заключеніи“ отвергаются остальные члены дѣленія бо́льшей посылки (остальныя альтернативы).

Чтобы „заключеніе“ этого модуса силлогизма было правильно, необходимо, чтобы раздѣлительное сужденіе бо́льшей посылки было безошибочно.

Примѣръ отвергающе-утверждающаго модуса раздѣлительнаго силлогизма:

Животныя бываютъ или плотоядныя, или травоядныя, или всеядныя.

Это животное—не плодоядное и не травоядное.

Слѣд., это животное—всеядное.

Въ этомъ силлогизмѣ меньшая посылка, отрицая, отвергая всѣ члены дѣленія (всѣ альтернативы) бо́льшей посылки, кромѣ одной изъ нихъ (кромѣ одной изъ нихъ), приводитъ къ тому, что въ „заключеніи“ утверждается именно этотъ (оставшійся неотвергнутымъ) членъ дѣленія бо́льшей посылки. Условіе правильности этого модуса, или „вида“ силлогизма—то же, что и для предыдущаго.

Условно-раздѣлительнымъ (или лемматическимъ), называется такой силлогизмъ, бо́льшую посылку котораго составляютъ два или болѣе условныхъ сужденія, а меньшую посылку—раздѣлительное сужденіе.

Примѣръ простого конструктивнаго модуса условно-раздѣлительнаго силлогизма:

Если человѣкъ помогаетъ бѣдняку добрымъ дѣломъ, онъ заслуживаетъ похвалы.

Если человѣкъ помогаетъ бѣдняку добрымъ словомъ, онъ заслуживаетъ похвалы.

Но помочь бѣдняку человѣкъ можетъ только либо добрымъ дѣломъ, либо добрымъ словомъ.

Слѣд., и въ томъ, и въ другомъ случаѣ помощи человѣкъ заслуживаетъ похвалы.

Меньшая посылка, утверждая здѣсь „основанія", утверждаетъ и „слѣдствіе", которое *обще* всѣмъ „основаніямъ" бо́льшей посылки. Правильность этого „вида" силлогизма зависитъ отъ правильности образованія составляющихъ посылки сужденій (условныхъ и раздѣлительнаго).

Примѣръ сложнаго конструктивнаго модуса условно-раздѣлительнаго сужденія:

Если ученикъ прилеженъ, онъ заслуживаетъ похвалы.

Если ученикъ лѣнивъ, онъ заслуживаетъ порицанія.

Но ученикъ можетъ быть либо прилежнымъ, либо лѣнивымъ.

Слѣд., ученикъ заслуживаетъ либо похвалы, либо порицанія.

Этотъ „видъ" силлогизма отличается отъ предыдущаго лишь тѣмъ, кто каждому „основанію" въ его бо́льшей посылкѣ соотвѣтствуетъ свое особое „слѣдствіе", и что, благодаря этому, его „заключеніе" принимаетъ видъ раздѣлительнаго сужденія, а не категорическаго.

Примѣръ простого деструктивнаго модуса условно-раздѣлительнаго силлогизма:

Если человѣкъ добръ, онъ всегда поможетъ бѣдняку добрымъ дѣломъ.

Если человѣкъ добръ, онъ всегда поможетъ бѣдняку добрымъ словомъ.

Но Ивановъ не помогаетъ бѣднякамъ ни добрымъ словомъ, ни добрымъ дѣломъ.

Слѣд., Ивановъ—не добрый человѣкъ.

Меньшая посылка, отрицая здѣсь „слѣдствія", отрицаетъ тѣмъ самымъ и „основаніе", которое *обще* всѣмъ „слѣдствіямъ" бо́льшей посылки.

Примѣръ сложнаго деструктивнаго модуса условно-раздѣлительнаго силлогизма:

Если человѣкъ совершаетъ подвиги, его называютъ героемъ.

Если человѣкъ совершаетъ преступленія, его называютъ преступникомъ.

Петрова не называютъ ни героемъ, ни преступникомъ.

Слѣд., Петровъ не совершаетъ ни подвиговъ, ни преступленій.

Этотъ „видъ" силлогизма отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что каждому „слѣдствію" въ его большой посылкѣ соотвѣтствуетъ свое особое „основаніе". Какъ въ предыдущемъ, въ этомъ силло-

гизмѣ меньшая посылка, отрицая „слѣдствія“, тѣмъ самымъ отрицаетъ и ихъ „основанія“.

Сокращенные силлогизмы. Думая силлогизмами, то есть мысленно переходя отъ „общаго“ къ „частному“ посредствомъ вывода сужденія-заключенія изъ двухъ сужденій—посылокъ, мы не всегда полностью высказываемъ (вслухъ или на письмѣ) эти силлогизмы, но *иногда опускаемъ*—для краткости—*одну изъ посылокъ* или *заключеніе,—въ силу ихъ особой очевидности*, облегчающей возстановленіе—если бы понадобилось—опущеннаго. Такіе *неполные силлогизмы называются сокращенными, или энтимемами.*

Возьмемъ полный силлогизмъ:

Всякая добродѣтель заслуживаетъ похвалы
Милосердіе есть добродѣтель.
Слѣд., Милосердіе заслуживаетъ похвалы.

Сократимъ этотъ силлогизмъ, опустивъ бóльшую посылку; получимъ энтимему:

Такъ какъ милосердіе есть добродѣтель, оно заслуживаетъ похвалы.

Сократимъ нашъ силлогизмъ, опустивъ меньшую посылку; получимъ новую энтимему:

Такъ какъ всякая добродѣтель заслуживаетъ похвалы, милосердіе заслуживаетъ похвалы.

Сократимъ нашъ силлогизмъ, опустивъ заключеніе получимъ третью энтимему:

Всякая добродѣтель заслуживаетъ похвалы, а милосердіе есть добродѣтель; слѣд.,...

Особый „видъ“ сокращеннаго силлогизма представляетъ такъ называемая *эпихейрема, или такой силлогизмъ, каждая посылка котораго представляетъ собой не что иное, какъ энтимему.*

Примѣръ: Милосердіе заслуживаетъ похвалы, такъ какъ оно—добродѣтель.

Скрашиваніе послѣднихъ минутъ умирающаго ложью—милосердіе, такъ какъ въ основѣ его лежитъ состраданіе.

Слѣд., скрашиваніе послѣднихъ минутъ умирающаго ложью—заслуживаетъ похвалы.

Меньшая посылка этой эпихейремы (подобно бóльшей посылкѣ) представляетъ энтимему, или сокращенный силлогизмъ съ опущенной бóльшей посылкой. Возстановивъ опущенную бóльшую посылку по сохранившемуся заключенію и среднему термину (что—очень легко!), получимъ такой полный силлогизмъ:

Все, въ основѣ чего лежитъ состраданье,—есть милосердіе.

Скрашиваніе послѣднихъ минутъ умирающаго ложью—имѣетъ въ своей основѣ состраданіе.

Слѣд., скрашиваніе послѣднихъ минутъ умирающаго ложью—есть милосердіе.

Полисиллогизмы. *Полисиллогизмъ, или цѣпь силлогизмовъ получается тогда, когда заключеніе одного силлогизма служитъ посылкой для другого силлогизма, заключеніе послѣдняго—посылкой для третьяго силлогизма и т. д.* При этомъ предшествующій силлогизмъ получаетъ названіе *просиллогизма*, а слѣдующій за нимъ—названіе *эписиллогизма*.

Примѣръ полисиллогизма:

Всѣ люди жаждутъ счастья. Преступники—люди. Слѣд., преступники жаждутъ счастья.	Просиллогизмъ.
Преступники жаждутъ счастья. Воры—преступники. Слѣд., воры жаждутъ счастья.	Эписиллогизмъ. Просиллогизмъ.
Воры жаждутъ счастья. Карманщики—воры. Слѣд., карманщики жаждутъ счастья.	Эписиллогизмъ.

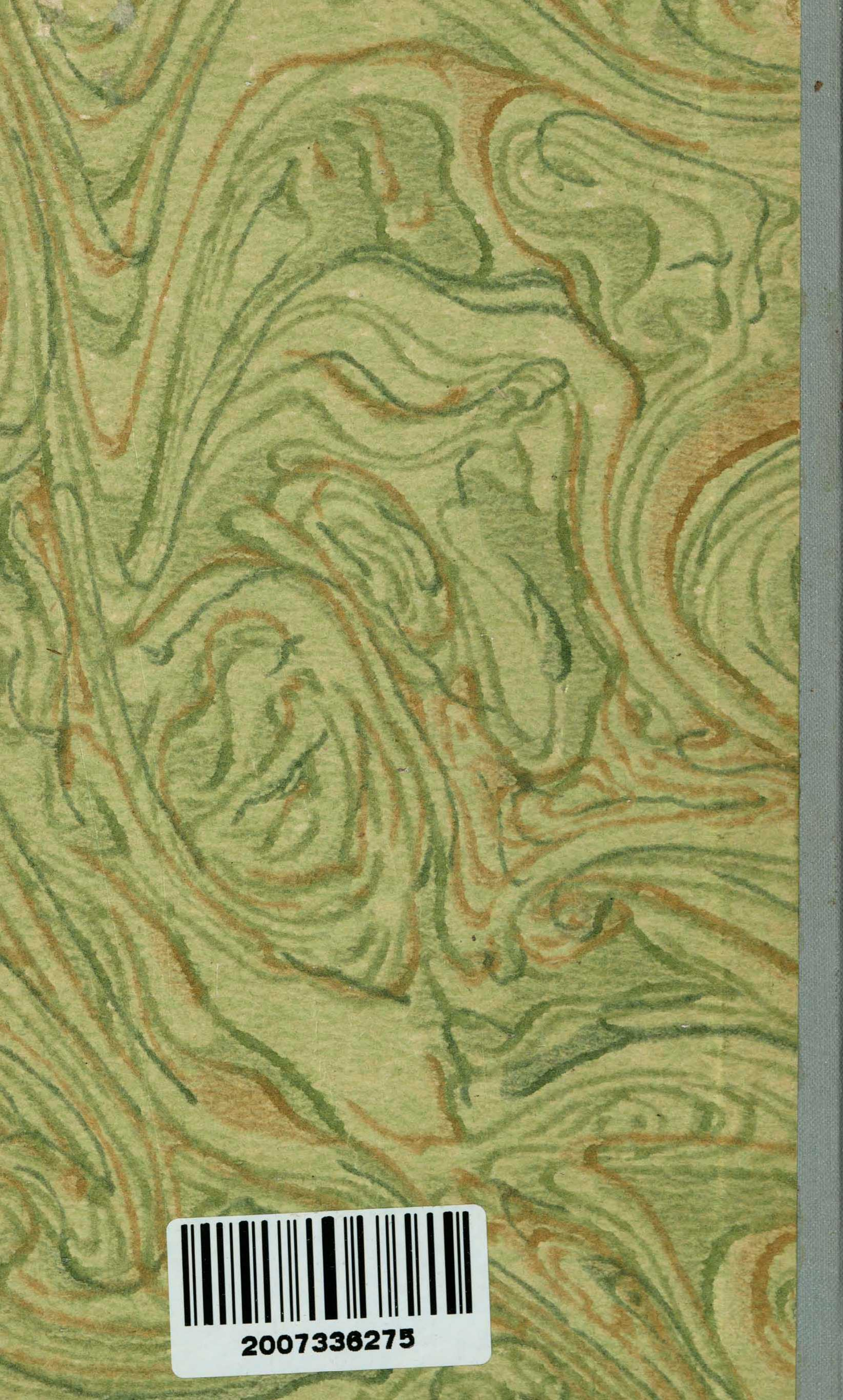
Такой полисиллогизмъ, въ которомъ мысль идетъ отъ „общаго" къ „частному", называется *прогрессивнымъ*. Полисиллогизмъ, въ которомъ мысль идетъ отъ „частнаго" къ „общему", называется *регрессивнымъ*.

Повторительные вопросы и отвѣты.

1. В. Что называется «сужденіемъ», или «мыслью»? О. «Сужденіемъ», или «мыслью» называется такое соединеніе «понятій», съ помощью котораго относительно одного изъ нихъ что-либо утверждается, какъ истинное, или отрицается, какъ ложное. 2. В. Что называется S., или «подлежащимъ» сужденія»? О. S., или «подлежащимъ» сужденія называется то въ сужденіи, относительно чего что-либо утверждается или отрицается. 3. В. Что называется Р., или «сказуемымъ» сужденія? О. Р., или «сказуемымъ» сужденія называется то, что утверждается или отрицается въ сужденіи относительно его S., или «подлежащаго». 4. В. Какъ дѣлятся сужденія на «основаніи» признака «познавательной роли»? О. По своему значенію для познанія сужденія дѣлятся на «аналитическія» и «синтетическія». 5. В. Какія сужденія называются аналитическими? О. Аналитическими называются такія сужденія, въ которыхъ Р. сообщаетъ объ S. то, что уже подразумѣвается въ «содержаніи» послѣдняго, и которыя, въ силу этого, не расширяютъ познанія, а лишь поясняютъ его. 6. В. Какія сужденія называются синтетическими? О. Синтетическими называются такія сужденія, въ которыхъ Р. сообщаетъ объ S. нѣчто новое, въ «содержаніи» послѣдняго не подразумѣваемое, и которыя, въ силу этого, расширяютъ познаніе. 7. В. Какъ дѣлятся сужденія на «основаніи» признака «количества? О. По признаку «количества» сужденія дѣлятся на «общія» и «частныя». 8. В. Какія сужденія называются общими? О. Общими называются такія сужденія, въ которыхъ Р. утверждается или отрицается относительно всего «объема» *S*. 9. В. Какія сужденія называются частными? О. Частными называются такія сужденія, въ которыхъ Р. утверждается или отрицается относительно лишь части «объема» S. 10. В. Какъ дѣлятся сужденія на «основаніи» признака «качества»? О. По признаку «качества» сужденія дѣлятся на «утвердительныя» и «отрицательныя«. 11. В. Какія сужденія называются утвердительными? О. Утвердительными называются такія сужденія, въ которыхъ Р. утверждается относительно S. 12. Какія сужденія называются

отрицательными? О. Отрицательными называются такія сужденія, въ которыхъ Р. отрицается относительно S. 13. В. Какія сужденія создаются соединеннымъ дѣленіемъ по «количеству» и по «качеству»? О. Соединенное дѣленіе сужденій по количеству и по качеству приводитъ къ различенію сужденій: 1) обще-утвердительныхъ (всѣ S. суть Р.), 2) обще-отрицательныхъ (ни одно S. не есть Р.), 3) частно-утвердительныхъ (нѣкоторыя S. суть Р.) и 4) частно-отрицательныхъ (нѣкоторыя S. не суть Р.). 14. В. Какъ дѣлятся сужденія по признаку «отношенія между S и Р»? О. По признаку отношенія между S. и Р. сужденія дѣлятся на «категорическія», «условныя» и «раздѣлительныя». 15. В. Какія сужденія называются категорическими? О. Категорическими называются такія сужденія, въ которыхъ Р. утверждается или отрицается относительно S. безъ оговорокъ и ограниченій. 16. В. Какія сужденія называются условными? О. Условными, или гипотетическими называются такія «парныя» сужденія, во второмъ изъ которыхъ Р. утверждается или отрицается относительно S. съ ограниченіемъ (условіемъ), выраженнымъ въ первомъ сужденіи. 17. В. Какія сужденія называются раздѣлительными? О. Раздѣлительными называются такія сужденія, въ которыхъ либо Р. утверждается или отрицается относительно одного изъ нѣсколькихъ S., либо относительно S. утверждается или отрицается одно изъ нѣсколькихъ Р. 18. В. Какъ дѣлятся сужденія по признаку «модальности», или «степени достовѣрности»? О. По признаку «модальности» сужденія дѣлятся на «проблематическія», «ассерторическія» и «аподиктическія». 19. В. Какія сужденія называются проблематическими? О. Проблематическими называются такія сужденія, въ которыхъ утвержденіе или отрицаніе лишь предположительно имѣетъ достовѣрность лишь вѣроятную. 20. В Какія сужденія называются ассерторическими? О. Ассерторическими называются такія сужденія, въ которыхъ утвержденіе или отрицаніе говоритъ о дѣйствительной достовѣрности, о фактѣ. 21. В. Какія сужденія называются аподиктическими? О. Аподиктическими называются такія сужденія, въ которыхъ утвержденіе или отрицаніе говоритъ о достовѣрности, не только дѣйствительной, но и необходимой, неминуемой. 22. В. Въ какомъ соотношеніи могутъ находиться одно къ другому различныя сужденія съ одинаковыми S. и Р.? О. Различныя сужденія могутъ быть одно относительно другого либо «равнозначащими», либо «подчиненными», либо «противорѣчивыми», либо «подчиненно-противорѣчивыми». 23. В. Какія сужденія называются «равнозначащими»? О. Равнозначащими называются такія сужденія, которыя совпадаютъ и въ «количествѣ» и въ «качествѣ», и которыхъ S. и Р.—соотвѣтственно—«равнозначащія понятія». 24. В. Каково основное свойство равнозначащихъ сужденій? О. Равнозначащія сужденія могутъ замѣнять одно другое, въ зависимости отъ намѣреній говорящаго или пишущаго. 25. В. Какія сужденія называются «подчиненными», и каковы ихъ основныя свойства? О. Подчиненными называются такія сужденія, которыя, совпадая въ «качествѣ», отличаются одно отъ другого «количествомъ». Если «общее» сужденіе истинно, то и соотвѣтственное «частное» сужденіе также истинно, но изъ ложности «общаго» сужденія нельзя дѣлать вывода о ложности и соотвѣтственнаго «частнаго» сужденія. Съ другой стороны, если изъ истинности «частнаго» сужденія нельзя дѣлать вывода объ истинности и соотвѣтственнаго «общаго» сужденія, то изъ ложности «частнаго» сужденія вытекаетъ и ложность соотвѣтственнаго «общаго» сужденія. 26. В. Какія сужденія называются «противорѣчивыми» и каковы ихъ основныя свойства? О. Противорѣчивыми называются такія сужденія, которыя, совпадая въ «количествѣ», отличаются одно отъ другого «качествомъ». Изъ двухъ «общихъ» противорѣчивыхъ сужденій всегда либо одно—истинно, а другое—ложно, либо они оба—ложны. Изъ двухъ «частныхъ» противорѣчивыхъ сужденій всегда либо одно—истинно, а другое—ложно, либо они оба—истинны. 27. В. Какія сужденія называются «подчиненно-противорѣчивыми», и каково его основное свойство? О. Подчиненно-противорѣчивыми называются такія сужденія, которыя отличаются одно отъ другого и «количествомъ» и «качествомъ». Изъ двухъ подчиненно-противорѣчивыхъ сужденій одно—непремѣнно истинно, а другое непремѣнно—ложно. 28. Что такое «умозаключеніе»? Умозаключеніемъ называется процессъ образованія новаго сужденія изъ двухъ или болѣе данныхъ сужденій, находящихся въ такомъ внутреннемъ соот

ношенія, что сопоставленіе ихъ съ неизбѣжностью приводитъ къ выводу этого новаго сужденія. 29. Какъ называются сужденія составляющія умозаключеніе? Сопоставляемыя (извѣстныя) сужденія называются «посылками», или «предпосылками», а новое, изъ нихъ выведенное сужденіе, называется заключеніемъ». 30. На чемъ основывается неизбѣжность выведенія «заключенія» изъ «посылокъ»? На той самоочевидной для насъ истинѣ, или аксіомѣ, что то, что утверждается или отрицается относительно цѣлаго «рода» или «вида» (иначе: «класса») предметовъ, событій или явленій утверждается или отрицается относительно каждаго составляющаго данный «родъ» или «видъ» («классъ») предмета, событія или явленія. 31. Что такое «непосредственное умозаключеніе»? Непосредственнымъ умозаключеніемъ называется такое умозаключеніе, въ которомъ отчетливо мыслится лишь одна посылка и заключеніе, а другая посылка мыслится безотчетно (въ пассивномъ сознаніи), какъ слишкомъ привычная и несомнѣнная для строящаго соотвѣтственное умозаключеніе. 32. Какіе различаются «виды» непосредственнаго умозаключенія? а) «умозаключеніе по подчиненности», когда отъ истинности обще-утвердительнаго сужденія мы заключаемъ къ истинности соотвѣтственнаго частно-утвердительнаго или отъ ложности частно-утвердительнаго сужденія—къ ложности соотвѣтственнаго обще-утвердительнаго; б) «умозаключеніе по противорѣчивости», когда отъ истинности обще-утвердительнаго сужденія мы заключаемъ къ ложности соотвѣтственнаго обще-отрицательнаго или наоборотъ и отъ ложности частно-утвердительнаго сужденія—къ истинности соотвѣтственнаго частно-отрицательнаго сужденія или наоборотъ. в) «умозаключеніе по подчиненно - противорѣчивости», когда отъ истинности обще-утвердительнаго сужденія мы заключаемъ къ ложности соотвѣтственнаго частно-отрицательнаго сужденія или наоборотъ; г) «превращеніе», или умозаключеніе отъ утвердительнаго сужденія къ равнозначащему отрицательному или наоборотъ; д) «обращеніе», или умозаключеніе отъ истинности или ложности одного сужденія къ истинности или ложности другого сужденія, имѣющаго «подлежащимъ»—«сказуемое» перваго сужденія, а «сказуемымъ»—«подлежащее» перваго сужденія. 33. Что такое «посредственное умозаключеніе»? Это—такое умозаключеніе, въ которомъ отчетливо мыслится «посредствующая» посылка, связывающая другую посылку съ заключеніемъ. 34. Что такое «дедуктивное умозаключеніе», или «силлогизмъ»? Силлогизмомъ называется умозаключеніе отъ «общаго» къ «частному», отъ чего одна изъ посылокъ необходимо выражается обще-утвердительнымъ или обще-отрицательнымъ сужденіемъ. 35. Какія части различаются въ силлогизмѣ? а) «Меньшій терминъ» или «подлежащее» заключенія, в) «большій терминъ», или «сказуемое» заключенія, c) «средній терминъ» или понятіе, связывающее меньшій терминъ, съ большимъ, d) «бо́льшая посылка», или «общее» сужденіе съ его большимъ терминомъ, e) «меньшая посылка», или «частное» (по отношенію къ бо́льшей посылкѣ) сужденіе съ его меньшимъ терминомъ, и f) «заключеніе». 36. Какимъ требованіямъ долженъ удовлетворять силлогизмъ, чтобы его заключеніе было правильно? а) Каждый силлогизмъ долженъ имѣть не менѣе и не болѣе трехъ терминовъ; б) каждый силлогизмъ долженъ имѣть не менѣе и не болѣе трехъ сужденій; в) средній терминъ долженъ быть разумѣемъ во всемъ своемъ обьемѣ, хотя бы въ одной изъ посылокъ; г) меньшій терминъ долженъ составлять часть объема средняго термина; д) термины, вошедшіе въ посылки, не во всемъ своемъ объемѣ, должны сохранить неполный объемъ и въ заключеніи; е) обѣ посылки не могутъ быть отрицательными сужденіями; ж) когда одна изъ посылокъ отрицательна, заключеніе должно быть отрицательнымъ; з) обѣ посылки не могутъ быть частными сужденіями, но одна изъ нихъ должна быть общей по отношенію другой.

2007336275